

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ
АКАДЕМИЯ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Научный журнал
2015. № 3 (90)
ISSN 1999-9917

Зарегистрирован Министерством печати и информации Российской Федерации.
Свидетельство о регистрации СМИ № 01891 от 14.12.1992. Выходит 4 раза в год.
Распространяется на территории Российской Федерации.
Авторские материалы рецензируются и не возвращаются.

Все права защищены. Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.
Адрес редакции: 390000, Рязань, ул. Сенная 1. Тел. (факс): (4912) 93-46-40.
E-mail: editor62@yandex.ru.

За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.
Подписка:

Объединенный каталог «Пресса России» – 73800;
Internet-каталог «Российская периодика» (www.arpk.org) – 73800.

Представлен в системе Российского индекса научного цитирования (www.elibrary.ru).
Включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Редакторы *О. В. Боярченкова, О. А. Кейзина, С. О. Коноплева, А. Ю. Пертли, Т. Н. Русакова,*

Перевод *А. О. Алеевская, С. В. Буробина, О. Ф. Варламова, Т. А. Зоткина,
О. М. Киселева, Г. В. Кулакова, М. В. Петрова*
Компьютерная верстка *С. В. Ануфриев*
Ответственный за выпуск *П. Н. Нестеров*

Подписано в печать 28.09.2015. Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 27,87.
Тираж 1500 экз. Заказ № _____.

Редакционно-издательский отдел Академии ФСИН России
390000, Рязань, ул. Сенная 1

Отпечатано: Отделение полиграфии редакционно-издательского отдела Академии ФСИН России
390000, Рязань, ул. Сенная 1

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

КРЫМОВ Александр Александрович, председатель, кандидат юридических наук, доцент (Россия, Рязань);

АНТОНЯН Юрий Миранович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, Москва);

ЗАРИПОВ Зарип Саидович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

ЛЕБЕДЕВ Семен Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, Москва);

МУЗЮКИН Анатолий Павлович, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, Рязань);

НАУМОВ Анатолий Валентинович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва);

ПЛЕШАКОВ Владимир Алексеевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва);

ПОБЕГАЙЛО Эдуард Филиппович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, Рязань);

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва);

ШАТАЛОВ Александр Семенович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГРИШКО Александр Яковлевич, главный редактор, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

РЫЖОВ Роман Сергеевич, заместитель главного редактора, кандидат юридических наук, доцент (Россия, Рязань);

АКСЕНОВА Галина Ивановна, доктор психологических наук, профессор (Россия, Рязань);

БАРАБАНОВ Николай Петрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Россия, Рязань);

БЛИНКОВ Олег Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

ГАВРИЛОВ Борис Яковлевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва);

ИГНАТЕНКО Виктор Иванович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Россия, Рязань);

КАШУБА Юрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

ЛИТВИШКОВ Владимир Михайлович, доктор педагогических наук, профессор (Россия, Рязань);

МАКАРОВА Ольга Владимировна, доктор экономических наук, профессор (Россия, Рязань);

ПОЗДНЯКОВ Вячеслав Михайлович, доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва);

ПОЛИЩУК Николай Иванович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

ПОНИКАРОВ Владимир Анатольевич, доктор юридических наук, доцент (Россия, Рязань);

СУХОВ Анатолий Николаевич, доктор психологических наук, профессор (Россия, Рязань);

СЫЧ Константин Антонович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

ТЮГАЕВА Нина Алексеевна, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Россия, Рязань);

ЧИСТЯКОВ Алексей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

ШУРУХНОВ Николай Григорьевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва);

ЮНУСОВ Абдулжабар Агабалаевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

НЕСТЕРОВ Павел Николаевич, ответственный секретарь (Россия, Рязань).

СОДЕРЖАНИЕ

7 В АКАДЕМИИ ФСИН РОССИИ СОСТОИТСЯ II МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ ФОРУМ

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРАКТИКА

- 11 **ПОНИКАРОВ В. А., ПОНИКАРОВ С. В., БОРИСОВ С. А.** Ответственность по Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях за нарушение административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы
- 15 **ЮНУСОВ А. А., ГУРИЦ С. Д.** Административный контроль как способ исполнения международно-правовых гарантий по содержанию военнопленных
- 20 **ГРИШИН Д. А., СЕНАТОВА Е. В.** К вопросу об ответственности сотрудников уголовно-исполнительной системы за административные правонарушения
- 25 **ПАВЛОВА Л. В.** Правовые аспекты лесопользования учреждениями с особыми условиями хозяйственной деятельности уголовно-исполнительной системы

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

- 32 **ВАЛЕЕВ А. Т.** Право на обжалование судебных решений по уголовным делам в английской национальной правовой системе

ВЕКТОР УПРАВЛЕНИЯ

- 38 **АКСЕНОВ А. А., ПОДЪЯБЛОНСКИЙ П. А.** Нормативно-правовое регулирование аналитической работы в уголовно-исполнительной системе
- 43 **АРТЕМЬЕВ Н. С., МИХАЙЛИН В. В.** К вопросу о совершенствовании правового регулирования деятельности по обеспечению безопасности личности в следственном изоляторе
- 48 **ТЕРЕХИН В. И., ЧЕРНЫШОВ В. В.** К вопросу о миссии, целях и критериях эффективности уголовно-исполнительной системы

ПРЕСТУПЛЕНИЕ – НАКАЗАНИЕ – ИСПРАВЛЕНИЕ

- 53 **БЛИНКОВ О. Е.** Удостоверение завещаний лиц, находящихся в местах лишения свободы, начальниками мест лишения свободы
- 58 **ГОЛОВКИН Р. Б.** Некоторые источники проблем действия уголовно-исполнительного права
- 64 **ЛАЗАРЕВА Л. В.** К вопросу об использовании специальных знаний по уголовным делам в суде второй инстанции
- 70 **МАЛЫШЕВА О. А.** Процессуальный порядок освобождения от наказания в виде лишения свободы при применении акта об амнистии
- 75 **ОСОКИН Р. Б., ЧИРКОВ Е. В.** К вопросу о тенденциях динамики преступлений против общественной нравственности в Рязанской области
- 84 **ШУРУХНОВ Н. Г., АКЧУРИН А. В., ПАНФЕРОВ Р. Г.** Данные о свойствах личности преступника, заказывающего (получающего) наркотические средства, контрабандно перемещаемые в международных почтовых отправлениях
- 90 **БУГАЕВСКАЯ Н. В.** Выполнение публичных функций как признак субъекта коррупционных преступлений
- 95 **ЗВОНОВ А. В.** Система мер уголовно-правового воздействия: сущность и содержание
- 100 **ИЛЬЮК Е. В.** Профилактические меры предупреждения рецидивов со стороны лиц, страдающих психическими расстройствами, не исключающими вменяемости
- 107 **КАЗАКОВ И. А.** Вопросы сравнительного анализа изнасилования и насильственных действий сексуального характера
- 112 **РАСТОРОПОВА О. В.** Гуманизация уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности
- 118 **ФОМИН В. В.** К вопросу об объективных признаках транспортных преступлений
- 121 **ЮЖАНИН Н. В.** Самозащита в гражданском праве

- 126 *АГЕЕВ А. А.* О необходимости введения понятия «уголовный проступок»
- 130 *ЕЛИСЕЕВА Т. С.* Проблемы исполнения медиативного соглашения и правовые механизмы их решения
- 135 *ЕФРЕМОВА О. С.* Проблемы программно-целевого планирования предупреждения преступлений на уровне субъектов Российской Федерации и пути их решения
- 141 *ЗАКАЕВ А. Х.* Субъект преступления и общие условия уголовной ответственности
- 145 *КОЛОМИНОВ В. В.* О способе совершения мошенничества в сфере компьютерной информации
- 150 *КУДОВБА О. Н.* Полномочия суда при решении вопросов о применении к осужденным принудительных мер медицинского характера
- 154 *МАСЛЕННИКОВА Е. А.* Классификация мер предупреждения преступлений лиц, больных хроническим алкоголизмом
- 159 *ПРОТОПОПОВА Е. А.* О правовых средствах предупреждения преступлений со стороны лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях
- 165 *СЕРГЕЕВА Н. В.* Государственный режим как категория современной теории государства и права

СТРАНИЧКА УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

- 170 *ВОЛКОВ Н. А.* Контроль региональных уполномоченных по правам человека за соблюдением прав осужденных в уголовно-исполнительной системе (на примере Кемеровской области)

АНАЛИЗ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

- 175 *ДЯТЛОВ Ю. Н.* Основные направления экономии транспортных расходов уголовно-исполнительных инспекций

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОИСК

- 181 *ЛИТВИШКОВ В. М., ВИЛКОВА А. В.* Побуждение воспитанников к раскаянию в совершенном преступлении
- 185 *ТАМБОВСКИЙ А. Н., РЕКША Ю. М.* К обоснованию универсализации профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы
- 189 *ТЮГАЕВА Н. А.* Физическое воспитание осужденных: актуализация проблемы
- 194 *УШАТИКОВ А. И., ГАНИШИНА И. С.* Личность наркозависимого осужденного и ее особенности
- 198 *ТИХОМИРОВ А. Н., СПАСЕННИКОВ Б. А.* Криминальное поведение и синдром нетерпения
- 200 *АНКУДИНОВ Н. В., ЖАРКИХ А. А., ТРУНТЯГИН А. А.* Психологические особенности курсантов-спортсменов
- 207 *ВАХНИНА В. В.* Психологическое обеспечение стратегий и тактик преодоления кризисов в переговорной деятельности сотрудников органов внутренних дел
- 211 *МАЧКАСОВ А. И., ПАНАРИН Д. А., ПАРШКОВ А. В.* Некоторые аспекты повышения эффективности деятельности субъектов воспитательной работы в сфере профилактики правонарушений и укрепления служебной дисциплины среди личного состава образовательных организаций ФСИН России

216 ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

CONTENTS

7 II INTERNATIONAL PENITENCIARNYY FORUM WILL TAKE PLACE IN ACADEMY OF FSIN OF RUSSIA

ADMINISTRATIVE PRACTICE

- 11 *PONIKAROV V. A., PONIKAROV S. V., BORISOV S. A.* Responsibility for the code of administrative offences for violation of administrative supervision over persons released from prison
- 15 *YUNUSOV A. A., GURITS S. D.* Administrative control as the way of execution of international legal guarantees according to the maintenance of prisoners of war
- 20 *GRISHIN D. A., SENATOVA E. V.* On the problem of responsibility of the penal system staff for administrative violations
- 25 *PAVLOVA L. V.* Legal aspects of forest management agencies with special business environment the penal system

ABROAD

- 32 *VALEEV A. T.* The right for the appeal of judgments on criminal cases in english national legal system

MANAGEMENT VECTOR

- 38 *AKSENOV A. A., PODJYABLONSKY P. A.* Standard and legal regulation of analytical work in penal system
- 43 *ARTEMYEV N. S., MIKHAILIN V. V.* To the question of improvement of legal regulation of security of the person in prison
- 48 *TERYOKHIN V. I., CHERNYSHOV V. V.* On the issues of mission, aims and efficiency criteria of the penal system

CRIME – PUNISHMENT – CORRECTION

- 53 *BLINKOV O. E.* Types of subcontract's in the sphere of rental property
- 58 *GOLOVKIN R. B.* Some sources of problems of action of the criminal and executive right
- 64 *LAZAREVA L. V.* To a question about application of expertise on criminal cases in the court of second instance
- 70 *MALYSHEVA O. A.* Procedural order of release from punishment in the form of imprisonment at application of the act of amnesty
- 75 *OSOKIN R. B., CHIRKOV E. V.* On the question of the trends in crimes against public morality in the Ryazan region
- 84 *SHURUKHNOV N. G., AKCHURIN A. V., PANFEROV R. G.* Data of the peculiarities of the offender ordering (getting) narcotics contraband transported by international mail
- 90 *BUGAEVSKAJA N. V.* The execution of public functions as a sign the subject of corruption crimes
- 95 *ZVONOV A. V.* The system of measures of criminal-law influence: essence and content
- 100 *ILYUK E. V.* Preventive measures for recidivism to persons with mental disorders including sanity
- 107 *KAZAKOV I. A.* Benchmarking study of rape and sexual battery
- 112 *RASTOROPOVA O. V.* Humanization of criminal liability for crimes in the sphere of economic activity
- 118 *FOMIN V. V.* To the question of objective features of transport crimes
- 121 *JUZHANIN N. V.* Self-defense in civil law
- 126 *AGEEV A. A.* About need of introduction of the concept «criminal offence»
- 130 *YELISEYEVA T. S.* Problems of execution of a mediation agreement and the legal mechanisms for their solution
- 135 *EFREMOVA O. S.* Problems of program target planning of crime prevention at the level of the Russian Federation and the ways to solve them
- 141 *ZAKAYEV A. H.* Subject of crime and general conditions of criminal liability
- 145 *KOLOMINOV V. V.* About the way of commission of fraud in the sphere of kom-pyuternoy of information
- 150 *KUDOVBA O. N.* Court's powers in deciding to use compulsory medical measures
- 154 *MASLENNIKOVA E. A.* Classification of prevention of crimes by chronic alcoholics
- 159 *PROTOPOPOVA E. A.* About legal warning facilities of crimes from the faces consisting on the account in criminal and executive inspections

165 *SERGEEVA N. V.* Problems of implementing a mediation agreement and the legal mechanisms of their solution

PAGE OF THE MAN AUTHORIZED ON RIGHTS

170 *VOLKOV N. A.* Control of observing the rights of convicts in the penal system by regional commissioners for human rights (on the example of Kemerovo region)

THE COMPETITIVENESS ANALYSIS

175 *DYATLOV Yu. N.* Main areas of economy of transportation costs of penal inspections

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SEARCH

181 *LITVISHKOV V. M., VILKOVA A. V.* Motivation of pupils to repentance of the committed crime

185 *TAMBOVSKIY A. N. REKSHA Yu. M.* To justification of the universalization of vocational training of staff of penal system

189 *TJUGAEVA N. A.* Physical training of the convicts: updating of the problem

194 *USHATIKOV A. I., GANISHINA I. S.* Drug dependent convict personality and its features

198 *TIHOMIROV A. N., SPASENNIKOV B. A.* Criminal behavior and syndrome of impatience

200 *ANKUNDINOV N. V., ZHARKIH A. A., TRUNTYAGIN A. A.* Psychological characteristics of cadets athletes of different kinds of sports

207 *VAKHNINA V. V.* Psychological support of strategy and tactics of overcoming the crises in negotiation activities of the law-enforcement officers

211 *MACHKASOV A. I., PANARIN D. A., PARSHKOV A. V.* Some aspects of improvement of education in the sphere of crime prevention and discipline promotion among staff of the educational institutions of the fps of Russia

216 **ARTICLE REQUIREMENTS**

В АКАДЕМИИ ФСИН РОССИИ СОСТОИТСЯ II МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ ФОРУМ

II Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» состоится 25–26.11.2015 на базе Академии ФСИН России в соответствии с распоряжением ФСИН России от 05.06.2015 № 75-р «Об утверждении плана мероприятий и состава рабочей группы по подготовке и проведению II Международного пенитенциарного форума „Преступление, наказание, исправление“».

Предметом форума является обсуждение современных тенденций развития пенитенциарной системы, положительного опыта исполнения уголовных наказаний, новых форм и методов работы с осужденными; анализ современного состояния уголовно-исполнительной системы и актуальных проблем в области пенитенциарной практики; привлечение внимания общественности к деятельности пенитенциарной службы; выработка комплекса эффективных мер, направленных на устойчивое развитие уголовно-исполнительной системы.

Организаторами форума выступают Федеральная служба исполнения наказаний, Ассоциация юристов России, Попечительский совет уголовно-исполнительной системы, Академия ФСИН России, научно-исследовательские и образовательные организации ФСИН России.

Мероприятия форума пройдут при участии Федерального Собрания Российской Федерации, Общественной палаты Российской Федерации, Министерства юстиции Российской Федерации, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, Правительства Рязанской области.

В работе форума примут участие ведущие специалисты России, стран Содружества Независимых Государств и Западной Европы в области исполнения уголовных наказаний. В частности, ожидается участие руководства ФСИН России, руководителей структурных подразделений и территориальных органов ФСИН России, руководства пенитенциарных служб зарубежных стран, ведущих ученых-пенитенциаристов России и иностранных государств, образовательных организаций ФСИН, МВД, Минобрнауки России, российских и международных общественных организаций, практических работников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы.

Предполагаемый круг участников позволит обеспечить высокий статус проводимого международного мероприятия, а также создать открытую диалоговую площадку по обсуждению основных направлений повышения эффективности работы учреждений и органов, исполняющих наказания.

В программу форума включены пленарное заседание, 4 международных научно-практических конференции, 8 круглых столов, дискуссионный клуб и выставка достижений ФСИН России, в ходе которых предполагается обсуждение основных направлений повышения эффективности работы учреждений и органов, исполняющих наказания, зарубежного пенитенциарного опыта, вопросов совершенствования межгосударственного сотрудничества в части реализации уголовных наказаний, организационно-правовых, материально-технических, психолого-педагогических условий развития уголовно-исполнительной системы, оперативно-розыскной деятельности, оптимизации подготовки персонала пенитенциарных служб, а также формирования ведомственной идеологии и развития позитивного имиджа службы в уголовно-исполнительной системе.

В качестве руководителей научно-практических мероприятий выступят руководители или представители структурных подразделений ФСИН России, ведущие ученые-пенитенциаристы.

По итогам работы форума будут выработаны рекомендации по повышению эффективности деятельности пенитенциарных служб, совершенствованию законодательства в сфере применения уголовных наказаний и уголовно-исполнительной практики.

До начала работы форума планируется издание сборника его материалов.

I Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» был проведен в декабре 2013 г. на базе Академии ФСИН России. В его работе приняли участие более 650 человек. В ходе обсуждения докладов участники форума отметили актуальность его проведения, освещенных на нем вопросов, раскрывающих актуальные проблемы в сфере исполнения уголовных наказаний, и обратились к руководству ФСИН России с просьбой проводить подобное масштабное мероприятие систематически.

**THE ACADEMY
OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA WILL HOST
THE SECOND INTERNATIONAL PENITENTIARY FORUM**

The second International Penitentiary Forum «Crime, Punishment, Correction» will take place on 25–26 November, 2015 at the Academy of the FPS of Russia according to the order of the Federal Penitentiary Service of Russia dated June 5, 2015 No. 75-r «About approval of the plan of measures and working group on preparation for the second International Penitentiary Forum «Crime, Punishment, Correction» and carrying out the Forum».

The Forum is aimed at discussing the current trends in development of the penal system, positive experience of execution of criminal penalties, new forms and methods of work with inmates; analyzing the current state of the penal system and current penal practice issues; drawing attention of community to the penitentiary service; elaboration of a complex of efficient measures to achieve sustainable development of the penal system.

The Forum is organized by the Federal Penitentiary Service of Russia, Association of Lawyers of Russia, Board of Trustees of the Penal System, Academy of the FPS of Russia, scientific and educational institutions of the FPS of Russia.

The Forum will run by participation of members of the Federal Assembly of the Russian Federation, the Civic Chamber of the Russian Federation, the Russian Ministry of Justice, Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Government of the Ryazan region.

The planned participants of the Forum are leading scientists of Russia, the CIS and Western Europe, administration of the FPS of Russia, heads of structural units and territorial bodies of the FPS of Russia, directors of foreign penitentiary services, leading penology scientists of Russia and foreign countries, educational institutions of the FPS of Russia, the Russian Ministry of Internal Affairs, the Ministry of Education and Science of Russia, non-governmental organizations, practitioners of penal establishments and bodies.

The planned circle of participants will provide the high status of this international event and foster an open discussion about the main directions of improving the effectiveness of penal establishments and bodies.

The Forum Programme includes the plenary session, 4 international scientific conferences, 8 round-table meetings, debating club and exhibition of achievement of the FPS of Russia. It's planned to discuss the main directions of improving the effectiveness of penal establishments and bodies, foreign penitentiary experience, improvement of interstate cooperation in the field of realization of criminal penalties, organizational and

legal, material, psychology and pedagogical conditions for development of the penal system, operational search activity, optimization of penal staff training, creating the departmental ideology and positive image of the penal system.

Heads or representatives of the structural units of the FPS of Russia, the leading penology scientists will act as chairmen of scientific events within the Forum.

The outcome of the Forum will be elaboration of Recommendations aiming to improve the effectiveness of the prison service, criminal penalty legislation in the field of criminal sanctions.

Before the Forum it's planned to publish the papers.

The first International Penitentiary Forum «Crime, Punishment, Correction» was held in December 2013 at the Academy of the FPS of Russia. More than 650 persons took part at the first Forum. The participants noted the relevance of the Forum and discussed penal practice issues and asked the administration of the FPS of Russia to hold such a grandiose event systematically.

УДК 343.848
ББК 67.401.041
П56

ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ ПОНИКАРОВ,

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры административного и финансового права
(Академия ФСИН России);

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ПОНИКАРОВ,

оперуполномоченный отдела специального назначения (базового)
(УФСИН России по Рязанской области),
e-mail: minrs@yandex.ru;

СЕРГЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ БОРИСОВ,

старший юрисконсульт юридической группы
(ФСИН России),
e-mail: sergei-5br@rambler.ru

© Поникаров В. А., Поникаров С. В., Борисов С. А., 2015

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО КОДЕКСУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ ЗА НАРУШЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА ЗА ЛИЦАМИ, ОСВОБОЖДЕННЫМИ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Реферат: объектом исследования в статье выступает административная ответственность за нарушение административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Предметом исследования являются правовые отношения, корреспондирующие положения федерального законодательства об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, с нормами Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), а также конкретные предложения по совершенствованию ответственности за нарушение административного надзора.

В статье впервые исследуются нормы КоАП РФ, устанавливающие ответственность за нарушение административного надзора. Для правильного применения на практике ст. 19.24 КоАП РФ впервые фиксируются конкретные административные ограничения, обязанности поднадзорного лица, за нарушение которых данное лицо подвергается административному наказанию. Более того, в статье впервые показано, что указанные административные ограничения и обязанности поднадзорных лиц четко корреспондируются со ст. 19.24 КоАП РФ. Рассматривается состав административного правонарушения за нарушение административного надзора. Опрос сотрудников правоохранительных органов показал, что поднадзорные практически не опасаются нарушений административного надзора. В результате предлагается уголовная ответственность за нарушение административного надзора, проект которой зафиксирован в статье.

Ключевые слова: административная ответственность, уголовная ответственность, административный надзор, лица, освобожденные из мест лишения свободы, административные ограничения, обязанности поднадзорного лица, состав правонарушения, предупреждение преступлений и правонарушений, МВД России, уголовно-исполнительная система.

Административному надзору было посвящено множество научных работ [1]. Однако многие исследования были подготовлены на основе ранее действовавшего (в основном союзного) законодательства, что в настоящее время объективно снижает их актуальность [2].

В настоящее время с учетом нового законодательства, регламентирующего административный надзор, большинство научных работ и публикаций не затрагивали собственно ответственность за нарушение данного надзора [3, с. 131–134]. Отметим, что административный надзор вводится Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожден-

ными из мест лишения свободы», а также иными нормативными актами федерального уровня. В частности, были внесены поправки в УК РФ, УИК РФ, КоАП РФ и ГК РФ.

Указанное федеральное законодательство закрепляет положение о том, что административный надзор устанавливается за определенной категорией лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Это делается государством в целях предупреждения преступлений и иных правонарушений со стороны ранее судимых лиц, освобожденных из мест лишения свободы.

Задачами установления административного надзора являются: предупреждение совершения

лицами преступлений и других правонарушений, оказание на них индивидуального профилактического воздействия в целях защиты государственных и общественных интересов.

Следует отметить, что большая часть функций по реализации административного надзора принадлежит МВД России, а не уголовно-исполнительной системе. В пенитенциарной системе России пока отсутствует аналогичная инструкция о порядке установления (осуществления) административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Вследствие этого администрация исправительного учреждения должна руководствоваться ст. 173.1 КоАП РФ «Установление административного надзора в отношении лица, освобождаемого из мест лишения свободы».

Проблеме административного надзора за лицами, вернувшимися из мест лишения свободы, посвящено значительное число публикаций. Тем не менее после вступления в силу нового Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» фактически отсутствуют «новоиспеченные» научные публикации по данному виду деятельности. Кроме того, на сегодняшний день практически нет научных статей, в которых исследовались бы вопросы ответственности за нарушение административного надзора.

С июля 2011 г. за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, осуществляется административный надзор. Более того, Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 66-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы”» были внесены коррективы в КоАП РФ.

Так, административная ответственность за нарушение административного надзора зафиксирована в ст. 19.24 КоАП РФ «Несоблюдение административных ограничений и невыполнение обязанностей, устанавливаемых при административном надзоре». Данная статья состоит из двух частей. В первой говорится о несоблюдении лицом, в отношении которого установлен административный надзор, административных ограничений. Вторая часть фиксирует невыполнение лицом, в отношении которого установлен административный надзор, обязанностей, предусмотренных федеральным законом об административном надзоре.

Какие же прописаны ограничения, за нарушение которых наступает административная ответственность? Анализ действующего законодательства позволяет нам говорить, что в отношении поднадзорного лица могут устанавливаться следующие административные ограничения:

1) запрещение пребывания в определенных местах;

2) запрещение посещения мест проведения массовых и иных мероприятий и участия в указанных мероприятиях;

3) запрещение пребывания вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства либо пребывания поднадзорного лица, в определенное время суток;

4) запрещение выезда за установленные судом пределы территории;

5) обязательная явка от одного до четырех раз в месяц в орган внутренних дел по месту жительства или пребывания для регистрации.

Установление судом административного ограничения, например, в виде обязательной явки от одного до четырех раз в месяц в орган внутренних дел по месту жительства или пребывания для регистрации, является обязательным.

Суд в течение срока административного надзора на основании заявления органа внутренних дел или поднадзорного может частично отменить административные ограничения или на основании заявления органа внутренних дел может дополнить ранее установленные поднадзорному лицу административные ограничения.

Рассмотрим конкретные обязанности, за нарушение которых наступает административная ответственность. Анализ действующего законодательства позволяет нам говорить, что поднадзорный обязан:

1) прибыть в определенный администрацией исправительного учреждения срок к избранному им месту жительства или пребывания после освобождения из мест лишения свободы;

2) явиться для постановки на учет в орган внутренних дел в течение трех рабочих дней со дня прибытия к избранному им месту жительства или пребывания после освобождения из мест лишения свободы, а также после перемены места жительства или пребывания;

3) явиться для постановки на учет в орган внутренних дел по месту временного пребывания в течение трех дней в случае получения по исключительным личным обстоятельствам разрешения органа внутренних дел на пребывание вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства либо пребывания, и (или) на краткосрочный выезд за установленные судом пределы территории;

4) уведомить орган внутренних дел по месту временного пребывания о выезде к месту жительства или пребывания, если поднадзорное лицо находилось по месту временного пребывания по исключительным личным обстоятельствам;

5) уведомить орган внутренних дел по месту жительства или пребывания в течение трех рабочих дней о перемене места жительства или пребывания, а также о возвращении к месту жительства или пребывания, если поднадзорное лицо отсутствовало по исключительным личным обстоятельствам;

6) уведомить орган внутренних дел в течение трех рабочих дней о трудоустройстве, перемене места работы или об увольнении с работы;

7) допускать сотрудников органов внутренних дел в жилое или иное помещение, являющееся местом жительства либо пребывания, в определенное время суток, в течение которого этому лицу запрещено пребывание вне указанного помещения.

Поднадзорное лицо обязано также являться по вызову в орган внутренних дел по месту жительства или пребывания в определенный этим органом срок, давать объяснения в устной и (или) письменной форме по вопросам, связанным с соблюдением им установленных судом административных ограничений и выполнением обязанностей, предусмотренных законом.

Таким образом, все обязанности и ограничения закреплены в Федеральном законе «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы».

Зафиксированные выше ограничения и обязанности составляют объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.24 КоАП РФ, то есть объективную сторону правонарушения как раз и составляет невыполнение лицом, освобожденным из мест отбывания лишения свободы, обязанностей, связанных с соблюдением ограничений, установленных в отношении его судом в соответствии с федеральным законом.

Основанием привлечения лица к административной ответственности по рассматриваемой статье будет выступать состав административного правонарушения.

Объектом комментируемого административного правонарушения является нарушение установленного законом порядка управления.

Субъект административного правонарушения – это физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста. С субъективной стороны административное правонарушение признается совершенным умышленно.

Данная статья в первой части (несоблюдение ограничений) устанавливает ответственность в виде административного ареста сроком до пятнадцати суток. Вторая часть (невыполнение обязанностей) влечет за собой предупреждение или наложение административного штрафа.

Тем не менее полагаем, что должна быть уголовная ответственность за нарушение административного надзора. Так, еще в советское время за нарушение административного надзора дважды в течение года правонарушитель подвергался административной ответственности, а потом привлекался к уголовной ответственности. Вследствие этого предлагаем, например, за злостное нарушение административного надзора прописать уголовную ответственность, проект которой может выглядеть следующим образом:

«Нарушение административного надзора, если оно совершено лицом, к которому дважды в течение года применялось административное наказание за подобные нарушения, – наказывается лишением свободы на срок от одного года до трех лет».

Таким образом, в советское время поднадзорные реально опасались нарушений, связанных с административным надзором, так как знали, что за нарушение данного надзора их могут привлечь к уголовной ответственности. Теперь, как показывают личные беседы, проводимые с сотрудниками правоохранительных органов, поднадзорные практически не опасаются нарушений административного надзора. Это объясняется тем, что за нарушение рассматриваемого надзора установлена собственно административная ответственность. Полагаем, это снижает уровень профилактики. Следовательно, необходимо ввести уголовную ответственность за невыполнение поднадзорным обязанностей и ограничений, установленных административным надзором.

Список литературы

1. Гуськов В. И., Иванов А. П. Роль административного надзора в профилактике рецидива преступлений : учеб. пособие. Рязань, 1982. 112 с.
2. Перец В. И. Правовые и организационные проблемы осуществления милицией гласного административного надзора : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1980. 25 с.
3. Поникаров В. А. Теоретическое и практическое исследование мер административного принуждения в деятельности УИС // Человек: преступление и наказание. 2012. № 4. С. 131–134.

VLADIMIR ANATOL'EVICH PONIKAROV,

dsc in law, associate professor,
professor of the administrative and financial law department,
(Academy of the FPS of Russia);

SERGEJ VLADIMIROVICH PONIKAROV,

detective officer of the special purpose department (basic),
(FPS of Russia in Ryazan region),
e-mail: minrs@yandex.ru;

SERGEJ ANATOL'EVICH BORISOV,

senior counsel law group
(FPS of Russia),

e-mail: sergei-5br@rambler.ru

© Ponikarov V. A., Ponikarov S. V., Borisov S. A., 2015

RESPONSIBILITY FOR THE CODE OF ADMINISTRATIVE OFFENCES FOR VIOLATION OF ADMINISTRATIVE SUPERVISION OVER PERSONS RELEASED FROM PRISON

Annotation: the object of the research is administrative responsibility for violation of the administrative supervision of released prisoners. The subject of the research are legal relations, provisions of the Federal Law on administrative supervision of released prisoners and corresponding norms of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, as well as detailed proposals for improving the liability for breach of administrative supervision.

In the article for the first time the provisions of the Code of Administrative Offences, establishing liability for violation of administrative supervision are analyzed. The specific administrative restrictions and obligations of supervised persons for violation of which the person is subject to administrative punishment are for the first time formalized to ensure correct application of Article 19.24 of the Administrative Code. Moreover, it is for the first time shown that these administrative restrictions and obligations of supervised persons exactly correspond to Article 19.24 of the Administrative Code. The essential elements of the administrative offense for violation of administrative supervision are reviewed. Interviews with law enforcement officers showed that supervised offenders do not wary to violate rules of administrative supervision. In conclusion the authors suggest introducing criminal responsibility for violation of administrative supervision, the draft of which is presented in the article.

Key words: administrative responsibility, criminal liability, administrative supervision, persons released from prison, administrative restrictions, duties supervised entity, the composition of the offense, prevention of crimes and offenses, the Russian interior ministry, the correctional system.

References

1. Gus'kov V. I., Ivanov A. P. Rol' administrativnogo nadzora v profilaktike recidiva prestuplenij [Administrative oversight role in the prevention of recidivism]. Ryazan, 1982, 112 p.
2. Perec V. I. Pravovye i organizacionnye problemy osushhestvlenija miliciej glasnogo administrativnogo nadzora. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk. [Legal and organizational issues in the implementation of the vowel police administrative oversight. Cand. legal sci. diss. abstract]. Moscow, 1980, 25 p.
3. Ponikarov V. A. Teoreticheskoe i prakticheskoe issledovanie mer administrativnogo prinuzhdenija v dejatel'nosti UIS [Theoretical and practical study of administrative coercion in activities of the penal system]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2012, no. 4, pp. 131–134.

УДК 341.34
ББК 67.911.14
Ю56

АБДУЛЖАБАР АГАБАЛАЕВИЧ ЮНУСОВ,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории государства и права,
международного и европейского права
(Академия ФСИН России);
СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ ГУРИЦ,
старший преподаватель кафедры кадровой, воспитательной
и психологической работы
(Кировский институт повышения квалификации
работников ФСИН России),
e-mail: sergeygurits@mail.ru
© Юнусов А. А., Гуриц С. Д., 2015

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ КОНТРОЛЬ КАК СПОСОБ ИСПОЛНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ ГАРАНТИЙ ПО СОДЕРЖАНИЮ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Реферат: предметом исследования является правовой режим функционирования системы содержания иностранных военнопленных в советских учреждениях в годы Великой Отечественной войны, применение права в отношении военнопленных и его соответствие международным нормам.

Цель работы – изучение административного контроля за местами содержания иностранных военнопленных в период Великой Отечественной войны. Новизна исследования заключается в специфике объекта, которым выступает не только административный контроль, но и система контроля со стороны государства, должностных лиц и контролирующих органов. В результате сравнения показана эффективность контроля при исполнении международных норм для реализации гарантий-обязательств по содержанию военнопленных.

Содержание работы включает в себя анализ системы административного контроля за учреждениями, содержащими военнопленных, и элементов административного контроля. Организация контроля показана не в статичной форме, а в ходе трансформации функций управления по делам военнопленных и его совершенствования. На основе представленных материалов делается вывод о значимости системы административного контроля по обращению с военнопленными как формы исполнения международно-правовых гарантий-обязательств.

Ключевые слова: военнопленный, административный контроль, Великая Отечественная война, международное гуманитарное право, международно-правовые гарантии.

Административный контроль проводится в рамках государственного ведомственного и надведомственного контроля. Административный контроль реализуется на различных уровнях вертикали власти: а) контроль руководителя учреждения; б) контроль органа (органов) территориального подчинения; в) контроль ведомства, непосредственно осуществляющего руководство службой; г) контроль министерский и правительственный.

Предметом административного контроля являются правоотношения, основанные на реализации правоприменения исполнения: актов общегосударственного характера, основанных на международных конвенциях, актов общегосударственного характера, должностных инструкций.

В статье исследуются направления административного контроля и их эффективность в рамках ис-

полнения гарантий международных норм по обращению с военнопленными. Система контроля характеризуется через организацию содержания военнопленных на территории СССР в период Великой Отечественной войны. Проанализируем структуру системы управления, а также покажем, как справлялись должностные лица с исполнением норм по обращению с военнопленными. Исполнение норм содержания исследуем трехсторонне: со стороны государства, должностных лиц и контролирующих органов.

В начале Великой Отечественной войны Германия и СССР отказались от использования друг к другу норм Конвенции об обращении с военнопленными от 27 июля 1929 г. [1] в период Второй мировой войны, но регламентировали режим обращения с военнопленными в национальном праве. Нормы советского права были близки к междуна-

родным, что в исторической действительности показало исполнение основных положений условий содержания комбатантов. Статистические данные об одностороннем исполнении положений по содержанию военнопленных доказываются на основе архивных источников и рассекреченных материалов актов государственных органов власти СССР.

В период Великой Отечественной войны на территории Советского Союза была создана организационная структура по содержанию иностранных военнопленных и интернированных, которая имела свои учреждения во многих регионах страны. Структуры по содержанию миллионного контингента военнопленных не существовало ранее ни в нашем государстве и нигде в других странах, поэтому создание и функционирование учреждений для военнопленных было сопряжено с проблемами как внутригосударственного, так и межправительственного характера. Система содержания военнопленных базировалась на международных актах.

Система содержания военнопленных в учреждениях представляет собой организационно завершённый управленческий процесс, включающий в себя следующие функции: поступление военнопленного, обеспечение необходимыми нормами материально-бытового обслуживания, медицинское обеспечение, учет движения военнопленных, привлечение к труду, разделение по категориям содержания, систему охраны и безопасности, конечное сопровождение на репатриацию до места призыва в вооруженные силы на родину военнопленного.

Все управленческие процессы содержания военнопленных находились под контролем: федеральным, региональным, внутриведомственным местным, о чем свидетельствуют акты общегосударственного характера, местных терорганов, руководителей учреждений и ревизий ведомств разного уровня власти.

Система организации органов и учреждений по содержанию военнопленных изучалась А. Л. Кузьминых [3]. Ученый исследовал систему управления содержанием военнопленных с начала Второй мировой войны до завершения процесса репатриации военнопленных. С точки зрения А. Л. Кузьминых в области исследования системы управления содержанием военнопленных существует два подхода: традиционалистский (гуманистический) и тоталитаристский.

Сторонники первого подхода (в подавляющем большинстве российские ученые) считают, что советское правительство строго руководствовалось нормами международных конвенций о военнопленных. Благодаря такой заботе и опеке со стороны государства удалось спасти жизнь и вернуть на родину большинство военнопленных.

Сторонники тоталитаристского подхода (в основном зарубежные и некоторая часть российских ученых) указывают на карательно-репрессивный характер системы УПВИ-ГУПВИ. Свидетельство тому – грубые нарушения международного права со стороны СССР, тяжелый принудительный труд на военных объектах и на вредных для здоровья производствах, мучительный голод и неизлечимые болезни, произвол со стороны судебных и внесудебных органов, сопровождавшиеся массовой гибелью военнопленных и интернированных.

Оба подхода, по мнению А. Л. Кузьминых, не отражают действительность. Институт военного плена и интернирования в СССР в условиях существования тоталитарного политического режима приобретал черты репрессивно-карательного института. Хотя система УПВИ-ГУПВИ являлась самостоятельным подразделением в структуре НКВД-МВД СССР, институционально отличным от системы ГУЛАГа, реальное положение военнопленных и интернированных во многом было аналогично положению заключенных исправительно-трудовых лагерей [3, с. 7, 8].

Приведем дополнительные основания для исследования проблемы организации системы содержания военнопленных и интернированных в годы Великой Отечественной войны.

Все приведенные ранее подходы рассматривают специфику отношения к институту военнопленных как гуманистический или карательный. На наш взгляд, необходимо рассматривать не только институт содержания военнопленных в СССР, но и совокупность отношений: международное законодательство, его имплементацию в советские нормативные акты, деятельность органов и учреждений по выполнению обозначенных функций, контроль за исполнением органами и учреждениями своих функций, итоговую статистическую отчетность, показывающую квалифицированность исполнения норм системы содержания военнопленных.

Система контроля при обращении с военнопленными исследовалась критически. «Как показала практика, контроль со стороны ГУПВИ за содержанием контингента в других ведомствах был малоэффективным и, как правило, сводился к переписке и подготовке информационно-отчетного материала для руководства НКВД-МВД СССР» [3, с. 98].

Система контроля – необходимый структурный элемент наряду с учетом исполнительской дисциплины. На массовые и даже разовые случаи неисполнения директив комиссариата следовали акты дисциплинарной ответственности и директивы взять под контроль исполнение.

Элементы структуры системы в ведомстве УПВИ указаны не только как исполнители определенных задач, относительно территориального органа это задачи по инспектированию. Каждый случай неисполнительской дисциплины влек за собой плановое или внеплановое инспектирование. Контроль осуществлял и начальник учреждения.

Таким образом, вся деятельность по содержанию военнопленных от приема и карантинных мероприятий до режимных и безопасности, от комиссий по аттестации на рабочее место до статистики по смертности на рабочем месте, от нормирования разного рода довольствием до уголовного преследования за расхищения сотрудниками учреждений довольствия, выделенного на военнопленных или на содержание учреждения, подвергалась многоступенчатому контролю, завершающемуся на руководителях УПВИ и НКВД.

Приведем характеристику организационной структуры аппарата управления по делам военнопленных и интернированных (интернированные: те же военнопленные, но перемещенные вглубь территории страны, а в послевоенный период и гражданское население Германии, вывезенное в СССР по договору о репатриациях из Германии).

На начальный период Великой Отечественной войны органом по управлению учреждений, содержащих военнопленных, было управление по делам военнопленных (УПВ). В ведомстве УПВ находились административные функции по организации и контролю за лагерями для военнопленных. УПВ создавалось с целью организации содержания военнопленных после финской и польской военных кампаний 1939 г. Содержание военнопленных в лагерях УПВ основывалось на Конвенции об обращении с военнопленными 1929 г., но не предоставляло полного объема прав. Положение о лагере для военнопленных [2, с. 71–73] включало в себя систему управления лагерями военнопленных, определяло задачи лагеря, структуру и обязанности служащих и работников.

Изначально функции по обеспечению и обслуживанию лагерной сети для военнопленных аккумуляровались не только в УПВ. Такие функции, как оперативно-чекистское обслуживание военнопленных в лагерях, возложены на особый отдел НКВД СССР и его местные органы, составление заявок и своевременная реализация фондов по продовольственному, вещевому и санитарному снабжению – на ГУЛАГ НКВД, финансирование Управления по делам военнопленных и лагерей военнопленных – на центральный финансово-плановый отдел НКВД СССР, организация охраны приемных пунктов, конвоирование при перевозке военнопленных от приемных пунктов до лагерей

по нарядам начальника Управления по военнопленным и организация охраны лагерей военнопленных – на подразделения конвойных войск.

В дальнейшем функции по содержанию военнопленных, начиная с прифронтовых учреждений: приемных пунктов военнопленных, сборных пунктов военнопленных, фронтовых приемно-пересыльных лагерей, входили в инфраструктуру УПВИ [2, с. 91–94]. Управление по делам военнопленных и интернированных становится в области организации управленческой деятельности самодостаточным, за исключением охранных и конвойных функций, которые исполнялись другими подразделениями НКВД.

Увеличение функциональных организационных полномочий происходит летом 1942 г. после удачной московской кампании, но реализовать все необходимые организационно-распорядительные функции удалось только в период коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны.

С 1943 г. в ходе коренного перелома в войне лагеря стали наполняться военнопленными, появилась необходимость увеличения их количества, создания пересылочных пунктов, упорядочения железнодорожных перевозок, излечения раненых и больных, а главное, всю эту многомиллионную армию пленных надо было содержать. Руководство НКВД СССР прилагало всевозможные усилия по надзору и контролю за деятельностью обширной сети спецлагерей и спецгоспиталей, раскинувшейся на всю страну, включая Дальний Восток.

Принимаются многочисленные положения, распоряжения, директивы: по охране военнопленных при конвоировании, о сохранении физической способности к труду, сохранении необходимого уровня питания, наказании должностных лиц за невыполнение или несвоевременное выполнение указаний руководства, провоцирующих потери среди военнопленных. Советское руководство стремилось ко всяческому соблюдению правил содержания военнопленных в соответствии с Конвенцией 1929 г.

Регулярными стали проверки спецлагерей и спецгоспиталей. Их целью было установление контроля над деятельностью руководителей на местах и улучшение жилищно-бытовых условий содержания военнопленных и интернированных, борьба с хищениями, проверка организации питания, улучшение бытового снабжения (устройство бань, выдача обуви и теплой одежды, медико-санитарное наблюдение, условия расквартирования). Например, за время действия мероприятий ГУПВИ МВД СССР по улучшению условий содержания военнопленных «с 5 февраля до 10 апреля 1947 г. в 59 лагерях была ликвидирована скученность в жилых

помещениях, в 578 лаготделениях оборудованы сушилки, теплые умывальники, дезкамеры и бани, 26 лагерных отделений были расформированы. За хищение продуктов питания 134 работника лагерей были привлечены к ответственности, 238 отстранены от занимаемых должностей, 142 получили дисциплинарные взыскания. В неблагополучные лагеря поступили остродефицитные медикаменты, медицинский персонал, 30 тыс. пар кожаной обуви, 15 тыс. пар рукавиц, 51 тыс. пар нательного белья и 17 тыс. пар портянок» [2, с. 314–318].

Подведем итог вышеуказанным мерам по проведению контроля за деятельностью учреждений, содержащих военнопленных и интернированных. Административный контроль способствовал смягчению режима пребывания иностранного спецконтингента в системе спецлагерей и спецгоспиталей. Высшее руководство страны предприняло все необходимое, чтобы показать в глазах мирового сообщества свою приверженность международным нормам содержания военнопленных и интернированных. Были значительно улучшены жилищно-бытовые условия, медико-санитарное обеспечение, питание, появилась возможность переписки, началась репатриация. СССР выполнял взятые на себя международные обязательства, с одной стороны, получил возможность продлить пребывание ино-

странного спецконтингента с целью его трудовой эксплуатации, с другой стороны.

Таким образом, механизм управления содержанием военнопленных включает в себя сеть учреждений как ведомственного, так и межведомственного характера. К органам управления относилось Правительство, НКВД и другие наркоматы, территориальные органы, начальники учреждений, ревизионные комиссии. Управленческие органы выполняли властно-распорядительные функции по отношению друг к другу в области содержания военнопленных и в отношении учреждений, непосредственно взаимодействующих с военнопленными. Учреждения выполняли функции первичного учета, обеспечительные, оздоровительные, воспитательные, культурно-просветительские, агентурные, оперативные. Все эти мероприятия имели конечную цель – восстановить трудовые способности военнопленного и направить на производственный объект, но эффект сохранения человеческой жизни и здоровья также достигался. Перечень деятельности органов и учреждений соответствовал требованиям Конвенции об обращении с военнопленными 1929 г. Действий по нарушению прав человека и полномочий, превышающих доведенных конвенцией, не совершалось, не было пыток и иных способов бесчеловечного обращения с военнопленными.

Список литературы

1. Конвенция об обращении с военнопленными от 27 июля 1929 (г. Женева). URL : <http://www.levonevski.net/pravo/norm2013/num73/d73028.html/> (дата обращения: 25 апреля 2014 г.).
2. Военнопленные в СССР: 1939–1956 гг. : документы и материалы / сост. М. М. Загорулько, С. Г. Сидоров, Т. В. Царевская ; под ред. М. М. Загорулько. М., 2000. 1120 с.
3. Кузьминых А. Л. Органы и учреждения военного плена и интернирования Второй мировой войны в СССР (1939–1956 гг.) : монография. Вологда, 2012. 126 с.

ABDULZHABAR AGABALAYEVICH YUNUSOV,

dsc in law, professor,
professor of the theory of the state and law, international and european law department
(Academy of FSIN of Russia);

SERGEY DMITRIYEVICH GURITS,

senior lecturer of the personnel, educational and psychological work department
(Kirov institute of professional development of employees of FSIN of Russia),
e-mail: sergeygurits@mail.ru

© Yunusov A. A., Gurits S. D., 2015

**ADMINISTRATIVE CONTROL AS THE WAY OF EXECUTION OF INTERNATIONAL LEGAL
GUARANTEES ACCORDING TO THE MAINTENANCE OF PRISONERS OF WAR**

Annotation: an object of research is the legal regime of functioning of system of the maintenance of foreign prisoners of war in the Soviet establishments in days of the Great Patriotic War, application of the right concerning prisoners of war and its compliance to the international standards.

The work purpose – studying of administrative control of places of the maintenance of foreign prisoners of war in the period of the Great Patriotic War. In work the comparative and legal method is used. Novelty of research consists in specifics of object as which act not only administrative control, but also the monitoring system from the state, officials and supervisory authorities. As a result of comparison efficiency of control at execution of the international standards for realization of guarantees obligations on the maintenance of prisoners of war is shown.

The content of work includes the analysis of system of administrative control of the establishments supporting prisoners of war, and elements of administrative control. The organization of control is shown not in a static form, and during transformation of functions of management for prisoners of war and its improvement. On the basis of the presented materials the conclusion about the importance of system of administrative control according to the treatment of prisoners of war as forms of execution of international legal guarantees obligations is drawn.

Key words: prisoner of war, administrative control, Great Patriotic War, international humanitarian law, international legal guarantees.

References

1. Ob obrashhenii s voennoplennymi. Konvencija ot 27 ijulja 1929 goda. Zheneva [About the treatment of prisoners of war. Convention from July 27, 1929. Geneva]. Available at : <http://www.levonevski.net/pravo/norm2013/num73/d73028.html/> (Accessed 25 April 2014).
2. Voennoplennye v SSSR 1939–1956. Dokumenty i materialy [Prisoners of war in the USSR 1939–1956. Documents and materials]. Compiled by M. M. Zagorulko, S. G. Sidorov, T. V. Tsarevskaya. Under the editorship of M. M. Zagorulko. Moscow, 2000. 1120 p.
3. Kuz'minyh A. L. Organy i uchrezhdenija voennogo plena i internirovanija Vtoroj mirovoj vojny v SSSR (1939–1956 gg.) [. Bodies and establishments of military captivity and internment of World War II in the USSR (1939–1956)]. Vologda, 2012. 126 p.

УДК 35.086:343.83
ББК 67.401.041
Г85

ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ГРИШИН,

кандидат юридических наук, доцент,
начальник юридического факультета;

ЕКАТЕРИНА ВАСИЛЬЕВНА СЕНАТОВА,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры административного и финансового права

(Академия ФСИН России),

e-mail: k.senatova@yandex.ru

© Гришин Д. А., Сенатова Е. В., 2015

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ЗА АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Реферат: в статье анализируется процедура привлечения сотрудников уголовно-исполнительной системы к ответственности за административные правонарушения.

Предметом исследования выступает совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, возникающие в сфере привлечения сотрудников уголовно-исполнительной системы к административной и дисциплинарной ответственности за административные правонарушения.

Целью исследования является комплексный анализ современного состояния отечественного административного законодательства, устанавливающего специальный статус сотрудников уголовно-исполнительной системы при привлечении к ответственности за административные правонарушения; изучение проблем правоприменительной практики в данном направлении, внесение предложений по устранению подобных проблем.

Достижение поставленной цели обеспечивалось решением следующего ряда исследовательских задач: рассмотрение общих правил наложения на сотрудников уголовно-исполнительной системы административных наказаний, анализ специальных правил привлечения данных лиц к ответственности за административные правонарушения, исследование правоприменительной практики в данной сфере; разработка направлений совершенствования практики применения административного законодательства, закрепляющего специальный статус сотрудников уголовно-исполнительной системы при привлечении к ответственности за административные правонарушения.

Приводятся примеры из правоприменительной деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы и вносятся конкретные научно аргументированные предложения по дальнейшему совершенствованию исследуемой правоприменительной практики.

Исходя из положений теории права о принципе справедливости при определении мер юридической ответственности, подразумевающим недопустимость двойной ответственности за одно и то же правонарушение, и норм административного законодательства правоприменителю предлагается неукоснительно соблюдать букву закона и исключить практику наложения за одно административное правонарушение сотрудника уголовно-исполнительной системы и административного наказания, и дисциплинарного взыскания. Иначе возникает дублирование карательных процедур со стороны различных государственных органов, причем сами эти процедуры, по существу, имеют сходство, вплоть до совпадения.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, специальный субъект административного правонарушения, сотрудник уголовно-исполнительной системы, дисциплинарная ответственность, принципы юридической ответственности.

В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) сотрудники уголовно-исполнительной системы (УИС) рассматриваются как специальные субъекты при привлечении их к ответственности за административные правонарушения [1, с. 76–82]. Так, в ч. 1 ст. 2.5 КоАП РФ говорится, что за ад-

министративные правонарушения, за исключением административных правонарушений, предусмотренных ч. 2 ст. 2.5 КоАП РФ, военнослужащие, граждане, призванные на военные сборы, и имеющие специальные звания сотрудники органов внутренних дел, органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, Государственной проти-

вопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ и таможенных органов в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, регламентирующими прохождение военной службы (службы) указанными лицами и их статус, несут дисциплинарную ответственность.

За административные правонарушения, предусмотренные ст. 5.1–5.26, 5.45–5.52, 5.56, 6.3, 7.29–7.32, 7.32.1, гл. 8, ст. 11.16 (в части нарушения правил пожарной безопасности вне места военной службы (службы) или прохождения военных сборов), гл. 12, ст. 14.9, ч. 3 ст. 14.32, гл. 15 и 16, ст. 17.3, 17.7–17.9, ч. 1 и 3 ст. 17.14, ст. 17.15, ст. 18.1–18.4, ч. 2.1, 2.6 ст. 19.5, 19.5.7, 19.7.2, ч. 5 ст. 19.8 и ст. 20.4 (в части нарушения требований пожарной безопасности вне места военной службы (службы) или прохождения военных сборов) Кодекса, лица, указанные в ч. 1 ст. 2.5, несут административную ответственность на общих основаниях.

Итак, когда сотрудники УИС совершают административные правонарушения, влекущие за собой в соответствии с ч. 1 ст. 2.5 КоАП РФ дисциплинарную ответственность, их наказывают дисциплинарно по месту службы в соответствии с Положением о службе в органах внутренних дел (ОВД) РФ, утвержденного Постановлением Верховного Совета РФ от 23 декабря 1992 г. № 4202-1, и приказом Минюста России от 6 июня 2005 г. «О порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы». В это же время в данных нормативно-правовых актах ничего не говорится о соотношении степени тяжести, общественной опасности, вредности совершенного административного правонарушения и вида дисциплинарного взыскания, поэтому при правоприменении возможно возникновение таких ситуаций, когда за аналогичное правонарушение один сотрудник УИС будет подвергнут одному дисциплинарному взысканию, а другой – более мягкому или, наоборот, более суровому [2, с. 9]. Конечно, в целом это закономерно, так как состав административного правонарушения, смягчающие и отягчающие обстоятельства, характер и размер причиненного ущерба и, главное, личность нарушителя всегда будут отличаться. Однако в таких случаях хотелось бы пожелать правоприменителю при наложении дисциплинарных взысканий оценивать лицо не как работника, а как субъекта, совершившего административное правонарушение, и руководствоваться принципом справедливости, выражающимся в соразмерности взыскания тяжести содеянного.

Следует отметить и другие проблемные моменты дисциплинарной практики в УИС. Так, в качестве дисциплинарной ответственности за совершение сотрудниками УИС административных правонарушений применяются такие меры воздействия, как уменьшение ежемесячной надбавки за сложность, напряженность и специальный режим службы, лишение премий, которые в соответствии со ст. 38 Положения о службе в органах внутренних дел РФ к видам дисциплинарных взысканий не относятся.

Если сотрудники УИС совершают административные правонарушения, предусмотренные ч. 2 ст. 2.5 КоАП РФ, то их должны привлекать к административной ответственности, как и любых других граждан, судьи, органы или должностные лица в соответствии с гл. 23 КоАП РФ «Судьи, органы и должностные лица, уполномоченные рассматривать дела об административных правонарушениях». При этом варианте разрешения административных споров на практике иногда складывается такая ситуация, когда за административное правонарушение сотрудника УИС наказывают сначала в административном порядке как обычного гражданина, а затем в дисциплинарном порядке по месту службы.

Так, за вождение автомобиля в состоянии алкогольного опьянения суд применил к сотруднику УИС административное наказание в виде лишения права управления транспортным средством на 2 года. После этого факта или одновременно с ним начальник учреждения УИС, в котором работает данный сотрудник, узнает о правонарушении и наказывает лицо еще дисциплинарно, якобы за нарушение служебной дисциплины. Правомерно ли это?

Конституция Российской Федерации в ч. 1 ст. 50 гласит, что «никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление». Часть 5 ст. 4.1 КоАП РФ закрепляет: «Никто не может нести административную ответственность дважды за одно и то же административное правонарушение». О сочетании дисциплинарного и административного взысканий за одно и то же правонарушение в законодательстве ничего не говорится.

Руководители органов и учреждений УИС объясняют привлечение за административное правонарушение к двум видам ответственности тем, что совершением такого противоправного деяния сотрудник УИС нарушает не только законодательство Российской Федерации об административных правонарушениях, но и служебную дисциплину, тем самым допуская еще дисциплинарный проступок.

Статья 34 Положения о службе в органах внутренних дел РФ, которым руководствуются и сотрудники УИС, определяет: «Служебная дисциплина в органах внутренних дел означает соблюде-

ние сотрудниками органов внутренних дел установленных законодательством Российской Федерации, Присягой, дисциплинарным уставом органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденным Президентом Российской Федерации, контрактом о службе, а также приказами Министра внутренних дел Российской Федерации, прямых начальников порядка и правил при выполнении возложенных на них обязанностей и осуществлении имеющихся у них полномочий».

В абзаце 2 Присяги сотрудника ОВД закреплено: «Клянусь соблюдать Конституцию и законы Российской Федерации, уважать и соблюдать права и свободы человека и гражданина, добросовестно выполнять приказы начальников и возложенные на меня служебные обязанности». Несоблюдением любого закона Российской Федерации (например, КоАП РФ) сотрудник УИС нарушает служебную дисциплину. Однако такое объяснение если и было актуально, то до 2010 г. Федеральным законом от 22 июля 2010 г. № 156-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» внесены дополнения в ст. 34 Положения о службе в ОВД РФ, в соответствии с которыми нарушением сотрудником органов внутренних дел служебной дисциплины признается виновное действие (бездействие), повлекшее за собой нарушение законодательства Российской Федерации, дисциплинарного устава органов внутренних дел Российской Федерации, должностного регламента (должностной инструкции), правил внутреннего распорядка органа внутренних дел (подразделения) либо выразившееся в несоблюдении требований к служебному поведению или в неисполнении (ненадлежащем исполнении) обязательств, предусмотренных контрактом, служебных обязанностей, приказов, распоряжений и указаний прямых начальников и непосредственного начальника, если за указанное действие (бездействие) законодательством Российской Федерации не установлена административная или уголовная ответственность.

Таким образом, если сотрудник УИС уже понес за нарушение служебной дисциплины административную ответственность, то к дисциплинарной ответственности за это же нарушение он привлечен быть не может. Кстати, общие принципы теории права приветствуют именно такой подход. Если обратиться к теории права, то в большинстве случаев к числу принципов юридической ответственности относят: правомерность, законность, обоснованность, правовую целесообразность, неотвратимость, своевременность, справедливость, гуманность, персонифицированность (индивидуализа-

цию), конкретность, минимизацию, ответственность лишь при наличии вины в действиях правонарушителя и т. д. [3, с. 6].

Принцип справедливости гласит, что наказание должно соответствовать тяжести содеянного, обстоятельствам его совершения и личности виновного; недопустимости двойной ответственности за одно и то же правонарушение; все равны перед законом и правосудием [4, с. 595].

Ряд ученых, с которыми мы солидарны, выделяет в отдельный принцип недопустимость повторной или двойной ответственности (например, одновременно уголовной и административной) [5, с. 714]. В то же время в научной литературе говорится о возможности сочетания, например, материальной и дисциплинарной ответственности [6, с. 54].

Отдельные авторы высказываются и за правомерность привлечения к двойной ответственности: административной и дисциплинарной, если правонарушение содержит в себе признаки и дисциплинарного, и административного проступка. Однако если придерживаться всех этих мнений, то можно заключить, что из принципа теории права о недопустимости повторной или двойной ответственности больше исключений, чем он содержит правил.

Нам ближе мнение А. В. Сухинина, который пишет, что административное правонарушение сотрудника милиции (а в нашем случае – уголовно-исполнительной системы) одновременно является и нарушением служебной дисциплины, то есть дисциплинарным проступком. Это обуславливает вопрос о допустимости или недопустимости наложения на виновного сотрудника сразу двух взысканий – и административного, и дисциплинарного. Привлечение к одному виду ответственности должно освобождать лицо от другого вида ответственности, в противном случае теряются профилактические и воспитательные цели и смысл наказания. Эти идеи нашли отражение и в указанных выше дополнениях в Положение о службе в ОВД РФ.

По-иному должен быть решен вопрос о сочетании административной и материальной ответственности за административное правонарушение, в результате которого причинен материальный ущерб. В этом случае вполне возможно применение за одно и то же деяние и административной, и материальной ответственности, поскольку последняя, в отличие от первой, выполняет не карательную, а правосстановительную функцию [7, с. 55].

Однако практика наложения за одно административное правонарушение сотрудника УИС и административного наказания, и дисциплинарного взыскания сохраняется. Конечно, это недо-

пустимо, служба в УИС должна строиться, помимо прочего, в строгом соответствии с принципами законности и справедливости. Иначе возникает дублирование карательных процедур со стороны различных государственных органов,

причем сами эти процедуры по существу имеют сходство, вплоть до совпадения [8, с. 56] (например, предупреждение как административное наказание и замечание как дисциплинарное взыскание).

Список литературы

1. Старостин С. А. Административное судопроизводство в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Человек: преступление и наказание. 2013. № 3. С. 76–82.
2. Папкин А. И., Папкин И. А. Девиантное поведение сотрудников правоохранительных органов: психологические причины // Прикладная юридическая психология. 2009. № 4. С. 9.
3. Геворгян К. М. Проблемы принципов и оснований юридической ответственности в России // История государства и права. 2007. № 22. С. 6–9.
4. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2013. 640 с.
5. Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права : учебник. М., 2006. 744 с.
6. Сухинин А. В. Делинквентное поведение (правонарушения) и юридическая ответственность сотрудников милиции : учеб. пособие. М., 2000. 132 с.
7. Бубон К. В. Двойная ответственность за совершенные правонарушения // Юридический мир. 2003. № 8. С. 55.
8. Юнусов А. А., Юнусов С. А. Законность и справедливость как основное условие осуществления правоприменительной практики правоохранительными органами // Уголовно-исполнительное право. 2013. № 1. С. 56.

DMITRIJ ALEKSANDROVICH GRISHIN,

phd in law, associate professor,
head of the administrative and finance law department;

EKATERINA VASIL'EVNA SENATOVA,

phd in law, associate professor,
associate professor of the administrative and finance law department
(Academy of the FPS of Russia),

e-mail: k.senatova@yandex.ru

© Grishin D. A., Senatova E. V., 2015

**ON THE PROBLEM OF RESPONSIBILITY OF THE PENAL SYSTEM STAFF
FOR ADMINISTRATIVE VIOLATIONS**

Annotation: in the article, the procedure of prosecuting penal officers for administrative violations is analyzed. The subject of the research is the set of legal norms regulating social relations arising when bringing penal officers to administrative and disciplinary liability for administrative violations. The objective of the research is a comprehensive analysis of the current state of national administrative law, which establishes special status of penal officers when bringing them to responsibility for administrative violations; study of the problems of law enforcement in this field and making proposals to eliminate these problems. This goal has been achieved by solving a number of research tasks: consideration of general rules of imposing administrative penalties on penal officers; analysis of special rules to bring these persons to responsibility for administrative violations; study of law enforcement practice in this field; development of ways to improve the practice of executing administrative law securing penal officers' special status when bringing them to responsibility for administrative violations. In the article some examples of law enforcement activities of the bodies and institutions of the penal system are given. Some specific scientifically reasoned proposals regarding further improvement of the law enforcement practice are also made. According to the theory of law on the principle of justice in determining the measures of legal responsibility, it is unacceptable for a person to be prosecuted two times for the same offence. Therefore, law enforcement should strictly observe the letter of law and eliminate the practice of imposing an administrative penalty and a disciplinary sanction for the same violation committed by a penal officer. Other-

wise overlapping of punitive procedures by different governmental bodies ensues; moreover the penalties could be similar or actually identical.

Key words: penal service, a special committer of administrative infraction, a penal officer, disciplinary liability, principle of law liability.

References

1. Starostin S. A. Administrativnoe sudoproizvodstvo v Rossijskoj Federacii: problemy i perspektivy [Administrative proceedings in the Russian Federation: problems and prospects]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment*, 2013, no. 3, pp. 76–82.
2. Papkin A. I., Papkin I. A. Deviantnoe povedenie sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov: psihologicheskie prichiny [Deviant behavior of law enforcement officers]. *Prikladnaja juridicheskaja psihologija – Applied legal psychology*, 2009, no. 4, p. 9.
3. Gevorgyan K. M. Problemy principov i osnovanij juridicheskoy otvetstvennosti v Rossii [Problems principles and grounds of legal liability in Russia]. *Istorija gosudarstva i prava – History of state and law*, 2007, no. 22, p. 6–9.
4. Teorija gosudarstva i prava [The theory of state and law]. Under the editorship of N. I. Matuzov, A. V. Malko. Moscow, 2013. 640 p.
5. Marchenko M. N. Problemy teorii gosudarstva i prava [Problems of the theory of state and law]. Moscow, 2006, 744 p.
6. Suhinin A. V. Delinkventnoe povedenie (pravonarushenija) i juridicheskaja otvetstvennost' sotrudnikov milicii [Delinquent behavior (offense) and the legal responsibility of police officers]. Moscow, 2000. 132 p.
7. Bubon K. V. Dvojnaja otvetstvennost' za sovershennye pravonarushenija [Dual responsibility for offenses]. *Juridicheskij mir – Legal world*, 2003, no. 8, p. 55.
8. Junusov A. A., Junusov S. A. Zakonnost' i spravedlivost' kak osnovnoe uslovie osushhestvlenija pravoprimenitel'noj praktiki pravoohranitel'nyimi organami [Law and justice as a fundamental condition for the law enforcement law enforcement agencies]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo – Penal law*, 2013, no. 1, p. 56.

УДК 351.82:343.8
ББК 67.407.22
П12

ЛЮДМИЛА ВЛАДИМИРОВНА ПАВЛОВА,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры административного и финансового права
(Академия ФСИН России),
e-mail: lyupavlova@yandex.ru
© Павлова Л. В., 2015

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ УЧРЕЖДЕНИЯМИ С ОСОБЫМИ УСЛОВИЯМИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Реферат: в статье анализируется правовая основа использования леса учреждениями, исполняющими наказания, с особыми условиями хозяйственной деятельности.

Востребованность учреждениями с особыми условиями хозяйственной деятельности использования леса в целях заготовки и переработки древесины для реализации права осужденных на труд и обеспечения градообразующей деятельности обуславливает актуальность объекта научного поиска.

Предметом исследования выступают нормативно-правовые акты, которые устанавливают основания возникновения, осуществления, ограничения, приостановления, прекращения права пользования лесными участками, а также судебная практика в сфере использования леса. Цель – комплексный анализ современного состояния лесного законодательства, его возможностей по реализации права лесопользования учреждениями с особыми условиями хозяйственной деятельности; изучение проблем в правоприменительной практике посредством анализа судебной практики; выработка на этой основе мер недопущения нарушений требований законодательства в сфере использования леса.

В статье анализируется предоставление лесных участков учреждениям с особыми условиями хозяйственной деятельности на праве постоянного (бессрочного) пользования, как исключение из общего правила; исследуются порядок и правила оформления обязательной документации для осуществления законного лесопользования учреждениями с особыми условиями хозяйственной деятельности; предлагается ряд мер, направленных на совершенствование деятельности в рассматриваемой сфере.

С целью выявления наиболее распространенных нарушений лесного законодательства в сфере осуществления такого вида лесопользования, как заготовка древесины, проведен анализ рассмотрения судами дел в данной области и вынесенных по этому поводу решений. Отмечается, что такие нарушения влекут за собой меры гражданско-правовой ответственности. Размер взыскиваемых неустоек достаточно высок.

Особая роль в недопущении указанных нарушений принадлежит должностным лицам учреждений, ответственным за данный вид деятельности, которые обязаны:

- знать и неукоснительно соблюдать требования лесного законодательства в части организации лесопользования;
- своевременно оформлять требуемую документацию для лесопользования;
- четко и грамотно выстраивать деятельность, связанную с осуществлением производственного экологического контроля (самоконтроля) в целях охраны, защиты и воспроизводства лесов;
- постоянно повышать свой профессиональный уровень.

Указанный перечень мер не является бесспорным и исчерпывающим, однако при реализации их в практической деятельности они смогут обеспечить рациональное лесопользование, сохранение и возобновление экологического и экономического потенциала леса, создание условий для функционирования лесопромышленного комплекса.

Ключевые слова: лес, лесопользование, уголовно-исполнительная система, учреждения с особыми условиями хозяйственной деятельности, заготовка древесины, лесные участки, проект освоения лесов, государственная или муниципальная экспертиза, лесная декларация, право постоянного (бессрочного) пользования, неустойка.

Россия – крупнейшая лесная держава. По официальным данным Государственного доклада о состоянии окружающей среды в 2009 г., лесной фонд Российской Федерации занимает около 70 % территории суши и является наиболее важным стабилизирующим природным комплексом страны. Общая площадь земель Российской Федерации, занятых лесами, составила на 1 января 2009 г. 1178,6 млн га, в том числе площадь земель лесного фонда – 1134,7 млн га, то есть 96,3 % лесопокрытых земель находится в составе земель лесного фонда [1, с. 65].

Процесс пользования лесами урегулирован нормами лесного законодательства, которые устанавливают основания возникновения, осуществления, ограничения, приостановления, прекращения права пользования лесными участками. Глава 2 Лесного кодекса РФ (ЛК РФ) закрепляет нормы, регулирующие использование лесов, а ст. 25 ЛК РФ устанавливает пятнадцать видов использования леса. Данный перечень не является исчерпывающим, так как согласно п. 16 ч. 1 ст. 25 ЛК РФ могут устанавливаться иные виды использования лесов в зависимости от целевого назначения земель, на которых эти леса располагаются.

В зависимости от вида использования лесов лесопользование могут осуществлять физические и юридические лица.

В качестве частного случая рассмотрим лесопользование юридических лиц – учреждений, исполняющих наказания, с особыми условиями хозяйственной деятельности. Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» выделяет особые учреждения, исполняющие наказания, которые осуществляют заготовку древесины, переработку древесины и иных лесных ресурсов. Они относятся к учреждениям с особыми условиями хозяйственной деятельности [2, с. 44–47].

Востребованность учреждениями с особыми условиями хозяйственной деятельности использования леса в целях заготовки и переработки древесины для реализации права осужденных на труд обуславливает актуальность объекта научного поиска. Эти учреждения участвуют в многоцелевом пользовании лесным фондом и дальнейшей переработке древесины в едином технологическом цикле, сооружении постоянных и временных строений и проведении других необходимых работ для обеспечения данной деятельности.

Как показывает практика, наиболее распространенные виды лесопользования учреждений с осо-

быми условиями хозяйственной деятельности – это заготовка и переработка древесины. Обратимся к правовым основам указанных видов лесопользования.

По общему правилу лица осуществляют заготовку древесины на основании договоров аренды лесных участков (ст. 29 ЛК РФ). Однако п. 8.1 ст. 29 ЛК РФ закрепляет, что, если федеральными законами допускается осуществление заготовки древесины федеральными государственными учреждениями, лесные участки, находящиеся в государственной собственности, могут предоставляться этим учреждениям для указанной цели в постоянное (бессрочное) пользование. Следует отметить, что в ЛК РФ указаны конкретные виды юридических лиц, которые могут приобретать право постоянного (бессрочного) пользования лесными участками и только в определенных целях. К таковым относятся учреждения уголовно-исполнительной системы с особыми условиями хозяйственной деятельности для заготовки древесины. Таким образом, эти учреждения имеют исключительное право пользования лесными участками на праве постоянного (бессрочного) пользования.

Лесной кодекс РФ содержит отсылочные нормы для данного права, ввиду того что право постоянного (бессрочного) пользования лесными участками возникает и прекращается по основаниям и в порядке, которые предусмотрены гражданским законодательством, земельным законодательством, если иное не предусмотрено ЛК РФ.

Исключения из указанного общего правила могут быть установлены в специальных правовых нормах ЛК РФ, которые в таких случаях обладают приоритетом по отношению к нормам гражданского и земельного законодательства [3]. Например, многие специальные положения содержатся в гл. 6–8 ЛК РФ.

Право постоянного (бессрочного) пользования лесными участками представляет собой ограниченное вещное право, предусмотренное лесным, гражданским и земельным законодательством. С 1 марта 2015 г. право постоянного (бессрочного) пользования земельными участками регламентируется новой ст. 39.9 Земельного кодекса РФ «Предоставление земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, в постоянное (бессрочное) пользование».

Право постоянного (бессрочного) пользования земельными участками и соответственно лесными участками может принадлежать только юридическим лицам.

Важно отметить, что освоение лесов должно осуществляться с соблюдением их целевого назначения и выполняемых ими полезных функций. В этих целях ч. 1 ст. 88 ЛК РФ закрепляет, что лица, которым лесные участки предоставлены в постоянное (бессрочное) пользование, обязаны оформить проект освоения лесов в соответствии со ст. 12 ЛК РФ, в целях обеспечения их многоцелевого, рационального, непрерывного, неистощительного использования, а также развития лесной промышленности.

Состав проекта освоения лесов и порядок его разработки утверждены приказом Рослесхоза от 29 февраля 2012 г. № 69 «Об утверждении состава проекта освоения лесов и порядка его разработки». Следует отметить, что проект освоения лесов для учреждений уголовно-исполнительной системы с особыми условиями хозяйственной деятельности для заготовки и переработки древесины должен содержать сведения о разрешенных видах и проектируемых объемах использования лесов, мероприятиях по охране, защите и воспроизводству лесов, по созданию объектов лесной и лесоперерабатывающей инфраструктуры, по охране объектов животного мира и водных объектов, а также о мероприятиях по строительству, реконструкции и эксплуатации объектов, не связанных с созданием лесной инфраструктуры.

Проект освоения лесов состоит из общей и специальной частей. Общая часть проекта составляется для всех видов использования лесов, предусмотренных ст. 25 ЛК РФ. Специальная часть проекта освоения лесов – раздел «Организация использования лесов» включает в себя подразделы, соответствующие видам разрешенного использования лесов, предусмотренные условиями предоставления лесного участка на праве постоянного (бессрочного) пользования. Следовательно, подраздел «Заготовка древесины» для учреждений с особыми условиями хозяйственной деятельности должен содержать следующие сведения: возрасты рубок и возрасты спелости лесных насаждений для эксплуатационных, защитных лесов и особо защитных участков лесов; установленный объем заготовки древесины на участке; ведомость лесотаксационных выделов, в которых проектируется заготовка древесины, пространственное размещение указанных лесотаксационных выделов, а также пространственное размещение развития дорожной сети на период действия проекта освоения лесов (тематическая лесная карта); общие сведения о проектируемых ежегодных объемах заготовки древесины.

Проект освоения лесов разрабатывается учреждениями с особыми условиями хозяйственной деятельности, которым лесные участки предоставле-

ны в постоянное (бессрочное) пользование, в соответствии со ст. 12 ЛК РФ на основании свидетельства о предоставлении лесного участка в постоянное (бессрочное) пользование, лесохозяйственного регламента лесничества (лесопарка), материалов государственного лесного реестра, документов территориального планирования, а также иных специальных обследований. Данный документ разрабатывается на срок не более 10 лет для всех видов использования лесов.

Проект освоения лесов представляется в уполномоченный орган государственной власти или орган местного самоуправления (в зависимости от формы собственности земель соответственно) для государственной или муниципальной экспертизы на бумажном носителе в целях оценки соответствия проекта освоения лесов лесохозяйственному регламенту лесничества, лесопарка, лесному плану субъекта Российской Федерации, а также принципам рационального использования и сохранения биологического разнообразия лесов и законодательству Российской Федерации.

Порядок государственной или муниципальной экспертизы проекта освоения лесов регламентирован приказом Рослесхоза от 22 декабря 2011 г. № 545 «Об утверждении Порядка государственной или муниципальной экспертизы проекта освоения лесов».

Необходимо отметить, что после получения положительного заключения по экспертизе следует подать в органы государственной власти или органы местного самоуправления, в зависимости от формы собственности, в которой находится земельный участок, заявление об использовании лесов в соответствии с проектом освоения лесов, которое называется лесной декларацией. Лесная декларация подается ежегодно, не менее чем за 10 дней до начала предполагаемого срока использования лесного участка. Лесная декларация должна содержать сведения обо всех видах использования лесов. Форма лесной декларации, порядок ее заполнения и подачи регулируется приказом Рослесхоза от 17 января 2012 г. № 18 «О лесной декларации».

Некоторые ученые выражают сомнение в том, что отмена лесорубочного билета, ордера, лесного билета и установление взамен системы декларирования не будет настолько эффективна сама по себе, потому как требует определенных условий, в первую очередь организации надлежащего самоконтроля (производственного контроля) деятельности лесопользователей и соответственно государственного контроля [1, с. 67].

Важно отметить, что лесное законодательство закрепляет нормы о том, что невыполнение лесопользователем мероприятий, предусмотренных проектом освоения лесов, является основанием для принудительного прекращения права постоянного (бессрочного) пользования лесным участком.

Думается, что законность использования леса учреждениями с особыми условиями хозяйственной деятельности напрямую зависит от своевременности и правильности оформления соответствующей документации.

Если Лесной кодекс РФ закрепил нормы о том, что использование, охрана, защита, воспроизводство лесов должны осуществляться исходя из понятия о лесе как об экологической системе или как о природном ресурсе, то, на наш взгляд, каждый обязан соблюдать требования лесного законодательства для сохранения леса, учитывая его ценность как для окружающей среды, так и для экономики.

Лесные ресурсы оказывают существенное влияние на экономику более 40 субъектов РФ, в которых продукция лесной промышленности составляет от 10 до 50 % общего объема промышленной продукции [1, с. 65]. Важно также указать, что многие учреждения с особыми условиями хозяйственной деятельности в силу их отдаленности от городов и специфики хозяйственной деятельности являются градообразующими [4, с. 15–16]. На их балансах находятся поселки, жилые дома, школы, детские учреждения, больницы, дома культуры. Например, в состав лесопромышленного комплекса УИС Кемеровской области входят 2 учреждения, занимающиеся лесозаготовкой. Одно из них является самым крупным лесозаготовительным и лесоперерабатывающим предприятием с годовым объемом заготовки 30 тыс. м³ древесины [5].

Анализируя правовые основы лесопользования учреждений с особыми условиями хозяйственной деятельности, приходим к выводу о том, что грамотно построенная система лесопользования будет способствовать сохранению лесных ресурсов, их неистощаемости, что имеет важное экологическое, социальное и экономическое значение.

Как было отмечено, леса ценны для экономики как страны, так и учреждений с особыми условиями хозяйственной деятельности. Ввиду этого рассматриваемый нами субъект лесопользования обязан так его осуществлять, чтобы не причинять ущерб окружающей среде и хозяйственной деятельности учреждений.

С целью выявления наиболее распространенных нарушений лесного законодательства в сфере осуществления такого вида лесопользования, как заготовка древесины, нами проведен анализ рас-

смотрения судами дел в указанной области и вынесенных по этому поводу решений [9]. Это следующие нарушения: оставление деревьев, предназначенных для рубки, так называемые недорубы, неочистка мест рубок от порубочных остатков, нарушение сроков вывоза древесины, невыполнение требований по сохранению и приведению в надлежащее состояние нарушенных дорог, мостов и просек, а также осушительной сети, дорожных, гидромелиоративных и других сооружений, водотоков, ручьев, рек.

Уместно отметить, что данные нарушения влекут за собой меры гражданско-правовой ответственности, а именно: в случае удовлетворения судом требований заявителя о выявленных нарушениях и ненадлежащего исполнения обязательств к ответчику применяется взыскание неустойки как способ обеспечения исполнения невыполненных обязательств. Анализ также показывает, что размер взыскиваемых неустоек достаточно высок [6]. Это приводит к негативным последствиям в хозяйственной деятельности учреждений с особыми условиями хозяйственной деятельности, а именно к значительным бюджетным расходам [7, с. 115].

Например, учреждению с особыми условиями хозяйственной деятельности предоставлен лесной участок на праве постоянного (бессрочного) пользования, и им получена лесная декларация с указанием вида использования леса: заготовка древесины. По результатам проверки использования лесных участков выявлены факты неочистки мест рубок на площади 2,1 га, невывоза древесины в объеме 1115 м³. Данные факты подтверждены актами осмотра. Учреждению были направлены претензионные письма с указанием выявленных нарушений по лесной декларации, сообщено о размере начисленной неустойки на общую сумму 742 676 руб. 83 коп., указано на необходимость добровольной уплаты неустойки. Департамент лесного хозяйства N-ской области обратился с иском в суд о взыскании с учреждения в пользу Департамента лесного хозяйства N-ской области неустойки в размере 742 676 руб. 83 коп. за нарушение условий пользования лесным участком. Исковые требования удовлетворены были полностью [6].

Допущение подобных нарушений и взыскание неустоек из бюджета государства неблагоприятно сказывается на финансовом состоянии уголовно-исполнительной системы. В связи с этим полагаем, что использование леса должно осуществляться лесопользователями в строгом соответствии с принципами лесопользования, соблюдая все правила, предусмотренные в данной области [8, с. 24].

Особая роль в недопущении указанных нарушений принадлежит должностным лицам учреждений, ответственным за данный вид деятельности, которые обязаны:

- знать и неукоснительно соблюдать требования лесного законодательства в части организации лесопользования;
- своевременно оформлять требуемую документацию для лесопользования;
- четко и грамотно выстроить деятельность, связанную с осуществлением производственного

экологического контроля (самоконтроля), в целях охраны, защиты и воспроизводства лесов;

- постоянно повышать свой профессиональный уровень.

В заключение хотелось бы отметить, что указанный перечень мер не является бесспорным и исчерпывающим, однако при реализации их в практической деятельности они смогут обеспечить рациональное лесопользование, сохранение и возобновление экологического и экономического потенциала леса, создание условий для функционирования лесопромышленного комплекса.

Список литературы

1. Природоресурсное законодательство в условиях модернизации экономики России: современные проблемы развития : монография / В. Б. Агафонов [и др.] ; под ред. Н. Г. Жаворонковой. М., 2014. 160 с.
2. Чорный В. Н., Сенатова Е. В. Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»: опыт 20-летнего применения // Человек: преступление и наказание. 2013. № 4. С. 44–47.
3. Лесной кодекс Российской Федерации : постат. науч.-практ. коммент. / под ред. А. А. Ялбулганова // СПС «КонсультантПлюс».
4. Огородников В. И. Организация деятельности в исправительных учреждениях нового типа уголовно-исполнительной системы // Прикладная юридическая психология. 2014. № 4. С. 15–21.
5. Официальный сайт ФСИН России. URL: <http://фсин.рф/> (дата обращения: 30.12.2014).
6. Постановление ФАС Уральского округа от 29 октября 2013 г. № Ф09-10505/13 по делу № А60-3536/2013 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Упоров А. Г. Дисциплинарная ответственность сотрудников уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 2. С. 114–116.
8. Гришин Д. А. Правовые аспекты обеспечения экологической безопасности уголовно-исполнительной системы России // Человек: преступление и наказание. 2007. № 3. С. 22–26.
9. Постановление ФАС Поволжского округа от 22 февраля 2011 г. по делу № А55-37370/2009; постановление ФАС Волго-Вятского округа от 23 июня 2014 г. по делу № А11-4738/2013; постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 17 декабря 2014 г. по делу № А33-21026/2013; постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 17 декабря 2014 г. по делу № А33-21026/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

LYUDMILA VLADIMIROVNA PAVLOVA,

phd in law, associate professor,
associate professor of the administrative and financial law department
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: lyupavlova@yandex.ru
© Pavlova L. V., 2015

LEGAL ASPECTS OF FOREST MANAGEMENT AGENCIES WITH SPECIAL BUSINESS ENVIRONMENT THE PENAL SYSTEM

Annotation: analyzes the legal basis for the use of forest institutions executing punishment, with special conditions for economic activity. Demand for institutions with special conditions for economic activity in order to use forest harvesting and processing of timber for the right of convicts to work and provide city-activity determines the relevance of the object of scientific research. The subject of the research are regulations that establish the grounds for the emergence, implementation, restriction, suspension, termination of the right to use forest areas, as well as the judicial practice in the use of the forest. The aim of the work is presented a comprehensive analysis of the current state of the forest legislation, its ability to implement the rights of forest management

institutions with special conditions for economic activity; study of the problems in law enforcement through the analysis of judicial practice; on that basis measures to prevent breaches of the law in the use of the forest.

Achieving this goal is ensuring that a number of research tasks: starting from the consideration of the general rules of forest areas for logging physical and legal entities, providing analyzes of forest plots institutions with special conditions for economic activity in the right of permanent (perpetual) use, as an exception to the general rule; investigate the procedures and rules of mandatory registration documents for legal forest management institutions with special conditions for economic activity; proposes a number of measures aimed at improving the activities in this sphere.

In order to identify the most common violations of forest legislation in the implementation of this type of forest as timber harvesting, the analysis of court cases in this area and made decisions on the matter. It is noted that these violations entail measures of civil liability, namely the satisfaction of the court in the case of the applicant's claims about any violations and improper fulfillment of obligations to the defendant applied recovery of damages as a way to enforce default. The analysis also shows that the size of the penalties exacted quite high. For example, in one of these examples, the amount of the penalty is 742 676 rubles. 83 kopecks. for violating the terms of use of forest plot. One could argue that it leads to negative consequences in the economic activity of institutions – namely, significant budget expenditures.

The above gives reason to believe that a special role to prevent these violations belongs to the officials of institutions responsible for this type of activity, which must:

- know and comply strictly with the requirements of the forest legislation regarding the organization of forest management;
- timely execute the required documentation for forest management;
- clearly and competently to build activities related to the implementation of industrial environmental control (self-control) for protection and reproduction of forests;
- to continuously improve their professional skills.

In conclusion, the above list of measures is not certain and complete, but their implementation in practice they will be able to ensure sustainable forest management, conservation and renewal of environmental and economic potential of forests, creating conditions for the functioning of the timber industry.

Key words: forest, forest management, penal system, penalsystem institutions with the specific terms of economic activity, timber harvesting, forest areas, forest development plans, municipal or state examination, forest Declaration, the right of permanent (indefinite) use, contractual penalty.

References

1. Prirodoresursnoe zakonodatel'stvo v usloviyah modernizacii ekonomiki Rossii: sovremennye problem razvitiya [Natural resource legislation in the economic modernization of Russia: modern problems of development]. V. B. Agafonov [and others]. Under the editorship of N. G. Zhavoronkova. Moscow, 2014. 160 p.
2. Chornyj V. N., Senatova E. V. Zakon Rossijskoj Federacii «Ob uchrezhdenijah i organah, ispolnjajushhih ugovolnye nakazaniya v vide lisheniya svobody»: opyt 20-letnego primenenija [Law of the Russian Federation «On institutions and bodies executing criminal penalty of deprivation of liberty»: the experience of a 20-year application]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2013, no. 4, pp. 44–47.
3. Lesnoj kodeks Rossijskoj Federacii: postatejnyj nauchno-prakticheskij kommentarij [Forest code of the Russian Federation: an itemized scientific-practical commentary]. Under the editorship of A. A. Yalbulganov. Unpublished.
4. Ogorodnikov V. I. Organizacija dejatel'nosti v ispravitel'nyh uchrezhdenijah novogo tipa ugovolno-ispolnitel'noj sistemy [Organization of activities in prisons of a new type penal system]. Prikladnaja juridičeskaja psihologija – Applied legal psychology, 2014, no. 4, pp. 15–21.

5. Oficial'nyj sajt FSIN Rossii [Official website of the Federal penitentiary service of Russia]. Available at: <http://fsin.ru> (Accessed 30 December 2014).

6. Postanovlenie FAS Ural'skogo okruga ot 29.10.2013 № F09-10505/13 po delu № A60-3536/2013. [The Resolution of the Federal Antimonopoly Service of the Russian Federation in Ural region from October, 29th, 2013, № F09-10505/13 in case № A60-3536/2013]. Unpublished.

7. Uporov A. G. Disciplinarnaja otvetstvennost' sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy [Disciplinary responsibility of employees of the correctional system]. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo – Penal law, 2014, no 2, pp. 114–116.

8. Grishin D. A. Pravovye aspekty obespechenija jekologicheskoj bezopasnosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossii [Legal aspects of environmental security of the correctional system in Russia]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2007, no. 3, pp. 22–26.

9. Postanovlenie FAS Povolzhskogo okruga ot 22.02.2011 po delu № A55-37370/2009. [The Resolution Federal Antimonopoly Service of the Russian Federation Volga District from December, 22th, 2011 in case № A55-37370/2009]. Postanovlenie FAS Volgo-Vjatskogo okruga ot 23.06.2014 po delu № A11-4738/2013. [The Resolution Federal Antimonopoly Service of the Russian Federation in Volga-Vyatka Region from Jun, 23d, 2014 in case № A11-4738/2013]. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Vostochno-Sibirskogo okruga ot 17.12.2014 po delu № A33-21026/2013. [The Resolution of the Arbitration court of the East Siberian district from December, 17th, 2014 in case № A33-21026/2013]. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Vostochno-Sibirskogo okruga ot 17.12.2014 po delu № A33-21026/2013. [The Resolution of the Arbitration court of the East Siberian district from December, 17th, 2014 in case № A33-21026/2013]. Unpublished.

УДК 343.131
ББК 67.410.2(4Вел)
В15

АРТЕМ ТАХИРОВИЧ ВАЛЕЕВ,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики
(Северо-Западный институт (филиал) Московского
государственного университета имени О. Е. Кутафина),
e-mail: art35404@gmail.com
© Валеев А. Т., 2015

ПРАВО НА ОБЖАЛОВАНИЕ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В АНГЛИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

Реферат: в статье анализируются особенности института обжалования судебных решений по уголовным делам в английском праве, а именно: 1) значительное число судов, которые обладают полномочиями по рассмотрению апелляций; 2) многочисленность форм пересмотра судебных решений; 3) определение законом лишь процедуры обжалования и отсутствие в нем конкретных оснований к отмене судебных решений; 4) значительные сроки обжалования в сравнении с законодательством стран континентальной Европы; 5) ограниченность применения принципа запрета поворота к худшему; 6) отсутствие законодательно закрепленного института возобновления производства ввиду новых обстоятельств, характерного для стран континентальной Европы; 7) наличие дополнительных средств обжалования, которые можно отнести к средствам обжалования промежуточных судебных решений.

В английском праве выделяются следующие виды обжалования в зависимости:

от суда первой инстанции, которым вынесено обжалуемое решение, – обжалование приговоров магистратских судов, вынесенных в суммарном порядке, и обжалование приговоров и вердиктов Суда Короны, вынесенных по результатам рассмотрения дела;

стороны, обжалующей судебное решение, – обжалование стороной защиты и обжалование стороной обвинения;

конкретной части судебного решения – обжалование решения о виновности или невиновности и обжалование меры наказания.

Ключевые слова: апелляция по уголовным делам, английская правовая система, законодательство Великобритании, уголовное судопроизводство, апелляционное обжалование, право на обжалование, обжалование приговоров.

Право на обжалование судебных решений по уголовным делам является одним из фундаментальных прав участников уголовного судопроизводства, которое гарантирует вынесение справедливого решения. С 1 января 2013 г. в российском уголовном процессе действует новая реформированная система институтов обжалования. Процесс ее реформирования еще не завершился. В связи с этим особый интерес представляет сравнительно-правовой анализ содержания права на обжалование судебных решений по уголовным делам в законодательстве России и европейских национальных правовых системах.

При рассмотрении института обжалования судебных решений по уголовным делам в странах англосаксонских процессуальных систем необходимо учитывать важный момент. Как отмечают многие исследователи, термин «апелляция» (от лат. *appeallatio* – обращение) в английском уголовном процессе имеет иное смысловое значение, чем в странах с континентальной процессуальной системой. Если в последних указанный термин озна-

чает определенную форму (способ) обжалования, то в английской системе – это любой способ обжалования решений различных судебных инстанций по уголовным делам [1, с. 23].

Данное положение может быть обусловлено тем, что английское право, в отличие от европейского континентального законодательства, не дает четкого разделения судебных решений на вступившие и не вступившие в законную силу. Судебные решения в Англии, скорее, можно классифицировать на исчерпавшие и не исчерпавшие возможности обжалования.

В силу того что построение судебной системы Великобритании по сравнению с европейскими континентальными странами достаточно сложное [2, с. 198–207], разбор всех особенностей ее построения и порядка обжалования не будет предметом нашего исследования. Остановимся лишь на общих чертах и тенденциях обжалования судебных решений по уголовным делам в Великобритании.

Основными законодательными источниками, регулирующими процедуру обжалования, в англ-

лийском праве являются *Закон об апелляции по уголовным делам 1968 г.*, регламентирующий порядок обжалования судебных решений в Апелляционный суд и Верховный суд Великобритании (в тексте самого Закона говорится не о Верховном суде Великобритании (Supreme Court of the United Kingdom), а о палате лордов (House of Lords), однако в соответствии с Актом о конституционной реформе 2005 г. все судебные функции палаты лордов после создания в 2009 г. Верховного суда были переданы последнему), а также *Закон об апелляции по уголовным делам 1995 г.*, который, с одной стороны, внес изменения в Закон 1968 г., а с другой – имеет самостоятельное значение (в частности, он регулирует деятельность Комиссии по пересмотру уголовных дел). Отдельные вопросы института обжалования закреплены и в иных законах, например в Законе о магистратских судах 1980 г., разд. V которого регламентирует процедуру обжалования решений магистратских судов в Суд Короны. Кроме того, существенное влияние на процедуру обжалования оказывает значительное число судебных прецедентов.

К особенностям института обжалования судебных решений по уголовным делам в английском праве можно отнести:

1. *Значительное число судов, которые обладают полномочиями по рассмотрению апелляций.* В частности, судами, обладающими апелляционными полномочиями по уголовным делам в судебной системе Великобритании, только в Англии и Уэльсе являются: Суд Короны, Апелляционный суд, Высокий суд, Верховный суд Великобритании.

2. *Многочисленность форм пересмотра судебных решений.* Судебные решения могут быть обжалованы в зависимости от ситуации и конкретных требований в различные суды. Например, решение магистратского суда по общему правилу обжалуется в Суд Короны, но если жалоба касается только вопросов права, то она может быть направлена в Высокий суд [3, с. 160]. Кроме того, одно и то же решение может быть последовательно обжаловано в несколько судов.

Вместе с тем, несмотря на многообразие форм обжалования, их использование в значительной степени ограничено определенными барьерами, которые будут рассмотрены нами далее.

Процедура рассмотрения и виды принимаемых решений зависят от конкретной судебной инстанции. Так, Суд Короны при рассмотрении апелляции на приговор магистратского суда вправе произвести полный пересмотр дела с вызовом сторон, свидетелей, рассмотрением доказательств, в том числе новых. Высокий суд при рассмотрении жалоб на приговор магистратского суда ограничива-

ется заслушиванием мнения адвокатов, изучением материалов дела [3, с. 152–163].

3. *Особенности правового регулирования института обжалования.* Закон определяет лишь процедуру обжалования в общих чертах и не содержит конкретных оснований к отмене судебных решений. Такие основания содержатся в судебных прецедентах.

В качестве примера можно привести то обстоятельство, что в соответствии со ст. 2 действующей редакции Закона об апелляции в качестве единственного основания отмены обвинительного вердикта присяжных является «ненадежность решения о виновности» (the conviction is unsafe). Как отмечается в литературе, такое расплывчатое содержание основания, с одной стороны, придает значительную гибкость судебной правоприменительной практике, но с другой – позволяет суду, рассматривающему апелляцию, отказать в удовлетворении апелляции даже при наличии существенных нарушений, допущенных судом присяжных [4, с. 171].

4. *Достаточно значительные сроки обжалования по сравнению с законодательством стран континентальной Европы.* Так, например, срок первого обжалования приговора, вынесенного магистратским судом, составляет 21 день, решения Суда Короны – 28 дней [1, с. 24–25]. Более того, истечение этих сроков не означает окончательную невозможность обжалования: срок, пропущенный по уважительной причине, может быть восстановлен судом, или жалоба может быть направлена через Комиссию по пересмотру уголовных дел [3, с. 153].

5. *Ограниченность применения принципа запрета поворота к худшему.* В частности, после рассмотрения апелляции на приговор магистратского суда Суд Короны не связан мерой наказания, назначенной по первой инстанции, и вправе усилить наказание вне зависимости от того, что апелляция была подана стороной защиты [5, с. 120].

При пересмотре приговоров, вынесенных на основании вердикта присяжных, принцип запрета поворота к худшему действует. При рассмотрении дела по апелляционной жалобе стороны защиты, Апелляционный суд не вправе усилить наказание.

6. *Отсутствие законодательно закрепленного института возобновления производства ввиду новых обстоятельств, характерного для стран континентальной Европы.* Согласно существующей в английском праве аксиоме приговор, вступивший в законную силу, по которому исчерпаны возможности обжалования, имеет статус закона и не может быть пересмотрен.

Вместе с тем это не означает, что при появлении после прохождения процедуры обжалования новых обстоятельств невозможно произвести никаких про-

цессуальных действий, направленных на освобождение невиновного лица, если таковое находится в местах заключения. Как отмечают авторы, в этом случае можно подать жалобу со ссылкой на нарушение закона о неприкосновенности личности (англ. Habeas Corpus Akt – Хабеас корпус акт).

С помощью данной процедуры без формально-го пересмотра приговора у Суда появляется возможность при наличии новых обстоятельств освободить заключенного из мест лишения свободы. Согласно положениям Habeas Corpus Act любой арестованный имеет право на рассмотрение судом достаточности оснований заключения под стражу, в том числе осужденный по приговору суда. Проверку проводит отделение королевской скамьи Высокого суда. По результатам процедуры Habeas Corpus осужденный может быть освобожден из заключения, хотя формально приговор остается в силе, или его дело направляется на новое судебное разбирательство [6, с. 39–40].

7. *Наличие дополнительных средств обжалования*, которые можно отнести к средствам обжалования промежуточных судебных решений. К ним, в частности, можно отнести уже упомянутую нами жалобу со ссылкой на нарушение закона о неприкосновенности личности (в том случае, если обжалуется помещение лица под арест, до вынесения итогового решения по делу). Кроме того, в юридической литературе имеются упоминания о следующих дополнительных формах обжалования [5, с. 82–83]:

– просьба о запрете судье совершать определенные процессуальные действия. В Великобритании в ходе разбирательства дела судья может объявлять о намерении совершения им дальнейших процессуальных действий. Если сторона полагает, что действия, которые судья намерен совершить, незаконны, она вправе превентивно обжаловать их в Высокий суд и потребовать запрета на совершение этих действий;

– просьба обязать судью совершить процессуальные действия. Требование, противоположное предыдущему, направленное на принуждение судьи к совершению какого-либо процессуального действия вышестоящей судебной инстанцией (ст. 29–31 Закона о Высоком суде 1981).

Представляется возможным выделить следующие виды обжалования (апелляции) в английском праве:

1. В зависимости от суда первой инстанции, которым вынесено обжалуемое решение, – обжалование приговоров магистратских судов, вынесенных в суммарном порядке, и обжалование приговоров и вердиктов Суда Короны, вынесенных по результатам рассмотрения дела с участием присяжных заседателей (при несогласии подсудимого

с обвинением) или без присяжных заседателей (при согласии подсудимого с обвинением).

Право на обжалование судебных решений, вынесенных Судом Короны, ограничено.

Во-первых, исходя из содержания ст. 1 Закона об апелляции по уголовным делам инициация процедуры обжалования зависит не только от волеизъявления соответствующего участника процесса, но и от того, будет ли получено разрешение судьи на апелляцию. Сторона защиты вправе ходатайствовать о разрешении на апелляцию перед судьей Суда Короны или Апелляционного суда. Для получения положительного решения судья должен убедиться, что апелляция ставит достаточно серьезный вопрос для передачи его на рассмотрение вышестоящим судом [7, с. 523]. Необходимость получения согласия судьи на обжалование сохраняется и при дальнейшем обжаловании в Верховный суд Великобритании (ст. 33 Закона об апелляции 1968 г.). Отказ судьи в передаче апелляции может быть обойден путем обращения в Комиссию по пересмотру уголовных дел, которая вправе в соответствии со ст. 9 Закона об апелляции 1995 г. направить обвинительный вердикт (приговор) Суда Короны на рассмотрение Апелляционного суда.

Согласно позиции Европейского суда по правам человека подобное ограничение допустимо, поскольку основания для пересмотра определяются национальными законодательствами и государствам предоставлена свобода усмотрения при определении того, как будет осуществляться право обжалования. Таким образом, в некоторых случаях лицо, желающее обратиться в вышестоящий суд, должно получить разрешение на апелляцию [8].

Для обжалования решений магистратских судов предварительное согласие суда на подачу апелляции не требуется [1, с. 23].

Во-вторых, по общему правилу может быть обжалован лишь обвинительный вердикт или приговор суда присяжных. Английское законодательство содержит несколько исключений из данного правила:

– в соответствии со ст. 12 Закона об апелляции 1968 г. может быть обжалован такой вердикт, как «not guilty by reason of insanity» (не виновен по причине психического расстройства), которого не существует в российском законодательстве, но который с юридической точки зрения может быть отнесен к оправдательным;

– согласно ст. 36 Закона об уголовной юстиции 1972 г. Генеральный атторней (прокурор) вправе обжаловать в Апелляционный суд решения, вынесенные на основании оправдательного вердикта, в связи с неправильным применением Судом Короны правовых норм. Однако решение Апелляционного суда направлено не на отмену оправдательно-

го вердикта, а на создание правового прецедента и обеспечение единства судебной практики. Указанный институт схож с французским институтом кассации в интересах закона, однако в силу прецедентного характера английского права имеет более существенное значение;

– в английском законодательстве существует институт, когда обжалуется не оправдательный вердикт или приговор суда в силу его неправомерности, а законность производства по делу в целом. Сторона обвинения (как и сторона защиты) вправе требовать направления дела на пересмотр (ст. 7–8 Закона об апелляции 1968 г.) в тех случаях, если при рассмотрении дела было допущено существенное нарушение закона, влекущее за собой незаконность судебного разбирательства. Процессуальным результатом этого решения является аннулирование судебного производства, что влечет за собой такую правовую ситуацию, при которой предыдущее рассмотрение дела считается юридически не имевшим места. В этом случае в отношении лица вновь может быть начато уголовное преследование. В юридической литературе подобное решение принято именовать приказом *venire de novo* [7, с. 534];

– аналогичные предыдущим правовые последствия наступают в случае, предусмотренном ст. 55–57 Закона об уголовном процессе и расследованиях 1996 г. Сторона обвинения вправе обратиться в Высокий суд с жалобой на оправдательный вердикт, если его вынесение явилось следствием запугивания присяжных заседателей или свидетелей. Высокий суд вправе отменить оправдательный вердикт присяжных и аннулировать производство. В данном случае важно обратить внимание на судебную инстанцию, в которую происходит обжалование. Таковой выступает не Апелляционный суд, как при обычном обжаловании, а Высокий суд, что подчеркивает исключительность ситуации.

2. В зависимости от стороны, обжалующей судебное решение, – обжалование стороной защиты и обжалование стороной обвинения. Как указывается в литературе, стороны обладают не одинаковыми правами в сфере обжалования. Апелляция против решения о виновности или обвинительного приговора и апелляция против решения о невиновности или оправдательного приговора подчинены различным процессуальным правилам и основаниям [3, с. 151]. По общему правилу сторона обвинения вправе обжаловать только приговор магистратского суда в Высокий суд по правовым основаниям. В остальных случаях сторона обвинения, как правило, может являться субъектом обжалования лишь в пределах установленных изъятий из закона [1, с. 24].

Так, в соответствии со ст. 36 Закона об уголовной юстиции 1988 г., Генеральный атторней (про-

курор) вправе обжаловать в Апелляционный Суд обвинительный приговор Суда Короны в связи с мягкостью назначенного наказания (*unduly lenient* – незаконной снисходительностью). Кроме этого, как указывают исследователи, по конкретным категориям правовых споров такие исключения могут содержаться в специальных законах [3, с. 159].

3. В зависимости от того, какая часть судебного решения обжалуется, – обжалование решения о виновности или невиновности (*appeal against conviction, appeal against acquittal*) и обжалование меры наказания (*appeal against sentence*). Для суда присяжных данное разделение определяет, какое конкретно процессуальное решение обжалуется – вердикт коллегии присяжных или приговор судьи о назначении наказания. Для магистратского суда, в котором оба решения отражаются в приговоре, данное разделение имеет значение при наличии или отсутствии признания подсудимым себя виновным при рассмотрении дела в первой инстанции. В случае признания подсудимым вины он вправе обжаловать приговор лишь в части назначенного наказания [1, с. 24].

4. Разделение на обжалование по вопросам права (по поводу неправильного применения судом норм уголовного или уголовно-процессуального права), апелляции по вопросам факта (недоказанность обвинения, ошибочное установление обстоятельств дела, несправедливость наказания и т. д.) [4, с. 170]. Первоначальная редакция ст. 1 Закона об апелляции 1968 г. выделяла также смешанные апелляции (сочетающие вопросы права и факта). Необходимо отметить, что последняя классификация до изменения Закона об апелляции в 1995 г. имела существенно более важное практическое значение, чем в настоящее время. Обусловлено это было тем, что в соответствии с ранее действовавшими правилами для обжалования судебного решения только по вопросам права не требовалось согласия судьи первой или апелляционной инстанции.

В последние десятилетия наметилась тенденция по сближению английского законодательства к системе европейского континентального права. Первоначальным толчком для данного процесса во многом явилось создание Совета Европы и его важнейшего органа – Европейского суда по правам человека. В соответствии с Актом о европейских сообществах 1972 г. в Великобритании прямо был решен вопрос об использовании решений Европейского суда по правам человека в качестве источника права.

Основным фактором, обеспечивающим процесс сближения правовых систем, явилось создание Европейского союза. Как отмечается в самой Великобритании, европейское континентальное право постепенно и уверенно охватывает все простран-

ство Европейского союза, становясь доминирующим во внутреннем законодательстве Союза [2, с. 200–201]. Одним из основных результатов данного процесса на настоящий момент является создание Верховного суда Великобритании, который уже упоминался нами.

Можно предполагать, что в дальнейшем данная тенденция будет только усиливаться, поскольку она является составной частью общего процесса интеграции стран Европейского союза.

На основании изложенного считаем возможным сформулировать определенные выводы о сущности и пределах права на обжалование судебных решений по уголовным делам в английской правовой системе.

Уголовно-процессуальное право Великобритании содержит значительные ограничения для реализации права на обжалование судебных решений по уголовным делам. Бесспорное право на обжалование приговора стороной защиты действует лишь в отношении магистратских судов; обжалование решений Суда Короны и последующих судебных решений возможно лишь с согласия суда, вынесшего решения или суда, в который направляется жалоба.

Сторона обвинения в английском законодательстве по общему правилу субъектом обжалования не является и действует лишь в пределах изъятий, предусмотренных законом. Вместе с тем у стороны обвинения в Англии имеются правовые механизмы, позволяющие добиться в определенных законом случаях отмены оправдательного вердикта суда присяжных.

Английское законодательство не признает возможность пересмотра приговора, вступившего в законную силу, в сторону как улучшения, так и ухудшения положения подсудимого. Приговор, вступивший в законную силу, по которому исчерпаны возможности обжалования, имеет статус закона и не может быть пересмотрен. Идея стабильности приговора и правовой определенности носит абсолютный характер. Институт возобновления производства ввиду новых обстоятельств отсутствует в привычном для континентальной Европы виде.

Исправление допущенных судебных ошибок в этом случае осуществляется не путем пересмотра приговора, а путем применения правовых институтов, прямо не относящихся к институту пересмотра судебных решений, но позволяющих освободить невиновное лицо из заключения (институт Хабеас корпус).

Список литературы

1. Сидорова Н. В. Апелляция в уголовном процессе Великобритании и США // Международное уголовное право и международная юстиция. 2008. № 3. С. 23–30.
2. Назаров И. В. Судебная система Великобритании и ее реформирование в связи с членством в Европейском Союзе // Проблемы законности. 2011. № 115. С. 198–207.
3. Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. М., 2002. 528 с.
4. Камнев А. С. Становление форм и оснований пересмотра приговоров, постановленных судом с участием присяжных заседателей, в Англии // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Право. 2013. Т. 9. Вып. 2. С. 165–174.
5. Апарова Т. В. Суды и судебный процесс Великобритании. Англия, Уэльс, Шотландия. М., 1996. 157 с.
6. Калиновский К. Б. Уголовный процесс современных зарубежных государств : учеб. пособие. Петрозаводск, 2000. 48 с.
7. Уолкер Р. Английская судебная система / отв. ред. и предисл. Ф. М. Решетников ; пер. с англ. Т. В. Апарова. М., 1980. 631 с.
8. Решение Европейской комиссии по правам человека по жалобе Ханса Ричарда Нильсена против Дании от 9 сентября 1992 г. № 19028/91. URL: hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-1371.

ARTEM TAKHIROVICH VALEEV,

phd in law, associate professor,
head of the of criminal trial and criminalistics department
(Northwest institute (branch) of Moscow state university of O. E. Kutafin),
e-mail: art35404@gmail.com
© Valeev A. T., 2015

THE RIGHT FOR THE APPEAL OF JUDGMENTS ON CRIMINAL CASES IN ENGLISH NATIONAL LEGAL SYSTEM

Annotation: features of institute of the appeal of judgments on criminal cases in the English right are analyzed, namely: 1) considerable number of courts which possess powers on consideration of appeals; 2) large

number of forms of revision of judgments; 3) the law defines only an appellate procedure and doesn't contain the concrete bases to cancellation of judgments; 4) considerable terms of the appeal, in comparison with the legislation of the countries of continental Europe; 5) limitation of application of the principle of a ban of turn to the worst; 6) absence of legislatively fixed institute of renewal of production in a type of new circumstances, characteristic for the countries of continental Europe; 7) existence of additional resources of the appeal which can be carried to means of the appeal of intermediate judgments.

The following types of the appeal in the English right in dependence are allocated:

from court of the first instance to which the appealed decision – the appeal of sentences of the magistrate's courts pronounced in a total order, and the appeal of the sentences and verdicts of Court of the Crown rendered by results of consideration of the case is passed;

the party appealing the judgment – the appeal the party of protection and the appeal the party of charge;

concrete part of the judgment it is appealed – the appeal of the decision on guilt or innocence and the appeal of a measure of punishment.

Key words: the appeal on criminal cases; English legal system; legislation of Great Britain; criminal legal proceedings; appeal appeal; right for the appeal; appeal of sentences.

References

1. Sidorova N. V. Apelljacija v ugovnom processe Velikobritanii i SShA [The appeal in criminal trial of Great Britain and the USA]. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaja justicija – International criminal law and international justice*, 2008, no. 3, pp. 23–30.
2. Nazarov I. V. Sudebnaja sistema Velikobritanii i ee reformirovanie v svjazi s chlenstvom v Evropejskom Sojuze [Judicial system of Great Britain and its reforming in connection with membership in the European Union]. *Problemy zakonnosti – Legality problems*, 2011, no. 115, pp. 198–207.
3. Gucenko K. F., Golovko L. V., Filimonov B. A. *Ugovnyj process zapadnyh gosudarstv [Criminal trial of the western states]*. Moscow, 2002. 528 p.
4. Kamnev A. S. Stanovlenie form i osnovanij peresmotra prigovoro-rov, postanovlennyh sudom s uchastiem prisjazhnyh zasedatelej, v Anglii [Formation of forms and bases of revision of the sentences decided by court with participation of jurors in England]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Pravo – Bulletin of Novosibirsk state university. Series Law*, 2013, Vol. 9, Issue 2, pp. 165–174.
5. Aparova T. V. *Sudy i sudebnyj process Velikobritanii. Anglija, Ujel's, Shotlandija [Courts and trial of Great Britain. England, Wales, Scotland]*. Moscow, 1996. 157 p.
6. Kalinovskij K. B. *Ugovnyj process sovremennyh zarubezhnyh gosudarstv [Criminal trial of the modern foreign states]*. Petrozavodsk, 2000. 48 p.
7. Uolker R. *Anglijskaja sudebnaja sistema [English judicial system]*. Under the editorship of F. M. Reshetnikov. Translation from English T. V. Aparova. Moscow, 1980. 631 p.
8. Reshenie Evropejskoj komissii po pravam cheloveka po zhalobe Hansa Richarda Nil'sena protiv Danii ot 9 sentjabrja 1992 g. № 19028/91. [The Decision of the European Commission on Human Rights on Hans Richard Nielsen's complaint against Denmark from September 9, 1992 № 19028/91]. Available at : <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-1371>.

УДК 343.82
ББК 67.409.021
А42

АРКАДИЙ АРКАДЬЕВИЧ АКСЕНОВ,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры управления
и организации деятельности УИС,
e-mail: aks1940@yandex.ru;
ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПОДЪЯБЛОНСКИЙ,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры управления
и организации деятельности УИС
(Академия ФСИН России),
e-mail: pavel_gyazhsk@mail.ru
© Аксенов А. А., Подъяблонский П. А., 2015

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ АНАЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Реферат: предмет статьи составляют правовые, организационные и практические проблемы совершенствования нормативного регулирования аналитического обеспечения управленческой деятельности уголовно-исполнительной системы. Цель – анализ методов, форм, нормативных и организационных мер, направленных на повышение эффективности аналитического обеспечения в уголовно-исполнительной системе.

Проанализированы механизмы нормативного регулирования аналитической работы в уголовно-исполнительной системе на современном этапе развития уголовно-исполнительной системы. Предложено создание нормативного акта, регулирующего все аспекты и элементы организации информационно-аналитической работы в исправительных учреждениях. Данный документ должен содержать в себе относящиеся к организации аналитического компонента информационного обеспечения управления в уголовно-исполнительной системе цели, задачи, функции, структуру, технологии, принципы, формы, методы, связи и взаимодействия, организационные, юридические, материальные, психолого-педагогические, моральные, научные, учебные и другие ресурсы, информационные потоки и т. д.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, аналитическая работа, информационно-аналитическая работа, информационное обеспечение, анализ, информация, нормативное обеспечение, правовое регулирование.

Последнее десятилетие стало периодом кардинальных изменений в российском обществе и государстве [3, с. 151].

Уголовно-исполнительная система России также претерпевает преобразования по всем направлениям деятельности. Современные условия развития института исполнения наказаний требуют совершенствования нормативного регулирования отдельных секторов обеспечения управленческой деятельности, а именно информационно-аналитической работы.

Информация осознана современным обществом как необходимое условие любой целесообразной деятельности. Она становится важнейшим стратегическим ресурсом.

Актуальность рассмотрения информационно-аналитического аспекта управления обусловлена стремительным ростом объема и сложности, роли и значения информации, всесторонней информатизацией всех сторон жизнедеятельности человека, общества и государства, в том числе управленческой работы в УИС [2, с. 128].

Организация информационно-аналитической работы в исправительных учреждениях ФСИН России является неотъемлемой функцией их управленческой деятельности, по образному выражению, общепринятому в отечественной и зарубежной теории и практике управления, применительно к любой системе управления, любому процессу управления «ушами и глазами системы, прежде всего, субъекта управления».

Нормативное регулирование аналитической работы в уголовно-исполнительной системе следует рассматривать сквозь призму правового поля ведомственного информационного обеспечения управленческой деятельности, с позиций обоснования целей, состава, содержания системы законодательства, регулирующего отношения в области создания информационных ресурсов России и пользования ими, создания систем обработки информационных ресурсов, установления места и роли этого законодательства в общей системе законодательства Российской Федерации, создания

механизмов реализации нормативных правовых актов.

Правовую основу аналитической деятельности в УИС составляет значительное количество нормативных правовых и индивидуальных правовых актов федерального и ведомственного (Минюст, ФСИН России) уровней. Систематизация данных правовых источников позволяет сделать вывод о том, что их регулирование охватывает рассматриваемую деятельность в большей степени применительно к информационному обеспечению функционирования УИС либо в контексте реализации штабной или организационно-инспекторской функции. Однако при анализе массива нормативного правового материала разумным выглядит умозаключение, что указанное обстоятельство с научно-методологических позиций имеет важное значение для определения правовых пробелов в части юридического обоснования процедурных аспектов собственно аналитической деятельности в УИС.

Уяснение сущности правового регулирования различных процессов в управлении в УИС, в том числе в сфере организации аналитической работы, основывается на правильном понимании взаимосвязи права и управления во ФСИН России. Совокупность существующих знаний о данном процессе позволяет говорить о том, что он носит сложный, неоднозначный и многоаспектный характер. В деятельности органов и учреждений УИС доминирующее положение по отношению друг к другу в зависимости от ситуации может приобретать как право, так и управление. При этом определение заранее установленного превосходства одного над другим влечет за собой или принижение роли правовой регламентации управления в УИС, или невозможность правовыми средствами регулировать новые, объективно складывающиеся управленческие отношения.

Исходя из положений общей теории права и государства традиционным является представление нормативно-правового материала, регулирующего любое направление функционирования социальных институтов, в виде трехуровневой системы.

1. Международные правовые акты.
2. Федеральное законодательство России.
3. Нормативные правовые акты ведомственного характера.

Вынесение международных правовых документов на первую позицию объясняется положениями Конституции Российской Федерации и нормами уголовно-исполнительного законодательства. Так, ч. 4 ст. 15 Конституции РФ содержит предписание, согласно которому общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются со-

ставной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. В то же время в ст. 3 УИК РФ провозглашается, что уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации учитывает международные договоры Российской Федерации, относящиеся к исполнению наказаний и обращению с осужденными, в соответствии с экономическими и социальными возможностями. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила исполнения наказаний и обращения с осужденными, чем предусмотренные уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации, то применяются правила международного договора.

Разносторонний и многоаспектный характер информационного обеспечения управления в УИС – причина, обуславливающая необходимость комплексного описания его правового регулирования. Это, по нашему мнению, возможно на основе применения общепризнанных положений, раскрывающих сущность управления в УИС, согласно которым оно подразделяется на внешнее и внутреннее. В соответствии с этим подходом наиболее логичным и обоснованным является выделение групп правовых актов, регламентирующих аналитическую работу в УИС в рамках внешнего и внутреннего управления в УИС. Данная классификация позволяет показать специфику правового регулирования информационного обеспечения управления в УИС, а также обнаружить области, требующие дополнительной правовой регламентации.

Классифицировать правовые акты, регламентирующие организацию аналитической работы в рамках внешнего и внутреннего управления в УИС, необходимо следующим образом. Во-первых, классификации подлежат правовые акты, относящиеся только к сфере информационного обеспечения управления во ФСИН России, а не вся совокупность правовых актов, регулирующих деятельность органов и учреждений УИС. Во-вторых, неразрывная связь внешнего и внутреннего управления во ФСИН России на практике проявляется в возможности существования в одном правовом акте норм, относящихся к сфере информационного обеспечения как внешнего, так и внутреннего управления в УИС. Это приводит к необходимости дополнительно выделять группу правовых актов, регулирующих информационное обеспечение обоих видов управления во ФСИН России.

Переходя к рассмотрению международных правовых актов, регламентирующих ведомственную аналитическую деятельность в русле информаци-

онного обеспечения внешнего или внутреннего управления во ФСИН России, необходимо отметить, что в них регулируются лишь некоторые аспекты реализации информационных процессов в управлении в УИС и ни один международный документ в настоящее время не посвящен их регламентации целиком.

В международных правовых актах, регламентирующих информационное обеспечение внешнего управления во ФСИН России, как правило, содержатся правила, регулирующие процессы сбора, обработки, передачи и хранения информации, необходимой для формирования управленческих воздействий, направленных по отношению к осужденным.

Международные правовые акты, регламентирующие реализацию аналитического компонента в рамках информационного обеспечения управления во ФСИН России, определяют основные правила и механизмы, в соответствии с которыми осуществляются сбор, обработка, анализ, хранение и передача касающейся сотрудников УИС, осужденных и лиц, содержащихся под стражей, информации, устанавливают обязанности сотрудников УИС в информационной сфере, регламентируют иные информационные процессы, происходящие в управлении во ФСИН России.

Большинство норм, закрепленных в указанных международных правовых актах, нашли отражение в отечественном законодательстве. Исходные положения содержатся в Конституции Российской Федерации, провозгласившей право каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ст. 29). Помимо этого, ряд положений содержит запреты на некоторые действия с информацией (ст. 23 и 24). Конституция РФ не содержит норм, напрямую определяющих правила обращения с информацией в правоохранительных органах, однако, устанавливая федеративное устройство, дает представление о структуре государственного управления, что, учитывая информационную сущность управления в целом, позволяет определить основные информационные потоки.

Если проанализировать уголовно-исполнительное законодательство, то в нем также отсутствуют нормы, определяющие порядок и условия обработки персональных данных (за исключением дактилоскопической информации) указанной категории лиц. Фактически это означает, что у органов и учреждений УИС не имеется правовых оснований для обработки этой информации, а упомянутые лица имеют право отказать в представлении какой бы то ни было информации, являющейся их персональными данными. Можно с полной уверенностью заявить, что в подобной ситуации органы и учреждения УИС окажутся не в состоянии осуществлять возло-

женные на них функции, поскольку будут лишены требуемой для анализа информации.

Все это свидетельствует о существовании острой необходимости совершенствования уголовно-исполнительного законодательства в части регламентации процессов обработки персональных данных осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в том числе специальной категории, и биометрических персональных данных.

Необходимость правового регулирования отдельных сторон аналитической работы в части внедрения инновационных технических средств обработки персональных данных осужденных обусловлена и развитием современных инновационных технологий, позволяющих осуществлять контроль за местом их нахождения [1, с. 21].

На сегодняшний день информационно-аналитическое обеспечение управления во ФСИН России на подзаконном уровне (помимо перечисленных ранее) регламентирует значительное количество правовых актов. Среди них указы Президента РФ, постановления и распоряжения Правительства РФ, приказы и распоряжения ФСИН России, а также межведомственные приказы и соглашения. Данные правовые акты могут быть подразделены на три категории в зависимости от сферы правового регулирования (внешнее и внутреннее управление). Вместе с тем, учитывая их значительное количество, а также то обстоятельство, что принцип их классификации нами уже раскрыт, мы считаем более целесообразным рассмотреть подзаконные акты с точки зрения комплексности и эффективности правового регулирования информационного обеспечения управления в УИС.

Таким образом, организация эффективной аналитической деятельности в УИС в русле информационного обеспечения рассматривается как первоочередная мера по качественному преобразованию государственного управления в целом. Разработанные с этой целью подзаконные правовые акты определяют основные направления и механизмы развития государственного управления в правоохранительной сфере.

Несмотря на большое количество концептуальных документов, определяющих основные направления совершенствования информационно-аналитического обеспечения государственного управления, вопросы правового регулирования организации эффективного информационно-аналитического обеспечения управления во ФСИН России ни ранее, ни сейчас не рассматриваются в качестве актуальной проблемы, решение которой должно осуществляться на федеральном уровне. На это указывает то обстоятельство, что, к сожалению, во всем многообразии существовавших документов, в которых закладывались концептуальные долгосрочные задачи деятельности УИС (в том числе по ключевым направле-

ниям), не только проблеме информационно-аналитического обеспечения управления, а равно оптимизации аналитической деятельности, но и вопросам совершенствования управления во ФСИН России не уделено никакого внимания.

Выделяются группы правовых актов, регламентирующих такие направления аналитической работы во ФСИН России, как оптимизация потоков информации; автоматизация бухгалтерского учета и формирования бюджетной отчетности УИС, развитие и функционирование системы связи УИС, обеспечение информационной безопасности в УИС, создание автоматизированных информационных систем (документооборота, персонализированного учета сотрудников УИС, подследственных и осужденных, формирования электронного паспорта учреждения УИС и др.), подготовка пользователей информационных систем.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

Эффективная правовая регламентация аналитической составляющей информационного обеспечения управления во ФСИН России способствует выработке и принятию объективных управленческих решений, своевременному их исполнению, контролю за соответствием исполненных действий предписаниям, содержащимся в ранее принятых управленческих решениях, а также позволяет произвести оценку результатов управленческого воздействия.

Правовые акты ФСИН России, Минюста России и иных ведомств, регламентирующие отдельные аспекты информационного обеспечения аналитической работы в УИС, в совокупности образуют единую систему, которая состоит из отдельных

групп правовых актов, регулирующих схожие направления информационного обеспечения управления во ФСИН России, а именно: регламентирующие организацию делопроизводства во ФСИН России, организацию процессов сбора, обработки и передачи статистической информации, проведение единой технической политики в УИС; устанавливающие категории сведений о деятельности ФСИН России, являющиеся секретной информацией или информацией ограниченного распространения; регламентирующие организацию эффективного межведомственного информационного взаимодействия, организацию информирования о деятельности ФСИН России, развитие и функционирование системы связи УИС, обеспечение информационной безопасности в УИС, создание автоматизированных информационных систем, подготовку пользователей данных систем и др.

Теоретически можно было бы создать большой общий нормативный акт, регулирующий все аспекты и элементы организации информационно-аналитической работы исправительных учреждений. В нем следовало бы отразить отправные материально-процедурные начала реализации аналитической функции в УИС, раскрывающие сущность организационной и информационно-аналитической работы, организацию взаимодействия организационной службы территориального органа УИС с другими структурными подразделениями территориального органа УИС и организационными службами исправительных учреждений, требования, предъявляемые к организационным службам и их сотрудникам, а также процедурные рекомендации организации аналитической работы в УИС.

Список литературы

1. Электронные браслеты // Рос. газ. 2007. 25 апр. С. 21.
2. Подьяблонский П. А., Егорушкина Ю. С. Управление в УИС: социально-психологический и информационно-аналитический аспект // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2014. № 5. С. 127–129.
3. Горкина С. А., Подьяблонский П. А. Организационно-правовой механизм регулирования исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних лиц женского пола в воспитательных колониях на современном этапе развития пенитенциарной системы России // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 5. С. 151–153.

ARKADY ARKADYEVICH AKSENOV,

dsc in law, professor,
professor of the management and organization of activity of penal system department,
e-mail: aks1940@yandex.ru;

PAVEL ALEKSANDROVICH PODJYABLONSKY,

phd in law,
senior lecturer of the management and organization of activity of penal system department,
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: pavel_ryazhsk@mail.ru

© Aksenov A. A., Podyablonsky P. A., 2015

STANDARD AND LEGAL REGULATION OF ANALYTICAL WORK IN PENAL SYSTEM

Annotation: the subject of article is made by legal, organizational and practical problems of improvement of standard regulation of analytical ensuring administrative activity of criminal and executive system. The purpose – the

analysis of methods, forms, the standard and organizational measures directed on increase of efficiency of analytical providing in criminal and executive system.

Mechanisms of standard regulation of analytical work in criminal and executive system at the present stage of development of criminal and executive system are analysed. Creation of the statutory act regulating all aspects and elements of the organization of information and analytical work correctional facilities is offered. This document has to comprise the managements relating to the organization of an analytical component of information support in criminal and executive system of the purpose, task, function, structure, technologies, the principles, forms, methods, communications and interactions, organizational, legal, material, psychology and pedagogical, moral, scientific, educational and other resources, information streams etc.

Key words: criminal and executive system, analytical work, information and analytical work, information providing, analysis, information, standard providing, legal regulation.

References

1. Jelektronnye braslety [Electronic bracelets]. Rossijskaja gazeta – Russian newspaper, 2007, 25 April, p. 21.
2. Podjablonskij P. A., Egorushkina Ju. S. Upravlenie v UIS: social'no-psihologicheskij i informacionno-analiticheskij aspekt [Management in UIS: social and psychological and information and analytical aspect]. «Chernye dyry» v rossijskom zakonodatel'stve – «Black holes» in the Russian legislation, 2014, no. 5, pp. 127–129.
3. Gorkina S. A., Podjablonskij P. A. Organizacionno-pravovoj mehanizm regulirovanija ispolnenija nakazanij v otnoshenii nesovershennoletnih lic zhenskogo pola v vospitatel'nyh kolonijah na sovremennom jetape razvitija penitenciarnoj sistemy Rossii [An organizational legal mechanism of regulation of execution of punishments concerning female minors in educational colonies at the present stage of development of penal system of Russia]. Probely v rossijskom zakonodatel'stve – Gaps in the Russian legislation, 2014, no. 5, pp. 151–153.

УДК 343.819
ББК 67.409.17
А86

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ АРТЕМЬЕВ,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
профессор кафедры криминологии
и организации профилактики преступлений;
ВАЛЕРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ МИХАЙЛИН,
старший преподаватель кафедры организации
оперативно-розыскной деятельности
(Академия ФСИН России),
e-mail: valet2085@yandex.ru
© Артемьев Н. С., Михайлин В. В., 2015

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В СЛЕДСТВЕННОМ ИЗОЛЯТОРЕ

Реферат: в статье рассматриваются вопросы совершенствования правового регулирования деятельности по обеспечению безопасности личности в следственном изоляторе, уделяется внимание правовой регламентации деятельности оперативных подразделений следственных изоляторов по обеспечению безопасности личности, анализируются нормы Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», Положения о Федеральной службе исполнения наказаний. Отмечается, что детально задачи оперативно-розыскной деятельности определены в УИК РФ. Однако эти задачи сформулированы в отношении исправительных учреждений. Задачи содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых существенно отличаются от целей и задач, поставленных перед исправительными учреждениями, поэтому предлагается внести соответствующее дополнение в Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

В статье акцентируется внимание на вопросах правового регулирования применения в следственных изоляторах специальных средств в качестве меры по обеспечению безопасности личности, основания применения специальных средств, содержащихся в Законе РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» и предусмотренных Федеральным законом «О полиции», отмечается их схожесть. При сравнении указанных нормативно-правовых актов делается вывод о том, что последний содержит, помимо прочих, такие специальные средства, как электрошоковые устройства. Степень агрессивности, дерзости, жестокости осужденных к лишению свободы и заключенных под стражу не уступает никаким нарушителям общественного порядка в условиях свободы. В связи с этим предлагается включить указанное специальное средство в соответствующую норму Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» и Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

Ключевые слова: безопасность, следственный изолятор, оперативно-розыскная деятельность, персонал следственного изолятора, лица, содержащиеся под стражей, специальные средства.

Правовое обеспечение как элемент любой правоохранительной стратегии включает в себя все правовое регулирование, основное назначение которого – содействовать созданию необходимых условий для нормального функционирования УИС [2, с. 64].

Успех любой управленческой деятельности государственных служащих, в том числе должностных лиц пенитенциарных учреждений, достигается надлежащей правовой регламентацией как их действий, так и взаимоотношений с другими субъектами охраны правопорядка и обеспечения безопас-

ности. Чем совершеннее нормы права и механизм их применения, тем полнее обеспечено верховенство закона, увереннее и результативнее действуют должностные лица в обычных и нестандартных ситуациях.

Право как один из важнейших институтов государства активно выступает регулятором складывающихся социальных отношений, способствует поддержанию должного правопорядка и безопасности, обеспечивает защиту интересов общества, неотвратимость наказания за совершенные правонарушения, возмещение причиненного преступле-

нием ущерба, сдерживает хаос и разгул преступности в обществе. Целью правового регулирования деятельности структурных подразделений следственного изолятора является установление такого порядка их использования, который в максимальной степени соответствовал бы предписаниям правовых норм и заложенным в них принципам.

Правовая регламентация управленческой деятельности в следственном изоляторе в сфере обеспечения безопасности личности имеет следующие особенности: нормы права должны быть детальнее и конкретнее, чем в других областях государственной деятельности (регулирование организации, форм, методов, приемов специальной деятельности), их должна характеризовать повышенная категоричность требований, предъявляемая к персоналу следственных изоляторов; сотрудники обязаны нести повышенную ответственность за неисполнение и нарушение предписаний указанных норм права. Исходя из особой значимости правового регулирования деятельности структурных подразделений следственного изолятора в сфере обеспечения безопасности личности предлагаются следующие пути ее совершенствования.

В определении полномочий оперативных подразделений следственного изолятора необходимо брать за основу предписания федерального законодательства. Однако если рассматривать Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», то он определяет, что в уголовно-исполнительную систему помимо учреждений, исполняющих уголовные наказания, входят следственные изоляторы. При этом в регламентированном этим Законом перечне обязанности учреждений содержания под стражей и исполнения уголовных наказаний, а также их права указаны лишь в общем виде. Например, в соответствии со ст. 13, 14 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» учреждения обязаны создавать условия для обеспечения правопорядка и законности, безопасности осужденных, а также персонала должностных лиц и граждан, находящихся на их территории, в пределах своей компетенции оказывать содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, обеспечивать режим содержания подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых в качестве меры пресечения применено заключение под стражу, осуществлять в соответствии с законодательством Российской Федерации оперативно-розыскную деятельность. Аналогичным образом сформулированы полномочия по осуществлению оперативно-розыскной деятельно-

сти в Положении о Федеральной службе исполнения наказаний.

Более детально задачи оперативно-розыскной деятельности определены в Уголовно-исполнительном кодексе РФ, однако они сформулированы в отношении исправительных учреждений. В УИК РФ в качестве задач уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации выделены: регулирование порядка и условий исполнения и отбывания наказаний, определение средств исправления осужденных, охрана их прав, свобод и законных интересов, оказание осужденным помощи в социальной адаптации.

В соответствии со ст. 84 УИК РФ в исправительных учреждениях осуществляется оперативно-розыскная деятельность, задачами которой являются: обеспечение личной безопасности осужденных, персонала исправительных учреждений и иных лиц; выявление, предупреждение и раскрытие готовящихся и совершаемых в исправительных учреждениях преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания; розыск в установленном порядке осужденных, совершивших побег из исправительных учреждений, а также осужденных, уклоняющихся от отбывания лишения свободы; содействие в выявлении и раскрытии преступлений, совершенных осужденными до прибытия в исправительное учреждение. Оперативно-розыскная деятельность осуществляется оперативными подразделениями исправительных учреждений, а также другими уполномоченными на то органами в пределах их компетенции. Задачи содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых существенно отличаются от целей и задач, поставленных перед исправительными учреждениями, поэтому применение указанной нормы в следственных изоляторах, на наш взгляд, является неприемлемым.

Кроме того, следует учитывать различающийся правовой статус подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах, от осужденных, отбывающих уголовные наказания в исправительных учреждениях. Различно и целевое назначение уголовного наказания и меры пресечения – содержания под стражей.

Согласно ст. 3 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» содержание под стражей осуществляется в целях, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом РФ, а именно быстрое и полное раскрытие преступлений; изобличение виновных и их изоляция с тем, чтобы они не скрылись от следствия и суда, не занимались преступной деятельностью и не воспрепятствовали производ-

ству по уголовному делу; обеспечение исполнения приговора, реализация неотвратимости ответственности, объективности и полноты предварительного следствия.

В ст. 34 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» закреплено, что в местах содержания под стражей в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений проводятся оперативно-розыскные мероприятия в порядке, предусмотренном законом. Однако указанная выше статья посвящена урегулированию вопросов охраны подозреваемых и обвиняемых и надзора за ними. Непосредственно вопросы осуществления оперативно-розыскной деятельности в следственных изоляторах (задачи и цели) в Законе не отражены. Именно поэтому при организации и осуществлении оперативно-розыскной деятельности в следственных изоляторах существуют пробелы и правовая неопределенность. В связи с этим представляется целесообразным дополнить Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» статьей «Оперативно-розыскная деятельность», где будут закреплены задачи осуществления оперативно-розыскной деятельности в указанных учреждениях. В соответствии с законодательством Российской Федерации в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы осуществляется оперативно-розыскная деятельность, задачами которой являются: обеспечение безопасности подозреваемых, обвиняемых, осужденных, содержащихся в учреждениях, персонала следственных изоляторов, а также иных лиц; выявление, предупреждение и раскрытие готовящихся, совершаемых или совершенных в учреждениях преступлений и нарушений установленного порядка режима содержания; содействие или иное участие в выявлении, раскрытии преступлений, совершенных подозреваемыми, обвиняемыми или осужденными до помещения в следственные изоляторы, а также в выявлении, предупреждении, пресечении и раскрытии преступлений, подготавливаемых, совершаемых или совершенных другими лицами.

Ведомственные нормативные правовые акты, регулирующие вопросы взаимодействия оперативных аппаратов уголовно-исполнительной системы с иными правоохранительными органами, также не учитывают специфику организации и деятельности следственных изоляторов.

По мнению К. К. Горяинова [1, с. 54–55], в интересах уточнения задач оперативно-розыскной деятельности в СИЗО и последующей более детальной правовой регламентации необходимо эти задачи разделить на две группы.

Первая группа – это задачи и соответственно оперативно-розыскные мероприятия, которые проводятся в интересах достижения целей, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством (поиск данных об источниках доказательств виновности или невиновности, раскрытие ранее совершенных преступлений, склонение к сотрудничеству с уголовным правосудием, обнаружение сведений о фактах противодействия криминальных связей уголовному правосудию и др.). Мероприятия по этим целям согласовываются с органами следствия и суда, в производстве которых находятся уголовные дела, и о результатах они информируются в наиболее полном объеме в процедурах, предусмотренных УПК РФ и межведомственной Инструкцией о порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд от 27 сентября 2013 г.

Вторая группа – это задачи, решаемые в интересах обеспечения режима и надзора содержащихся под стражей, обнаружения фактов их злостного нарушения, обеспечения безопасности лиц, содержащихся в следственных изоляторах, персонала учреждений, а также лиц, временно находящихся на их территории. Эти группы задач тесно взаимосвязаны. В то же время по своему правовому регулированию они должны различаться. В связи с этим в нормативных правовых актах ФСИН России вопросы оперативно-розыскной деятельности в следственных изоляторах, а также организации взаимодействия оперативных подразделений с иными правоохранительными органами в сфере обеспечения безопасности личности с учетом их специфики следует выделять в виде самостоятельного блока, при этом детально регламентируя соответствующие правовые аспекты.

Согласно ст. 30 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» сотрудники уголовно-исполнительной системы применяют специальные средства. Их использование при осуществлении правоохранительных функций представляет собой составной элемент специально-предупредительной деятельности, которая может носить характер обо-собленного, самостоятельного элемента, охватываемого понятием «безопасность». Являясь по своей природе наиболее суровыми мерами, воздействующими на правовой статус подозреваемых, обвиняемых и осужденных как граждан страны, специальные средства направлены на лишение их возможности совершения правонарушений. Применение специальных средств в целях обеспечения соблюдения режима в следственных изоляторах оказывает резкое психологическое воздействие на

преступников, играет роль довлеющего фактора и выполняет функции сдерживания агрессивной части подозреваемых, обвиняемых и осужденных.

Анализ оснований применения специальных средств, содержащихся в ст. 30 Закона РФ от 21 июля 1993 г. «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» и предусмотренных ст. 121 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», позволяет сделать вывод о том, что они аналогичны, но при их детальном сравнении возникает ряд вопросов. Так, Закон РФ от 21 июля 1993 г. предусматривает в качестве специальных средств резиновые палки, наручники, светозвуковые средства отвлекающего воздействия, средства разрушения преград, водометы и бронемшины, служебных собак. Статья 21 Федерального закона «О полиции» к перечисленному добавляет слезоточивый газ, средства принудительной остановки транспорта, специальные окрашивающие средства, электрошоковые устройства.

Отметим, что электрошоковые устройства применяются для отражения нападения на граждан и сотрудников полиции, пресечения оказываемого сопротивления, задержания лица, застигнутого при совершении преступления против жизни, здоровья или собственности и пытающегося скрыться, а также лиц, в отношении которых имеются достаточные основания полагать, что они намерены оказать вооруженное сопротивление. Остается неясным, почему законодатель не наделил сотрудников уголовно-исполнительной системы правом применения данных специальных средств, ведь такие же основания их применения предусмотрены и Законом РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы». Что касается степени агрессивности, дерзости, жестокости при возникновении чрезвычайных обстоятельств, то, как нам представляется, осужденные к лишению свободы и заключенные под стражу не уступают в этом никаким нарушителям общественного порядка в условиях свободы.

Мы полагаем, следует дополнить ст. 30 указанного Закона следующим содержанием: «электрошоковые устройства – в случаях, предусмотренных пунктами 1, 2 и 5», а также внести изменения в ст. 45 Федерального закона «О содержании под

стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»: «электрошоковые устройства – в случаях, предусмотренных пунктами 1, 3, 5, 6».

Безопасность личности сотрудников уголовно-исполнительной системы, членов их семей также гарантируется законодательством Российской Федерации, в частности Законом РФ от 21 июля 1993 г. В интересах обеспечения личной безопасности сотрудников уголовно-исполнительной системы и членов их семей не допускается обнародование в средствах массовой информации сведений об их месте жительства. Информация о прохождении службы сотрудниками УИС может предоставляться только с разрешения начальников учреждений, исполняющих наказания, и следственных изоляторов.

Федеральный орган уголовно-исполнительной системы обязан обеспечивать сотрудников оружием, специальными средствами индивидуальной защиты для постоянного ношения и хранения по нормам, установленным Правительством РФ. Данный орган также осуществляет применение мер безопасности в отношении должностных лиц органов федеральной охраны и их близких [3, с. 32].

По нашему мнению, использование сотрудниками УИС, в том числе следственных изоляторов, электрошоковых устройств существенно повысит степень безопасности личности в период несения службы. Кроме того, ношение и хранение огнестрельного оружия, особенно вне службы, содержит элементы определенной потенциальной опасности ее утраты, завладения посторонними лицами с наступлением неопределенных последствий. Это, на наш взгляд, нехарактерно для электрошоковых устройств.

Завершая исследование вопроса о совершенствовании правового регулирования деятельности по обеспечению безопасности личности в следственном изоляторе, следует сделать выводы о наличии определенных недостатков: отсутствует действенный правовой механизм при проведении мероприятий по обеспечению безопасности личности подозреваемых, обвиняемых, осужденных, персонала следственного изолятора, иных лиц; существующая система ведомственной нормативно-правовой базы не в полной мере отвечает потребностям практики, не учитывает специфику организации и деятельности следственных изоляторов.

Список литературы

1. Горяинов К. К. Правовые вопросы осуществления оперативно-розыскной деятельности в следственных изоляторах // Актуальные проблемы и перспективы развития следственных изоляторов в России : материалы Междунар. науч.-практ. конф. М., 2007. С. 54–55.

2. Казак Б. Б., Паршков А. В., Смирнова И. Н. Основы стратегического управления в уголовно-исполнительной системе : монография. Псков, 2007. 143 с.

3. Комментарий к Федеральному закону от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» / под ред. Е. В. Китрова, В. А. Кузьмина. М., 2008 // СПС «КонсультантПлюс».

NIKOLAI SEMENOVICH ARTEMYEV,

dsc in law, professor,

honored worker of higher school of the russian federation,

professor of the criminology and organization of the crime prevention department;

VALERY VLADIMIROVICH MIKHAILIN,

senior lecturer of the organization operational and investigative activities department

(Academy of the FPS of Russia),

e-mail: valet2085@yandex.ru

© Artemyev N. S., Mikhailin V. V., 2015

TO THE QUESTION OF IMPROVEMENT OF LEGAL REGULATION OF SECURITY OF THE PERSON IN PRISON

Annotation: the article considers the issues of improving the legal regulation of security of the person in prison. The authors pay attention to the legal regulation of the activities of operational units detention facilities to ensure the safety of the person. Analyze the norms of the Federal Law «On institutions and agencies executing criminal punishments in the form of imprisonment, the Penal code, the Federal law «On detention of suspects and accused persons in the Commission of crimes», Regulations on the Federal service of execution of punishments. Note that the detailed tasks of investigative activities defined in the penal enforcement code. However, these tasks are formulated in terms of corrections. The task of detention of suspects and accused persons differ significantly from the goals and tasks of correctional institutions, it is therefore proposed to make the appropriate amendment to the Federal law «On detention of suspects and accused persons in the Commission of crimes. The article also discusses the issues of legal regulation of the use in remand centres special funds as measures to ensure the security of the individual. The authors examine the circumstances in which special measures contained in the RF Law «On institutions and agencies executing criminal punishment in the form of deprivation of liberty» and under the Federal law «On police», note their similarity. When compared with these regulations, it is concluded that the latter contains, among other such special funds as electroshock devices. The authors note that the degree of aggressiveness, rudeness, cruelty sentenced to deprivation of liberty and detention, is not inferior to any violators of public order in freedom. It is therefore proposed to include this special tool to the appropriate provision of the Law «On institutions and agencies executing criminal punishment in the form of deprivation of liberty» and the Federal law «On detention of suspects and accused persons in the Commission of crimes».

Key words: safety, remand, operatively-search activity, the staff of the detention facility, detainees, special funds.

References

1. Gorjainov K. K. Pravovye voprosy osushhestvlenija operativno-rozysknoj dejatel'nosti v sledstvennyh izoljatorah [Legal issues in implementation of operational and investigative activities in detention centers]. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Aktual'nye problemy i perspektivy razvitija sledstvennyh izoljatorov v Rossii» [Proc. the International scientific and practical conference «Actual problems and prospects of development of detention facilities in Russia»]. Moscow, 2007, pp. 54–55.

2. Kazak B. B., Parshkov A. V., Smirnova I. N. Osnovy strategicheskogo upravlenija v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme [Basis of strategic management in the penal system]. Pskov, 2007. 143 p.

3. Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 20 aprelja 1995 g. № 45-FZ «O gosudarstvennoj zashhite sudej, dolzhnostnyh lic pravoohranitel'nyh i kontrolirujushhih organov» [Commentary on the Federal Law from April, 20th, 1995, № 45-FZ «On state protection of judges, law enforcement officials and regulatory authorities»]. Under the editorship of E. V. Kitrov, V. A. Kuz'min. Moscow, 2008. Unpublished.

УДК 343.8
ББК 67.419.02
Т35

ВАЛЕРИЙ ИЛЬИЧ ТЕРЕХИН,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
профессор кафедры управления и организации деятельности УИС;
ВИКТОР ВАЛЕНТИНОВИЧ ЧЕРНЫШОВ,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры управления и организации деятельности УИС
(Академия ФСИН России),
e-mail: ryazantvi@yandex.ru
© Терехин В. И., Чернышов В. В., 2015

К ВОПРОСУ О МИССИИ, ЦЕЛЯХ И КРИТЕРИЯХ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Реферат: необоснованность и отсутствие единства в понимании целей, метода и инструментария оценки результатов их достижения являются одним из факторов, снижающих уровень эффективности управления УИС.

Статья является развитием ранее выполненных нами работ по проблемам определения эффективности УИС. В ней обоснован подход к определению миссии и целей УИС по интегральным социально-экономическим потерям от преступности и затратам на правоохранительную деятельность. Его сущность заключается в принятии в качестве основной цели деятельности УИС социально-экономических потерь от рецидивных преступлений осужденных после их освобождения. Этот подход позволяет реализовать в правоохранительной деятельности преимущества управления по результатам по сравнению с доминирующим в настоящее время управлением по нормативам.

Предложена система целей, критериев и показателей эффективности УИС как подсистемы правоохранительных органов.

Ключевые слова: миссия и система целей УИС, оценка эффективности по общественным потерям, управление по результатам, количественно измеряемые критерии и показатели.

В настоящее время в нормативных актах страны и в публикациях ученых отсутствует единое понимание целей УИС и сущности понятия «эффективность деятельности». В соответствии с УК РФ и УИК РФ цели уголовно-исполнительной системы России состоят в исправлении осужденного, восстановлении социальной справедливости и предупреждении совершения новых преступлений. В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года приоритетная цель определена как «повышение эффективности работы учреждений и органов до уровня европейских стандартов обращения с осужденными и потребностей общественного развития». В программе «Юстиция» поставлена цель «повышения уровня исполнения судебных актов и уголовных наказаний, включая разработку общей стратегии государственной политики в сфере исполнения уголовных наказаний». В своих предшествующих работах мы определяли цель как повышение вклада в снижение уровня рецидивной преступности и т. п.

Можно видеть общность в понимании содержания основной цели УИС в этих и других фор-

мулировках, состоящую в необходимости достижения максимальных результатов в работе по перевоспитанию и ресоциализации осужденных. Разночтения в формулировках состоят, главным образом, в различиях приоритетности отдельных результатов, но одновременно можно выделить ряд существенных противоречий этих формулировок и ограничений результативности управления УИС. Главное ограничение – несоответствие цели УИС как подсистемы государства целям развития общества, подмена цели одним из направлений ее достижения; второе – формулировки целей не учитывают общественные потери от преступности, включая издержки бюджета на функционирование системы; третье – формулировки не содержат инструментария их количественного определения, в частности, предусмотренный в формулировке УК РФ период оценки исправления, включающий в себя постпенитенциарную деятельность, в практике управления органами и учреждениями не учитывается; не имеет количественного измерения уровень исправления осужденного; четвертое – управление через инструкцию и нормативы, исполнение ко-

торых является основной обязанностью госслужащих, невозможность управления по результатам, которое обеспечивает, как показывает мировой опыт, более высокий уровень эффективности социально-экономических систем [1, 2]. Основные доминанты управления по нормативам и

результатам деятельности органов и учреждений УИС приведены в таблице. Преимущества управления по результатам деятельности органов и учреждений УИС обеспечиваются изложенной далее системой целей, критериев и показателей эффективности.

Таблица

Доминанты управления учреждениями УИС по нормативам и управления по результатам

Управление по нормативам	Управление по результатам
Условия приговора: срок лишения свободы; режим содержания; бюджетное финансирование. Преступления и нарушения режима в учреждении. Показатели трудовой деятельности осужденных: объемы производственной деятельности; выполнение норм выработки и др. Показатели воспитательной деятельности среди осужденных. Выполнение прочих внутриведомственных нормативов	Исправление осужденных: снижение доли осужденных, не совершивших рецидивное преступление в течение ряда лет после отбытия наказания; снижение тяжести совершенных после отбытия наказания преступлений. Снижение бюджетных расходов на содержание учреждения: инновационные технологии предупреждения пенитенциарных преступлений; развитие деятельности, приносящей доход. Выполнение прочих внутриведомственных нормативов

Несоответствие известных формулировок целей реальным целям УИС как подсистемы государства становится более понятным, если ответить на вопросы:

- что ждет общество от правоохранительной деятельности в целом и УИС в частности и что дает обществу исправление осужденного;
- в чем проявляется результат повышения эффективности управления;
- можно ли ограничивать результаты только пенитенциарным периодом жизнедеятельности осужденного и др.

Исправление осужденного – это не только и не столько восстановление социальной справедливости. Оно означает его более полное участие в производительном труде, снижение потерь от возможных рецидивов, снижение расходов ресурсов на финансирование УИС, что формирует дополнительные ресурсы для ускорения социально-экономического развития страны. В нашем понимании реальная цель органов и учреждений УИС состоит в снижении общественных социально-экономических потерь от преступности с учетом расходов бюджета. Это предложение не противоречит, а расширяет ранее приведенные нами аргументы использования в качестве цели вклад в снижение числа и тяжести рецидивных преступлений. Одновременно исправление позволяет более полно использовать принципы управления по результатам, включая учет вклада УИС в постпенитенциарные результаты деятельности осужденного. Исправление, таким образом, следует рассматривать как

условие, инструмент снижения социально-экономических потерь общества от преступности.

Одной из причин различий в формулировках важнейшей цели УИС является отсутствие определения миссии. Естественно, что постановка и утверждение миссии правоохранительных органов и УИС является прерогативой государства. Для обсуждения предлагается видение формулировок миссии (два варианта) как основного стратегического назначения правоохранительных органов и УИС.

Варианты формулировок миссии правоохранительных органов:

- повышение качества жизни населения за счет ликвидации преступности. Деятельность в направлении достижения этой цели способствует росту комфортности жизни в стране, эффективному использованию производственных ресурсов и повышению международного имиджа страны;
- обеспечение качества жизни населения страны на уровне стандартов современной цивилизации за счет минимизации социально-экономических потерь общества от преступности.

Варианты формулировок миссии уголовно-исполнительной системы:

- повышение качества жизни населения за счет ликвидации рецидивных преступлений и сокращения сроков ресоциализации освобождаемых осужденных;
- снижение социально-экономических потерь общества за счет ликвидации рецидивных преступлений и сокращения сроков ресоциализации освобождаемых осужденных.

ВЕКТОР УПРАВЛЕНИЯ

Плановые и (или) фактические результаты достижения поставленных целей измеряются системой критериев и показателей эффективности. Система критериев эффективности направлена на воплощение основных целей системы, соответствующих ее миссии в конкретных условиях функционирования. Критерии имеют вербальное представление. Их конкретизация, необходимая для управления по результатам, обеспечивается критериальными показателями (далее – показатели), адекватно выражающими критерии эффективности.

Методологической основой предлагаемого подхода к формированию системы критериев и показателей эффективности правоохранительных органов являются положения институциональной экономики теории права и системного анализа. В соответствии с этим подходом если управленческое решение способствует созданию стоимости (цен-

ности) в системе, то управленческие решения признаются эффективными [3]. Аналогом создания стоимости коммерческими организациями для правоохранительных органов является снижение общих издержек общества, включая социально-экономические потери от преступной деятельности и расходы бюджета. Минимизация потерь означает максимизацию общественной ценности правоохранительной деятельности, вклад правоохранительных органов в повышение качества жизни населения. Следовательно, цели управления состоят в минимизации потерь при определенном уровне риска или минимизации риска при некотором допустимом уровне потерь.

Основные взаимосвязи социально-экономического измерения целей, критериев и факторов управления правоохранительной системой приведены на рисунке.

Рис. Цели, критерии и факторы эффективности УИС

Количественное представление критериев эффективности различно для стратегического и отчетного (планового) периодов. В текущем и отчетном периодах критериальными показателями могут быть уровень и (или) снижение интегральных социально-экономических потерь, в стратегическом – снижение криминального потенциала преступности в стране и осужденных, отбывших наказание в учреждении.

Отметим, что определение критерия в виде вклада правоохранительных органов и УИС в общие результаты снижения потерь от преступности связано с тем, что эти результаты определяются совокупностью внешних и внутренних факторов.

Уровень достижения глобальной цели УИС (общесистемный критерий эффективности) определяется эффективностью использования главных инструментов управления: качеством исполнения приговора и эффективностью воспитательной работы с осужденными, интегральным результатом которых выступают социальные и экономические потери от преступности. Уровень достижения глобальных целей органов и учреждений рассматривается нами как частные (локальные) критерии эффективности УИС, то есть эффективность системы в целом является функцией эффективности органов и учреждений. Однако эта функция представляется неаддитивной в силу формирования во ФСИН России синергетического эффекта.

В состав критериев эффективности учреждений должны входить:

общесистемные критерии (учреждение – система более низкого уровня сложности, чем УИС):

– относительный вклад в снижение криминального потенциала каждого осужденного, отбывшего наказание в учреждении;

– относительный вклад учреждения в изменение вероятности постпенитенциарных рецидивных преступлений осужденных, отбывших наказание, и их общественной опасности вследствие исправления и ресоциализации;

локальные показатели эффективности учреждений УИС:

– вклад в увеличение трудового потенциала страны за счет получения осужденными трудовых навыков и повышения квалификации;

– вклад в увеличение трудового потенциала страны за счет снижения сроков лишения свободы;

– вклад учреждений за счет деятельности, приносящей доход, и соответствующего снижения бюджетных расходов;

– выполнение норм и режима отбытия наказания и другие ведомственные показатели и др.

Таким образом, изложенное видение системы «миссия – общесистемные и локальные цели – критериальные показатели целей» позволяет обеспечить преемственность оценок эффективности УИС как подсистемы правоохранительных органов и ее подразделений и их объективную количественную оценку. Полагаем, что использование этого подхода в ведомственных нормативных актах будет способствовать повышению эффективности управления уголовно-исполнительной системой.

Список литературы

1. Измерение эффективности и оценивание в государственном управлении: международный опыт. М., 2005. 54 с.
2. Бобылева А. З. К разработке концепции перехода государственных организаций на управление по результатам // Государственное управление. 2006. Вып. 6.
3. Мезоэкономика развития / под ред. Г. Б. Клейнера. М., 2011. 806 с.

VALERY ILYICH TERYOKHIN,

dsc in economics, professor,
honored scientist of the higher school of the Russian Federation,
professor of the department of management and organization of penal system activity;

VICTOR VALENTINOVICH CHERNYSHOV,

phd in law, associate professor,
associate professor of the department of management and organization of penal system activity
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: ryazantvi@yandex.ru

© Teryokhin V. I., Chernyshov V. V., 2015

ON THE ISSUES OF MISSION, AIMS AND EFFICIENCY CRITERIA OF THE PENAL SYSTEM

Annotation: inconsistency and disunity in understanding of aims, as well as method and instruments that help to estimate the results of their achieving are among factors that lower the efficiency level of management of the penal system.

This article is the continuation of the authors' previous works devoted to the problems of penal system efficiency estimation. The method of determining mission and aims of the penal system by integral socioeconomic losses and damages resulting from crime and expenses on law enforcement activities is substantiated. The essence of this method is to accept socioeconomic damages resulting from released prisoners' recidivism as the main aim of the penal system activity. This approach helps to put into practice the advantages of results-based management in law enforcement activities instead of currently dominating normative-based management.

The system of aims, criteria and efficiency indices of the penal system as a subsystem of law enforcement is proposed.

Key words: mission and system of aims of the penitentiary system, estimation of efficiency by social loss, result-based management, quantifiable criteria and indices.

References

1. Izmerenie jeffektivnosti i ocenivanie v gosudarstvennom upravlenii: mezhdunarodnyj opyt [Measurement of efficiency and estimation in the state management: international experience]. Moscow, 2005. 54 p.
2. Bobyleva A. Z. K razrabotke koncepcii perehoda gosudarstvennyh organizacij na upravlenie po rezul'tatam [To development of the concept of transition of the state organizations to management by results]. Gosudarstvennoe upravlenie – Public Administration, 2006, vol. 6.
3. Mezojekonomika razvitija [Mesoeconomics development]. Under the editorship of G. B. Klejnera. Moscow, 2011. 806 p.

УДК 343.67
ББК 67.404.4
Б69

ОЛЕГ ЕВГЕНЬЕВИЧ БЛИНКОВ,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права и процесса
(Академия ФСИН России),
e-mail: blinkov@indox.ru
© Блинков О. Е., 2015

УДОСТОВЕРЕНИЕ ЗАВЕЩАНИЙ ЛИЦ, НАХОДЯЩИХСЯ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ, НАЧАЛЬНИКАМИ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Реферат: в статье анализируется порядок удостоверения завещаний лиц, находящихся в местах лишения свободы, начальниками мест лишения свободы. На основе нормативно-правового анализа положений гл. 34 Гражданского кодекса Российской Федерации выделяются договоры субаренды транспортных средств, субаренды зданий и сооружений, субаренды предприятий и финансовой субаренды. В систему субарендных договоров не входит субарендная форма проката, поскольку в условиях проката арендатор практически лишен возможности совершать какие бы то ни было распорядительные действия в отношении объекта аренды. Доктринальный анализ позволяет выделить договоры субаренды лесного участка и субаренды земельного участка.

Определение общих закономерностей в правовом регулировании отдельных видов договоров субаренды и установление возможности или невозможности заключения на основе конкретного вида договора аренды субарендного договора основывается на особенностях отдельных видов договора аренды.

Общим правилом выступает возможность заключения договора субаренды, а следовательно, существования субарендной формы, сопутствующей основному договору аренды, если это допускается законом и дано согласие арендодателя. Исключение составляет только договор субаренды транспортных средств, заключение которого возможно во всех случаях, если иное не предусмотрено договором. Заключение договора субаренды транспортного средства без получения специального разрешения арендодателя следует признать исключением из общего правила, предусмотренного для субаренды в целом.

Проведение аналогий в порядке правового регулирования договоров аренды и субаренды позволяет определить общую тенденцию в правовом регулировании субарендных договоров: к отдельным видам субаренды применяются общие положения о субаренде, если иное не установлено специальными нормами об аренде соответствующего вида.

Ключевые слова: наследственное право, право наследования, наследование, завещание, лицо, осужденное к лишению свободы, начальник места лишения свободы.

Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. В связи с этим задачами уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации является не только регулирование порядка, условий исполнения и отбывания наказаний, определение средств исправления осужденных, но и охрана их прав, свобод и законных интересов, оказание осужденным помощи в социальной адаптации [2, с. 27].

Факт лишения свободы как вид уголовного наказания, назначаемого судом за совершенное преступление, юридически не влечет за собой ограничений дееспособности осужденного, который юридически остается полноправным участником гражданского оборота, в том числе может наследовать и завещать имущество [1, с. 12; 3, с. 14].

Завещание не является широко востребованным правовым средством в наследовании имущества,

однако осужденные к лишению свободы также не ограничены в праве его составить, что влечет за собой необходимость наличия эффективного правового механизма обеспечения прав осужденного в удостоверении завещаний.

Если осужденный, намеревающийся совершить завещание, высказывает желание пригласить для этого нотариуса и имеется разумная возможность выполнить это желание, начальник места лишения свободы обязан принять все меры для приглашения к осужденному нотариуса.

Законом допускается удостоверение завещаний лиц, осужденных к лишению свободы, начальником места лишения свободы, чье удостоверение не является нотариальным, но имеет юридическую силу нотариального удостоверения.

Действия начальника места лишения свободы по удостоверению завещаний лиц, осужденных к лишению свободы и отбывающих наказание в виде

лишения свободы (далее – осужденные), должны совершаться в соответствии с законодательными и иными нормативными актами, действующими в Российской Федерации. При этом следует учитывать, что Инструкция о порядке удостоверения завещаний и доверенностей начальниками мест лишения свободы, утвержденная Министром юстиции СССР 14 марта 1974 г. № К-15/184, действует в части, не противоречащей нормативно-правовым актам, имеющим большую юридическую силу (федеральные законы, указы Президента Российской Федерации и постановления Правительства Российской Федерации) и принятым после указанной (14.03.1974) даты (приказы Министерства юстиции Российской Федерации). Указанная Инструкция во многом противоречит Гражданскому кодексу Российской Федерации (ГК РФ) основному акту, определяющему правовой режим в области удостоверения доверенностей и завещаний, поэтому начальникам мест лишения свободы следует руководствоваться преимущественно Гражданским кодексом Российской Федерации.

Начальниками мест лишения свободы могут удостоверяться только открытые завещания, составленные в соответствии с требованиями гражданского законодательства как осужденными – гражданами Российской Федерации, так и осужденными, являющимися иностранными гражданами и лицами без гражданства (далее – граждане).

Завещание должно быть совершено осужденным лично, совершение завещания через представителя не допускается. Осужденный лично представляет начальнику места лишения свободы написанный им текст завещания либо при личной явке к начальнику места лишения свободы излагает свою волю о распоряжении имуществом на случай смерти для составления текста завещания начальником места лишения свободы.

Удостоверению начальником места лишения свободы подлежит завещание, содержащее распоряжение только одного осужденного. Не подлежит удостоверению завещание, содержащее волю нескольких осужденных.

Начальник места лишения свободы удостоверяет завещание, совершенное осужденным, обладающим в момент совершения завещания дееспособностью в полном объеме. У граждан Российской Федерации дееспособность в полном объеме возникает по достижении лицом 18-летнего возраста, за исключением случаев объявления несовершеннолетнего полностью дееспособным или вступления в брак до достижения 18-летнего возраста.

В подтверждение наличия у гражданина дееспособности в полном объеме начальником места

лишения свободы из личного дела осужденного истребуются:

– документ, удостоверяющий личность, для проверки наступления совершеннолетия (как правило, паспорт);

– свидетельство или копия свидетельства о регистрации брака в случае приобретения дееспособности в полном объеме в результате заключения брака до достижения 18-летнего возраста;

– документ или копия документа об объявлении несовершеннолетнего полностью дееспособным (решение органа опеки и попечительства, если эмансипация производилась с согласия обоих родителей, усыновителей или попечителей, или решение суда, если эмансипация производилась без указанного согласия).

При выяснении дееспособности иностранных граждан, лиц без гражданства, беженцев начальникам мест лишения свободы необходимо иметь в виду, что гражданская дееспособность физического лица определяется его личным законом, который устанавливается в соответствии со ст. 1195 ГК РФ. Начальникам мест лишения свободы при установлении гражданской дееспособности иностранного гражданина рекомендуется использовать таблицу «Возраст достижения гражданской дееспособности в разных государствах», опубликованную в практическом пособии И. Г. Медведева [4].

Не допускается удостоверение завещаний от имени совершеннолетних осужденных, если они признаны судом недееспособными, ограничены судом в дееспособности или если они не отдают отчета в своих действиях. Дееспособность завещателя определяется начальником места лишения свободы путем проверки документов, подтверждающих приобретение дееспособности в полном объеме. Способность завещателя отдавать отчет в своих действиях проверяется путем проведения начальником места лишения свободы беседы с завещателем. В ходе беседы начальник места лишения свободы выясняет адекватность ответов завещателя на задаваемые вопросы, на основании чего начальником места лишения свободы делается вывод о возможности гражданина понимать сущность своих действий.

Не подлежит удостоверению завещание от имени осужденного, хотя и не признанного судом недееспособным, но находящегося в момент обращения к начальнику места лишения свободы в состоянии, препятствующем его способности понимать значение своих действий или руководить ими (например, вследствие болезни, наркотического или алкогольного опьянения, душевной травмы), что делает невозможным выполнение началь-

ником места лишения свободы возложенной на него законом обязанности – проверить соответствие содержания завещания действительному намерению завещателя, а также разъяснить завещателю смысл и значение содержания завещания. В этом случае начальник места лишения свободы отказывает в удостоверении завещания, а осужденному разъясняется его право обратиться за удостоверением завещания после прекращения обстоятельств, препятствующих совершению завещания.

Поскольку завещание является односторонней сделкой, для удостоверения завещания осужденного необходимо установить волеизъявление только самого завещателя. При этом выяснения воли или получения согласия на совершение, изменение или отмену завещания лиц, в отношении которых оно составлено, не требуется.

Осужденный свободен в волеизъявлении при совершении завещания. Осужденный вправе по своему усмотрению завещать имущество любым лицам, любым образом определить доли наследников в наследстве, лишить наследства одного, нескольких или всех наследников по закону, а также включить в завещание иные распоряжения, не противоречащие Гражданскому кодексу Российской Федерации.

Завещатель вправе завещать свое имущество: наследникам по закону; лицам, не являющимся наследниками по закону; гражданам Российской Федерации, иностранным гражданам, лицам без гражданства; юридическим лицам, включая иностранных; Российской Федерации, субъектам Российской Федерации, муниципальным образованиям; иностранным государствам и международным организациям.

Осужденный может передать по наследству вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности.

Осужденный не ограничен в количестве составляемых им завещаний, он может распорядиться имуществом или какой-либо его частью, составив одно или несколько завещаний. В завещаниях могут содержаться распоряжения в отношении разных наследников (жены, сына, сестры и др.), в отношении разного имущества (квартиры, земельного участка, акций и др.).

Поскольку завещание порождает правовые последствия не в момент его совершения, а после открытия наследства, осужденный вправе совершить завещание, содержащее распоряжение любым имуществом, включая то, которое он может приобрести в будущем, в том числе унаследовать от других лиц. В связи с изложенным при удостоверении завещания начальником места лишения свободы не требуется представления начальнику

места лишения свободы доказательств, подтверждающих право осужденного на указываемое в завещании имущество.

Осужденный вправе любым образом определить доли наследников в наследстве, установив равные либо разные размеры долей каждого из наследников. Доли между указанными в завещании несколькими наследниками распределяются завещателем таким образом, чтобы при условном принятии наследственного имущества за единицу сумма долей наследников единицу не превышала. Завещатель может не определять доли наследников в завещанном имуществе и не указывать, что именно из наследства кому из наследников предназначается. В этом случае наследство считается завещанным в равных долях.

Завещатель вправе лишить наследства одного, нескольких или всех наследников по закону, не указывая причин такого решения [5, с. 32]. Содержание завещания может исчерпываться указанием о лишении наследства одного, нескольких или всех наследников по закону.

Одним из принципов свободы завещания является предоставленное завещателю право отменить или изменить совершенное им завещание. Завещатель вправе в любое время после совершения завещания отменить или изменить его, не указывая при этом причины отмены или изменения завещания. Завещатель не должен согласовывать свои действия, направленные на изменение или отмену завещания, с какими бы то ни было лицами, в том числе названными наследниками в отменяемом или изменяемом завещании. Завещание может быть отменено как путем оформления специального документа – распоряжения об отмене завещания, так и путем составления нового завещания. Удостоверенным начальником места лишения свободы завещанием может быть отменено или изменено любое предшествующее завещание.

Если осужденный обратился к начальнику места лишения свободы с написанным им самим завещанием, начальник места лишения свободы проверяет, соответствует ли содержание написанного осужденным текста его действительным намерениям и не противоречит ли завещание требованиям закона.

Завещание может быть составлено путем записи начальником места лишения свободы выясненной им воли осужденного о распоряжении имуществом на случай смерти. При этом текст завещания до его подписания должен быть полностью прочитан самим осужденным в присутствии начальника места лишения свободы.

При удостоверении завещания начальником места лишения свободы обязательно участие одно-

го свидетеля и допускается присутствие, помимо завещателя и начальника места лишения свободы, только переводчика, исполнителя завещания, лица, подписывающего завещание вместо завещателя – рукоприкладчика.

Завещание подписывается осужденным собственноручно в присутствии начальника места лишения свободы. В целях обеспечения осуществления воли завещателя, защиты прав наследников, проведения графологической экспертизы при возникновении споров после открытия наследства, а также в целях выработки единой правоприменительной практики целесообразно написание завещателем, помимо своей подписи, полностью от руки своего имени, включающего фамилию, собственно имя, а также отчество, если иное не вытекает из закона или национального обычая.

Подписание завещания вместо завещателя рукоприкладчиком допускается исключительно в случаях, прямо предусмотренных Гражданским кодексом Российской Федерации: физические недостатки завещателя, его тяжелая болезнь или неграмотность. Завещание подписывается рукоприкладчиком по просьбе завещателя в его присутствии и в присутствии начальника места лишения свободы.

При составлении и удостоверении начальником места лишения свободы завещания должен присутствовать один свидетель. В случае привлечения

к подписанию завещания рукоприкладчика требуется участие еще одного свидетеля. По желанию завещателя могут быть приглашены дополнительные свидетели. Для того чтобы указанное осужденным лицо могло в качестве свидетеля присутствовать при составлении и удостоверении завещания, начальник места лишения свободы выясняет, не относится ли оно к кругу лиц, которые не могут быть свидетелями в соответствии с законом.

Завещание составляется и удостоверяется в двух экземплярах. Удостоверительная надпись на завещании должна быть сделана в день составления завещания. Удостоверенное завещание начальником места лишения свободы должно быть занесено в специальную книгу для регистрации завещаний. Регистрационный номер, за которым зарегистрировано завещание в этой книге, должен быть проставлен в удостоверительной надписи на обоих экземплярах завещания.

Начальник места лишения свободы, удостоверивший завещание, выдает один экземпляр завещания на руки завещателю либо помещает его в личное дело осужденного, а другой экземпляр завещания в обязательном порядке за счет средств осужденного передает (высылает) в адрес Управления Министерства юстиции по тому субъекту Российской Федерации, где постоянное место жительства имел осужденный до лишения свободы.

Список литературы

1. Гришко А. Я. Наследственно-правовой статус лиц, осужденных к лишению свободы // Наследственное право. 2006. № 2. С. 12–17.
2. Гришко А. Я. О принципах законности и равенства осужденных перед законом // Человек: преступление и наказание. 2014. № 4. С. 27–31.
3. Гришко А. Я. Осужденный как субъект наследования // Человек: преступление и наказание. 2006. № 4. С. 14–19.
4. Медведев И. Г. Международное частное право и нотариальная деятельность. Екатеринбург, 2003. 156 с.
5. Чичерова Л. Е. Лишение права наследования как мера ответственности за неисполнение семейных обязанностей // Наследственное право. 2006. № 2. С. 32–36.

OLEG EVGEN'EVICH BLINKOV,

dsc in law, professor,
professor of the civil law and process department
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: blinkov@inbox.ru
© Blinkov O. E., 2015

TYPES OF SUBCONTRACT'S IN THE SPHERE OF RENTAL PROPERTY

Annotation: the article analyzes the legal and theoretical system types of subcontracts in the field of rental property. Based on the legal analysis of the provisions of Chapter 34 of the Civil code of the Russian Federation are in the sublease vehicles, sub-rental of buildings and structures, sublease enterprises and financial sublease. The system sublease agreements not included sublease form of rent, as under conditions of rental, the renter is

practically deprived of the opportunity to make whatever administrative action in respect of the facility lease. Doctrinal analysis allows to highlight the sublease forest and land sublease.

The definition of the General laws in the legal regulation of certain types of sublease agreements and establishing whether or not a conclusion based on a specific type of lease sublease contract is based on the characteristics of individual types of the lease.

The General rule is the conclusion of the sublease agreement, and therefore, the existence of the sublease form, which accompanies the main lease agreement, if permitted by law and the consent of the lessor. The only exception is the sub-lease vehicles, a conclusion which is possible in all cases, unless otherwise provided by the contract. The conclusion of the contract of sublease of vehicle without obtaining special permission of the lessor should recognize an exception to the General rule provided for sublease in general.

The analogy in the order of the legal regulation of contracts of lease and sublease allows you to define the general trend in the legal regulation sublease agreements: certain types sublease are subject to the general provisions of the sublease, unless otherwise determined by special regulations on the lease of the relevant type.

Key words: inheritance law, inheritance law, inheritance, bequest, a person sentenced to imprisonment, the chief places of deprivation of liberty.

References

1. Grishko A. Ja. Nasledstvenno-pravovoj status lic, osuzhdennyh k lisheniju svobody [Hereditary legal status of persons sentenced to deprivation of liberty]. *Nasledstvennoe pravo – Inheritance law*, 2006, no. 2, pp. 12–17.
2. Grishko A. Ja. O principah zakonnosti i ravenstva osuzhdennyh pered zakonom [On the principles of legality and equality of convicted persons before the law]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment*, 2014, no. 4, pp. 27–31.
3. Grishko A. Ja. Osuzhdennyj kak sub'ekt nasledovaniya [The convicted person as the subject of inheritance]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment*, 2006, no. 4, pp. 14–19.
4. Medvedev I. G. Mejdynarodnoe chastnoe pravo i notarialnaya deyatel'nost [International private law and notarial activity]. Ekaterinburg : research Center of notary. 2003. 156 p.
5. Chicherova L. E. Lishenie prava nasledovaniya kak mera otvetstvennosti za neispolnenie semejnyh objazannostej [Deprivation of the right of inheritance as a measure of responsibility for violation of family obligations]. *Nasledstvennoe pravo – Inheritance law*, 2006, no. 2, pp. 32–36.

УДК 343.8
ББК 67.409
Г61

РОМАН БОРИСОВИЧ ГОЛОВКИН,
доктор юридических наук, профессор,
заместитель начальника института по научной работе
(Владимирский юридический институт ФСИН России),
e-mail: golovkinrombor@mail.ru
© Головкин Р. Б., 2015

НЕКОТОРЫЕ ИСТОЧНИКИ ПРОБЛЕМ ДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

Реферат: статья посвящена исследованию обстоятельств, негативно влияющих на реализацию уголовно-исполнительного законодательства. Среди них особое внимание уделяется проблемам интерполяции (подмены) уголовно-исполнительного права иными социальными и несоциальными регуляторами. Исследуются свойства и особенности указанного процесса, пути преодоления и минимизации интерполяции уголовно-исполнительного законодательства.

В целях установления особенностей интерполяции уголовно-исполнительного права как источника проблем его реализации проведено социологическое исследование, результаты которого показали, что интерполяция права, в том числе уголовно-исполнительного, проявляется в формировании и действии теневого интерполированного пенитенциарных норм как совокупности искаженных интерполяцией права, личностных взглядов на регулирование отношений в уголовно-исполнительной системе.

Основной источник современных проблем реализации и действия уголовно-исполнительного права – это интерполяция права, которая проявляется и в регулировании исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы.

Ключевые слова: пенитенциарная система, уголовно-исполнительное законодательство, интерполяция права, традиции, социальные нормы.

Как известно, реальное действие права на общественные отношения не всегда согласуется с планом регулирования общественных отношений, который отражается и выражается в законодательстве. Претворение требований законодательства в жизнь, в реальное поведение субъектов права выражается в соблюдении, исполнении, использовании и применении правовых норм, то есть в реализации законодательства. Следовательно, действие права – это его реальное влияние на общественные отношения, а реализация права – это степень воплощения требований права в жизнь, и эта степень реализованности правовых норм в механизме действия права оказывается достаточно низкой, кроме того, может вообще блокироваться иными неправовыми явлениями. Данная ситуация в полной мере распространяется и на действие уголовно-исполнительного права. Регулирование правом отношений порождает целый комплекс проблем и затруднений в практическом действии права. На наш взгляд, уголовно-исполнительные (пенитенциарные) нормы несвободны от общих проблем действия права, в частности, обусловленных подменой (интерполяцией) норм уголовно-исполнительного права другими регуляторами общественных отношений.

В настоящее время интерполяция в праве рассматривается как умышленное или неосторожное

искажение, подмена изначальных смыслов изданных юридических норм, а также подмена самих правовых норм другими социальными и несоциальными регуляторами при осуществлении процедур правового регулирования в целом.

Ситуация с интерполяцией уголовно-исполнительного права обуславливается многими обстоятельствами, но главное место занимает тот факт, что не все уголовно-исполнительные правоотношения охвачены нормами уголовно-исполнительного законодательства. Часто результат уголовно-исполнительного регулирования не совпадает с планом законодателя, и фактически происходит интерполяция уголовно-исполнительного права. При исследовании данной проблемы следует учитывать следующие обстоятельства.

Во-первых, в общественной практике уголовно-исполнительное регулирование очень часто отождествляется с реализацией уголовно-исполнительного права, так как подразумевается результат – упорядоченность уголовно-исполнительных (пенитенциарных) отношений с помощью уголовно-исполнительного права, при этом стадия пенитенциарного правотворчества упускается из виду.

Во-вторых, в пенитенциарных учреждениях весьма сильно влияние так называемых «воровских законов» и «понятий» на регулирование общественных отношений. Правосознание осуж-

денных, да и некоторых сотрудников, весьма деформировано.

В-третьих, ограниченный оперативный доступ к нормам действующего права, а также низкий уровень правовой культуры осужденных ведет к получению и распространению в пенитенциарных учреждениях интерпретированной правовой информации (то есть посредством правовых слухов).

Для того чтобы уточнить наиболее существенные, прежде всего внутренние особенности интерполяции уголовно-исполнительного права, рабочей группой под руководством автора проведено социологическое исследование в марте–апреле 2015 г. Было опрошено 122 курсанта 5-х курсов ВЮИ ФСИН России, 62 сотрудника УИС, проходивших переподготовку в ВЮИ ФСИН России. Опрос проводился в виде закрытого анкетирования, без учета демографических факторов.

С учетом проведенного социологического исследования и общетеоретического анализа действия уголовно-исполнительного права можно отметить следующие обстоятельства.

1) интерполяция уголовно-исполнительного права и права в целом в пенитенциарных учреждениях существует и углубляется;

2) высокий уровень информации о коррупции в органах государственной власти, местного самоуправления, в правоохранительных органах не способствует действию уголовно-исполнительного права, а, наоборот, повышает его интерполяцию;

3) одна из причин высокого уровня интерполяции уголовно-исполнительного права – это низкий уровень правовой культуры как осужденных, так и многих сотрудников (у одних – в силу незнания закона, у других – из-за отсутствия убежденности в необходимости его действия, так как это запланировано законодателем);

4) высокая эффективность «воровских законов» ведет к снижению эффективности действия уголовно-исполнительного права и повышению степени его интерполяции;

5) «обвальное» правотворчество последних лет (порой без учета системности права) повышает риск интерполяции уголовно-исполнительного права и снижает качество юридической техники в сфере исполнения наказания.

Анализ возможных источников проблем реализации уголовно-исполнительного права показал, что многие из них производны от интерполяции (подмены) уголовно-исполнительного права. Кроме того, результаты проведенного социологического исследования позволяют сформулировать наиболее существенные признаки и установить некоторые закономерности интерполяции уголовно-исполнительного права в УИС.

В исправительных учреждениях интерполяция права проявляется наиболее ярко. Наряду с официальными нормами, определяющими условия отбывания наказания и способы обращения с осужденными, в них складывается и развивается неформальная нормативно-ценностная система (подменяя ту, которая признается государством), которую можно обозначить как «теневое устное уголовно-исполнительное право».

В теневом устном уголовно-исполнительном праве можно выделить несколько уровней, такие как «закон», «наказ», «правило» [1, с. 34]. «Закон» – устойчивый свод норм поведения преступников, своеобразный кодекс. Например, «воровской закон», включающий в себя свод норм, принимается и изменяется на «воровских сходках» («съездах»); его нормы распространяются на весь уголовный мир бывшего СССР. «Наказ» ниже уровнем, чем «закон», это новое правило, оперативно созданное группой «авторитетов» – «воров в законе» (не менее трех лиц) в результате компромисса между конфликтующими группировками или в качестве ответа на новую акцию властей или правоохранительных органов. «Правило» относится к нормам местного самоуправления, оно принимается конкретной группой и регулирует поведение ее членов [2, с. 190–192].

Теневую интерполированную нормативную систему в исправительных учреждениях можно определить как относительно устойчивую совокупность определенных принципов, правил и стандартов поведения, которые разделяются и поддерживаются значительным большинством осужденных, детерминируют их активность, определяют степень влияния и положение в социальной структуре сообщества. Являясь важным элементом преступной субкультуры, они составляют ее организационно-нормативную базу. Подобное социально-психологическое образование характерно для любого сообщества осужденных, причем независимо от вида и географии пенитенциарного учреждения. По существу, это неписанный кодекс поведения, зафиксированный в специфическом наборе субкультурных категорий. Информация об этих нормах передается от одних осужденных к другим в интерпретированном виде, то есть в форме слухов, при этом, несмотря на жесткость рамок интерпретируемых норм, в силу обеспеченности принуждением со стороны «авторитетов» и простоты и доходчивости. Вследствие интерпретаций информации о нравах пенитенциарного мира в форме слухов происходит искажение нравственных норм, о чем свидетельствует их неоднородный характер в различных учреждениях, а также изменение с течением времени. Так, если по одной из

традиций 30-х годов XX в. «авторитет» должен был воровать в течение ряда лет, обучаться преступному ремеслу под руководством опытных преступников, то в настоящее время эти жесткие критерии не выдерживаются и отмирают.

Интерполяция права в местах лишения свободы не только обеспечивает противоправный образ жизни, но и стимулирует его проявление в новых поколениях правонарушителей, вызывая у них потребительские взгляды, соответствующие им мотивы поведения. Неукоснительное соблюдение интерполированных норм в виде преступных пенитенциарных традиций предопределяет поведение «авторитетов» в исправительных учреждениях. Они являются зачинщиками, «идеологами» и проводниками слухов о нравах преступного мира, активно пропагандируя свой преступный образ жизни. Это принципиально отличает «авторитетов» от других нарушителей режима содержания в местах лишения свободы.

Организация групповых неповиновений законным требованиям администрации исправительного учреждения, вовлечение осужденных в азартные игры, сборы «общаков», притеснение и «правилки» над теми, кто оказывал помощь администрации исправительного учреждения, продиктованы преступными перерожденными нормами. И если другие категории осужденных, отбывающих наказание, лишь подчиняются требованиям преступных традиций, чтобы обеспечить себе безопасное и нормальное существование в своей среде или чтобы заслужить уважение «блатных», то «авторитеты» формируют интерполяционные правовые нормы, предписывающие преклонение перед пенитенциарными (воровскими) традициями, следование которым они считают своим долгом. Вместе с тем длительность существования теневого интерполированных пенитенциарных норм сама по себе еще не определяет их современное значение: жизненность изучаемых явлений коренится в их дальнейшем развитии последующими поколениями профессиональных преступников в местах лишения свободы в новых условиях. Дело в том, что преступная среда, воспринимая одни элементы своего преступного наследия, в то же время отвергает другие, которые противоречат складывающимся новым отношениям. Так, в группировках «авторитетов» за счет динамики интерполяции права, которая связана с правотворчеством и развития общества, прослеживаются постоянные изменения теневого интерполированных пенитенциарных норм.

В целом интерполяция права, в том числе уголовно-исполнительного, проявляющаяся в формировании и действии теневого интерполированных

пенитенциарных норм, – это совокупность искаженных интерполяцией права личностных взглядов на регулирование отношений в уголовно-исполнительной системе, передаваемых устно подготавливаемыми, обвиняемыми и осужденными, поэтому, несмотря на длительную историю изучения теневого пенитенциарных норм, как результат интерполяции права они не рассматривались. Одни специалисты считают, что они являются специфическим продуктом образа жизни, складывающегося в местах лишения свободы [3], другие полагают, что нормы привносятся туда некоторыми категориями преступников [4]. По мнению А. И. Мокрецова, формирование нормативной системы происходит в результате встречного процесса, обусловленного взаимовлиянием внешних и внутренних факторов. Этому способствует стремление отрицательно настроенных осужденных к самоорганизации в целях оказания давления на окружающих и обеспечения психологической защиты от несправедливых посягательств со стороны администрации исправительного учреждения, которые в период отбывания наказания персонифицируются в лице конкретных сотрудников – носителей властных полномочий исправительного учреждения.

Информация о деинтерполяции права в виде нарушений норм преступного мира среди осужденных обуславливает отдельные виды общественно опасных деяний, совершаемых в местах лишения свободы, так как их нарушение влечет за собой жестокое и часто неотвратимое для нарушителя наказание. По мнению специалистов [5, с. 84], примерно 70 % всех преступлений в местах лишения свободы тем или иным образом связаны со слухами о нарушениях преступных нравственных традиций, культивируемых в среде лиц, отбывающих наказание. Как правило, это расправы с осужденными, не уплатившими или несвоевременно уплатившими картонный долг, сотрудничающими с администрацией пенитенциарных учреждений, не выполняющими распоряжения «авторитетов» преступного мира.

В названном перечне отсутствуют насильственные и ненасильственные действия сексуального характера, которые подпадают под действие ст. 132 УК РФ, вторые – под действие ст. 116 УИК РФ, но это не означает, что в местах лишения свободы подобные деяния не совершаются. Напротив, они имеют довольно широкое распространение, но должной правовой оценки со стороны правоохранительных органов не получают. Причины своего бедственного положения осужденные в основном связывают с существующими неформальными отношениями в своей среде. Совершение перечисленных преступлений сопровождается двумя особенностями.

Во-первых, большинство из них совершаются в присутствии других осужденных с целью их запугивания, а во-вторых, с особой жестокостью и цинизмом, жертве умышленно причиняются страдания и мучения. Подобными действиями лидеры преступного пенитенциарного мира стараются не только сохранить сферу влияния преступных традиций, но и расширить ее. Практически любой осужденный может вольно или невольно стать нарушителем интерполированных пенитенциарных норм и понести наказание от «своих», а соответственно и стать жертвой преступления. В связи с этим уместно вспомнить Д. В. Ривмана, который справедливо отмечает, что «любой индивидуум потенциально виктимен, поскольку он, находясь в определенной жизненной обстановке, включаясь в сплетение разноплановых социальных отношений, может оказаться жертвой преступления» [6, с. 45].

Следовательно, интерполяция права в пенитенциарной системе в виде сформированных антиправовых (теневых) стереотипов преступного мира выступает в роли эффективного механизма социального контроля, санкции преступной среды обеспечивают единообразие, согласованность совместных действий и поддерживают стабильность групповых структур.

Антиобщественная сущность рассматриваемых вариантов интерполяции права в пенитенциарной системе проявляется прежде всего в том, что сформированные в результате интерполяции права нормы являются закрепителями и проводниками определенного опыта предшествующих поколений преступников; поддерживают в состоянии стабильности изначальную ориентацию профессиональных преступников на ведение паразитического образа жизни, что, в свою очередь, продуцирует самые разнообразные формы их противоправного поведения; обеспечивают группировки «авторитетов» уголовной среды всем необходимым (единицами оценками, идеалами и нормами) для их образования, консолидации и сопротивления с правоохранительными органами; служат средством защиты отмеченных криминогенных формирований от вмешательства со стороны сокрытия противоправного поведения. Можно сказать, что каждое поколение «авторитетов» уголовной среды в местах лишения свободы с необходимостью воспринимает, заимствует ряд форм интерполяции права в виде передаваемых устно устойчивых и прочных антиобщественных стереотипов поведения, искаженных ценностей из прошлого, провозглашает устоявшиеся противоправные интерполированные принципы с целью утвердиться в сообществе осужденных и использовать их для личных целей.

Интерполированное теневое уголовно-исполнительное право формирует внутренний мир профессионального преступника, его искаженные взгляды, направляет его в реальной жизни, накладывая запрет на одно и разрешая другое.

Причины сохранения устойчивости интерполяции в пенитенциарных учреждениях современной России детерминированы не только условиями отбывания наказания в местах лишения свободы, образом жизни преступников, мировоззрением, активным противостоянием правоохранительным органам, но и желанием защищать, уберечь их от общества. Общество всегда пытается доминировать над преступным миром, борется с ним, поэтому он и «охраняется», консервирует свои традиции, стараясь насаждать их хитростью и насильем [7, с. 83].

Таким образом, в исправительных учреждениях правовые нормы, определяющие условия отбывания наказания и способы обращения с осужденными, подвергаются сознательной интерполяции и подменяются теневым интерполированным пенитенциарным правом, которое во многом прямо противоположно официальному регулированию. Специфические отношения в среде субъектов пенитенциарных отношений не только порождены, но и регулируются системой интерполированных норм, то есть комплексными нормами, основанными на инерции сознания при оценивании поведения человека с учетом его микро- и макросреды обитания и регулируемыми отношениями, складывающимися в локальных, относительно обособленных общностях людей.

Система интерполированных пенитенциарных преступных норм представлена как совокупность следующих элементов: во-первых, это устные интерпретации, которые полностью или частично искажают и подменяют право в целом и уголовно-исполнительное в частности; во-вторых, вновь формируемые нормы пенитенциарного мира, регулирующие наиболее общие отношения в пенитенциарной среде, отличные от правовых предписаний; в-третьих, интерполированная общественная мораль в виде криминальных нравов. Данные нормы, как правило, регулируют взаимодействие субъектов уголовно-исполнительных отношений с обществом и системой правоохранительных органов (эта группа интерполированных норм является самой устойчивой); в-четвертых, иерархические пенитенциарные нормы, возникающие на основе интерполяции соответствующих правовых норм, предписывающие разделение субъектов пенитенциарных отношений на неформальные категории и устанавливающие правила поведения с лицами, не

являющимися членами преступного пенитенциарного мира; в-пятых, интерполированные пенитенциарные криминальные нравы, регулирующие порядок внутренних взаимоотношений субъектов пенитенциарных отношений. Данные нормы – синтез интерполяции права, естественно-биологических норм и импорт традиций преступных и иных сообществ за пределами пенитенциарных учреждений.

Интерполяция права, действующая в рамках пенитенциарной системы, имеет достаточно сложный и противоречивый характер и представляет собой результат взаимодействия двух типов интерполированных регуляторов: сформировавшихся норм в результате интерполяции права лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы, и интерполированных норм сотрудников, обеспечивающих исполнение наказания в виде лишения свободы. Эти совокупности находятся в постоянном взаимодействии, но при этом являются относительно самостоятельными. Соотношение интерполированных норм сотрудников и интерполированных норм осужденных зависит во многом от порядка отбывания наказания, категорий осужденных, вида исправительного учреждения, а также от общественных моральных, религиозных норм и норм-обычаев.

Нормативные интерполяции права сотрудниками подразделяются на макроинтерполяцию права, ординарную интерполяцию права и микроинтерполяцию права. Макроинтерполяция права – это подмена общих принципов права и формирование новых основополагающих максим в виде норм-принципов (например, «начальник всегда прав» или «осужденный – враг сотрудника» и др.). Ординарная интерполяция права выражается в подмене в сознании сотрудников правил поведения, установленных законодательством (например, нормы, пресекающие коррупционные связи). Микроинтерполяция заключается в частичной подмене отдельных элементов правовых норм-правил (например, нормы, запрещающие необоснованное применение физической силы к осужденным-правонарушителям).

Все три вида интерполяции права сотрудниками УИС можно подразделить: 1) на интерполированные нормы, регламентирующие отношения «сотрудник – осужденный»; 2) интерполированные нормы, устанавливающие взаимоотношения между сотрудниками.

Система видов интерполяции по ее глубине проявляется и при анализе интерполированных норм осужденных к лишению свободы. Она подобна системе интерполяции права у сотрудников: состоит также из макроинтерполяции (например, «не верь, не бойся, не проси»), ординарной интерполяции (например, правило противостояния исправительному воздействию), микроинтерполяции (различного рода мелкие нарушения порядка от-

бывания наказания). Интерполированные правила осужденных состоят из следующих видов: 1) интерполированные нормы, регулирующие взаимодействие субъектов пенитенциарных отношений с обществом и системой правоохранительных органов; 2) интерполированные нормы, предписывающие разделение субъектов пенитенциарных отношений на неформальные категории и устанавливающие правила поведения с лицами, не являющимися членами преступного мира; 3) интерполированные нормы, регулирующие порядок внутренних взаимоотношений субъектов пенитенциарных отношений.

Индивидуальные интерполяции права осужденными и сотрудниками носят ненормативный характер и имеют значение при личной оценке сотрудника или осужденного, за исключением личных интерполяций «авторитетов», которые могут иметь как нормативный, так и ненормативный характер.

Устойчивость интерполяции права в пенитенциарной системе, особенно в среде осужденных, обеспечивается системой жестких наказаний, нормируемых на основе интерполированных норм права. К числу санкций, обеспечивающих обязательность исполнения пенитенциарных интерполяций норм, следует отнести акты лишения поддержки со стороны определенной группы, шантаж, угроза причинения телесных повреждений, убийств, совершение насильственного акта мужеложства, лесбиянства, лишение криминального статуса; причинение телесных повреждений, а также убийство. В среде сотрудников практикуются «подставы», «неудобные» дежурства и т. д.

Таким образом, основной источник проблем реализации и действия уголовно-исполнительного права – это интерполяция права, которая проявляется и в регулировании исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы.

Указанные нормы представляют собой исторически сложившийся динамический комплекс «подправления» действующего права и его замены на устное уголовно-исполнительное право, в том числе на так называемое уголовно-исполнительное право преступного мира, которое воздействует не только на осужденных, но и на сотрудников УИС. Данные обстоятельства фактически признаются даже на законодательном уровне (например, нормы об условиях содержания определенных категорий осужденных, нормы о свиданиях, условно-досрочном освобождении от отбывания наказания в виде лишения свободы).

Сформированные на основе интерполяции права нормы, условно обозначенные как нормы пенитенциарного преступного мира, передаются последующим поколениям осужденных, являются устойчивыми и прочными социальными регуляторами поведения и

охраняются не только силой мнения, как в других социумах, но и неформальными санкциями, чем обуславливают отдельные виды общественно опасных деяний, совершаемых в местах лишения свободы.

Список литературы

1. Дикселиус М., Константинов А. Преступный мир России. М., 1995. 288 с.
2. Анисимков В. М. Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы. СПб., 2003. 204 с.
3. Хохряков Г. Ф. Парадоксы тюрьмы. М., 1991. 224 с.
4. Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990. 442 с.
5. Ткачевский Ю. М. Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. М., 1997.
6. Ривман Д. В., Устинов В. С. Виктимология : монография. Н. Новгород, 1998. 210 с.
7. Анисимков В. М. Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы. СПб., 2003. 250 с.

ROMAN BORISOVICH GOLOVKIN,

dsc in law, professor, deputy head of the institute
(Vladimir juridical institute of the FPS of Russia),
e-mail: golovkinrombor@mail.ru
© Golovkin R. B., 2015

SOME SOURCES OF PROBLEMS OF ACTION OF THE CRIMINAL AND EXECUTIVE RIGHT

Annotation: article is devoted to research of the circumstances which are negatively influencing implementation of the criminal and executive legislation. Among them the special attention is paid to problems of interpolation (substitution) of the criminal and executive right by other social and unsocial regulators. Properties and features of the specified process, ways of overcoming and minimization of interpolation of the criminal and executive legislation are investigated.

For establishment of features of interpolation of the criminal and executive right as source of problems of its realization sociological research is conducted. As showed research, interpolation is right, including criminal and executive, is shown in formation and action of the shadow interpolated penitentiary norms as sets by the distorted interpolation of the right, personal views of regulation of the relations in criminal and executive system.

Results of research allowed to conclude that the main source of modern problems of realization and action of the criminal and executive right is an interpolation of the right which is shown and in regulation of execution of criminal penalties in the form of imprisonment.

Key words: penal system, criminal and executive legislation, interpolation of the right, tradition, social norms.

References

1. Dikselius M., Konstantinov A. Prestupnyj mir Rossii [Underworld of Russia]. Moscow, 1995. 288 p.
2. Anisimkov V. M. Rossija v zerkale ugolovnyh tradicij tjur'my [Russia in a mirror of criminal traditions of prison]. St. Petersburg, 2003. 204 p.
3. Hohrjakov G. F. Paradoksy tjur'my [Paradoxes of prison]. Moscow, 1991. 224 p.
4. Gurov A. I. Professional'naja prestupnost': proshloe i sovremennost' [Professional crime: past and present]. Moscow, 1990. 442 p.
5. Tkachevskij Ju. M. Progressivnaja sistema ispolnenija ugolovnyh nakazanij [Progressive system of execution of criminal penalties]. Moscow, 1997.
6. Rivman D. V., Ustinov B. C. Viktimologija [Viktimologiya]. N. Novgorod, 1998. 210 p.
7. Anisimkov V. M. Rossija v zerkale ugolovnyh tradicij tjur'my [Russia in a mirror of criminal traditions of prison]. St. Petersburg, 2003. 250 p.

УДК 343.196
ББК 67.410.215
Л17

ЛАРИСА ВЛАДИМИРОВНА ЛАЗАРЕВА,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовно-процессуального права
и криминалистики
(Владимирский юридический институт ФСИИ России),
e-mail: larisa_vui@mail.ru
© Лазарева Л. В., 2015

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В СУДЕ ВТОРОЙ ИНСТАНЦИИ

Реферат: в статье рассмотрены актуальные и важные проблемы, возникающие при использовании специальных знаний в апелляционном, кассационном, надзорном производстве, а также на стадии исполнения приговора. Предметом являются правовые нормы и теоретические положения, регламентирующие использование специальных знаний по уголовным делам в суде, а также комплекс закономерностей и проблемных ситуаций, возникающих при использовании специальных знаний в суде второй инстанции, требующих научного разрешения. Показано, что положения действующего уголовно-процессуального законодательства в недостаточной мере осуществляют нормативно-правовое регулирование использования специальных знаний в суде второй инстанции, особенно в апелляционном производстве. Предпринята попытка определения порядка использования специальных знаний в судебных стадиях с целью единства в регламентации применения специальных знаний в различных формах в ходе судебного производства, по уголовным делам. Следуя цели поиска путей совершенствования уголовного судопроизводства, в качестве одного из наиболее приемлемых вариантов использования специальных знаний в суде второй инстанции можно выделить привлечение специалиста для дачи заключения.

Анализируя нормы, регулирующие порядок разбирательства дел в апелляционной инстанции, обращается внимание на право сторон представлять дополнительные материалы, среди которых особое место занимают консультации специалиста. При исследовании порядка представления дополнительных материалов формулируется вывод о том, что получение консультации специалиста вызвано интересами дела и не противоречит сущности апелляционного рассмотрения уголовного дела, не ограничивает права участников судебного разбирательства, а, наоборот, способствует установлению истины по делу.

При изучении природы и содержания дополнительных материалов обоснован вывод о том, что суждение специалиста, полученное в соответствии с процессуальным законодательством, облеченное в форму заключения специалиста, может быть представлено в апелляционную инстанцию.

Сформулированы конкретные предложения по внесению изменений и дополнений в УПК РФ и рекомендации по использованию специальных знаний в суде второй инстанции. Теоретические выводы, изложенные в статье, развивают соответствующие положения науки уголовного процесса, служат основанием для дальнейшего исследования проблем использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве, а также могут быть использованы в правотворчестве при совершенствовании уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего вопросы использования специальных знаний.

Ключевые слова: специалист, специальные знания, заключение специалиста, судебная экспертиза, уголовное судопроизводство, апелляционная инстанция, кассационная инстанция, надзорное производство, суд второй инстанции, заключение эксперта.

Уголовно-процессуальная политика России последних лет наряду с шагами, серьезно корректирующими идеологию уголовного судопроизводства (реальное привнесение в него идей разделения властей, состязательности и презумпции невиновности, усиление роли суда на всех этапах производства, приоритет личностных ценностей и т. п.), дала толчок для модернизации некоторых организационных и правовых конструкций, в частности, определяющих строй и порядок пересмотра судебных решений (апелляционное, кас-

сационное, надзорное производство по уголовным делам).

Реформирование уголовно-процессуального законодательства, которое коснулось прежде всего судебных стадий, предопределив специфику правоотношений на этих этапах уголовного судопроизводства, нуждается в пересмотре традиционных подходов к рассмотрению вопросов использования специальных знаний.

С введением с 1 января 2013 г. нового формата апелляционного производства разрешен при соблю-

дении условий вызов экспертов и специалистов в суд апелляционной инстанции. Анализ норм действующего уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции, в контексте использования специальных знаний свидетельствует о том, что апелляционный порядок судопроизводства ведется по правилам, содержащимся в гл. 35–37 УПК РФ.

Однако порядок использования специальных знаний в этом суде отличается от использования специальных знаний при рассмотрении дела судом первой инстанции.

Апелляционное производство включает в себя обжалование не вступивших в законную силу решений судов первой инстанции, в том числе судебных решений, вынесенных мировыми судьями, назначение судебного заседания суда апелляционной инстанции, рассмотрение уголовного дела судом апелляционной инстанции, отличающееся от рассмотрения уголовного дела судом первой инстанции, принятие решения судом апелляционной инстанции.

Анализ норм, регулирующих порядок разбирательства дел в апелляционной инстанции, в частности, положений п. 5 ч. 1 ст. 389.6 УПК РФ, указывает на право сторон представлять дополнительные материалы. Вопрос о представлении в качестве дополнительных материалов консультаций специалистов является спорным. В целях его правильного решения необходимо выяснить следующие моменты:

- круг лиц, правомочных представлять консультацию специалиста;
- процессуальную природу такой консультации;
- доказательственное значение консультации специалиста.

Право подачи апелляционной жалобы или представления принадлежит осужденному, оправданному, их защитникам и законным представителям, государственному обвинителю, потерпевшему, частному обвинителю, их законным представителям и представителям, а также иным лицам в той части, в которой обжалуемое судебное решение затрагивает их права и законные интересы. Следовательно, всем перечисленным лицам принадлежит право представлять дополнительные материалы, а значит, и консультацию специалиста. Как показывает анализ изученных нами уголовных дел, правом представления в суд апелляционной инстанции консультаций специалиста пользуются защитники. Возникает другой вопрос: может ли суд, рассматривающий уголовное дело в апелляционной инстанции, истребовать консультацию специалиста. Прямо об этом ничего не сказано в УПК РФ. Представляется, что отводить суду более пассивную роль и лишать его права истребовать

дополнительные материалы, в частности консультацию специалиста, было бы неразумно. В ряде случаев, чтобы обосновать и мотивировать решение при рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке, суду необходимо получить консультацию специалиста.

Следовательно, в любом случае получение консультации специалиста вызывается интересами дела и не противоречит сущности апелляционного рассмотрения уголовного дела, не ограничивает права участников судебного разбирательства, а, наоборот, способствует установлению истины по делу.

Выясняя процессуальную природу консультации специалиста, нужно заметить, что дополнительные материалы не являются доказательствами, поскольку содержащиеся в них сведения не облечены в надлежащую процессуальную форму. Однако из этого вовсе не следует, что консультация специалиста не может быть представлена в форме его заключения.

К сожалению, определенная неясность самого понятия дополнительных материалов порождается и разъяснением Пленума Верховного Суда Российской Федерации, согласно которому к дополнительным материалам «следует относить характеристики, справки о наградах, инвалидности, копии вступивших в законную силу судебных решений, а также другие документы, если они получены в соответствии с процессуальным законодательством» [1].

В то же время, как отмечают А. В. Смирнов и К. Б. Калиновский, подобная ограничительная интерпретация данной нормы не основана на законе, более того, противоречит прямому смыслу ч. 3 ст. 389.13 УПК РФ, которая ясно указывает на возможность проведения в апелляционном суде судебного следствия [2, с. 607].

По справедливому утверждению Е. А. Зайцевой, анализ перечня дополнительных материалов позволяет сделать вывод, что некоторые из указанных документов могут вызывать сомнения у суда апелляционной инстанции или одной из сторон на предмет их подлинности [3, с. 350]. В связи с этим любые дополнительные материалы должны быть проверены и непосредственно исследованы, если без них невозможно по существу рассмотреть апелляционную жалобу или представление.

Следовательно, сторона, представляющая консультацию специалиста, обязана указать, каким путем она получена и в связи с чем возникла необходимость ее представления. После проверки и оценки судом апелляционной инстанции данное специалистом суждение может быть приобщено к материалам уголовного дела в качестве заключения специалиста.

В рамках мониторинга эффективности использования специальных знаний в судебном производстве проведено анкетирование сотрудников следственных подразделений и судебных органов. Целью анкетирования было выявление оценки лицами эффективности правового механизма регулирования использования специальных знаний в суде второй инстанции. В ходе опроса определялось отношение к действующему законодательству, а также предложения по совершенствованию нормативно-правовой базы. Большинство респондентов (58 %) положительно ответили на вопрос: «Можно ли, по Вашему мнению, в апелляционную инстанцию представлять заключение специалиста в качестве дополнительных материалов?» Объясняется это тем, что заключение специалиста – это всего лишь его суждение, для его получения не требуется производства следственных действий. 42 % опрошенных ответили отрицательно, полагая, что заключение специалиста является доказательством и получается в процессуальном порядке, а дополнительные материалы не являются доказательствами.

Таким образом, суждение специалиста, полученное в соответствии с процессуальным законодательством, облеченное в форму заключения специалиста, может быть представлено в апелляционную инстанцию, тем более что для получения заключения специалиста не требуется проведения следственных действий, и оно может быть получено любой из сторон.

Консультации сведущих лиц могут быть даны в форме не только заключения специалиста, но и опроса специалиста, представленного защитником, актов несудебных экспертиз. В этом случае они, естественно, не могут быть облечены в форму заключения специалиста, но после соответствующей проверки и оценки судом они могут быть приобщены в качестве иных документов.

Следует согласиться с мнением, что дополнительные материалы, по сути, являются судебными доказательствами, но особого рода. С физической стороны – это предметы и документы, а юридически они не могут быть получены путем производства следственных действий и положены в основу окончательного решения суда апелляционной инстанции по делу. Все изложенное полностью можно отнести к заключению специалиста.

Что касается производства судебной экспертизы в суде апелляционной инстанции, то полагаем, что она не может быть назначена, поскольку проведение экспертизы является следственным действием, и ее производство допустимо лишь в процессе расследования или рассмотрения уголовного дела судом первой инстанции. Только в этом случае могут быть соблюдены права обвиняемого и дру-

гих заинтересованных участников процесса при проведении экспертизы. Иначе это означало бы проведение нового судебного следствия, то есть превращение апелляционной инстанции в судебное разбирательство в полном смысле.

Как известно, ч. 6 ст. 389.13 УПК РФ допускает вызов в суд апелляционной инстанции эксперта и других лиц в порядке, установленном ч. 1 и 2 ст. 271 УПК РФ. Из этого можно заключить, что другими лицами могут быть специалисты. На наш взгляд, эксперт вызывается в суд не для проведения экспертизы, а для разъяснения, уточнения своего заключения, данного ранее на предыдущих стадиях уголовного процесса. Специалист же может быть вызван для дачи заключения по вопросам, требующим специальных знаний, в том числе возникших при оценке заключения эксперта.

В целях конкретизации содержания рассматриваемой нормы мы предлагаем внести следующие дополнения в ст. 389.13 УПК РФ: в ч. 4 после слов «дополнительные материалы» вставить слова «заключение специалиста», в ч. 6 после слова «экспертов» – слово «специалистов».

Как представляющие наибольший интерес в контексте использования специальных знаний в стадии исполнения приговора следует выделить вопросы, указанные в пп. 6 и 12 ст. 397 УПК РФ. Поскольку оба случая связаны с болезнью осужденного, то для принятия решения необходимо медицинское заключение.

Однако на практике возникают ситуации, когда одного медицинского заключения бывает недостаточно. Например, у суда появляются сомнения относительно выводов медицинского заключения, или выводы сформулированы не в категоричной форме и т. п. В этом неопределимом может оказать специалист, вызванный для дачи консультации. Эта консультация может быть дана в форме заключения или показаний. И хотя в законе прямо не закреплено данное полномочие, лишать суд при разрешении вопросов, требующих специальных знаний, возможности получить помощь у сведущих лиц было бы неверным. В связи с этим для закрепления указанного права считаем целесообразным дополнить ст. 399 частью 2.2 следующего содержания: «2.2. В случаях, указанных в пунктах 6 и 12 статьи 397 и пункте 1 части первой статьи 398 настоящего Кодекса, в судебное заседание может быть вызван специалист для дачи показаний».

Использование специальных знаний в кассационной инстанции связано с определенными сложностями. В кассационном производстве применяется традиционный порядок, здесь не проводится судебное следствие, а пересмотр судебного реше-

ния осуществляется исключительно по письменным материалам уголовного дела. УПК РФ не предусмотрена возможность представления сторонами в суд кассационной инстанции каких-либо дополнительных материалов. К кассационной жалобе или представлению могут быть приложены лишь копии судебных решений, принятых по уголовному делу, а также в необходимых случаях прилагаются копии иных документов, подтверждающих, по мнению заявителя, доводы, изложенные в кассационных жалобе, представлении (ч. 5 ст. 401.4 УПК РФ). Мы полагаем, что это могут быть копии заключения эксперта, протокола допроса эксперта, протокола допроса специалиста и заключения специалиста.

В контексте использования специальных знаний толкование данной нормы позволяет утверждать, что вопросы, связанные с использованием специальных знаний, возникающие в этой стадии уголовного процесса, касаются в основном оценки заключения эксперта. Правильная оценка кассационным судом заключения эксперта способствует принятию по делу справедливых решений и устранению ошибок и недоработок, допущенных судом первой и апелляционной инстанции. Как известно, эта оценка представляет определенные трудности для суда. Мы считаем, что для выяснения вопросов, требующих специальных знаний, суд по собственной инициативе может обратиться за консультацией к сведущему лицу.

Правовая природа этих иных документов давно является предметом дискуссии ученых. М. С. Строгович еще до принятия УПК РСФСР 1960 г. высказывался о том, что правом истребования материалов, в том числе мнений специалистов, пользуется и суд, проверяющий законность и обоснованность приговора [4, с. 178]. Некоторые авторы утверждают, что справки – мнения специалистов, представляемые в суд кассационной инстанции, не имеют доказательственного значения, другие считают их «иными документами» [5, с. 172].

Полагаем, что справка специалиста может быть представлена в кассационную инстанцию в виде иных документов, поскольку она содержит справочные сведения об общеизвестных фактах, альтернативным источником которых является справочная литература. Признать факт общеизвестным может суд первой, апелляционной и кассационной инстанций. Судьи каждого из этих составов вправе ознакомиться со справочной литературой или проконсультироваться у специалиста по своей инициативе. Сообщение справочных сведений может исходить от сторон, представляющих письменные справки.

Возобновление дел по новым или вновь открывшимся обстоятельствам – это исключительная

стадия уголовного процесса. Среди вновь открывшихся обстоятельств закон называет заведомую ложность заключения эксперта. При расследовании новых обстоятельств могут производиться следственные и иные процессуальные действия. Таким образом, и в стадии возобновления дела ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств задействованы различные формы использования специальных знаний.

Согласно ч. 4 ст. 415 УПК РФ при расследовании новых обстоятельств могут производиться следственные и иные процессуальные действия в порядке, установленном законом. Это позволяет утверждать, что в этой исключительной стадии уголовного процесса для разрешения вопросов, требующих использования специальных знаний, может быть проведена судебная экспертиза, допрошен эксперт, получено заключение специалиста, а также допрошен специалист.

В контексте нашего исследования нельзя не затронуть еще один вопрос, касающийся особого порядка уголовного судопроизводства по поводу применения принудительных мер медицинского характера, поскольку решение принципиальных вопросов напрямую связано с использованием специальных знаний.

Уголовное судопроизводство по делам рассматриваемой категории имеет некоторые особенности, одна из которых связана с обязательным проведением экспертизы – судебно-психиатрической или комплексной психолого-психиатрической. К предмету экспертизы относится установление обстоятельств, образующих понятие вменяемости, уменьшенной вменяемости или их отсутствие.

Предмет доказывания по рассматриваемой категории дел делится на обстоятельства, присущие всем делам и не требующие для своего установления специальных знаний, и обстоятельства, устанавливаемые экспертом, не доступные для понимания органа расследования и суда. К обстоятельствам, устанавливаемым экспертом по делам данной категории, относятся уточнение диагноза и прогноза заболевания, его характера (тяжкое или иное), течения болезни, выявления психической болезни или ее отсутствия, способности отдавать себе отчет в происходящем, то есть понимать фактический характер своих действий (интеллектуальный критерий) и руководить своими действиями, представляет ли субъект опасность для себя и окружающих, при этом выясняя, подлежит ли он принудительному лечению и, если да, какому именно. Рассмотренные вопросы, решаемые экспертом, составляют ядро доказывания по уголовному делу. В связи с этим интересным представляется предложение И. Л. Петрухина о разделении процесса доказывания на две стадии

[6, с. 181]. Первая – установление общих для всех дел обстоятельств, что входит в компетенцию органов расследования и суда. Вторая – установление обстоятельств, относящихся к компетенции эксперта. На втором этапе эксперт решает вопросы, требующие специальных знаний и имеющие для органов расследования и суда преюдициальную силу, поскольку они не в состоянии их оценить с научных позиций.

Мы полностью разделяем данное предложение. Однако в связи с этим возникает вопрос об эксперте как «судье факта», который ставился в XIX в. многими учеными. Так, Л. Е. Владимиров полагал, что «заключение эксперта, подобно судебному приговору, должно иметь для суда обязательную силу, а если суд сомневается в заключении эксперта, то он может опровергнуть его только с помощью другого заключения, составленного более авторитетными специалистами» [7, с. 257].

Учитывая небывалый научно-технический прогресс, сделавший недоступными для понимания следователя, прокурора и суда многие экспертные заключения, проблема оценки судебных экспертиз следователем и судом становится все острее. В данном случае вопрос ставится в отношении не всех экспертиз, а только тех, в основе которых – исследование такого сложного объекта, как психика человека.

При решении вопроса о прекращении, изменении и продлении принудительной меры медицинского характера в порядке ч. 5 ст. 445 УПК РФ специальные знания могут быть использованы не только в форме судебной экспертизы, но и в форме консультации специалиста. С учетом этого необходимо изменить редакцию ч. 5 ст. 445 УПК РФ: после слов «ис требовать дополнительные документы» добавить «заключение специалиста, допросить специалиста», далее по тексту.

Таким образом, действующий УПК РФ предусматривает только две судебные стадии, в ходе которых возможно проведение судебной экспертизы: судебное разбирательство и исполнение приговора. В то же время правосудие нуждается в более широком использовании возможностей специальных знаний в стадии апелляционного производства и при пересмотре судебных решений, вступивших в законную силу.

Предложенные в настоящей статье варианты дополнений в действующее законодательство, на наш взгляд, будут способствовать устранению существующих пробелов в нормативном регулировании использования специальных знаний в судебных стадиях уголовного судопроизводства и, как следствие, обеспечат насущные потребности правоприменительной практики.

Список литературы

1. О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 5 марта 2004 г. № 1 // Рос. газ. 2004. 25 марта.
2. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс : учеб. для вузов / под общ. ред. А. В. Смирнова. СПб., 2005. 699 с.
3. Зайцева Е. А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства. М., 2010. 424 с.
4. Строгович М. С. Проверка законности и обоснованности судебных приговоров / отв. ред. Н. Н. Полянский. М., 1956. 319 с.
5. Калинин Ю. А. Участие в уголовном судопроизводстве лиц, обладающих специальными познаниями : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1981. 187 с.
6. Петрухин И. Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России : в 2 ч. М., 2005. Ч. 2. 192 с.
7. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. СПб., 1910. 331 с.

LARISA VLADIMIROVNA LAZAREVA,

dsc in law, associate professor
(Vladimir juridical institute of the FPS of Russia),
e-mail: larisa_vui@mail.ru
© Lazareva L. V., 2015

TO A QUESTION ABOUT APPLICATION OF EXPERTISE ON CRIMINAL CASES IN THE COURTOF SECOND INSTANCE

Annotation: the article deals with urgent and important problems arising from the use of special knowledge in the appealer, cassational, supervision proceedings, as well as at the stage of execution. The issue is legal standards and theoretical principles governing the use of special knowledge on criminal cases in court, and a set

of patterns and problem situations arising in the court of second instance, requiring a scientific solution. It is clear that the provisions of the existing criminal procedure legislation do not fully carry out the statutory regulation of the application of the special knowledges in the court of second instance, especially in the appeal proceedings. We tried to determine the order of application of special knowledges in trial stages for the purpose to unify the regulation of the use of special knowledges in different forms while court proceedings on criminal matters. Improving the criminal justice as the most appropriate variant for the use of special knowledges in the court of second instance, one can assign a specialist to give an expert opinion. Analyzing the rules governing the order of trial of cases in the appeals instance one should pay attention to the right of the parties to submit additional materials, consulted by a specialist. Studied the order of additional materials, the conclusion is formulated that specialist's advice caused by interests of the issue and does not contradict the essence of appeal of the criminal trial, does not limit the rights of trial participants, but rather establishes the truth in the case. Studying the nature and content of the additional materials the conclusion drawn the judgement of the expert, obtained according to the procedural legislation, can be presented to the court of appeal. Specific proposals for amendments and additions to the Russian Federation Code of Criminal Procedure and guidelines for the use of special knowledges in the court of second instance are formulated. The theoretical conclusion in the article, develop the relevant provisions of criminal process science, serves as a basis for further study of the problems how to use special knowledges in the criminal proceedings, and can be applied for a law-making improving of the criminal procedural legislation to govern the use of special knowledge.

Key words: specialist, specialist knowledge, expert opinion, forensic examination, criminal litigation, appeal, cassation, review proceedings, the court of second instance, the expert's conclusion

References

1. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 5 marta 2004 g. № 1 «O primenenii sudami norm Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii» [The Resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from March 5, 2004, № 1 «About application of standards of the Code of criminal procedure of the Russian Federation by courts»]. Rossijskaja gazeta – Russian newspaper, 2004, 25 March.
2. Smirnov A. V., Kalinovskij K.B. Ugolovnyj protsess [Criminal trial]. Under the editorship of A. V. Smirnov. St. Petersburg, 2005. 699 p.
3. Zajtseva E. A. Kontsepsiya razvitiya instituta sudebnoj ehkspertizy v usloviyakh sostyazatel'nogo ugolovnogo sudoproizvodstva [The concept of development of the forensic institute in terms of adversarial criminal proceedings]. Moscow, 2010. 424 p.
4. Strogovich M. S. Proverka zakonnosti i obosnovannosti sudebnykh prigovorov [Verification of legality and validity of judicial sentences]. Under the editorship of N. N. Polyansky. Moscow, 1956. 319 p.
5. Kalinkin Yu. A. Uchastie v ugolovnom sudoproizvodstve lits, obladayushhikh spetsial'nymi poznaniyami. Dis. kand. jurid. nauk [Participation in criminal proceedings the persons possessing special knowledge. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 1981. 187 p.
6. Petrukhin I. L. Teoreticheskie osnovy reformy ugolovnogo protsessa v Rossii [Theoretical foundations of the reform of the criminal process in Russia]. Moscow, 2005, Part 2. 192 p.
7. Vladimirov L. E. Uchenie ob ugolovnykh dokazatel'stvakh [Doctrine of criminal evidence]. St. Petersburg, 1910. 331 p.

УДК 343.15
ББК 67.410.217
М20

ОЛГА АНАТОЛЬЕВНА МАЛЫШЕВА,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
(Академия ФСИН России),
e-mail: moa_0510@mail.ru
© Малышева О. А., 2015

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ АКТА ОБ АМНИСТИИ

Реферат: предметом исследования является правовой анализ применения акта об амнистии к конкретно неопределенному лицу. Освобождение осужденного от отбывания наказания согласно закону возможно на стадии как судебного разбирательства, так и исполнения приговора. В первом случае процессуальный порядок освобождения осужденного от отбывания наказания в большей степени определен уголовно-процессуальным законом. На стадии исполнения приговора освобождение осужденного от отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы осложняется рядом обстоятельств: во-первых, отсутствием законодательно закрепленного процессуального механизма освобождения осужденного, находящегося в местах лишения свободы, от наказания; во-вторых, многочисленностью осужденных, попадающих одновременно под действие амнистии.

Уголовно-исполнительным законом только уточняется срок досрочного освобождения от отбывания наказания. Конструкция уголовно-исполнительной нормы, закрепленной ч. 5 ст. 173 УИК РФ, порождает ряд вопросов, ответы на которые позволили бы обеспечить единообразную практику применения акта об амнистии; своевременность освобождения осужденных от наказания; исключение нарушений законного интереса осужденного на досрочное освобождение вследствие амнистии. По результатам правового анализа внесено предложение по оптимизации процессуального порядка досрочного освобождения осужденных от отбывания наказания в виде лишения свободы при применении акта об амнистии.

Ключевые слова: акт об амнистии, осужденный, досрочное освобождение, наказание, лишение свободы, начальник исправительного учреждения, прокурор, суд.

Значение амнистии как социально-правового явления по-разному интерпретируется в научной литературе. Небесспорным представляется мнение А. П. Баршевского о том, что амнистия необходима для создания отвечающих европейским стандартам условиям отбывания наказания осужденными к лишению свободы посредством освобождения тех из них, которые подпадают под действие амнистии, а также снижения уровня криминализованности в местах лишения свободы [1, с. 38]. Сложно согласиться и с Б. С. Утевским, полагавшим, что «амнистия может иметь целью корректирование возможной ошибки суда» [2, с. 49], поскольку уголовно-процессуальным законом закреплены процессуальные механизмы изменения, отмены незаконного, необоснованного, несправедливого решения суда по уголовному делу – апелляционное, кассационное производство (в исключительных случаях осуществляется надзорное производство и возобновление производства по уголовному делу ввиду новых и (или) вновь открывшихся обстоятельств – гл. 45.1, 47.1, 48.1, 49 УПК РФ).

Мы разделяем позицию О. В. Левашовой о том, что акт об амнистии не ставит под сомнение право-

судность обвинительного приговора. Освобождение лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности, осужденного – от уголовного наказания означает прощение государством именно виновного [3, с. 298], а не сам факт совершения им преступления. Амнистия – это проявление государством гуманизма к лицам, привлекаемым или привлеченным к уголовной ответственности. Аналогичную правовую позицию высказал и Конституционный Суд РФ в своем Определении от 25 сентября 2014 г. № 2211-О, расценивая объявление амнистии как акт милости применительно к определенным категориям лиц, подлежащих уголовной ответственности и наказанию, исходя прежде всего из социальной обусловленности такой гуманистической акции в демократическом правовом государстве (абз. 2 п. 2 Определения).

Следует подчеркнуть, что согласно уголовно-процессуальному и уголовно-исполнительному законодательству освобождение осужденного от отбывания наказания возможно на стадии как судебного разбирательства, так и исполнения приговора. В первом случае у правоприменителя, как правило, не возникает проблем при освобождении осужденного от отбывания наказания, поскольку его порядок

закреплен уголовно-процессуальным законом (п. 2 ч. 5, п. 1 ч. 6, ч. 8 ст. 302 и др. УПК РФ).

Вместе с тем отметим, что осужденные нередко остаются недовольными принятыми судебными решениями в связи с применением или неприменением к ним акта об амнистии, например такими, как Определение Конституционного Суда РФ от 25 сентября 2014 г. № 2211-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хажнагоева Мурата Зеликовича на нарушение его конституционных прав подп. 1 п. 10 Постановления Государственной Думы „Об объявлении амнистии в связи с 20-летием принятия Конституции Российской Федерации” и п. 7 Постановления Государственной Думы „О порядке применения Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации „Об объявлении амнистии в связи с 20-летием принятия Конституции Российской Федерации”» (о невозможности применения акта об амнистии к лицу, осужденному по совокупности преступлений), Определение Конституционного Суда РФ от 25 сентября 2014 г. № 1913-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Фоминой Розы Назымовны на нарушение ее конституционных прав ч. 8 ст. 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (независимо от согласия подсудимого на применение акта об амнистии рассмотрение уголовного дела до разрешения по существу продолжается и постановляется обвинительный приговор с освобождением осужденного от наказания).

Закрепление порядка применения акта об амнистии на стадии судебного разбирательства относится к предмету регулирования *уголовно-процессуального* (выделено нами. – *О. М.*) права [4, с. 7]. Верность данной позиции подтверждается результатом системного толкования ряда уголовно-процессуальных норм, закрепляющих основания, порядок постановления обвинительного приговора, условия применения акта об амнистии, порядок освобождения осужденного от отбывания наказания (п. 3 ч. 1 ст. 27; ч. 4 ст. 302, ч. 3 ст. 308, п. 3 ст. 311 и др. УПК РФ).

Иная правовая ситуация складывается в случае применения акта об амнистии к осужденным, отбывающим уголовное наказание в виде лишения свободы, то есть на стадии исполнения приговора. Амнистия осуществляется посредством применения акта об амнистии к конкретно неопределенным лицам. В Российской Федерации акт об амнистии, имеющий форму постановления, является не законодательным актом, а подзаконным нормативным правовым актом. Такой характер регулирования уголовно-правовых отношений не соотносит-

ся с общепринятым пониманием механизма правового регулирования.

Сложность ситуации обуславливается, во-первых, отсутствием законодательно закрепленного процессуального механизма освобождения осужденного, находящегося в местах лишения свободы, от наказания, во-вторых, многочисленностью осужденных, подпадающих одновременно под действие акта об амнистии.

Применительно к первому обстоятельству отметим, что уголовно-исполнительным законом только уточняется срок досрочного освобождения от отбывания наказания – в день поступления утвержденного в установленном порядке решения о применении к осужденному акта об амнистии, при поступлении указанного решения после окончания рабочего дня – утром следующего дня (если актом об амнистии не предусмотрено иное – ч. 5 ст. 173 УИК РФ).

Конструкция представленной уголовно-исполнительной нормы порождает ряд вопросов: какова форма решения о применении к осужденному акта амнистии; кто готовит такое решение; кто утверждает анализируемое решение и в каком порядке; какой субъект устанавливает порядок утверждения решения о применении акта об амнистии; предусматривается ли возможность обжалования участниками уголовного судопроизводства (осужденным, его адвокатом, законным представителем, потерпевшим, его представителем и др.) применения или неприменения в отношении осужденного акта об амнистии и т. д.? Ответы на эти вопросы позволили бы на стадии исполнения приговора обеспечить единообразную практику применения акта об амнистии и своевременность освобождения осужденных от наказания, а также исключить нарушение законного интереса осужденного на досрочное освобождение вследствие амнистии. Только правовая норма, содержащаяся в ч. 4 ст. 176 УИК РФ и носящая отсылочный характер, отчасти вносит уточнения относительно порядка применения амнистии – он определяется органом, издавшим акт об амнистии.

В Российской Федерации акт об амнистии издается Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации (ч. 1 ст. 84 УК РФ). Указанным правом законодательный орган федерального уровня наделен Конституцией РФ (п. «ж» ч. 1 ст. 103). Схожий порядок издания акта об амнистии (парламентом характерен для большинства государств) участников СНГ. В качестве исключения из общего правила в современный период можно отметить объявление амнистии в Молдове в 90-х годах XX в. на основании Указа Президента Республики Молдова от 14 июня 1991 г. № 135

«Об амнистии в связи с годовщиной принятия Декларации о суверенитете Республики Молдова» [5].

Однако пристальное изучение, например, Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24 апреля 2015 г. № 6578-6 ГД «О порядке применения Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации „Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов”» (далее – Постановление) [6] позволяет заключить, что в нем отсутствуют ответы на многие сформулированные ранее автором вопросы. Так, согласно Постановлению устанавливается следующий алгоритм действий по применению акта об амнистии к осужденному к лишению свободы:

1) начальник исправительного учреждения, следственного изолятора выносит постановление о применении акта об амнистии, к которому прилагаются: личное дело осужденного, справка о поощрениях и взысканиях, другие необходимые документы (подп. 1 п. 1 Постановления);

2) указанные выше материалы (при их достаточности) вместе с постановлением о применении к конкретному осужденному акта об амнистии направляются прокурору, который должен утвердить данное постановление (подп. 1 ч. 1 Постановления);

3) при отсутствии необходимых сведений об осужденном исправительное учреждение, следственный изолятор направляет запросы в соответствующие учреждения (п. 4 Постановления);

4) при получении дополнительных документов прокурор вновь разрешает вопрос о применении акта об амнистии к осужденному (п. 3 Постановления);

5) осужденный к лишению свободы досрочно освобождается от отбывания наказания в день утверждения прокурором постановления о применении к указанному лицу акта об амнистии (п. 5 Постановления).

Между тем при применении Постановления по-прежнему возникает ряд вопросов, требующих ответов законодателя, в частности:

1) какова форма и содержание постановления, выносимого начальником исправительного учреждения, следственного изолятора; в какой срок должно быть вынесено указанное постановление и направлено прокурору; в какой срок прокурор должен принять решение об утверждении или неутверждении постановления начальника исправительного учреждения, следственного изолятора о применении акта об амнистии к осужденному; каковы основания неутверждения прокурором постановления о применении акта об амнистии (подп. 1 п. 1 Постановления);

2) на какой субъект указывается в Постановлении, на который возложено рассмотрение вопроса о применении акта об амнистии; какие сведения об осужденном следует расценивать как необходимые (п. 3 Постановления);

3) в какой срок необходимые для принятия положительного решения о применении акта об амнистии документы должны быть собраны исправительным учреждением или следственным изолятором (п. 4 Постановления).

Наряду с указанным отмечается несогласованность правовых положений Постановления, к которому опосредованно отсылает ч. 4 ст. 175 УИК РФ, и правовой нормы уголовно-исполнительного закона, содержащейся в ч. 5 ст. 173 УИК РФ. Так, согласно п. 5 Постановления отбывание наказания осужденным к лишению свободы прекращается со дня утверждения прокурором постановления о применении акта об амнистии. Это означает, что в этот же день он должен быть досрочно освобожден из исправительного учреждения, следственного изолятора, где отбывал наказание. Однако ч. 5 ст. 173 УИК РФ связывает момент досрочного освобождения от отбывания наказания не с днем утверждения постановления прокурором, на что указывается в Постановлении, а с днем поступления соответствующего постановления в исправительное учреждение, следственный изолятор, который не всегда совпадает с днем утверждения указанного постановления прокурором.

Выявленные проблемы нормативно-правового регулирования препятствуют эффективному применению акта об амнистии, тем более что под действием Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» [7] подпадает достаточно большое количество осужденных, в том числе к лишению свободы. Так, всего за месяц действия Постановления об объявлении амнистии было освобождено 33 604 человека, в том числе 4099 осужденных к лишению свободы [8].

Отмеченные проблемы не носят частный характер. Они имеют место при применении не только амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, но и ранее объявленных амнистий, например, в связи с 20-летием принятия Конституции Российской Федерации (Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 18 декабря 2013 г. № 3500-6 ГД).

Осложняющие применение амнистии проблемы правового характера порождают нередкие обра-

ния граждан в судебные органы в защиту своих прав и законных интересов. В подтверждение этому можно привести следующие решения судов: апелляционное определение Верховного Суда Республики Башкортостан от 15 января 2015 г. по делу № 33-252/2015, 33-17601/2014 (оспаривание порядка возмещения ущерба, причиненного преступлением, при освобождении осужденной С. Л. Н. от наказания ввиду акта амнистии); апелляционное постановление Амурского областного суда от 13 марта 2014 г. по делу № 22-384/14 (обжалование осужденным З. отказа районного суда в принятии к рассмотрению ходатайства об освобождении от наказания вследствие издания акта об амнистии) и др. [9].

С учетом изложенного полагаем целесообразным закрепление процессуального порядка до-срочного

освобождения осужденного к лишению свободы (также осужденных к другим видам наказания и условно осужденных) в УПК РФ, учитывая опыт законодательного закрепления процессуального порядка освобождения осужденного от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора в соответствии со статьей 83 УК РФ (п. 9 ст. 397, ст. 399 УПК РФ). Правом решения вопроса о применении акта об амнистии на стадии исполнения приговора необходимо наделить суд, поскольку неверным с точки зрения распределения процессуальных полномочий представляется наделение начальника исправительного учреждения, следственного изолятора и прокурора правом досрочного освобождения осужденного от отбывания наказания, вид и размер которого установлены судом.

Список литературы

1. Боршевский А. П. Институт амнистии в Молдове: историко-правовые основы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2009. № 4. С. 38.
2. Утевский Б. С. Досрочное освобождение и амнистия. М., 1927. 68 с.
3. Левашова О. В. Амнистия и помилование в Российской Федерации: прощение общества или государства // Вестник Елецкого государственного университета. Елецк, 2004. Вып. 6.
4. Скутина Е. В. Амнистия в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 23 с.
5. Monitorul. 1995. 14 июня.
6. Собрание законодательства Рос. Федерации. 2015. № 17. Ч. IV. Ст. 2544.
7. Собрание законодательства Рос. Федерации. 2015. № 17. Ч. IV. Ст. 2542.
8. URL: <http://www.rg.ru/fsin-anons.html> (дата обращения: 26 мая 2015 г.).
9. Обзор судебной практики по применению Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 2559-6-ГД «Об объявлении амнистии» : обзор судебной практики Верховного Суда Рос. Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

OLGA ANATOLEVNA MALYSHEVA,

dsc in law, associate professor,
professor of the criminal process and criminalistics department
(Academy of FPS of Russia),
e-mail: moa_0510@mail.ru
© Malysheva O. A., 2015

PROCEDURAL ORDER OF RELEASE FROM PUNISHMENT IN THE FORM OF IMPRISONMENT AT APPLICATION OF THE ACT OF AMNESTY

Annotation: an object of research is the legal analysis of application of the act of amnesty to specifically uncertain person. Release of the punishment condemned from serving according to the law is possible both at a stage of judicial proceedings, and at a stage of execution of a sentence. In the first case the procedural order of release of the punishment condemned from serving more is defined by the criminal procedure law. At a stage of execution of a sentence release of the criminal penalty condemned from serving in the form of imprisonment is complicated by a number of circumstances: first, lack of legislatively fixed procedural mechanism of the release condemned, which is in imprisonment places from punishment; secondly, large number condemned, falling at the same time under amnesty action.

The criminal and executive law only specifies the term of an early release from punishment serving. The design of the criminal and executive norm consolidated by part 5 of article 173 of the Criminal and executive code

of the Russian Federation generates a number of questions answers on which would allow to provide, first, uniform practice of application of the act of amnesty; secondly, timeliness of release condemned from punishment; thirdly, an exception of violations of the legitimate interest condemned on an early release owing to amnesty. By results of the legal analysis the offer on optimization of a procedural order of an early release condemned from departure of punishment in the form of imprisonment at application of the act of amnesty is made.

Key words: the act of amnesty condemned an early release, punishment, imprisonment, the head of the correctional institution, the prosecutor, court.

References

1. Borshevskij A. P. Institut amnistii v Moldove: istoriko-pravovye osnovy [Institute of amnesty in Moldova: historical and legal bases]. Ugolovno-ispolnitel'naja sistema: pravo, jekonomika, upravlenie – Penal system: law, economy, management, 2009, no. 4, p. 38.
2. Utevskij B. S. Dosrochnoe osvobozhdenie i amnistija [Early release and amnesty]. Moscow, 1927. 68 p.
3. Levashova O. V. Amnistija i pomilovanie v Rossijskoj Federacii: proshhenie obshhestva ili gosudarstva [Amnesty and pardon in the Russian Federation: forgiveness of society or state]. Vestnik Eleckogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Yelets state university]. Eleck, 2004, Vol. 6.
4. Skutina E. V. Amnistija v ugovnom sudoproizvodstve. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [Amnesty in criminal legal proceedings. Cand. legal sci. diss. abstract]. Ekaterinburg, 2009. 23 p.
5. Monitorul, 1995, 14 June.
6. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii – Russian Federation Code, 2015, no. 17, part IV, Art. 2544.
7. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii – Russian Federation Code, 2015, no. 17, part IV, Art. 2542.
8. Available at: <http://www.rg.ru/fsin-anons.html> (Accessed 26 May 2015).
9. Obzor sudebnoj praktiki Verhovnogo Suda Rsijskoj Federacii «Obzor sudebnoj praktiki po primeneniju Federal'nogo zakona ot 29 nojabrja 2012 g. № 207-FZ «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» i Postanovlenija Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobranija Rossijskoj Federacii ot 2 ijulja 2013 g. № 2559-6 GD “Ob ob'javlenii amnistii”» [The Review of jurisprudence of the Supreme Court of Rsiysky Federation «The review of jurisprudence on application of the Federal law from November 29, 2012 № 207-FZ «About modification of the Criminal code of the Russian Federation and separate acts of the Russian Federation» and Resolutions of the State Duma of Federal Assembly of Russia from July 2, 2013 № 2559-6 of the State Duma “About the announcement of amnesty”»]. Unpublished.

УДК 343.9.01
ББК 67.511
О-75

РОМАН БОРИСОВИЧ ОСОКИН,

доктор юридических наук, доцент,
начальник управления организации научной
и редакционно-издательской деятельности;

ЕВГЕНИЙ ВАДИМОВИЧ ЧИРКОВ,

научный сотрудник

(Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя),

e-mail: osokinr@mail.ru

© Осокин Р. Б., Чирков Е. В., 2015

К ВОПРОСУ О ТЕНДЕНЦИЯХ ДИНАМИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ НАВРСТВЕННОСТИ В РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Реферат: криминогенная обстановка в России осложнена ростом в отдельных субъектах тяжких и особо тяжких преступлений. Рязанская область не является тому исключением. Более того, за 2014 г. в ней существенно возросло число посягательств против общественной нравственности. В статье поддерживается позиция многих ученых-криминалистов о связи роста данной категории преступлений с всплеском более тяжких, приводятся результаты анализа состояния и динамики совокупности преступлений против общественной нравственности с 2010 по 2014 год.

С 2011 г. в Центральном федеральном округе (ЦФО) и Рязанской области наметился устойчивый рост уровня преступности против общественной нравственности, что идет в противовес общей тенденции снижения преступности в Российской Федерации (РФ) и вторит темпам прироста тяжких и особо тяжких преступлений в Рязанской области. В абсолютных числах в динамике регистрации преступлений против общественной нравственности в ЦФО и Рязанской области отражаются общие черты. Существенное отличие проявляется в их процентном соотношении: за пятилетний период по всему ЦФО заметно увеличение количества преступлений против общественной нравственности наполовину, а в Рязанской области – почти в 7 раз.

Для верификации официальной статистики исследована динамика преступлений и смежных административных правонарушений, сопряженных с проституцией, равно как и преступлений, связанных с незаконным оборотом порнографии. По результатам изучения статистических данных о преступлениях и административных правонарушениях, материалов социологических исследований, а также нормативных правовых актов представляется, что в Рязанской области показатели регистрации ряда преступлений (ст. 242.1, 243, 243.1, 243.2, 244, 245 УК РФ) явно не соответствуют реальному уровню криминализации общественных отношений.

Экстраполирование и структурный анализ позволяют рассчитать примерный объем преступности против общественной нравственности в 2015 г.: от 21 до 69 преступлений – в зависимости от реализации оптимистического или пессимистического сценариев. С учетом проведенных подсчетов вероятно и учащение случаев совершения преступлений, предусмотренных ст. 240–242.2 УК РФ.

Ключевые слова: преступления против общественной нравственности, статистика преступности, прогнозирование преступности, проституция, порнография, жестокое обращение с животными, надругательство над телами, тенденции, Центральный федеральный округ, Рязанская область.

Особое место в комплексной задаче обеспечения общественной безопасности отведено уголовно-правовой охране общественной нравственности, а также имманентных ей духовных ценностей общества. Данное положение заложено в Концепции общественной безопасности в Российской Федерации [1] и наполнено особым смыслом. Развивая идею С. Будзинского [2, с. 61, 174], можно утверждать, что на нравственности покоится бытие высоко цивилизованного государства, поэтому преступления, противные

нравственности, подрывают основы государственности, ослабляют действенность его функций. В науке уголовного права сложилось устойчивое представление, что специфика общественной опасности данных деяний заключается в поражении индивидуально неопределенного круга лиц. При этом посягательства на общественную нравственность таят потенциальную угрозу, выражающуюся в создании дополнительных условий для совершения более тяжких преступлений (против жизни и здоровья, против свободы, чести и достоинства лич-

ности, против половой неприкосновенности и половой свободы) [3–5]. Официальная статистика свидетельствует, что в 2014 г., наряду с ростом преступлений против общественной нравственности, в Рязанской области зафиксирован всплеск тяжких и особо тяжких преступлений на 8,8 % [6]. В первом полугодии 2015 г. отмечен рост регистрируемой преступности на 3,6 %, что составляет 5157 преступлений, из которых каждое третье (1729; 33,5 %) является тяжким или особо тяжким. Рязанская область заняла первую строчку в антирейтинге субъектов России по темпам регистрации преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия (+60,5 %) [7]. За 5 лет замечен почти 20 % прирост числа преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков [8]. По данным УМВД России по Рязанской области, уровень преступности можно охарактеризовать как стабильный и контролируемый [9], но осознается ли вся глубина значимости посягательств на обществен-

ную нравственность? Пристальное внимание правоохранительных органов важно еще и потому, что такой антикриминогенный фактор, как материальное благополучие населения, по отношению к рассматриваемым деяниям терпит фиаско: преступность набирает обороты вопреки уверенному росту среднедушевых денежных доходов (по итогам 2014 г. они составили 21 850,8 руб. в месяц, что более чем в 2 раза больше значения 2007 г. и на 10 % больше значения 2013 г.) [10]. Выработка эффективных контрмер преступности против общественной нравственности требует ее тщательного изучения, и не в последнюю очередь в числовых категориях. Далее будут приведены сведения в соответствии со статистической формой «1-ЕГС» о зарегистрированных преступлениях без учета материалов, находящихся в производстве, а также материалов, уголовные дела по которым были прекращены или приостановлены.

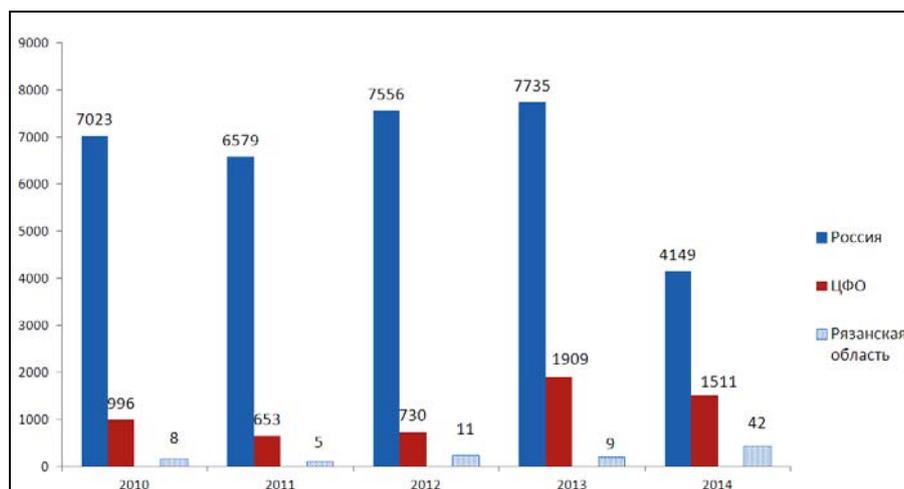

Рис. 1. Динамика регистрации преступлений против общественной нравственности (ст. 240–245 УК РФ) в РФ, ЦФО и Рязанской области в 2010–2014 гг.

За последние 5 лет в РФ суммарное значение всех зарегистрированных посягательств против общественной нравственности составило 33 042 преступления. Пиковые значения по РФ и ЦФО приходятся на 2013 г. (7735 и 1909 соответственно), после чего фиксируются резкие спады на 46 и 21 %. В 2014 г. динамика роста сменилась криминологическим спадом (минимальный показатель за весь период наблюдения) для РФ и ЦФО, тогда как правоохранители Рязанской области закрыли год не просто с плюсом, а зарегистрировали рекордное для региона значение за последние 10 лет. В 2014 г. в Рязанской области (далее – область) поставлено на учет 42 преступления из исследуемой категории, что на 33 единицы больше объема 2013 г.

(+366 %). Кроме того, за I квартал 2015 г. в области зарегистрировано 13 аналогичных преступлений, что уже превышает показатели 2010–2013 гг. по отдельности. На область приходится чуть более 2,7 % объема преступлений против общественной нравственности всего ЦФО: показатель невелик, однако он имеет тенденцию к росту.

В абсолютных числах в динамике регистрации преступлений против общественной нравственности в ЦФО и области отражаются общие черты: до конца 2010 г. кривая статистики идет вниз, а с 2011 г. – устойчиво поднимается вплоть до 2014 г. Существенное отличие проявляется в их процентном соотношении: за 5-летний период по всему ЦФО заметно увеличение количества преступлений против обще-

ПРЕСТУПЛЕНИЕ – НАКАЗАНИЕ – ИСПРАВЛЕНИЕ

ственной нравственности наполовину, а в области – почти 7-кратный прирост. В свою очередь, за 4 года количество преступлений указанной категории в ЦФО возросло в 2,5 раза, а в области – в 9 раз. Приведенные данные иллюстрируют устойчивый рост с

2011 г. уровня преступности против общественной нравственности в ЦФО и области, что идет в противовес общей тенденции снижения преступности в РФ и вторит темпам прироста тяжких и особо тяжких преступлений в области.

ст. УК РФ	2010	2011	2012	2013	2014
ст. 240	49	54	77	100	68
ст. 240 ¹	0	0	0	0	1
ст. 241	370	242	242	259	309
ст. 242	223	81	107	223	358
ст. 242 ¹	148	85	145	1180	563
ст. 242 ²	0	0	0	13	32
ст. 243	11	10	7	4	15
ст. 243 ¹	0	0	0	0	0
ст. 243 ²	0	0	0	1	4
ст. 244	118	117	98	84	106
ст. 245	77	64	54	45	55
Всего	996	653	730	1909	1511

ст. УК РФ	2010	2011	2012	2013	2014
ст. 240	2	0	4	1	8
ст. 240 ¹	0	0	0	0	0
ст. 241	0	1	1	3	2
ст. 242	2	2	0	3	17
ст. 242 ¹	0	1	2	0	1
ст. 242 ²	0	0	0	1	12
ст. 243	0	0	0	0	0
ст. 243 ¹	0	0	0	0	0
ст. 243 ²	0	0	0	0	0
ст. 244	3	1	4	0	1
ст. 245	1	0	0	1	1
Всего	8	5	11	9	42

Рис. 2. Динамика регистрации преступлений, предусмотренных ст. 240–245 УК РФ, в ЦФО и Рязанской области в 2010–2014 гг.

Динамика анализируемых преступлений носит скачкообразный характер. Так, в 2010 г. на территории ЦФО/области было зарегистрировано 49/2 случая вовлечения в занятие проституцией (ст. 240 УК РФ); 2011 – 54/0; 2012 – 77/4; 2013 – 100/1; в 2014 г. – 68/8. Приведенные данные свидетельствуют, что за последние 5 лет совокупный объем указанных посягательств возрос и на уровне ЦФО (+28 %), и на уровне области (+300 %). В ЦФО на протяжении 4 лет с 2010 по 2013 год стабильно увеличивалось число случаев вовлечения в занятие проституцией, но в 2014 г. тенденция переломилась, и объем снизился (–32 %). В области направленность изменений менее устойчива: спады отмечаются в 2011 и 2013 гг., за которыми следуют серьезные скачки. С учетом среднего темпа прироста объема данных преступлений (+125 %) можно рассчитать максимально возможное значение для 2015 г. – 18. Расчеты по методу наименьших квадратов позволяют получить наименьшее ожидаемое значение – 6. Таким образом, с учетом инерционности общественных процессов можно спрогнозировать следующие минимальные и максимальные сводные величины регистрации случаев вовлечения в занятие проституцией в 2015 г. – от 6 до 18.

Правоприменительная практика по ст. 240.1 «Получение сексуальных услуг несовершеннолетнего», введенной в Уголовный кодекс РФ с 28 декабря 2013 г., только нарабатывается. В 2014 г. по

всей России было зарегистрировано 3 уголовных дела по признакам этого состава преступления, из которых 1 приходится на ЦФО. На территории области процессуальных решений по этой статье не принималось. Уровень данного преступления незначителен, что является следствием субъективных факторов, рассмотренных ранее. В целом можно прогнозировать, что в области при самом пессимистичном сценарии может быть зарегистрировано не более 3 уголовных дел по ст. 240.1 УК РФ.

По признакам состава преступления, предусмотренного ст. 241 УК РФ «Организация занятия проституцией», в 2010 г. на территории ЦФО/области было возбуждено 370/0 уголовных дел; в 2011 г. – 242/1; 2012 – 242/1; 2013 – 259/3; в 2014 г. – 309/2. Согласно данным статистики, деятельность по организации занятия проституцией имеет различную динамику на уровне ЦФО и области. В первом она сбавила свои обороты в 5-летнем исчислении (–16,5 %), однако в разрезе прошедших 3 лет наметилась тенденция на восстановление былых показателей. В области случаи организации занятия проституцией единичные, но учащающиеся: в 2013 и 2014 гг. наблюдаются пиковые показатели за последние 10 лет. Средний темп прироста объема данных преступлений составляет 33,3 %, и максимальное значение, вероятно, составит 3. Минимальный показатель, возможно, не превысит нуля – такова полиномиальная

линия тренда. Итак, прогнозируемая величина будет в пределе от 0 до 3.

В 2010 г. внутри ЦФО/области было выявлено 223/2 факта незаконного изготовления и оборота порнографических материалов или предметов (ст. 242 УК РФ); в 2011 г. – 81/2; 2012 – 107/0; 2013 – 223/3; в 2014 г. – 358/17. Таким образом, несмотря на спад в 2011 и 2012 гг., можно констатировать поступательный рост объема совокупности данных преступлений на окружном и региональном уровнях: к концу 2014 г. показатели достигли 5-летнего максимума. С учетом среднего темпа увеличения объема (+120 %) и экстраполяции по методу наименьших квадратов можно рассчитать максимальное и минимальное возможные значения для 2015 г. – соответственно 14 и 37.

В 2010 г. на территории ЦФО/области было возбуждено 148/0 уголовных дел по признакам преступлений, предусмотренных ст. 242.1 УК РФ «Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних»; в 2011 г. – 85/1; 2012 – 145/2; 2013 – 1180/0; в 2014 г. – 563/1. Судя по статистике, частота совершения указанного деяния в ЦФО продемонстрировала лавинообразный рост: с 2011 по 2013 год величина приращения составила 170 и 813 % соответственно, а в 2014 г. – 380 %, если сравнивать с 2010 г. На этом фоне показатели Рязанской области весьма скромны и не превышают единицы в среднегодовом выражении. Однако вероятность возрастания объема данного преступления в 2015 г. сохраняется, и связано это с участвовавшими случаями совершения во многом сопряженного преступления – ст. 242.2 УК РФ. Кроме того, в материалах социологических исследований, проводимых фондом «Общественное мнение», заметна серьезная обеспокоенность населения области утратой моральных ценностей, безнравственностью, распространением порнографии и проституции. В среднем из 2 тыс. жителей, опрошенных в период с 2009 по 2013 год, у каждого второго выявлена неудовлетворенность состоянием общественной нравственности [11]. Полагаем, что подобное общественное настроение ставит под сомнение репрезентативность статистических отчетов [12]. Приведенные данные свидетельствуют, что вопреки активизации работы подпольных студий по всей России рост оборота материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних в области не фиксируется. Полагаем, это вопрос времени и практики, и скоро вялотекущая динамика по ст. 242.1 УК РФ переломится в сторону плюса. В 2015 г. можно ожидать регистрации от 1 до 3 случаев изготовления и оборота материалов или

предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних.

При относительной новизне введенная 29 февраля 2012 г. ст. 242.2 УК РФ «Использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов» все чаще фигурирует в статистических карточках ЦФО/области: в 2013 г. – 13/1; в 2014 г. – 32/12. Криминальная статистика области по данному параметру не только прибавила в объеме, но и существенно нарастила свой удельный вес – на нее приходится каждое третье преступление в ЦФО (37,5 %). Двух значений определенно недостаточно для проведения регрессионного анализа, однако дальнейший рост был бы логичен.

Посягательства, предусмотренных ст. 243, 243.1 и 243.2 УК РФ, на территории области не зарегистрировано, причем по ст. 243.1 УК РФ уголовные дела не возбуждались и по всей России. Тем не менее, как отмечает А. Е. Шалагин [13, с. 175], уничтожение и повреждение памятников истории и культуры нередко может осуществляться и на почве экстремизма. По мере уверенного роста экстремистских настроений в обществе (в 2014 г. в области зарегистрировано 8 преступлений экстремистской направленности – максимальный показатель) возрастает и вероятность совершения преступлений, предусмотренных ст. 243, 243.1, 243.2 и 244 УК РФ в совокупности. Это нужно иметь в виду, поскольку в области формируются и развиваются туристические кластеры. В отсутствие статистического ряда можно только предположить, что при благоприятном сценарии в области в 2015 г. данных преступлений не будет совершено, а при пессимистичном – порядка 3.

В 2010 г. на территории ЦФО/области было зарегистрировано 118/3 случая надругательств над телами умерших и местами их захоронения (ст. 244 УК РФ); 2011 – 117/1; 2012 – 98/4; 2013 – 84/0; в 2014 г. – 394/1. В ЦФО за 5 лет данный показатель снизился на 10 %. В области пик регистрации пришелся на 2012 г., а в 2014 г. был отмечен только 1 случай. Опираясь на построенные линии линейного и экспоненциального трендов, можно утверждать, что в 2015 г. есть вероятность совершения ни одного преступления данного вида.

В 2010 г. в ЦФО/области было зарегистрировано 77/1 факт жестокого обращения с животными (ст. 245 УК РФ); в 2011 г. – 64/0; 2012 – 54/0; 2013 – 45/1; в 2014 г. – 55/1. Приведенный статистический ряд выглядит относительно позитивно в том смысле, что за эти 5 лет число регистрируемых преступлений в ЦФО снизилось на 22 случая (29 %). На наш взгляд, секрет успеха кроется в низком уровне репрезентативности официальных данных, то есть

латентном характере данного преступления. В ходе анонимных опросов работниками ветеринарных клиник было указано на неоднократность поступления животных с различного рода признаками искусственного нарушения анатомической целостности организма. За вычетом казусов, например последствий дорожно-транспортных инцидентов, трудно не рассматривать подобные факты в качестве полновесных доказательств жестокого обращения. Расчеты по методу наименьших квадратов позволяют полагать, что в 2015 г., как и в 2014 г., будет зарегистрирован 1 случай жестокого обращения с животными. Ввиду отмены ст. 7.1 Закона Рязанской области «Об административных правонарушениях» [14], предусматривавшей админист-

ративную ответственность за жестокое обращение с животными, в перспективе число преступлений, предусмотренных ст. 245 УК РФ, возрастет. Однако заметный рост в 2015 г. возможен только при переосмыслении учетной политики по отношению к данному преступлению, а также пересмотре принципов взаимодействия правоохранительных органов с ветеринарными организациями с целью оперативного получения сведений о фактах жестокого обращения с животными и правильной квалификации подобных случаев.

Если сложить прогнозируемые минимальные и максимальные значения по каждому из проанализированных преступлений, то несложно получить итоговый диапазон – от 23 до 69.

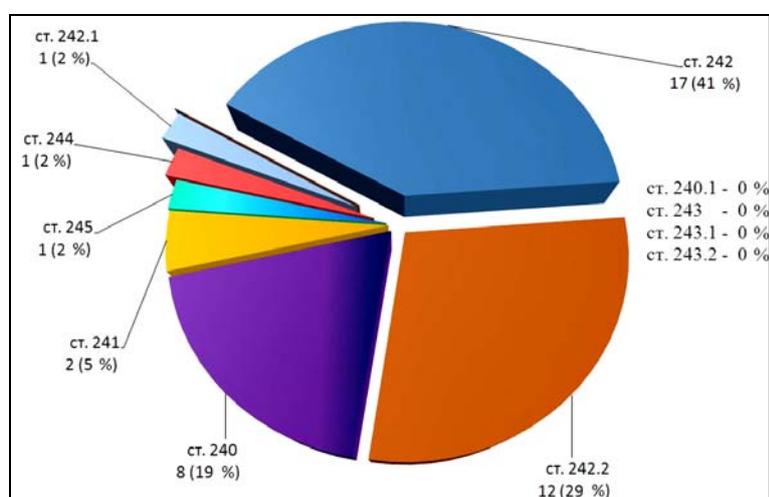

Рис. 3. Структура преступлений против общественной нравственности в Рязанской области в 2014 г.

В 2014 г. основную часть преступлений против общественной нравственности в области составили факты незаконного изготовления и оборота порнографических материалов или предметов (ст. 242 УК РФ) – 41 %. Вторым наиболее распространенным показателем в области оказалось использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов (ст. 242.2 УК РФ) – 28,57 %. В области также существенно возрос удельный вес преступлений, связанных с вовлечением в занятие проституцией (ст. 240 УК РФ): каждое пятое посягательство (19 %) из совокупности анализируемых деяний. Прирост указанных преступлений предопределил повышение уровня преступности против общественной нравственности области. Подобная структура непостоянная: в 2010 и 2012 гг. преобладающим преступлением являлось надругательство

над телами умерших и местами их захоронения (ст. 244 УК РФ); в 2011 и 2013 гг. – незаконное изготовление и оборот порнографических материалов или предметов (ст. 242.1 УК РФ). В свою очередь, в 2013 г. треть анализируемых деяний составляли факты организации занятия проституцией (ст. 241 УК РФ). Для сравнения, в 2013 и 2014 гг. в структуре посягательств на общественную нравственность ЦФО преобладали преступления, предусмотренные ст. 242.1 УК РФ (61,81 и 37,26 %), а в 2010–2012 гг. – ст. 241 УК РФ (37,15; 37,06 и 33,15 %).

Для целей верификации статистических данных определенный интерес также представляют состояние и динамика отдельных административных правонарушений, посягающих на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ – НАКАЗАНИЕ – ИСПРАВЛЕНИЕ

	2012	2013	2014		2012	2013	2014
<i>ст. 6.11 КоАП РФ</i>	4225	3318	4895	<i>ст. 6.11 КоАП РФ</i>	106	266	279
<i>в т.ч. в отношении несовершеннолетних</i>	16	8	6	<i>в т.ч. в отношении несовершеннолетних</i>	0	3	0
<i>ст. 6.12 КоАП РФ</i>	59	66	29	<i>ст. 6.12 КоАП РФ</i>	8	22	14
Всего	4300	3392	4930	Всего	114	291	293

Рис. 4. Динамика регистрации административных правонарушений, предусмотренных ст. 6.11, 6.12 КоАП РФ, с 2012 по 2014 год в ЦФО и области

Прежде всего это составы таких административных правонарушений, как ст. 6.11 КоАП РФ «Занятие проституцией» и ст. 6.12 КоАП РФ «Получение дохода от занятия проституцией, если этот доход связан с занятием другого лица проституцией». Так, в ЦФО/области в 2012 г. было зарегистрировано 4225/106 фактов занятия проституцией; 2013 – 3318/266; 2014 – 4895/279; в I квартале 2015 г. – 1696/81. В разрезе указанных данных стоит обратить особое внимание на несовершеннолетних, привлекаемых к административной ответственности за занятие проституцией: в 2012 г. – 16/0; 2013 – 8/3; 2014 – 6/0; в I квартале 2015 г. – 1/0. Как отчетливо видно, имеется прямая зависимость между положительной динамикой данных административных деликтов и преступлений, сопряженных с проституцией (ст. 240, 240.1, 241 УК РФ): увеличению числа лиц, занимающихся проституцией, сопутствует криминальная деятельность по приданию их услугам более организованной формы. По стране и ЦФО в среднем на 5 указанных преступлений приходится 1 административное правонарушение. В свою очередь, в области данное соотношение составляет 2/1, то есть

административных правонарушений, сопряженных с организованной проституцией, больше, чем реальных уголовных дел. Кроме того, исходя из статистических данных по ст. 240.1 «Получение сексуальных услуг несовершеннолетнего» не было возбуждено ни одного уголовного дела, и это несмотря на наличие пусть и снижающейся динамики несовершеннолетних, занимающихся проституцией. Цифры указывают на развитие рынка сексуальных услуг несовершеннолетних в России в целом и в области в частности, а значит, продолжается их сексуальная эксплуатация. Подобное может свидетельствовать как о латентности данных преступлений, так и о недейственности мер по их предупреждению. Активизация работы правоохранительных органов на этих участках может усилить в 2015 г. тенденцию роста регистрируемых преступлений, предусмотренных ст. 240, 240.1 и 241 УК РФ.

Для прогнозирования оперативной обстановки математическим методом экстраполяции необходимо построить две линии тренда – по линейной и полиномиальной функциям.

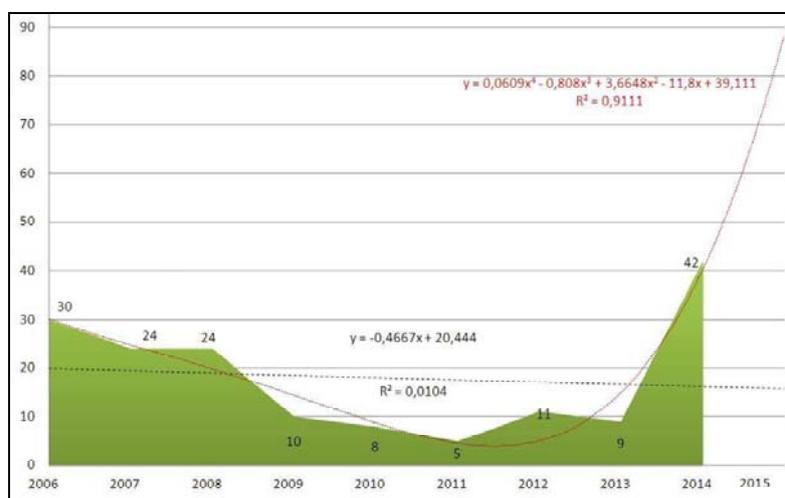

Рис. 5. Прогноз состояния преступности против общественной нравственности в Рязанской области в 2015 г.

На диаграмме построены две различные линии тренда: линейная (с коэффициентом аппроксимации $R^2 = 0,0104$) и полиномиальная ($R^2 = 0,9111$). График линейной функции и кривая регистрации преступлений пересекаются лишь в двух точках, поэтому линия тренда ($R^2 = 0,0104$) едва ли может ответить на вопрос, сколько точно преступлений будет зарегистрировано в 2015 г. Впрочем, с учетом расположения этой линии относительно графика в периоды подъема в 2006 г., 2007, 2008 и 2014 гг. ее можно использовать в качестве нижней границы прогнозируемого ряда. Из расчета по формуле $y = -0,4667x + 20,444$ следует, что минимально возможное суммарное значений регистрируемых преступлений против общественной нравственности в 2015 г. составит не менее 15 единиц.

График экспоненциальной кривой ($y = 0,0609x^4 - 0,808x^3 + 3,6648x^2 - 11,8x + 39,111$), хотя и предельно точно повторяет график анализируемых преступлений, тем не менее дает чересчур негативную оценку роста – 90. Двукратный прирост даже при математическом обосновании все же видится маловероятным. Здесь важно то, что в выявленный диапазон (от 15 до 90) входят предельные значения (от 21 до 69), полученные по результатам структурного анализа динамики всех деяний против общественной нравственности. В связи с этим нельзя исключать вероятность достижения величины в 69 преступлениях против общественной нравственности в 2015 г. при сохранении на прежнем уровне среднегодовых темпов роста совокупности анализируемых преступлений. И напротив, даже при реализации оптимистического сценария наиболее объективным и правдоподобным нижним пределом видится цифра 21.

Коренная переоценка духовно-нравственных ценностей в обществе уже произошла, и современные метаморфозы преступности несут на себе печать морального обнищания лиц, совершающих преступления. Что касается резких скачков регистрации отдельных преступлений, то они есть следствие недостатка профилактической работы, а равно длительности выработки практики по своевременному выявлению и пресечению криминальных форм поведения. Полагаем, что положительная динамика по отдельным преступлениям явилась результатом их выведения из категории латентных благодаря успешным оперативно-розыскным ме-

роприятиям, проводимым сотрудниками УМВД России по Рязанской области. В частности, в 2014 г. в г. Рязани была пресечена деятельность по массовой организации занятия проституцией в комплексах отдыха и увеселительных заведениях [15]. Позитивной тенденцией является снижение подростковой преступности, однако ее уровень все еще выше показателей 2011 и 2012 гг.

В заключение отметим, что необходимо учитывать два сценария возможного развития динамики преступлений против общественной нравственности: оптимистический и пессимистический. При первом подходе в силу цикличности общественных отношений следует ожидать восстановления тенденции на убыль совокупного числа анализируемых преступлений в России и ЦФО. Ухудшение внутриэкономической обстановки на фоне нестабильности внешней конъюнктуры неминуемо спровоцирует рост преступности в целом, однако в официальной статистике он проявит себя в 2016–2017 гг. Это также обусловлено вероятным отвлечением основных сил и средств правоохранительных органов на противодействие финансово-экономическим преступлениям, преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотиков, оружия, и т. д.

Пессимистический сценарий базируется на явном нагнетании оперативной обстановки за счет снижения реальных доходов населения. Экстраполирование и структурный анализ позволяют рассчитать примерный объем преступности против общественной нравственности в 2015 г.: от 21 до 69 преступлений (в зависимости от реализации оптимистического или пессимистического сценариев). С учетом проведенных подсчетов вероятно учащение случаев совершения преступлений, предусмотренных ст. 240–242.2 УК РФ.

По результатам изучения статистических данных о преступлениях и административных правонарушениях в ЦФО и области, материалов социологических исследований, а также нормативных правовых актов представляется, что показатели регистрации ряда преступлений (ст. 242.1, 243, 243.1, 243.2, 244, 245 УК РФ) явно не соответствуют реальному уровню криминализации общественных отношений. Следовательно, без своевременной поисковой и профилактической работы правоохранительных органов удельный вес этих преступлений может возрасти.

Список литературы

1. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации : утв. Президентом Рос. Федерации 14 ноября 2013 г. № Пр-2685 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Будзинский С. Начала уголовного права. Варшава, 1870. 362 с.
3. Уголовное право. Общая и Особенная части : учеб. для вузов / Н. И. Ветров [и др.] ; под ред. Н. Г. Кадникова. М., 2006. 991 с.

4. Трунцевский Ю. В. К вопросу о необходимости закона о нравственности как национальной идее // Культура: управление, экономика, право. 2007. № 2. С. 10.
5. Осокин Р. Б. Общественная нравственность как особо ценный объект охраны // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 7. С. 167.
6. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2014 года. URL: https://mvd.ru/upload/site1/document_file/pXOrdPt4BF.pdf (дата обращения: 21.01.2015).
7. Состояние преступности в Российской Федерации за январь–июнь 2015 года. URL: <https://mvd.ru/folder/101762/item/6167280/> (дата обращения: 3.08.2015).
8. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/regions_table_total (дата обращения: 3.08.2015).
9. Начальник рязанской полиции отчитался перед депутатами областной Думы за 2014 год. URL: <http://tv-ryazan.ru/news/37661.html> (дата обращения 3.08.2015).
10. Официальный сайт территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Рязанской области. Среднедушевые денежные доходы населения Рязанской области. URL: http://ryazan.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/ryazan/ru/statistics/standards_of_life/ (дата обращения: 11.03.2015).
11. Фонд общественного мнения. URL: <http://soc.fom.ru/> (дата обращения: 19.01.2015)
12. Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Ю. Я. Чайки «О состоянии законности и правопорядка в 2014 году и о проделанной работе по их укреплению». URL: <http://genproc.gov.ru/genprocurog/appearances/document-723904> (дата обращения: 29.04.2015).
13. Шалагин А. Е. Преступления против общественной нравственности: уголовно-правовой и криминологический анализ : монография / науч. ред. Ф. Р. Сундуров. М., 2011. 256 с.
14. О внесении изменений в Закон Рязанской области «Об административных правонарушениях» : закон Рязанской области от 12 мая 2014 г. № 24-ОЗ // Рязанские ведомости. 2014. 13 мая.
15. По фактам нарушений, выявленных полицейскими в известном ночном заведении г. Рязани, возбуждено уголовное дело. URL: <https://62.mvd.ru/news/item/2413518/> (дата обращения: 3.03.2015).

ROMAN BORISOVICH OSOKIN,

dsc in law, associate professor,
head of the scientific and publishing department;

EWGENY VADIMOVICH CHIRKOV,

scientific researcher

(Moscow university of the ministry of the interior of the Russian Federation named after V. Y. Kikot),
e-mail: osokinr@mail.ru

© Osokin R. B., Chirkov E. V., 2015

ON THE QUESTION OF THE TRENDS IN CRIMES AGAINST PUBLIC MORALITY IN THE RYAZAN REGION

Annotation: the crime situation in Russia is complicated by the increase in the individual regions of felonies and more serious crimes. Ryazan region is not an exception. In 2014, the number of crimes against public morality has increased. Supporting the position of many criminologists who regard the growth of this category of crime with a splash of felonies and more serious, we present the results of analysis of the status and dynamics of multiple offenses against public morality from 2010 to 2014.

Since 2011, we can see the growth of crime level in the Central Federal District of Russia and the Ryazan region public morality, which is in contrast to the general trend of crime reduction in Russia and similar to the growth rate of felonies and more serious crimes in Ryazan region. In bare outlines, the crime dynamics in CFD and Ryazan region are similar. The essential difference lies in their ratio: the number of analyzed crimes against public morality in the CFD has increased by half for the five years, and in the region - nearly seven-time gains

To check the official statistics we compare the dynamics of crimes and the similar administrative offenses related to prostitution, as well as crimes related to pornography. As a result of studying the statistics on crimes and administrative offenses, materials of sociological research, as well as regulatory legal acts, it appears that in the Ryazan region registration rates of some crimes (Art. 242.1, 243, 243.1, 243.2, 244, 245 of the Criminal Code of Russia) is clearly do not correspond to the actual level of criminalization of social relations.

Extrapolation and structural analysis allow us to calculate the approximate amount of crime against public morality in 2015: from 21 to 69 crimes, depending on the implementation of the optimistic or pessimistic scenarios. In the light of the calculations, the growth of the crimes under the articles 240–242.2 of the Criminal Code of Russia is expected.

Key words: crimes against public morality, crime statistics, forecasting of criminality, prostitution, pornography, cruelty to animals, abuse of the bodies, the trends, the Central Federal District, Ryazan region.

References

1. Konceptiya obshchestvennoj bezopasnosti v Rossijskoj Federacii. Utv. Prezidentom Rossijskoj Federacii 14 nojabrja 2013 g. № Pr-2685 [The Concept of public security in the Russian Federation. Approved by President of the Russian Federation from November 14, 2013, № Pr-2685]. Unpublished.
2. Budzinskij S. Nachala ugolovnog prava [The Beginning of criminal law]. Warsaw, 1870. 362 p.
3. Ugolovnoe pravo. Obschaya i Osobennaya chasti [Criminal law. General and Special Parts]. Under the editorship of N. G. Kadnikov. Moscow, 2006. 991 p.
4. Truncevskij Yu. V. K voprosu o neobhodimosti zakona o npravstvennosti kak nacionalnoj idee [On the question of the necessity of the moral law as a national idea]. Kul'tura: upravlenie, jekonomika, pravo – Culture: management, economics, law, 2007, no. 2, p. 10.
5. Osokin R. B. Obshchestvennaya npravstvennost kak osobo cennyj obekt ohrany [Public morality as a particularly valuable object of protection]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of the Moscow university of the Ministry of Interior, 2011, no. 7, p. 167.
6. Sostojanie prestupnosti v Rossijskoj Federacii za janvar'–dekabr' 2014 goda [Status of crime in the Russian Federation in January–December 2014]. Available at: https://mvd.ru/upload/site1/document_file/pXOrdPt4BF.pdf (Accessed 21 January 2015).
7. Sostojanie prestupnosti v Rossijskoj Federacii za janvar'–ijun' 2015 goda [Status of crime in the Russian Federation in January–June 2015]. Available at: <https://mvd.ru/folder/101762/item/6167280/> (Accessed 3 August 2015).
8. General'naja Prokuratura Rossijskoj Federacii. Portal pravovoj statistiki [The Prosecutor General's Office of the Russian Federation. Portal of the legal statistics]. Available at: http://crimestat.ru/regions_table_total (Accessed 3 August 2015).
9. Nachal'nik rjazanskoj policii otchitalsja pered deputatami oblastnoj Dumy za 2014 god [The Head of the Ryazan police reported to the deputies of the regional Duma in 2014]. Available at: <http://rv-ryazan.ru/news/37661.html> (Accessed 3 August 2015).
10. Oficial'nyj sajt territorial'nogo organa Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Rjazanskoj oblasti. Srednedushevyje denezhnye dohody naselenija Rjazanskoj oblasti [The official website of the territorial body of the Federal State Statistics Service of the Ryazan region. Average per capita income of the Ryazan region]. Available at: http://ryazan.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/ryazan/ru/statistics/standards_of_life/ (Accessed 11 March 2015).
11. Fond obshhestvennogo mnenija [Public Opinion Foundation]. Available at: <http://soc.fom.ru/> (Accessed 19 January 2015.)
12. Doklad General'nogo prokurora Rossijskoj Federacii Ju. Ja. Chajki «O sostojanii zakonnosti i pravoporjadka v 2014 godu i o prodelannoj rabote po ih ukrepljeniju» [Report of the Prosecutor General of the Russian Federation Yu. Ya. Chaika «On the state of law and order in 2014 and the work done to strengthen them»]. Available at: <http://genproc.gov.ru/genprokuror/appearances/document-723904> (Accessed 29 April 2015).
13. Shalagin A. E. Prestupleniya protiv obshchestvennoj npravstvennosti: ugolovno-pravovoj i kriminologicheskij analiz [Crimes against public morality: criminally-legal and criminological analysis]. Under the editorship of F. R. Sundurov. M., 2011. 256 p.
14. Zakon Ryazanskoj oblasti ot 12 maja 2014 g. № 24-OZ «O vnesenii izmenenij v Zakon Ryazanskoj oblasti «Ob administrativnyh pravonarusheniyah» [The Law of the Ryazan region from May 12, 2014, № 24-OZ «About modification of the Law of the Ryazan region “About administrative offenses”»]. Rjazanskije vedomosti – Ryazan statements, 2014, May 13.
15. Po faktam narushenij, vyjavlennyh policejskimi v izvestnom nochnom zavedenii g. Rjazani, voz-buzhdeno ugolovnoe delo [On the facts of violations identified by police, in a night club in Ryazan, a criminal case is initiated]. Available at: <https://62.mvd.ru/news/item/2413518/> (Accessed 3 March 2015).

УДК 343.976
ББК 67.521.1
Ш96

НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ШУРУХНОВ,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики;
АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ АКЧУРИН,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики
(Академия ФСИН России),
e-mail: matros49@mail.ru;
РОМАН ГЕННАДЬЕВИЧ ПАНФЕРОВ,
преподаватель кафедры социально-философских дисциплин
(Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова)
© Шурухнов Н. Г., Акчурин А. В., Панферов Р. Г., 2015

ДАнные О СВОЙСТВАХ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, ЗАКАЗЫВАЮЩЕГО (ПОЛУЧАЮЩЕГО) НАРКОТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА, КОНТРАБАНДНО ПЕРЕМЕЩАЕМЫЕ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ПОЧТОВЫХ ОТПРАВЛЕНИЯХ

Реферат: в статье рассматриваются понятие и сущность личности, совокупность ее социально значимых свойств, влияющих в сочетании с внешними условиями (ситуацией) на преступное поведение. Акцентируется внимание на свойствах личности преступника, их криминалистическом значении, роли в выборе способа совершения преступлений, влиянии на выбор предмета преступного посягательства, сокрытии противоправного деяния, следах, оставляемых на месте преступления. С учетом результатов эмпирических исследований изучается личность преступника, заказывающего через Интернет за рубежом наркотические средства, контрабандно перемещаемые в международных почтовых отправлениях.

Способ совершения контрабанды наркотиков, перемещаемых в международных почтовых отправлениях, включает в себя заказ наркотических средств через информационно-телекоммуникационную сеть Интернет. Следовательно, заказчики наркотических средств должны обладать определенными навыками владения компьютером, уметь пользоваться пластиковыми банковскими картами, осуществлять платежные расчеты через Интернет, знать назначение электронных кошельков и особенности пользования ими.

Обращается внимание на то, что большинство контрабандистов либо ранее не были судимы вообще (98 %), либо судимы за совершение других видов преступлений (2 %). Все принимавшие участие в незаконном перемещении наркотических средств посредством международных почтовых отправлений являлись гражданами Российской Федерации, имели отрицательные морально-психологические качества, паразитические взгляды, узкий круг потребностей.

Ключевые слова: личность преступника, свойства личности преступника, наркотики, контрабанда, международные почтовые отправления.

Данные о свойствах личности преступника [1–4] являются важной составляющей криминалистической характеристики преступления, предназначенной не только обеспечить эффективность расследования конкретных видов противоправных деяний, но и принять меры по их своевременному предупреждению.

Понятие «личность» включает в себя представление о социально значимых чертах человека, свойственных ему как определенному индивиду. «Сущность личности – персонификация общественных отношений, поэтому конкретная личность выражает свою общественную сущность в форме индивидуальности, которая выступает как ее сущностная характеристика, выражая способ бы-

тия как субъекта самостоятельной деятельности» [5, с. 90–97].

Среди ученых нет единого подхода к содержанию понятия «личность преступника». По мнению Ю. М. Антоняна, личность преступника «выступает в качестве совокупности социально значимых негативных свойств, образовавшихся в процессе многообразных и систематических взаимодействий с другими людьми», при этом «личность преступника появляется с момента совершения преступления и существует до отбытия наказания» [6, с. 103–108].

С данной позицией нельзя согласиться полностью. Не следует факт отбытия наказания отождествлять с трансформацией личности, то есть пере-

смотром ею жизненных позиций, изменением мировоззрения, ценностных ориентаций, правосознания, разумным изменением потребностей и интересов. В зависимости от уровня предшествующей криминогенности человек может перестать быть общественно опасным еще до начала отбывания наказания либо в период отбывания наказания, а также не измениться и после его завершения.

А. И. Алексеев под личностью преступника понимает совокупность ее социально значимых свойств, влияющих в сочетании с внешними условиями (ситуацией) на преступное поведение [7, с. 84–92]. Такое понимание личности преступника, на наш взгляд, обладает большими объяснительными возможностями, дает основания для построения типологии, способствует индивидуальной профилактике преступности.

Свойства личности преступника, отражаясь в способе совершения преступления, влияют на выбор предмета преступного посягательства, сокрытие преступления, оставляя на месте преступления следы определенного «почерка» преступника. Р. Л. Ахмедшин отмечает, что еще основатель криминалистики, австрийский ученый Ганс Гросс, в конце XIX в. писал, что в расследовании преступлений «величайшее усилие следует прилагать именно к выяснению собственно личности обвиняемого» [8, с. 3].

Анализируя свойства личности преступника применительно к предмету криминалистики, В. К. Гавло пришел к выводу о том, что «криминалистику и ее методику в первую очередь интересуют такие данные о личности субъекта преступления, которые указывают на закономерные связи между ним и совершенным преступлением, проявляющиеся во вне – в различных последствиях содеянного. В этом случае личность надо изучать как следообразующий объект, источник информации о совершенном преступлении и как средство его раскрытия».

По справедливому утверждению В. А. Жбанкова, «криминалистически значимые свойства личности имеют огромное практическое значение при расследовании и раскрытии преступлений, они помогают:

- проследить особенности отображения свойств личности преступника при подготовке, совершении и сокрытии преступлений;
- разработать систему следов, отображающих социальные, психологические и биологические свойства личности преступника, и выявить иные источники информации о нем;
- определить систему технико-криминалистических и тактических методов и средств по сбору, исследованию, оценке и использованию информации о личности преступника;

- установить взаимозависимость и взаимосвязи между социальными, психологическими и биологическими свойствами преступника, содержащимися в источниках информации о нем;

- на основе собранной информации и выявленных взаимосвязей между социальными, психологическими, биологическими свойствами построить модель лица, совершившего преступление;

- осуществить систему поисковых мероприятий по установлению преступника;

- на основе выявленных закономерностей между элементами преступной деятельности разработать систему типовых версий о лицах, совершивших преступление, применительно к тем или иным видам преступных деяний, в том числе и на базе ЭВМ» [10, с. 8].

Применительно к свойствам личности преступника, заказывающего (получающего) наркотические средства, контрабандно перемещаемые в международных почтовых отправлениях, следует говорить и об установлении причастности конкретного лица к заказу наркотических средств через информационно-телекоммуникационную сеть Интернет по определенным навыкам владения компьютером, знаниям информационных технологий, возможностям и особенностям виртуального общения, использованию электронных банковских карт.

Для построения методики расследования отдельных видов и групп преступлений, по мнению профессора В. Е. Клочко, важно учесть следующие подструктуры характеристики свойств личности преступника:

- социальную, к которой относятся признаки, характеризующие человека как субъекта и объекта общественных отношений, занимающего определенные социальные позиции и выполняющего социальные роли;

- нравственно-психологическую, которую образуют свойства личности, характеризующие внутренний мир человека, его отношение к различным социальным и моральным ценностям.

При изучении свойств личности лица, совершившего преступление, помимо социальной и нравственно-психологической, необходимо учитывать еще и биологическую составляющую характеристики свойств личности виновного. По мнению В. А. Жбанкова [10, с. 23], к биологическим свойствам личности относятся:

- антропологические признаки (раса, пол, возраст);
- внешняя анатомия тела и функционально-анатомические особенности;
- биохимические особенности;
- физиологические особенности нервной системы;

– патологические аномалии выделенных элементов.

Социальные свойства, в свою очередь, отражают социальную сущность индивида, его место в определенной социальной системе – социальное положение, место жительства, образование, профессию, семейное положение и т. д.

Психологические черты личности отражают ее внутреннее содержание – мировоззренческие и нравственные черты, свойства, взгляды. Тем не менее перечисление указанных признаков свойств личности вовсе не означает, что при расследовании преступления необходимо установить каждый из них.

Контрабанда наркотиков, перемещаемых в международных почтовых отправлениях, имеет специфику. По этой причине сведения о свойствах личности граждан, совершающих указанное преступление (заказчиков-получателей наркотических средств), разительно отличаются от характеристики лиц, совершающих контрабанду наркотических средств иными способами.

Проведенный анализ материалов уголовных дел и судебно-следственной практики позволяет утверждать, что для характеристики свойств личности преступников, совершающих контрабанду наркотиков посредством международных почтовых отправлений, представляют интерес сведения социально-демографического (пол, возраст, род занятий, образование, семейное положение), производственно-бытового (имеет ли постоянную или временную работу, как характеризуется по месту работы (если имеет работу), имеет ли постоянное место жительства, как ведет в семье, по месту жительства), социально-правового (судимость, привлекался ли ранее к уголовной, административной ответственности, страдает ли наркоманией, состоит ли на учете у врача-нарколога, в наркологических учреждениях) характера.

В проведенных ранее исследованиях указывается, что контрабанду наркотиков совершают преимущественно мужчины (по данным А. Г. Харишвили – в 90 % случаев, Ю. Ю. Барбачаковой – в 78, А. Н. Алиева – в 91 %). Необходимо отметить, что эти исследования проводились только применительно к контрабандистам-получателям наркотических средств, поскольку установить контрабандиста-отправителя наркотических средств российским правоохранительным органам не представляется возможным.

Способ совершения контрабанды наркотиков, перемещаемых в международных почтовых отправлениях, включает в себя заказ наркотических средств через информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, следовательно, заказчики

наркотических средств должны обладать определенными навыками владения компьютером, уметь пользоваться пластиковыми банковскими картами, осуществлять платежные расчеты через Интернет, знать назначение электронных кошельков и особенности пользования ими.

Исследователи единогласно отмечают, что наиболее криминогенный возраст у контрабандистов наркотиков – от 30 до 40 лет. Изучение судебно-следственной практики, однако, показывает, что возраст контрабандистов, организовывавших перемещение наркотических средств в международных почтовых отправлениях, значительно ниже общераспространенного. Минимальный возраст заказчика-получателя наркотических средств, который был зафиксирован при проведении исследования, составил 17 лет; самому взрослому контрабандисту было 28 лет. Средний же возраст контрабандиста (заказчика-получателя наркотических средств) составляет 24–25 лет.

Большинство контрабандистов-получателей (88 %) систематически употребляют наркотические средства, однако на учете в наркологических диспансерах с диагнозом «наркомания» состоят не более 4 %. Еще 8 % контрабандистов употребляют наркотические средства периодически и наркоманами себя не считают. Следовательно, лишь 4 % контрабандистов не употребляют наркотические средства и заказывают их исключительно для последующей реализации.

Говоря об образовательном уровне рассматриваемых контрабандистов, следует отметить, что 56 % из них имеют высшее образование, 44 % – не ниже среднего. Более того, многие контрабандисты, заказывающие наркотические средства для личного употребления, занимают достаточно высокое социальное положение (менеджеры среднего и высшего звена) либо являются представителями творческих профессий (музыканты, звукорежиссеры, актеры, программисты), имеют стабильный материальный доход. В то же время для значительной части контрабандистов (36 %) незаконный оборот наркотиков является единственным источником дохода.

Примечательно, что 96 % лиц, совершающих контрабанду наркотиков в международных почтовых отправлениях, холосты, 100 % – это мужчины.

Характеризуя личность лица (заказчика-получателя), совершающего контрабанду наркотиков посредством международных почтовых отправлений, следует отметить тот факт, что большинство контрабандистов либо ранее не были судимы вообще (98 %), либо судимы за совершение других видов преступлений (2 %). Все контрабандисты, принимавшие участие в незаконном пере-

мещении наркотических средств посредством международных почтовых отправок, являлись гражданами Российской Федерации, имели отрицательные морально-психологические качества, паразитические взгляды, узкий круг потребностей.

На основании проведенного исследования представляется возможным построить классификацию лиц, совершивших контрабанду наркотиков посредством международных почтовых отправок:

1) систематически употребляющие наркотические средства, перемещающие наркотики в международных почтовых отправлениях исключительно для личного употребления и не преследующие цели получения прибыли. Так, в январе 2013 г. житель г. Климовска Московской области заказал через Интернет в Китае для личного употребления наркотические средства. В феврале 2013 г. он пришел за посылкой с люминесцентной краской, вместо которой в бутылках оказался «бутират» (сленговое название наркотического вещества – оксибутират натрия – обладает седативным, миорелаксирующим действием). О том, что успешный молодой человек (звукорежиссер) на протяжении шести лет употреблял наркотики, никто из близких даже не подозревал [11];

2) периодически употребляющие наркотические средства и заказывающие наркотические средства как для личного употребления, так и для распространения с целью извлечения дохода. 4 декабря 2012 г. при вскрытии оболочки международного почтового отправления была обнаружена пластиковая канистра без маркировки с жидкостью, в составе которой, согласно заключению специалиста, содержалось психотропное вещество «у-оксимасляная кислота» общей массой 4553,3 г. В ходе допроса подозреваемый В. сообщил, что намеревался часть жидкости употребить самостоятельно, а часть – продать [12];

3) заказывающие наркотические средства для последующего распространения на территории России. Нередко данная категория лиц включена в организованные преступные группы, и контрабанда наркотических средств в международных почтовых отправлениях является для них постоянным источником дохода. Так, 23-летний житель Сургута намеревался организовать в своем городе продажу заказанного в Китае наркотика. Для реализации своей преступной цели через Интернет познакомился с наркодельцом, который «для раскрутки» бесплатно выслал ему из Китая в международном почтовом отложении под видом документов новый синтетический наркотик. После задержания молодой человек признался, что, начитавшись информации в Интернете, увлекся идеей легкого заработка и о последствиях не задумывался [13].

Таким образом, подводя краткий итог изложенному, сделаем следующие основные выводы:

1) прослеживается корреляция способа совершения контрабанды наркотических средств, пересылаемых в международных почтовых отправлениях, от свойств личности преступника, совершающего данное противоправное деяние;

2) заказчиком и получателем наркотических средств, пересылаемых в международных почтовых отправлениях, как правило, является лицо мужского пола в возрасте 24–25 лет, с высшим или средним специальным образованием, владеющее навыками работы на компьютере, без семьи и детей, постоянно или периодически употребляющее наркотики, но не состоящее на учете в наркологическом диспансере (врачей-наркологов), ранее не судимое, имеющее высокий уровень материального обеспечения, с отрицательными морально-психологическими качествами, паразитическими взглядами, узким кругом потребностей.

Список литературы

1. Ахмедшин Р. Л. Криминалистическая характеристика личности преступника : дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2006. 413 с.
2. Демидов Н. Н. Изучение личности преступника в процессе расследования : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. 220 с.
3. Курзузкина Е. Б. Теория личности преступника и проблемы индивидуальной профилактики преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 423 с.
4. Тазин И. И. Криминалистическая характеристика мотивационно-смысловой сферы личности преступника : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2006. 252 с.
5. Волчецкая Т. С., Бедризов А. Г. Криминалистическое изучение личности свидетеля: основные методы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. № 9. С. 90–97.
6. Антонян Ю. М. Криминология : учеб. для бакалавров. М., 2014. С. 103–108.
7. Алексеев А. И. Криминология : курс лекций. М., 1999. С. 84–92.
8. Ахмедшин Р. Л. Криминалистическая характеристика личности преступника : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2006. 48 с.
9. Гавло В. К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск, 1985. 316 с.

10. Жбанков В. А. Свойства личности и их использование для установления лиц, совершивших таможенные правонарушения. М., 1999. С. 8.
11. Уголовное дело № 141802 // Архив Московской областной таможни.
12. Уголовное дело № 141801 // Архив Московской областной таможни.
13. Жителя Сургута будут судить за контрабанду наркотика из Китая // Рос. газ. 2013. 14 авг.

NIKOLAY GRIGOR'EVICH SHURUKHNOV,

dsc in law, professor,
professor of the criminal procedure and criminalistics department;

ALEXANDER VLADIMIROVICH AKCHURIN,

phd, associate professor,
head of the criminal procedure and criminalistics department

(Academy of the FPS of Russia),

e-mail: matros49@mail.ru;

ROMAN GENNADEVICH PANFEROV,

lecturer of the socio-philosophical disciplines department
(V. Lukyanov orel law institute of the Russian interior ministry)

© Shurukhnov N. G., Akchurin A. V., Panferov P. G., 2015

DATA OF THE PECULIARITIES OF THE OFFENDER ORDERING (GETTING) NARCOTICS CONTRABAND TRANSPORTED BY INTERNATIONAL MAIL

Annotation: the article deals with the concept and the essence of the person, the totality of its socially significant properties that affect criminal behavior with external conditions (situation). Much attention is paid to the features of the individual offender, criminalistics significance, role in deciding how to commit crimes, influence on the choice of the subject of a criminal assault, concealing the wrongful act, traces left at the scene. Based on the results of empirical research, the authors examine in detail the properties of the individual offender, ordering drugs contraband transported by international mail.

The way of the smuggling of drugs transported by international mail includes: order of drugs through the information and telecommunications network, the Internet. Hence the customers of drugs should be «advanced» computer users, they must know how to use plastic bank cards, make payment calculations through the Internet, know the purpose of electronic purses and especially their use.

It is important to note that most of the smugglers have not been convicted earlier (98 %) or they have been convicted for committing another crimes (2 %). Smugglers who participated in the illegal transportation of drugs through international mail were citizens of the Russian Federation with negative moral and psychological qualities, parasitic thoughts, a narrow range of needs.

Key words: offender personality, peculiarities of the individual offender, drugs, smuggling, international mail.

References

1. Ahmedshin R. L. Kriminalisticheskaya kharakteristika lichnosti prestupnika. Dis. d-ra jurid. nauk [Criminalistical characterization of offender. Dr. legal sci. diss.]. Tomsk, 2006. 413 p.
2. Demidov N. N. Izuchenie lichnosti prestupnika v protsesse rassledovaniya. Dis. kand. jurid. nauk [The study of offender during the investigation. Cand. legal sci. diss.]. Volgograd, 2003. 220 p.
3. Kurzuzkina E. B. Teoriya lichnosti prestupnika i problemy individualnoy profilaktiki prestupleniy. Dis. d-ra jurid. nauk [The theory of the individual offender and the problems of individual crime prevention. Dr. legal sci. diss.]. Moscow, 2005. 423 p.
4. Tazin I. I. Kriminalisticheskaya kharakteristika motivatsionno-smyslovoy sfery lichnosti prestupnika. Dis. kand. jurid. nauk [Criminalistical characterization of motivational-semantic sphere of offender. Cand. legal sci. diss.]. Tomsk, 2006. 252 p.
5. Volchetskaya T. S., Bedrizov A. G. Kriminalisticheskoe izuchenie lichnosti svidetelya: osnovnye metody [Criminalistical examination the witness: basic methods]. Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta – Bulletin of the Kant Baltic Federal University, 2012, no. 9, pp. 90–97.

6. Antonian Yu. M. Kriminologiya [Criminology]. Moscow, 2014, pp. 103–108.
7. Alekseev A. I. Kriminologiya [Criminology]. Moscow, 1999, pp. 84–92.
8. Ahmedshin R. L. Kriminalisticheskaya kharakteristika lichnosti prestupnika. Avtoref. dis. d-ra jurid. nauk [Criminalistical characterization of offender. . Dr. legal sci. diss. abstract]. Tomsk, 2006. 48 p.
9. Gavlo V. K. Teoreticheskie problemy i praktika primeneniya metodiki rassledovaniya otdelnykh vidov prestupleniy [Theoretical problems and practice of methods of investigation of certain types of crimes]. Tomsk, 1985. 316 p.
10. Zhbakov V. A. Svoystva lichnosti i ikh ispolzovanie dlya ustanovleniya lits, sovershivshikh tamozhennye pravonarusheniya [Personality traits and their use for the establishment of the perpetrators of customs offenses]. Moscow, 1999, p. 8.
11. Ugolovnoe delo № 141802 [A criminal case number 141802]. Arhiv Moskovskoj oblastnoj tamozhni [Archive of the Moscow Regional Customs]. Unpublished.
12. Ugolovnoe delo № 141801 [A criminal case number 141801]. Arhiv Moskovskoj oblastnoj tamozhni [Archive of the Moscow Regional Customs]. Unpublished.
13. Zhitelya Surguta budut sudit za kontrabandu narkotika iz Kitaya [The inhabitants of Surgut will be judged for drug smuggling from China] Rossiyskaya gazeta – Russian newspaper. 2013, August 14.

УДК 343.35
ББК 67.408.142
Б90

НАТАЛЬЯ ВАЛЕНТИНОВНА БУГАЕВСКАЯ,
кандидат юридических наук, доцент,
преподаватель Учебного центра дополнительного
профессионального образования
(УФСИН России по Тульской области),
e-mail: bugaevskaja.natalia@yandex.ru
© Бугаевская Н. В., 2015

ВЫПОЛНЕНИЕ ПУБЛИЧНЫХ ФУНКЦИЙ КАК ПРИЗНАК СУБЪЕКТА КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Реферат: в рамках исследования признаков субъекта коррупционных преступлений рассматривается содержание понятия «публичные функции» с точки зрения доктрины уголовного права и его современного употребления в законодательстве РФ, раскрывается проблема отсутствия в праве признаков понятий «публичные функции», «публичный служащий», необходимых для квалификации коррупционных действий должностных лиц, выполняющих функции представителя власти, а также иностранных должностных лиц. Отмечается, что лица, выполняющие публичные функции, представляют органы государственной власти, органы местного самоуправления. Вместе с тем существует и такая категория лиц, выполняющих публичные функции, которые непосредственно не являются работниками органов власти и управления, в том числе местного, но уполномочены на выполнение некой общественной миссии, выступая от имени властных структур государства. Подчеркивается, что понятие «публичный служащий» должно основываться на признании выполнения им юридически значимых действий, способных устанавливать, прекращать и изменять права и обязанности других субъектов правоотношений. Приводятся примеры существующего в теории государства и права понимания публичности деятельности лица, а также оперирования терминами «публичные функции» или «публично значимые функции» в российском административном, финансовом, банковском, гражданском, земельном законодательстве, судебной практике, которые свидетельствуют об отсутствии единообразного подхода к их определению.

В уголовном праве требуется детальное закрепление признаков лица, выполняющего публичные функции, как лица, наделенного властными полномочиями государством, муниципалитетами для осуществления общезначимой деятельности. Субъектами, то есть носителями данных функций, в первую очередь являются лица, входящие в состав государственных органов, органов местного самоуправления, а во вторую – лица, которых данные органы наделили специальными полномочиями для решения вопросов общезначимого характера. При этом финансирование деятельности данных лиц за счет бюджетных средств разных уровней может стать ключевым фактором, по которому могут быть разграничены лица, представляющие интересы частных компаний, и лица, выполняющие публичные функции.

Ключевые слова: публичные функции, публичная власть, представитель власти, публичный служащий, органы государственной власти и местного самоуправления, выполнение функций представителя власти по специальному полномочию, публично значимые функции.

Анализ деятельности должностных лиц, являющихся представителями власти, в настоящее время в уголовно-правовой науке все чаще происходит сквозь призму понятия «публичные функции». Так, Н. А. Егорова выделяет две категории представителей власти: лиц, осуществляющих функции публичной власти в самих органах публичной власти, и лиц, выполняющих иные публичные функции, относя к последним частных нотариусов и аудиторов, третейских судей, профессиональных оценщиков – при проведении обязательной оценки объектов, принадлежащих РФ, субъектам РФ либо муниципальным образованиям; служащих коммерческих организаций – при выполнении функции органа дознания или

уполномоченных налагать административные взыскания; членов военно-врачебных комиссий, медико-социальных экспертных комиссий – при медицинском освидетельствовании граждан и вынесении заключений; членов диссертационных советов – при голосовании о присуждении ученых степеней и даче заключений по диссертации; преподавателей вузов – при выставлении оценок на экзаменах, зачетах, защите курсовых работ и т. п.) [6, с. 31].

В переводе с латыни *publicus* означает «государственный», «общинный», «общественный» [10, с. 5]. В повседневном языковом употреблении понятие «публичный» проявляется двояко: с одной стороны, в него вкладывается смысл – что-то, относя-

щееся к общественно-государственной сфере; с другой стороны, оно понимается как что-то открытое для общества, гласное [8, с. 45]. Публичный интерес при этом понимается как «официально признанный государством и обеспеченный правом интерес социальной общности, удовлетворение которого служит приоритетным условием и гарантией ее существования и развития» [8, с. 5].

Возвращаясь к сущности понятия «представитель власти», отметим, что он, несомненно, выполняет публичную функцию, если ее понимать как общественную, то есть необходимую для общества миссию, возложенную на него данным обществом. При этом он не извлекает из этого выгоды для себя, выступая от имени власти. Следуя логике, власть в обществе олицетворяет государство в лице своих органов управления обществом, хотя все же единственным источником власти является многонациональный народ Российской Федерации (ст. 3 Конституции РФ). Понимание публичной политики и публичной власти строится на признании того, что общенациональным инструментом публичной политики выступает государство.

Ф. Энгельс, определяя государственность, отмечал: «Вторая отличительная черта – учреждение публичной власти, которая уже не совпадает непосредственно с населением, организующим самое себя как вооруженную силу. Эта публичная власть существует в каждом государстве. Она состоит не только из вооруженных людей, но и из вещественных придатков, тюрем и принудительных учреждений всякого рода. Обладая публичной властью и правом взыскания налогов, чиновники становятся, как органы общества, над обществом» [9, с. 170].

Таким образом, лица, осуществляющие функции власти, могут представлять государственную власть, действуя от лица ее законодательных, исполнительных, судебных органов, а также представляя местную власть – органы местного самоуправления. Именно они имеют право совершать действия, имеющие юридическое значение для всех или большинства граждан: устанавливать, прекращать или изменять права и обязанности других лиц. При неисполнении законных требований представителя власти им может быть применено принудительное воздействие на правонарушителей.

Другие лица, которые не представляют непосредственно властные органы, так как не являются их работниками, могут реализовывать публичные функции, если государство их уполномочило на данную деятельность. При этом необходимо уточнять, не образуют ли данные функции организационно-распорядительные или административно-хозяйственные полномочия либо сходны с полномочиями представителей власти. Определяющим

критерием будет являться их реализация во внутрислужебной деятельности или во внеслужебной, то есть преподаватель в вузе, член диссертационного совета не могут признаваться должностными лицами по признаку осуществления организационно-распорядительных функций в их узком, внутрислужебном понимании (руководство коллективом, отдельными подчиненными работниками), так как они не действуют в рамках служебных взаимоотношений, но не могут быть признаны и представителями власти ввиду несоответствия разъяснениям постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий». Подчеркнем, что согласно п. 3 данного постановления представителями власти могут выступать либо лица, наделенные правами и обязанностями по осуществлению функций органов законодательной, судебной или исполнительной власти, либо лица, отвечающие требованиям примечания к ст. 318 УК РФ.

Преподаватели в вузе при приеме экзаменов и члены диссертационных советов при осуществлении их непосредственной деятельности также выполняют действия, имеющие юридические последствия для граждан, реализуют необходимую общественную функцию. Ввиду этого составители цитируемого постановления Пленума Верховного Суда были вынуждены пойти на компромисс приравнивания организационно-распорядительных полномочий к внешней управленческой деятельности, которая была обозначена как принятие решений, имеющих юридическое значение и влекущих за собой определенные юридические последствия. По существу такая деятельность ничем не отличается от распорядительных полномочий представителя власти.

Понимание термина «публичная функция» особенно важно в свете того, что международные конвенции по борьбе с коррупцией оперируют термином «публичный служащий», то есть «лицо, осуществляющее публичную функцию». Более того, в отечественном уголовном законе, в примечании 2 к ст. 290, дается определение иностранного должностного лица через выполнение им публичных функций.

Так или иначе термин «публичные функции» или («публично значимые функции») употребим в российском законодательстве и нашей судебной практике. Так, в ст. 5.59 КоАП РФ устанавливается административная ответственность за нарушение порядка рассмотрения обращений граждан должностными лицами государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений и иных организаций, на

которые возложено осуществление публично значимых функций. Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» также имеет свое распространение на государственные и муниципальные учреждения и иные организации, осуществляющие публично значимые функции [1, ст. 1–3].

В распоряжении Правительства РФ от 4 апреля 2013 г. № 517-р «Об утверждении государственной программы Российской Федерации „Юстиция”» адвокаты как участники судопроизводства названы лицами, реализующими ряд публично значимых функций [2, ст. 10]. В апелляционном определении Архангельского областного суда от 20 июня 2013 г. по делу № 33-3693 муниципальное учреждение – администрация муниципального образования «Онежское» указано как учреждение, выполняющее публичные функции [3, п. 12]. Практика арбитражных судов также свидетельствует об использовании данного термина в отношении органов местного самоуправления. Так, совет сельского поселения признается представительным органом местного самоуправления, осуществляющим публичные функции, определенные уставом муниципального образования, от имени муниципального образования. При этом в законодательстве нет явного объяснения, что собой представляют публичные или публично значимые функции, хотя термин достаточно активно используется. Оперирует им и доктрина права уголовного, административного, финансового, банковского. В научных исследованиях, в частности, отмечается, что публичные функции – это направления деятельности различных субъектов, в первую очередь государства и муниципальных образований, по удовлетворению публичного, то есть общественного, интереса, признанного и охраняемого государством [7, с. 3, 5]. Вместе с тем отмечается, что публичные функции коммерческих банков в бюджетных, налоговых, валютных правоотношениях и правоотношениях в сфере контроля за осуществлением кассовых операций являются специфическим продолжением функций государства. В то же время публичные функции могут осуществлять и негосударственные структуры и организации: «Газпром», ОАО «Российские железные дороги», нотариусы, адвокаты, банки, аудиторы, средства массовой информации, отдельные граждане.

Термин «публичный» предполагает общественный характер, но более всего указывает на связь с государством и структурами управления обществом. Например, понятие «публичное управление» понимается как содержательно охватывающее понятие государственного и муниципального управления. В конкретном контексте понятие «публич-

ное управление» может означать как государственное, так и муниципальное управление либо их совокупность.

Как указывает И. Н. Барциц, «под публичной (публично-правовой) властью принято понимать власть государственную и муниципальную (местное самоуправление), от которой отличают власть, например, семейную (власть отца или матери), общественную (члены общественной организации также подчиняются определенным нормам, установленным уставными документами, и должностным лицам, избранным в качестве руководителей) и др.» [4, с. 15]. Ж. Гюльельми определяет публичную власть как «кристаллизацию доминирующих отношений правителей по отношению к управляемым при выполнении следующих условий: 1) наличие четкой дифференциации между правителями и управляемыми; 2) принятие этой временной ситуации управляемыми, обнаруживающими в этом относительные преимущества; 3) возможности постоянного контроля над правителями и их общей деятельностью» [5, с. 10].

Более широко трактуется термин «публичный» в российском гражданском и земельном праве. Так, понятия «публичный договор» (ст. 426 ГК РФ), «публичный сервитут» (ст. 23 ЗК РФ) понимаются в смысле общественных, осуществляемых в социально полезных целях, не государственных или муниципальных. В решениях Конституционного суда РФ термин «публичный» употребляется также более широко, не отождествляется с понятием «государственный», но только в том случае, когда речь идет о публично-правовом характере использования имущества в общественных интересах. Напротив, в постановлении от 19 декабря 2005 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности абз. 8 п. 1 ст. 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А. Г. Меженцева» суд указал, что «Конституция Российской Федерации не запрещает государству передавать полномочия исполнительных органов власти негосударственным организациям, участвующим в выполнении отдельных функций публичной власти. По смыслу ее ст. 78 (ч. 2 и 3) и 132 (ч. 2) такая передача возможна при условии, что это не противоречит Конституции Российской Федерации и федеральным законам». В этом же постановлении суд указал на публичную составляющую статуса арбитражных управляющих, подтвердил право выполнения ими публично-правовых функций.

Понятие «публичное право», также имеющее в своем названии определяемый в содержательном плане термин, трактуется как совокупность отраслей права, регулирующих общественные отношения, связан-

ных с обеспечением общего или общегосударственного, то есть публичного интереса [10, с. 5]. Одной из сторон в публичных правоотношениях всегда выступает лицо, наделенное властными полномочиями, координирующимися государством.

Таким образом, в понимании публичных функций следует исходить из того, что источником наделения ими является государство в лице своих органов, местное самоуправление как особый вид местной власти – а по содержанию они могут быть обозначены как функции, выполняемые в интересах общества, в противовес частным функциям, выполняемым в личных целях каждого индивида. Субъектами, то есть носителями данных функций, в первую очередь являются лица, входящие в состав государственных органов, органов местного самоуправления, а во вторую – лица, которых данные органы наделили специальными полномочиями выполнения общезначимых функций, решения проблем общезначимого характера. По существу, это полномочия, близкие к полномочиям представителя власти.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных

преступлениях» кратко поясняется, что представляет собой такой субъект взяточничества, как иностранное должностное лицо, но без дефинитивного разъяснения публичных функций, являющихся одной из составляющих его полномочий. Представляется возможным дополнить п. 1 названного постановления абзацем 3 следующего содержания:

«Под иностранным должностным лицом понимается любое назначаемое или избираемое лицо, занимающее какую-либо должность в законодательном, исполнительном, административном или судебном органе иностранного государства, и любое лицо, выполняющее какую-либо публичную функцию для иностранного государства, в том числе для публичного ведомства или публичного предприятия (например, министр, мэр, судья, прокурор). Под осуществлением лицом публичной функции следует понимать выполнение в установленном законом порядке распорядительных полномочий в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости, либо реализацию права принимать решения, обязательные для исполнения гражданами, организациями, учреждениями независимо от их ведомственной принадлежности и форм собственности».

Список литературы

1. О внесении изменений в ст. 5.59 Кодекса РФ об административных правонарушениях и статьи 1 и 2 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ» : федер. закон от 7 мая 2013 г. № 80-ФЗ // Рос. газ. 2013. 14 мая.
2. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Юстиция» : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 4 апр. 2013 г. № 517-п // Рос. газ. 2013. 10 апр.
3. Апелляционное определение Архангельского областного суда от 20 июня 2013 г. по делу № 33-3693 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Барциц И. Н. Система государственного и муниципального управления : учеб. курс. М., 2011. 487 с.
5. Guglielmi G. J. Une introduction au droit du service public. URL: <http://www.guglielmi.fr/IMG/pdf/INTRODSP.pdf>.
6. Егорова Н. Управленческие функции специального субъекта преступления (уголовный закон, теория, судебная практика) // Уголовное право. 2007. № 2. С. 31.
7. Жилина С. Б. Правовое обеспечение исполнения коммерческими банками публичных функций в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006. 28 с.
8. Мазаев В. Д. Публичная собственность в России: конституционные основы. М., 2004. 384 с.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1974. Т. 21. 745 с.
10. Тихомиров Ю. А. Публичное право: падение и взлеты // Государство и право. 1996. № 1. С. 5, 45.

NATAL'JA VALENTINOVNA BUGAEVSKAJA,
phd in law, associate professor,
teacher of educational center of additional education
(UFSIN of Russia to on tula area),
e-mail: bugaevskaja.natalia@yandex.ru
© Bugaevskaja N. V., 2015

THE EXECUTION OF PUBLIC FUNCTIONS AS A SIGN THE SUBJECT OF CORRUPTION CRIMES

Annotation: the study of the characteristics of the subject of corruption, crime definitions the author examines the concept of «public functions» from the point of view of criminal law doctrine and its modern usage in

the legislation of the Russian Federation. Revealed the lack of the right characteristics of the concepts of «public function», «public employee» required for qualification corruption of officials, performing functions of representative government, and foreign official parties. It is noted that persons performing public functions, are the bodies of state power, bodies of local self-government. On the other hand, there is such category of persons performing public functions, which directly are not employees of bodies of power and administration, including local, but the authority to perform certain public mission, speaking on behalf of the state's power structures. It is emphasized that the concept of «public employee» should be based on acknowledgement of the fulfillment of legally significant actions, is capable set, stop, or change the rights and obligations of other subjects of legal relations. Examples existing in the theory of state and law understanding of the publicity activities of the entity, as well as using the terms «public function» or «publicly significant functions» in the Russian administrative, financial, banking, civil, land legislation, court practice, which indicate the absence of a uniform approach to their definition. In criminal law requires detailed consolidation characteristics of persons performing public functions, as individuals, empowered by the state, municipalities for the implementation of universally valid activity. Entities that are carriers of these functions are primarily individuals that are part of state bodies, bodies of local self-government, and in the second – person, which the authorities have given special powers to address issues of universally valid character. Thus financing the activities of these entities at the expense of budget funds once the energy levels can be a key factor, which can be separated persons representing the interests of private companies and persons performing public functions.

Key words: public functions, public authorities, official, public employee, public authorities and local self-government, representative government under special authority, publicly significant functions.

References

1. Federal'nyi zakon ot 7 maja 2013 g. № 80-FZ «O vnesenii ismenenii i dopolnenii v stat'yi 5.59 Kodeksa RF ob administrativnykh pravonarusheniyah i stat'i 1 i 2 Federal'nogo zakona «O poryadke rassmotreniya obrashcheniya grazhdan RF» [The federal law of the Russian Federation from May, 7th, 2013, № 80-FZ «On amending article 5.59 code of the Russian Federation about administrative offences and article 1 and 2 of the Federal law «About the order of consideration of citizens of the Russian Federation»]. Rossiiskaya gazeta – Russian gazette, 2013, May, 14th.
2. Rasporyaghenie pravitelstva RF ot 4 aprelja 2013 g. № 517-r «Ob utverghdenii gosudarstvennoi programmy RF “Yustitsiya”» [The executive order of the RF government from April, 4th, 2013, № 517 «On approval of the state program of the Russian Federation «Justice»]. Rossiiskaya gazeta – Russian gazette, 2013, April, 10th.
3. Apellyatsionnoe opredelenie Arhangel'skogo oblastnogo suda ot 20 iyunja 2013 g. po delu 33-3693 [Appeals the determination of the Arkhangelsk regional court dated 20.06.2013 in case no. 33-3693]. Unpublished.
4. Bartsits I.N. Sistema gosudarstvennogo i municipalnogo upravleniya [The system of state and municipal management]. Moscow, 2011. 487 p.
5. Guglielmi G. J. Une introduction au droit du service public. Available at: <http://www.guglielmi.fr/IMG/pdf/INTRODSP.pdf>.
6. Egorova N. U. Upravlencheskie funktsii spetsial'nogo sub'ekta prestupleniya (ugolovnyj zakon, teoriya, sudebnaya praktika) [Management functions of a special subject of crime (criminal law theory, legal practice)]. Ugolovnoe pravo – Criminal law, 2007, no. 2, p. 31.
7. Zhilina S. B. Pravovoe obespechenie ispolneniya kommercheskimi bankami publichnykh funktsij v Rossijskoj Federatsii. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [Legal enforcement of commercial banks public functions in the Russian Federation. Cand. legal sci. diss. abstract]. Rostov-on-Don, 2006. 28 p.
8. Mazaev V. D. Publichnaya sobstvennost' v Rossii: konstitutsionnye osnovy [Public property in Russia: constitutional fundamentals]. Moscow, 2004. 384 p.
9. Marks K., Enngel's F. Sochineniya [Works]. Moscow, 1974. 745 p.
10. Tikhomirov Yu. A. Publichnoe pravo: padenie i vzlety [Public law: the fall and recovery]. Gosudarstvo i pravo – State and law, 1996, no. 1, p. 5.

УДК 343.2
ББК 67.408.0
3-43

АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ ЗВОНОВ,
кандидат юридических наук,
докторант факультета подготовки научно-педагогических кадров
(Академия ФСИН России),
e-mail: zvonov_av@mail.ru
© Звонov А. В., 2015

СИСТЕМА МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ

Реферат: предусмотренные уголовным законом уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера образуют систему мер уголовно-правового характера, которые в общем понимании обозначаются как комплекс мер, направленных на защиту личности, общества, государства от преступных проявлений средствами уголовного права.

В юридической литературе нередко оспаривается применение термина «меры уголовно-правового характера» на основании того, что в связи с его значительностью и объемом он не отображает всей специфики обозначенных средств. Действительно, буквальное понимание понятия «меры уголовно-правового характера» позволяет отнести к ним и те, которые по своей природе не являются таковыми. В связи с этим в научном мире рекомендуется заменить данный термин на более подходящее терминологическое сочетание «уголовно-правовое воздействие».

Учеными-криминологами и учеными-пенитенциаристами основное место в системе мер уголовно-правового воздействия отводится уголовным наказаниям, системе которых также свойственно определенное содержание, состоящее из 13 видов уголовных наказаний, отличающихся качественно-количественными показателями.

Анализ юридической литературы и статистических данных свидетельствует о приоритете уголовных наказаний в системе мер уголовно-правового воздействия.

Уголовные наказания находятся в отношениях не только постоянной взаимосвязи и взаимодействия, но и конкуренции с иными мерами уголовно-правового характера. Следует отметить, что в науке не сформирован единый подход к определению перечня иных мер уголовно-правового характера, относящихся к системе мер уголовно-правового воздействия, однако общие черты его развития прослеживаются. При этом реальный перечень иных мер уголовно-правового характера гораздо шире, чем тот формальный, который представлен в разделе VI УК РФ.

Ключевые слова: преступление, осуждение, наказание, система, мера уголовно-правового характера, мера уголовно-правового воздействия, сущность, содержание, уголовное наказание.

Вопросы надлежащего обеспечения уголовной политики государства в отношении лиц, преступивших закон, являются повседневными и, следовательно, актуальными. Эффективность ее реализации напрямую влияет на организацию реакции государства в связи с нарушением норм уголовного закона. Государственное воздействие на лиц, совершивших уголовно наказуемое деяние, выражается в применении к ним мер уголовно-правового воздействия на основании уголовного законодательства Российской Федерации. Современный уголовный закон обозначает меры уголовно-правового характера в качестве комплекса мер, направленных на защиту личности, общества, государства от преступных проявлений средствами уголовного права.

В соответствии с ч. 2 ст. 2 УК РФ для осуществления задач отечественного уголовного закона устанавливаются виды уголовных наказаний и

иных мер уголовно-правового характера. В самом общем виде меры уголовно-правового характера можно определить как предусмотренные уголовным законом меры, применяемые судом к лицам, совершившим преступления.

Следует отметить, что некоторые ученые оспаривают применение в законодательстве термина «меры уголовно-правового характера», полагая, что он не отображает специфики обозначенных средств в связи с его значительной объемом и, как следствие, неопределенностью, что вносит путаницу в содержание исследуемого понятия.

Действительно, законодательно закрепленный термин позволяет расширенно подходить к определению перечня данных мер. Буквально понимая понятие «меры уголовно-правового характера», к ним можно отнести все меры, применяемые к лицам, совершившим преступления, и предусмотренные уголовным законом, в том числе условия

освобождения от уголовной ответственности, закрепленные гл. 11 УК РФ, например возмещение ущерба, явка с повинной, а также возложение обязанностей на условно-досрочно освобожденных в соответствии со ст. 79 УК РФ и продление испытательного срока условно осужденным в соответствии со ст. 74 УК РФ и т. п.

Подобная интерпретация законодателя не позволяет сосредоточиться непосредственно на рассматриваемом уголовно-правовом институте, что может отразиться как на теоретическом аспекте развития науки, так и на практическом аспекте деятельности судов и правоохранительных органов.

В юридической литературе отмечается, что применяемый термин «меры уголовно-правового характера» следует заменить на более подходящее терминологическое сочетание «уголовно-правовое воздействие» [11, с. 23], в связи с тем что оно отражает целостность обозначаемого явления, полнее определяет его правовую природу и прочие признаки.

Уголовно-правовое воздействие следует рассматривать как вид государственного принуждения в отношении лица, преступившего уголовный закон. Ф. К. Набулин дает следующее определение уголовно-правового воздействия – это реализация в отношении лиц, совершивших преступление, уголовной ответственности путем применения наказания или некарательных мер уголовно-правового характера [8, с. 6].

Составляющими элементами системы мер уголовно-правового воздействия являются уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера, они же образуют соответствующие подсистемы. Как правило, основную роль в данной системе отводят уголовным наказаниям.

Системе уголовных наказаний свойственно определенное содержание, и, по мнению Л. В. Багрий-Шахматова, оно находится в прямой зависимости от решаемых государством задач [1, с. 139], с чем невозможно не согласиться. В настоящее время в систему уголовных наказаний входит 13 видов уголовных наказаний.

Содержание наказания характеризуется конкретным объемом кары, тем комплексом правоограничений, который присущ тому или иному виду наказания. Таким образом, оно обладает качественно-количественной определенностью. С качественной стороны каждый вид наказания выражается в свойственных ему правоограничениях: лишение свободы – в изоляции осужденного в исправительном учреждении; штраф – в обязанности осужденного выплатить установленную приговором суда денежную сумму и т. д. С количественной

стороны конкретные виды наказания характеризуются величиной законодательно определенных правоограничений. Так, обязательные работы устанавливаются на срок от 60 до 240 часов и отбываются не свыше 4 часов в день; исправительные работы – на срок от 2 месяцев до 2 лет, при этом из заработной платы осужденного производятся удержания в доход государства в пределах от 5 до 20 % [11, с. 85].

В свою очередь, вопрос о сущности уголовного наказания не нашел однозначного подхода. По мнению ряда авторов, сущностью наказания является кара за совершенное преступление, выражающаяся в лишении или ограничении прав и свобод осужденного, а его содержанием – кара, свойственная конкретному наказанию. Ряд ученых полагают, что термины «наказание» и «кара» являются тождественными, в связи с чем не могут согласиться с предыдущей точкой зрения. Несмотря на различия в подходах, в целом ученые сходятся в том, что сущность заключается в предусмотренных законодательством лишениях и ограничениях и они выступают правовым последствием совершенного преступления. Отметим, что вопрос о подходах к понятию системы уголовных наказаний также не нашел однозначного решения.

Как мы отмечали ранее, уголовные наказания занимают центральное место в системе мер уголовно-правового характера, однако их сходство с иными мерами уголовно-правового характера весьма значительно. В юридической литературе основным элементом, который разграничивает их, называется кара: уголовные наказания обладают карательным содержанием и, как следствие, влекут за собой для лица наступление «состояния наказанности», иные меры уголовно-правового характера, в свою очередь, являются некарательным средством воздействия на лиц, совершивших преступление [2, с. 7–8; 8, с. 6–8; 11, с. 25]. Отмечается также формальный критерий отнесения меры к перечню видов уголовных наказаний, предусмотренных ст. 44 УК РФ, и преследование уголовными наказаниями и иными мерами уголовно-правового воздействия разных целей.

Применение уголовных наказаний носит практически тотальный характер, однако следует отметить, что значительная часть осужденных реально не отбывает назначенное наказание, например, в связи с тем что оно исполняется условно.

Таким образом, уголовные наказания находятся в отношениях постоянной взаимосвязи и взаимодействия, а также конкуренции с иными мерами уголовно-правового характера. Как вспомогательная подсистема системы мер уголовно-правового

воздействия они способны ограничить, усилить или смягчить, то есть конкретизировать назначенное уголовное наказание.

Применение признака формального выражения позволяет нам заключить, что все средства, предусмотренные уголовным законом, кроме указанных уголовных наказаний, являются иными мерами уголовно-правового характера. Однако данный вопрос не так прост, в науке вызывает множество споров и имеет разнообразные подходы к его решению.

На основании разд. VI УК РФ к иным мерам уголовно-правового характера относятся: принудительные меры медицинского характера и конфискация имущества. Однако, по мнению многих ученых, данный перечень не соответствует объективно сложившимся реалиям действующего уголовного закона. Так, А. А. Павлова в него включает принудительные меры воспитательного воздействия. Одновременно с этим она является противницей позиции, согласно которой в систему иных мер уголовно-правового характера входят условное осуждение, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, отсрочка отбывания наказания, обосновывая это тем, что они являются мерами, производными от наказания, представляют собой особый порядок реализации, исполнения, отбывания назначенного судом наказания, самостоятельно без наказания данные меры существовать не могут, при применении их уголовная ответственность продолжает реализовываться до момента истечения сроков, установленных УК РФ, или наступления предусмотренных им условий [9, с. 11]. И. Э. Звечаровский считает, что принудительные меры медицинского характера и принудительные меры воспитательного воздействия не являются мерами уголовно-правового характера. Свою точку зрения он обосновывает тем, что деяния, совершенные данными категориями лиц, не могут быть уголовно наказуемыми. Они не способны осознавать фактический характер и общественную опасность своих деяний или руководить ими в силу психического заболевания, как следствие, данные меры не имеют уголовно-правовой природы [4, с. 20; 5, с. 35]. Аналогичные точки зрения высказываются В. Ф. Цепелевым [12, с. 297–298] и С. Г. Келиной [6, с. 286]. Учитывая психические особенности личности, мы считаем необходимым признать доводы авторов убедительными, в силу чего соглашаемся с данной позицией.

Классический перечень иных мер уголовно-правового характера в науке уголовного права, как правило, представлен более широко. Так,

Д. Ю. Борченко к иным мерам уголовно-правового характера относит только те уголовно-правовые меры, через которые реализуется уголовная ответственность: условное осуждение, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, отсрочка отбывания наказания, принудительные меры воспитательного воздействия, принудительные меры медицинского характера, конфискация имущества [3, с. 161].

В юридической литературе встречается и расширенное толкование элементов института иных мер уголовно-правового характера. Ставя во основу сущностный и содержательный критерии, И. Э. Звечаровский к иным мерам уголовно-правового характера относит условное осуждение, все виды освобождения от уголовной ответственности и наказания, замену неотбытой части наказания, снятие судимости [5, с. 35]. Интересна также точка зрения С. И. Курганова, который добавляет к иным мерам уголовно-правового характера негативные последствия за допущенные нарушения условий отбывания назначенных мер воздействия, например, незачет в срок наказания времени, в течение которого он занимал запрещенные для него должности или занимался запрещенной для него деятельностью при отбывании наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, замена назначенного наказания без изоляции от общества при злостном уклонении от его отбывания лишением свободы, негативная отмена условного осуждения, отсрочки отбывания наказания и условно-досрочного освобождения; продление испытательного срока и возложение дополнительных обязанностей при условном осуждении; отмену отсрочки отбывания и т. д. [7, с. 37]. Таким образом, в качестве основного критерия отнесения к иным мерам уголовно-правового характера автор считает правонарушающее поведение лица.

Как следует из изложенного, в науке не сформирован единый подход к определению перечня иных мер уголовно-правового характера, относящихся к системе мер уголовно-правового воздействия, однако общие черты его развития прослеживаются. Реальный перечень иных мер уголовно-правового характера гораздо шире, чем тот формальный, который представлен в разд. VI УК РФ. Изучение данных вопросов важно и с точки зрения иных аспектов, например, развитие системы мер уголовно-правового воздействия оказывает непосредственное влияние на развитие уголовно-исполнительной системы [10, с. 81].

Подводя итоги, отметим, что система мер уголовно-правового характера состоит из двух под-

систем: уголовные наказания, перечень которых определяется законодательно и закреплён в ст. 44 УК РФ, и иные меры уголовно-правового характера, при этом уголовные наказания являются основным составляющим элементом данной системы. Уголовные наказания находятся в отношениях постоянной взаимосвязи и взаимодействия, а также конкуренции с иными мерами уголовно-правового характера. Таким образом, Российская Федерация занимает одно из лидирующих мест в мире по количеству законодательно предусмотренных уголовных наказаний.

Список литературы

1. Багрий-Шахматов Л. В. Уголовная ответственность и наказание. Минск, 1976. 383 с.
2. Бахрах Д. Н. Вопросы системы административных наказаний // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2009. № 7. С. 7–13.
3. Борченко Д. Ю. Конфискация имущества как мера уголовно-правового характера: понятие, природа, социальное предназначение и порядок применения : дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2007. 199 с.
4. Звечаровский И. Понятие мер уголовно-правового характера // Законность. 2007. № 1. С. 19–21.
5. Звечаровский И. Э. Меры уголовно-правового характера: понятие, система, виды // Законность. 1999. № 3. С. 35–39.
6. Келина С. Г. Иные меры уголовно-правового характера» как институт уголовного права // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы 4-й Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 25–26 янв. 2007 г.). М., 2007. С. 283–288.
7. Курганов С. И. Наказание: уголовно-правовой, уголовно-исполнительный и криминологический аспекты. М., 2008. 192 с.
8. Набиулин Ф. К. Некарательные меры уголовно-правового характера: природа, система и социально-правовое назначение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2008. 23 с.
9. Павлова А. А. Иные меры уголовно-правового характера как институт уголовного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 29 с.
10. Рыжов Р. С. Ограничение свободы и его место в системе уголовных наказаний // Человек: преступление и наказание. 2010. № 1. С. 81–84.
11. Уголовно-правовое воздействие : монография / Г. А. Есаков [и др.] ; под ред. А. И. Рарога. М., 2012. 288 с.
12. Цепелев В. Ф. Конфискация имущества: новое пришествие // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы 4-й Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 25–26 янв. 2007 г.). М., 2007. С. 296–299.

ANDREY VICTOROVICH ZVONOV,

phd in law,
 doctoral of the research and educational personnel training department
 (Academy of the FPS of Russia),
 e-mail: zvonov_av@mail.ru
 © Zvonov A. V., 2015

THE SYSTEM OF MEASURES OF CRIMINAL-LAW INFLUENCE: ESSENCE AND CONTENT

Annotation: criminal penalties and other measures of penal liability provided by criminal law form a system of criminal law measures, which are generally referred to the range of measures aimed to protect individuals, society and the state from criminal manifestations by means of criminal law.

The usage of the term «criminal law measures» is often challenged in the legal literature that due to its significance it does not display all the specific designated methods. Indeed, the literal interpretation of the term «criminal law measures» can be attributed to the measures which are originally not equivalent. In this regard, in the scientific world it is recommended to replace the term by more appropriate terminology combination of «criminal law influence».

Criminologists and penitentiary scientists assign primary part for criminal punishment system in the system of measures of criminal law influence, which pertains the certain content, consisting of 13 types of criminal penalties distinguished by qualitative and quantitative indicators.

The analysis of the legal literature and statistical data testifies to the priority of criminal penalties in the system of measures of criminal law.

Criminal penalties do not have just permanent connection with other criminal law measures, but also compete with them. It should be noted that the science is not formed a unified approach to the definition of a list of criminal-law measures relating to the system of measures of criminal law influence, however, the general features of its development can be traced. Thus the actual list of other measures of criminal law is much broader than the formal, which is presented in Section 6 of the criminal code of the Russian Federation.

Key words: crime, conviction, punishment, system, a measure of criminal law, a measure of criminal-law influence, essence, content, criminal penalty.

References

1. Bagrij-Shahmatov L. V. Ugolovnaja otvetstvennost' i nakazanie [Criminal liability and punishment]. Minsk, 1976. 383 p.
2. Bahrah D. N. Voprosy sistemy administrativnyh nakazanij [Questions of the system of administrative penalties]. Vestnik Ural'skogo instituta jekonomiki, upravlenija i prava – Vestnik of the Ural institute of economics, management and law, 2009, no. 7, pp. 7–13.
3. Borchenko D. Ju. Konfiskacija imushhestva kak mera ugolovno-pravovogo haraktera: ponjatie, priroda, social'noe prednaznachenie i porjadok primenenija. Dis. kand. jurid. nauk [Confiscation of property as a measure of criminal law: the concept, nature, social purpose and application procedure. Cand. legal sci. diss.]. Tolyatti, 2007. 199 p.
4. Zvecharovskij I. Ponjatie mer ugolovno-pravovogo haraktera [The concept of measures of criminal law]. Zakonnost' – Legality, 2007, no. 1, pp. 19–21.
5. Zvecharovskij I. Je. Mery ugolovno-pravovogo haraktera: ponjatie, sistema, vidy [The criminal law measures: concept, system, types]. Zakonnost' – Legality, 1999, no. 3, pp. 35–39.
6. Kelina S. G. Inye mery ugolovno-pravovogo haraktera kak institut ugolovnogo prava [Other measures of criminal law as an institution of criminal law]. Materialy 4-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Ugolovnoe pravo: strategija razvitija v XXI veke» [Proc. the materials of the 4th International scientific and practical conference «Criminal law: strategy of development in the XX century»]. Moscow, 25–26 January, 2007, pp. 283–288.
7. Kurganov S. I. Nakazanie: ugolovno-pravovoj, ugolovno-ispolnitel'nyj i kriminologicheskij aspekty [Punishment: criminal law, criminal-executive and criminological aspects]. Moscow, 2008. 192 p.
8. Nabiulin F. K. Nekaratel'nye mery ugolovno-pravovogo haraktera: priroda, sistema i social'no-pravovoe naznachenie. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [Non-punitive measures under criminal law: the nature of the system and the socio-legal purpose. Cand. legal sci. diss. abstract]. Kazan, 2008. 23 p.
9. Pavlova A. A. Inye mery ugolovno-pravovogo haraktera kak institut ugolovnogo prava. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [Other measures of criminal law as an institution of criminal law. Cand. legal sci. diss. abstract]. Moscow, 2011. 29 p.
10. Ryzhov R. S. Ogranichenie svobody i ego mesto v sisteme ugolovnyh nakazanij [Restriction of freedom and its place in the system of criminal penalties]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2010, no. 1, pp. 81–84.
11. Ugolovno-pravovoe vozdejstvie [Criminal-law influence]. Moscow, 2012. 288 p.
12. Cepelev V. F. Konfiskacija imushhestva: novoe prishestvie [Confiscation of property: new coming]. Materialy 4-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Ugolovnoe pravo: strategija razvitija v XXI veke» [Proc. the materials of the 4th International scientific and practical conference «Criminal law: strategy of development in the XX century »]. Moscow, 25–26 January, 2007, pp. 296–299.

УДК 343.85
ББК 67.518.2
И48

ЕЛЕНА ВАДИМОВНА ИЛЬЮК,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
(Институт повышения квалификации Академии Следственного
комитета Российской Федерации, г. Екатеринбург),
e-mail: elena.ilyuk@mail.ru
© Ильюк Е. В., 2015

ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЕ МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РЕЦИДИВОВ СО СТОРОНЫ ЛИЦ, СТРАДАЮЩИХ ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ, НЕ ИСКЛЮЧАЮЩИМИ ВМЕНЯЕМОСТИ

Реферат: преступность лиц с психическими расстройствами и психически здоровых имеет различную природу, поэтому подходы к предупреждению преступлений, совершаемых ими, должны быть разными. Если психические расстройства лиц, совершающих преступления или общественно опасные деяния, не лечить, рецидив неизбежен, и он обусловлен клинической картиной психического расстройства. В силу этого очень важно своевременное и систематическое лечение препаратами пролонгированного действия, для чего необходимо совершенствовать законодательное регулирование применения принудительных мер медицинского характера.

В правовой регламентации применения принудительных мер медицинского характера имеются недостатки, подход законодателя непоследователен, особое внимание уделено профилактике рецидива лиц с педофилией, но в отношении лиц с более тяжелыми и опасными формами парафилий – некрофилией, раптофилией, гомицидоманией – ряд предупредительных мер не может быть применен. Принудительные меры медицинского характера не назначаются также в отношении лиц с менее опасными парафилиями – эксгибиционизмом, визионизмом, фроттеризмом, фетишизмом, зоофилией, геронтофилией. В то же время с учетом коморбидности парафилий возможно соединение нескольких видов расстройств в один комплекс.

Несмотря на криминогенное значение психических расстройств, суды, как правило, рассматривают наличие психического расстройства, не исключающего вменяемости, как смягчающее обстоятельство, что влечет за собой снижение наказания. В профилактике преступлений лиц с психическими расстройствами очень важна психиатрическая экспертиза риска рецидива, которая должна проводиться за 6 месяцев до освобождения в отношении осужденных старше 18 лет с диагнозом «педофилия», а также осужденных по ряду статей о преступлениях против малолетних. Однако в отношении осужденных с более опасными психическими расстройствами ее проведение не предусмотрено, поэтому и принудительные меры медицинского характера не могут быть назначены на время после освобождения. Принудительные меры медицинского характера, назначенные в соответствии с психиатрической экспертизой перед освобождением, могут осуществляться только амбулаторно, лечение в стационаре не может быть назначено. Меры административного надзора не включают в себя такую меру, как контроль за осуществлением принудительных мер медицинского характера, то есть за лечением лица с психическим расстройством, имеющим рецидив.

Ключевые слова: парафилии, педофилия, принудительные меры медицинского характера, смягчающее обстоятельство, серийные преступления, психические расстройства, психиатрическая экспертиза риска рецидива, профилактика рецидива, криминогенный фактор, ограниченная вменяемость.

Большая общественная опасность деяний психически больных по сравнению с преступлениями психически здоровых лиц – прежде всего, преобладание агрессивных преступлений против личности – делают защиту общества от опасных деяний психически больных актуальной [1, с. 678].

Природа совершения преступления психически здоровыми и больными принципиально иная, что делает невозможными соблюдение единых принципов профилактики. Профилактические меры

должны строиться на разных основаниях, хотя имеются некоторые меры, одинаково эффективные в обоих случаях – задержание, изоляция [1, с. 673].

Научными исследованиями доказана повышенная криминогенность лиц с психическими расстройствами. Для практических работников правоохранительных органов, ежедневно сталкивающихся с такими лицами, очевидна их высокая общественная опасность и большой риск рецидива. Тем не менее судебная практика идет по пути рассмотрения психического расстройства обвиняемо-

го в качестве смягчающего обстоятельства, а законодатель проявляет непоследовательность в оценке психических расстройств обвиняемых – особое внимание к педофилии и недооценка общественной опасности лиц с шизофренией, эпилепсией, органическим поражением головного мозга, осложненными парафилиями, в том числе такими опасными, как гомицидомания и некрофилия (парафилия – расстройство сексуального предпочтения; гомицидомания (от лат. homicida – убийство) – психическое заболевание, при котором у больного возникает навязчивое влечение к убийствам; некрофилия – стремление к осквернению трупа и надругательству над ним; некрофагия – разновидность некросадизма, стремление к поеданию отдельных частей мертвого тела человека; визионизм, вуайеризм – сексуальная девиация, выражающаяся в стремлении подглядывать за интимными процессами; эксгибиционизм – стремление публично обнажать интимные части своего тела с целью возбуждения, получения сексуального удовлетворения; фроттеризм – прикосновение половыми органами в толпе, тесноте; при фетишизме (символизме) сексуальное влечение фиксируется на предметах, непосредственно соприкасающихся с физическим телом; раптофилия – расстройство полового влечения, при котором получение сексуального удовлетворения возможно только при совершении насильственного полового акта).

К недостаткам уголовного законодательства и правоприменительной практики, препятствующим более эффективной профилактике рецидива со стороны лиц с психическими расстройствами, следует отнести:

1) ограничительное толкование термина «лица с психическими расстройствами, не исключаящими вменяемости» в ст. 22 УК РФ, которое не позволяет в отношении лиц с парафилиями применять принудительные меры медицинского характера в соответствии с п. «в» ч. 1 ст. 97 УК РФ. В ст. 22 УК РФ приводится такое определение лиц с психическим расстройством, не исключаящими вменяемости: «вменяемое лицо, которое во время совершения преступления в силу психического расстройства не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) или руководить ими». Однако анализ заключений судебных психолого-психиатрических экспертиз приводит к выводу о том, что целый «букет» психических расстройств может детерминировать совершение тяжкого насильственного преступления (ст. 105 или ч. 4 ст. 111 УК РФ), однако обвиняемый в полной мере осознавал фактический характер и общественную опасность своих действий и мог ими руко-

водить. Поскольку принудительное лечение этому лицу не будет назначено в связи с отсутствием оснований, данные психические расстройства и далее будут детерминировать рецидив насильственных преступлений;

2) дополнительные меры профилактики были введены в уголовное и уголовно-исполнительное законодательство только в отношении лиц с педофилией, но не с другими, менее или более общественно опасными парафилиями и психическими расстройствами. Например, некрофагия, некрофилия, гомицидомания – не менее общественно опасны, чем педофилия, а педофилия может входить в клиническую картину шизофрении. Парафилии могут как рассматриваться в качестве составной части психического расстройства, так и приобретать значение расстройства самостоятельного [1, с. 342];

3) в отношении привлекаемых к уголовной ответственности лиц, обладающих патологическими аномалиями психики, не исключаящими вменяемости, в ст. 22 УК РФ закреплено, что психическое расстройство учитывается судом при назначении наказания. При этом в законодательстве не установлено, как учитывается, то есть решать этот вопрос суд должен исходя из анализа материалов дела, в том числе учитывая заключение психолого-психиатрической экспертизы. В постановлении пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» в п. 14 [2, с. 455] указано, что психическое расстройство у несовершеннолетнего обвиняемого, не исключаящее вменяемости, учитывается при назначении наказания в качестве смягчающего обстоятельства и может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера.

Судебная практика по ст. 61 УК РФ идет по пути признания наличия психического расстройства смягчающим обстоятельством для всех категорий обвиняемых, даже при совершении преступлений, повлекших смерть потерпевшего (ст. 105, ч. 4 ст. 111 УК РФ), и при опасном рецидиве преступлений. Указанный подход нашел отражение в Комментариях к УК РФ [3]. Есть предложения включить психические расстройства в перечень смягчающих обстоятельств в УК РФ. Однако есть и другой подход – не рассматривать психическое расстройство в обязательном порядке как смягчающее обстоятельство, требующее снижения наказания. Если включить психические расстройства в перечень смягчающих обстоятельств в УК РФ, то суд в каждом конкретном случае должен будет аргументи-

ровать, почему наличие педофилии или некрофилии у подсудимого не признано смягчающим обстоятельством. Полагаем, что высшая судебная инстанция недооценивает значение психического расстройства как криминогенного фактора;

4) возможность назначения психиатрической экспертизы за 6 месяцев перед освобождением только лицам с диагнозом «педофилия», но не другими парафилиями, и только тем, кто в возрасте старше 18 лет совершил половое преступление в отношении малолетнего в соответствии со ст. 102 УК РФ; при совершении других общественно опасных действий, например, половых действий с трупом убитой девочки при диагнозе «некрофилия» это невозможно;

5) по результатам этой экспертизы суд может назначить только принудительное наблюдение и лечение у психиатра в амбулаторных условиях, а не другой вид принудительных мер медицинского характера;

6) меры административного надзора не включают в себя такую меру, как контроль за психическим состоянием лица с психическими расстройствами, за продолжением лечения в соответствии с назначением психиатра, за применением принудительных мер медицинского характера.

В научных исследованиях показана связь психических расстройств и криминального поведения у лиц с серийными агрессивными сексуальными опасными действиями. Признаки зависимости при садистских парафилиях обуславливают повторные опасные агрессивные сексуальные действия и заключаются в синдроме психофизической зависимости от патосексуального поведения. Синдром психофизической зависимости детерминирует многоэпизодность и принудительность садистского поведения в эпизодах, произвольность его возникновения, трудности преодоления аномального влечения в начавшемся эпизоде, влияет на степень свободы при выборе садистского паттерна и выступает психопатологической основой серийности опасных действий. У больных психическими заболеваниями степень выраженности враждебности выше по сравнению с нормой, при этом враждебность характеризуется устойчивостью. Враждебность при психической патологии является стабильной во времени и не претерпевает существенных количественных изменений с возрастом, увеличением стажа заболевания. Отмечаются достоверно повышенные количественные показатели враждебности по сравнению с нормой и качественная специфика враждебности, выражающаяся и проявляющаяся в поведении. Психически больные склонны приписывать нейтральным объектам и ситуациям негативные качества, они осознают не

собственную враждебность, а враждебность окружающего их мира. Для парафилий характерны высокая рецидивность, рост числа сексуальных правонарушений. Динамика расстройств сексуальных влечений играет существенную роль при оценке риска повторных сексуальных деликтов, то есть непосредственно связана с анализом потенциальной общественной опасности таких лиц [4].

Известный психиатр А. Бухановский в интервью отмечал, что он не знает ни одного серийного убийцы ни в России, ни в Соединенных Штатах, ни в Германии, которому официально не был бы установлен тот или иной психиатрический диагноз. После каждого тюремного срока время до совершения очередного преступления у серийных убийц все короче. А. Бухановский за время своей практики пришел к выводу о том, что лечить их надо всю жизнь, они должны принудительно лечиться от своей болезни по месту отбывания наказания. Проанализировав поведение лиц с парафилиями, которые по пять-шесть раз отбывали наказание в виде лишения свободы, он обнаружил, что время между выходом на свободу и совершением нового преступления сокращается, а сами преступления становятся более жесткими, более тяжелыми [5].

У многих наблюдавшихся «типичных маньяков» с течением времени происходит учащение девиантной преступной активности. Если вначале нападения были относительно редкими – 1–2 раза в год, то в дальнейшем их частота нарастает. Микасевич, совершивший убийство 37 женщин в Витебской области в течение 12 лет, первые 10–12 убийств совершил в течение примерно 5–6 лет, потом их частота усилилась, последние 12 жертв были им убиты в течение одного года [6, с. 92–93].

История болезни серийного убийцы развивается по одинаковой схеме. Первый этап проявления криминального паттерна латентный, на котором происходят воспоминания, навязчивые реминисценции; затем фантазии становятся навязчивыми. Далее появляются действия – вначале в виде жестокого обращения с животными – это начало действий по реализации фантазий; затем садистские действия в отношении человека. Учащение эпизодов и рост патосексуальной толерантности может происходить в последовательности: визионизм, фроттеризм → садистские фантазии → садизм → садистская гомицидомания → некросадизм → некрофагия, вампиризм [7, с. 23].

За рубежом – в Европейских странах, в США – наличие психического расстройства на протяжении последних десятилетий рассматривается как криминогенный фактор в отношении насильственных преступлений, и судебная система не допустит, чтобы лицо, имеющее психическое расстрой-

ство, после отбытия тюремного заключения за насильственное преступление, было освобождено. Это нашло отражение, например, в деле «Раду (Radu) против Германии» (жалоба № 20084/07). По делу обжаловалось продолжение содержания заявителя в психиатрической больнице после истечения срока лишения свободы. В постановлении ЕСПЧ от 16 мая 2013 г. отмечено, что при этом требования ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод нарушены не были [8].

Примерный уголовный кодекс США предполагает применение в отношении «опасных психически ненормальных лиц» продленных сроков тюремного заключения. В отношении психически неполноценных преступников, страдающих умственными дефектами или аномальными отклонениями психики, применяются меры безопасности. Наиболее широкое распространение меры безопасности получили в отношении лиц, совершивших половые преступления и страдающих отсутствием контроля своих сексуальных импульсов или имеющих склонность к совершению половых преступлений. Они направляются в специализированные лечебные центры. К мерам безопасности относится и кастрация педофилов. Согласно Закону о сексуальных преступниках 1997 г. («Закон Меган», названный по имени семилетней М. Канка, изнасилованной и задушенной) осужденный может выбрать физическую или химическую кастрацию или тюремное заключение. Применение кастрации зависит от рецидива и возраста потерпевших. Химическая кастрация состоит в инъекции препарата ацетата медроксипрогестерона (МПА) – от 100 до 500 мг в неделю. Сексуальное влечение и фантазии, в том числе девиантные, восстанавливаются после прекращения приема препарата МПА. Таким образом, в большинстве случаев осужденный приговаривается к процедуре химической кастрации пожизненно. Следствием приема МПА является наступление «эротической апатии» [9, с. 104–107]. Химическая кастрация осуществляется с помощью препаратов, блокирующих выработку мужского гормона тестостерона, что приводит к подавлению сексуального влечения. Однако этот процесс обратим, и, если человек перестает принимать лекарства, его сексуальная функция восстанавливается. Химическая кастрация может снижать сексуальную функцию, но не снимает неконтролируемую агрессию. Принудительное лечение при педофилии предполагает не только химическую кастрацию, но и комплексное лечение.

Для профилактики рецидива насильственных преступлений со стороны лиц с психическими расстройствами важно применять психиатрическую экспертизу лиц, отбывающих наказание, перед ос-

вобождением – для назначения дальнейшего лечения и после отбывания наказания, что предусмотрено ч. 2.1 ст. 102 УК РФ. Однако дальнейшее лечение может быть назначено только амбулаторно и только в отношении лиц, указанных в п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ, то есть лиц, страдающих педофилией; на лиц, указанных в п. «в» ч. 1 ст. 97 (страдающих некрофилией, шизофренией), эта мера не распространяется.

Проведение такой экспертизы перед освобождением необходимо для всех ограниченно вменяемых лиц, то есть совершивших насильственное преступление вследствие психического расстройства, в целях обезопасить общество от возможного рецидива. Принудительное лечение необходимо применять не только амбулаторно, но и в стационаре, то есть положения, предусмотренные ч. 2.1 ст. 102 УК РФ, необходимо распространить и на лиц, указанных в п. «в» ч. 1 ст. 99, а принудительные меры медицинского характера, которые могут быть назначены после проведения такой экспертизы, должны предусматривать весь спектр принудительных мер, перечисленных в ч. 1 ст. 99 УК РФ, с учетом общественной опасности деяний, совершенных и совершаемых лицами с такими опасными заболеваниями. В ходе экспертизы специалисты осуществляют прогнозирование риска совершения новых деликтов с учетом того, что взаимосвязь психопатологии с правонарушением довольно стабильна и значительна. Врач определяет периоды обострения и ремиссии болезни и в зависимости от периода может дать вероятностный прогноз общественной опасности больного с учетом его диагноза и гендера.

«Как велика вероятность возникновения рецидива? Какие преступления могут быть совершены, какой степени тяжести, с какой частотой? Как можно уменьшить риск возникновения рецидива, какие обстоятельства могут этот риск увеличить?» – эти вопросы ставятся перед экспертным исследованием в Германии, перед психологами и психиатрами, при осуществлении экспертного прогноза возможного криминального поведения в будущем, для решения актуального вопроса: есть ли необходимость после отбытия наказания рецидивистом в содержании его под стражей с целью продолжения лечения?

Ситуация, при которой к лицу, имеющему психическое расстройство в форме парафилии и совершившему насильственное преступление, принудительное лечение не применялось и это лицо после отбывания наказания выходит на свободу, в европейских странах невозможна. После отбывания наказания рецидивисты, имеющие неизлеченные психические расстройства, прежде всего в ви-

де парафилий, на основе решений психиатров перемещаются в специальные общественные медико-юридические центры. В Германии, если преступник продолжает представлять опасность, его можно оставлять даже пожизненно, бессрочное превентивное заключение не нарушает ни человеческого достоинства, ни прав человека.

На основании собранной информации эксперт должен вынести заключение о вероятном правовом поведении преступника в будущем. Фундаментом для последующей оценки риска должна быть реконструкция развития личности и история жизни преступника. Должны учитываться материалы уголовного дела с имеющимися экспертными заключениями, личное дело заключенного, высказывания свидетелей, материалы по прошлым судимостям [10, с. 22–37].

Однако меры медицинского характера, применяемые в настоящее время к психически больным, совершившим общественно опасное деяние, по мнению психиатров, не могут считаться достаточно эффективными. До 50 % больных, находившихся в прошлом на принудительном лечении, в последующем совершают повторные деликты, причем нередко в течение первого года после его прекращения. Среди больных, совершивших повторные деяния, более половины состояли под диспансерным наблюдением, а каждый третий – под активным динамическим наблюдением психиатра. Нередко активная психотерапия больных с повторными общественно опасными деяниями практически не проводилась. При лечении необходимо применять препараты пролонгированного действия.

По мнению ведущих специалистов ГНЦ ССП им. В. П. Сербского, наличие в клинической картине заболеваний парафилий с садистским компонентом, стойких явлений педофилии и особенно гомицидальных тенденций служит несомненным основанием для направления больных на принудительное лечение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях специализированного типа. Недоучет степени социальной опасности больных, в особенности с неоднократными изнасилованиями малолетних или подростков, актами садизма, гомицидными действиями, преждевременное прекращение принудительного лечения, недостаточно активная терапия нередко приводят к повторным тяжким общественно опасным действиям сексуального характера. С целью профилактики первичных и повторных общественно опасных действий сексуального характера необходимо как можно более раннее выявление у больных шизофренией парафилий, наблюдение за их динамикой, настойчивое проведение адекватной медикаментозной терапии, а при появлении признаков, указывающих на социальную опасность, – своевременная госпитализация в психиатрические стационары [1].

Психические расстройства у лиц, совершивших насильственные криминальные действия, являются важным криминогенным фактором, влияющим на рецидивную преступность, и без создания в России продуманной и детальной нормативной базы по принудительному лечению указанной категории лиц и работы по организации такого лечения невозможно повлиять на рецидивную преступность в России.

Список литературы

1. Руководство по судебной психиатрии / под ред. А. А. Ткаченко. М., 2012. 959 с.
2. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Разъяснения по уголовным делам. 1967–2011. М., 2011. 496 с.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. 13-е изд. М., 2013. 1069 с.
4. Кузнецова С. О. Психологические особенности враждебности при психической патологии (шизофрении, шизаффективном и аффективном расстройствах) : автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 2007. 22 с.
5. Маньяками не рождаются: интервью с профессором А. Бухановским. URL: <http://www.serial-killers.ru/materials/intervyu-s-professorom-a-buxanovskim.htm> (дата обращения: 11.12.2014).
6. Серийные сексуальные убийства / под ред. Ю. М. Антоняна. М., 1997. 201 с.
7. Бухановская О. А. Психические расстройства у лиц с серийными сексуально опасными действиями (клиника, динамика, систематика) : автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 2003. 26 с.
8. Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2013. № 10.
9. Авдалян А. Кастрация лиц, совершивших половые преступления: опыт США // Уголовное право. 2013. № 4. С. 102–108.
10. Кури Х. Криминологическое прогнозирование в отношении сексуальных и других опасных преступников. Опыт Германии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2009. № 2. С. 22–37.

ELENA VADIMOVNA ILYUK,

phd in law, associate professor,
associate professor of the criminal law department
(Institute for advanced studies of the academy of the investigative committee
of the Russian Federation, Ekaterinburg).
e-mail: elena.ilyuk@mail.ru
© Ilyuk E. V., 2015

PREVENTIVE MEASURES FOR RECIDIVISM TO PERSONS WITH MENTAL DISORDERS INCLUDING SANITY

Annotation: criminality of persons with mental disorders and mentally sane has various nature, so approaches to prevent the crimes should be different. If not to treat mental disorders perpetrator, relapse due to clinical mental disorder will be inevitable. For this reason, it is important timely and systematic long-acting treatment wherefore is to improve the legislative regulation for compulsory measures of a medical nature.

The legal regulation of the compulsory measures of a medical nature have shortcomings, the approach of the legislator is inconsistent. It is focused on the prevention of relapse of patients with pedophilia, but for those with more severe and dangerous forms of paraphilia-necrophilia, raptofiliey, gomitsidomaniey – series of preventive measures can not be applied. Also, compulsory medical measures are not administrated to persons with less dangerous paraphilias – exhibitionism, revisionism, froterizmom, fetishism, zoophilia, gerontophilia. At the same time, taking into account comorbidity of paraphilia it is possible to combine several types of disorders into one complex. Despite the criminogenic value of mental disorders, the courts tend to consider the existence of a mental disorder including sanity, as a mitigating circumstance results to alleviation of punishment.

It is very important preventing crimes with mental disorders administering a psychiatric examination of the relapse, which should be carried out 6 months before release of the convicted over 18 years with a diagnosis of «pedophilia» and the convicted person by series of Sections for crimes against minors. However, in respect of convicts with more dangerous mental disorders its implementation is not provided, so the compulsory medical measures can not be assigned for the time after his release. Compulsory medical measures, administrated according to the psychiatric examination prior to release may be carried out out-patient department only, in-patient treatment cannot be administered. Measures of administrative supervision exclude such a measure as monitoring of the implementation of compulsory medical measures, that is, treatment of people with mental disorders having a recurrence.

Key words: paraphilia, pedophilia, compulsory medical measures, a mitigating circumstance, serial crimes, mental disorders, psychiatric examination of the risk of recurrence, relapse prevention, criminogenic factors, diminished responsibility.

References

1. Rukovodstvo po sudebnoi psihiatrii [Guidelines for Forensic Psychiatry]. Under editorship of A. A. Tkachenko. Moscow, 2012. 959 p.
2. Sbornik postanovlenii Plenuma Verhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii. Raziasnenia po ugovnym delam. 1967–2011 [Reports of Judgments of the Supreme Court of the Russian Federation. Explanations of criminal cases. 1967–2011]. Moscow, 2011. 496 p.
3. Kommentarii k Ygolovnomy Kodekcy Pocsiiiskoi Federatsii [Comment to the Criminal Code of the Russian Federation. 13th edition]. Under editorship of V. M. Lebedev. Moscow, 2013. 1069 p.
4. Kuznetsova S. O. Psichologicheskie ossobennosti vragdebnosti pri psihicheskoi patalogii. Aftoref. diss. kand. med. nauk [Psychological features of hostility with mental disorders (schizophrenia and affective disorders shizaffektivnom). Cand. medical sci. diss. abstract]. Moscow, 2007. 22 p.
5. Intervyu s professorom A. Buxanovskim. Maniakami ne rogdautsia [Interview with Prof. A. Boukhanovsky. Maniacs are not born]. Available at: <http://www.serial-killers.ru/materials/intervyu-s-professorom-a-buxanovskim.htm> (Accessed 11 December 2014).
6. Seriinye seksualnye ubiistva [Serial sexual murder]. Under editorship of Y. M. Antonyan. Moscow, 1997. 201 p.

7. Buhanovskaya O. A. Psihicheskie rasstroistva y lits s seriinymi seksualno opasnymi deistviami (klinika, dinamika, sistematika). Aftoref. diss. kand. med. nauk [Mental disorders in individuals with serial sexually risky behaviors (clinic, dynamics, systematics). Cand. medical sci. diss. abstract]. Moscow, 2003. 26 p.

8. Bulletin Evropeiskogo suda po pravam cheloveka – Bulletin of the European Court of Human Rights, 2013, no. 10.

9. Avdalyan A. Kastratsia lits, sovershivshix polovye prestyplenia: opyt SShA [Castration perpetrators of sexual crimes: the US experience]. Ygolovnoe pravo – Criminal law, 2013, no. 4, pp. 102–108.

10. Khury H. Kriminologicheskoe prognozirovanie v otnoshenii seksualnyh I drugih opasnyh prestupnikov. Opyt Germanii [Criminological prediction in regard to sexual and other dangerous criminals. Experience Germany]. Kriminologija: vchera, segodnja, zavtra – Criminology: yesterday, today and tomorrow, 2009, no. 2, pp. 22–37.

УДК 343.54
ББК 67.408.113
К14

ИГОРЬ АЛЕКСАНДРОВИЧ КАЗАКОВ,
кандидат педагогических наук, доцент,
начальник кафедры уголовно-процессуальных
и административно-правовых дисциплин
(Воронежский институт ФСИИ России),
e-mail: kia020268@yandex.ru
© Казаков И. А., 2015

ВОПРОСЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ИЗНАСИЛОВАНИЯ И НАСИЛЬСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Реферат: при практическом применении ст. 131 и 132 УК РФ (изнасилование и насильственные действия сексуального характера) просматривается ряд проблем, связанных со временем окончания данных преступлений и квалификацией нескольких чередующихся деяний по совокупности преступлений или как единое продолжаемое преступление. Приводятся доводы о том, что составы изнасилования и насильственных действий сексуального характера настолько сходны друг с другом, что соотносятся как общая и специальная нормы, и исходя из логики и во избежание противоречий в судебной практике их необходимо объединить.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» указывается, что в тех случаях, когда несколько половых актов либо насильственных действий сексуального характера не прерывались либо прерывались на непродолжительное время и обстоятельства совершения изнасилования или насильственных действий сексуального характера свидетельствовали о едином умысле виновного лица на совершение указанных тождественных действий, содеянное следует рассматривать как единое продолжаемое преступление, подлежащее квалификации по соответствующим частям ст. 131 или 132 УК РФ.

В этом есть противоречие, поскольку составы, предусмотренные ч. 1 ст. 131 или ч. 1 ст. 132 УК РФ, формальные, а изнасилование и совершение насильственных действий сексуального характера следует считать оконченными соответственно с момента начала полового акта, акта мужеложства, лесбиянства и иных действий сексуального характера, предусмотренных объективной стороной данных составов преступлений, независимо от их завершения и наступивших последствий. Если тождественных действий совершается несколько, то квалификацию преступного поведения необходимо осуществлять как совокупность преступлений.

Нарушается также принцип справедливости в положении, закрепленном в п. 9 этого постановления Пленума Верховного Суда РФ: если умыслом лица охватывается совершение им (в любой последовательности) изнасилования и насильственных действий сексуального характера в отношении одной и той же потерпевшей, содеянное следует оценивать как совокупность преступлений, предусмотренных ст. 131 и 132 УК РФ. При этом для квалификации содеянного не имеет значения, был ли разрыв во времени в ходе совершения в отношении потерпевшей изнасилования и насильственных действий сексуального характера.

В обоснование высказанного суждения приводится семь аргументов, подводящих к объединению ст. 131 и 132 УК РФ.

Ключевые слова: преступления против половой свободы и половой неприкосновенности, изнасилование, насильственные действия сексуального характера, признаки состава преступления, совокупность преступлений, применение насилия, единое продолжаемое преступление, простые составы преступлений, квалифицированные составы преступлений, общественная опасность преступления, санкции статьи.

Анализ составов, предусмотренных ст. 131, 132 УК РФ, выявил ряд проблем, возникающих при квалификации преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Например, при квалификации разнообразных преступных деяний, направленных на удовлетворение половой потребности, названных в ч. 1

ст. 131 и 132 УК РФ, просматриваются спорные вопросы, связанные с квалификацией нескольких чередующихся деяний по совокупности преступлений. Это подтверждают и многочисленные примеры из судебной практики [1, с. 326].

Разъясняя пути решения данных проблем, в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от

15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» указывается, что в тех случаях, когда несколько половых актов либо насильственных действий сексуального характера не прерывались либо прерывались на непродолжительное время и обстоятельства совершения изнасилования или насильственных действий сексуального характера свидетельствовали о едином умысле виновного лица на совершение указанных тождественных действий, содеянное следует рассматривать как единое продолжаемое преступление, подлежащее квалификации по соответствующим частям ст. 131 или 132 УК РФ [2, с. 2].

По нашему мнению, в этом пункте постановления Пленума Верховного Суда РФ есть некоторые противоречия. Если половые акты либо насильственные действия сексуального характера прерывались хотя бы на непродолжительное время, то почему это образует единое продолжаемое преступление, подлежащее квалификации по соответствующим частям ст. 131 или ст. 132 УК РФ, а не совокупность преступлений по ст. 131 или ст. 132 УК РФ? Поскольку составы, предусмотренные ч. 1 ст. 131 или ч. 1 ст. 132 УК РФ, формальные, то изнасилование и совершение насильственных действий сексуального характера следует считать оконченными соответственно с момента начала полового акта, акта мужеложства, лесбиянства и иных действий сексуального характера, предусмотренных объективной стороной данных составов преступлений, независимо от их завершения и наступивших последствий. Если тождественных действий совершается несколько, то квалификацию преступного поведения, на наш взгляд, необходимо осуществлять как совокупность преступлений.

Если оставлять позицию постановления Пленума Верховного Суда РФ неизменной, то законодателю необходимо определить временные промежутки в совершении преступных действий или предложить другие ориентиры, позволяющие разграничивать единое продолжаемое преступление и совокупность преступлений при квалификации деяний по ст. 131 или 132 УК РФ.

По нашему мнению, существуют также некоторые нарушения принципа справедливости в положении, закрепленном в п. 9 этого постановления. В нем говорится, что если умыслом лица охватывается совершение им (в любой последовательности) изнасилования и насильственных действий сексуального характера в отношении одной и той же потерпевшей, содеянное следует оценивать как совокупность преступлений, предусмотренных ст. 131 и 132 УК РФ. При этом для квалификации содеянного не имеет значения, был ли разрыв во

времени в ходе совершения в отношении потерпевшей изнасилования и насильственных действий сексуального характера.

В обоснование высказанного суждения можно привести следующие аргументы.

Во-первых, насильственные действия сексуального характера – это относительно новый состав преступления в УК РФ. Ранее в ст. 121 УК РСФСР 1960 г. предусматривалась ответственность лишь за насильственное мужеложство [3, с. 64]. В научных исследованиях отмечается, что стирание различий в степени уголовно-правовой охраны половой свободы и половой неприкосновенности мужчины и женщины, выразившееся в уравнивании ответственности за посягательства на эти интересы в ст. 131 и 132 УК РФ, должно расцениваться как изменение, соответствующее международным стандартам [4, с. 12]. Тем самым ликвидирован существенный пробел в уголовно-правовой регламентации, обеспечена более последовательная и надежная защита половой свободы человека. Однако норма об изнасиловании является специальной по отношению к насильственным действиям сексуального характера; последней охватываются все иные случаи насильственных действий сексуального характера, за исключением изнасилования. Состав насильственных действий сексуального характера с точки зрения объекта, объективной стороны и субъекта по своему объему и содержанию явно шире состава изнасилования [5, с. 64].

Во-вторых, большинство объективных и субъективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 132 УК РФ, идентичны признакам состава изнасилования [6, с. 117]. В обоих составах присутствует проникновение. По аналогии с законодательством некоторых европейских стран и во избежание неоправданного расширения уголовной репрессии в специальной литературе предложено ограничить понимание иных насильственных сексуальных действий сексуальным проникновением, то есть насильственным введением полового органа, других частей тела и иных предметов в естественные полости другого лица [7, с. 65].

В-третьих, квалифицированные виды преступлений в ст. 131 и 132 УК РФ полностью совпадают, что говорит о большом сходстве данных составов. В простых составах преступлений (ст. 131 и 132 УК РФ) предусмотрен насильственный характер действий, то есть общественная опасность рассматриваемых деяний законом связывается не с их нестандартностью, а с насильственным способом удовлетворения половой страсти.

В-четвертых, характерно, что и по степени общественной опасности анализируемые составы равноценны, что видно из сопоставления не только

санкций основных составов, но и санкций их квалифицированных составов [8, с. 93].

В-пятых, подавляющее большинство людей детородного возраста в силу преимущественно социальных причин удовлетворение сексуальных потребностей видит более широко и разнообразно, чем просто классический половой акт. В связи с этим лицо, удовлетворяя свои сексуальные потребности насильственным способом, по сложившимся представлениям (субъективное восприятие субъекта) выходит за рамки простого полового сношения, часто не осознавая того, что при едином умысле, едином мотиве и целях деяния, примерно аналогичных действиях совершает не одно, а два преступления, предусмотренных ст. 131 УК РФ (изнасилование) и ст. 132 УК РФ (насильственные действия сексуального характера).

В-шестых, в ст. 133 УК РФ «Понуждение к действиям сексуального характера» и ст. 134 УК РФ «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста» нет разделения между половым сношением и другими действиями сексуального характера, так как и то и другое имеет один мотив, одну цель и не различается по общественной опасности.

В-седьмых, мера уголовной ответственности, выраженная в санкции статьи, отражает общественную опасность преступления, которая зависит от того, насколько ценны для государства и общества нарушаемые отношения (блага, ценности), а также от степени восприятия и переживаний жертвы преступления.

Так, в соответствии с пп. 8 и 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» два различных деяния, предусмотренные ст. 132 УК РФ, совершаемые с небольшим разрывом во времени, образуют единичное продолжаемое преступление, а изнасилование и любое из

деяний, предусмотренных ст. 132 УК РФ, совершенные с небольшим разрывом во времени, образуют совокупность преступлений.

Представим, что лицо, используя силу и угрозы, принуждает жертву удовлетворить свою сексуальную страсть анально (coitus per anum) и тут же орально (per os) (либо в обратной последовательности) с минимальным разрывом во времени. Это следует квалифицировать по ч. 1 ст. 132 УК РФ без совокупности преступлений. Если данное лицо сначала принудит жертву начать оральные ласки и тут же перейдет к половому акту, то преступное поведение будет квалифицировано как совокупность преступлений (ч. 1 ст. 132 и ч. 1 ст. 131 УК РФ). В первом эпизоде потерпевшая получает большие моральные переживания и дискомфорт (субъективное восприятие общественной опасности данных деяний выше), однако виновный должен получить меньшее наказание.

Для разрешения противоречий, встречающихся на практике, и соблюдения принципа справедливости, на наш взгляд, необходимо объединить данные составы и включить изнасилование в ст. 132 УК РФ, так как оно является частным проявлением насильственных действий сексуального характера. В связи с этим предлагаем изложить ст. 132 УК РФ «Насильственные действия сексуального характера» в следующей редакции:

«1. Изнасилование, мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшему лицу или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшего (потерпевшей) –

наказываются лишением свободы на срок от трех до шести лет».

Квалифицированные составы преступлений, предусмотренных ст. 132 УК РФ, считаем следует сохранить в прежней редакции.

Список литературы

1. Ткаченко А. А. Аномальное сексуальное поведение. СПб., 2003. 657 с.
2. О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 15 июня 2004 г. № 11 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.11.2014).
3. Кондрашова Т. В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и неприкосновенности. Екатеринбург, 2005. 108 с.
4. Изотов Н. Н. Уголовная ответственность за насильственные действия сексуального характера : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 26 с.
5. Коняхин В. Насильственные действия сексуального характера // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.11.2014).
6. Сташис В. В. Личность под охраной уголовного закона. М., 2006. 219 с.
7. Кибальник А., Соломоненко И. Насильственные действия сексуального характера // Российская юстиция. 2001. № 8. С. 63–67.
8. Дьяченко А. П. Проблемы преступного сексуального насилия. М., 1997. 182 с.

IGOR ALEKSANDROVICH KAZAKOV,

phd in pedagogics, associate professor,
head of the criminal procedure and administrative and legal disciplines department
(Voronezh institute of the FPS of Russia),
e-mail: kia020268@yandex.ru
© Kazakov I. A., 2015

BENCHMARKING STUDY OF RAPE AND SEXUAL BATTERY

Annotation: practical application of sec. 131 and 132 of the Criminal Code («rape» and «sexual battery»), reveals a number of problems due to termination of these crimes and subsumption of several ones alternating acts by aggregate of crimes or as a continuous crime.

It is argued that the components of «rape» and «sexual battery» is so similar to each other that correspond as general and special rules and on this basis to avoid contradictions in jurisprudence, they must be united.

The decree of June 15, 2004 № 11 «about judicial practice on cases of crimes under sec. 131 and 132 of the Criminal Code of the Russian Federation», the plenum of the Supreme Court points out that in cases where more than one sexual acts or sexual battery are not interrupted or interrupted for a short time and the circumstances of the rape or sexual battery showed a common intend of offender committing these acts. Such actions one should consider as a continuous crime, subjected to qualify by the relevant parts of sec. 131 or 132 of the Criminal Code. This is a contradiction, because the components specified in part. 1 sec. 131 or part 1 of sec. 132 of the Criminal Code, the formal, the rape and sexual battery should be considered as a completed one, respectively since the beginning of the sexual act, the act of sodomy, lesbianism and other acts of a sexual nature, provided by the objective side of the crimes, regardless of their completion and consequences.

In case of committed several identical actions, the qualification of the criminal behavior should be implemented as a set of crimes.

There is also a violation of the principle of justice in the regulation laid down in Sec. 9 by the same resolution of the plenum of the Supreme Court.

If the person commits (by any order) rape and sexual battery against the same victim, such actions must be assessed as a set of crimes by Sec. 131 and 132 of the Criminal Code.

At the same time to qualify the offence does not matter whether there was a gap in time in the course of committing rape and sexual battery against the victim. There are seven arguments leading to the unification of sec. 131 and 132 of the Criminal Code to support the stated judgements.

Key words: crimes against sexual freedom and sexual inviolability, rape, violent acts of sexual character, corpus delicti signs, set of crimes, application of violence, the uniform continued crime, simple structures of crimes, the qualified structures of crimes, public danger of a crime, the sanction of article.

References

1. Tkachenko A. A. Anomal'noe seksual'noe povedenie [Abnormal sexual behavior]. St. Petersburg, 2003. 657 p.
2. Postanovlenie plenuma Verhovnogo Suda RF ot 15 ijunja 2004 g. № 11 «O sudebnoj praktike po delam o prestuplenijah, predusmotrennyh stat'jami 131 i 132 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii» [The decision of the Supreme Court of the Russian Federation from June, 15th, 2004, № 11 «On judicial practice in cases of crimes under Articles 131 and 132 of the Criminal Code of the Russian Federation»]. Unpublished.
3. Kondrashova T. V. Problemy ugolovnoj otvetstvennosti za prestuplenija protiv zhizni, zdorov'ja, polovoj svobody i neprikosnovennosti [Problems of criminal responsibility for crimes against life, health, sexual freedom and integrity]. Ekaterinburg, 2005, 108 p.
4. Izotov N. N. Ugolovnaja otvetstvennost' za nasil'stvennyje dejstvija seksual'nogo haraktera. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [Criminal liability for sexual assault. Cand. legal sci. diss. abstract]. Moscow, 2000. 26 p.

5. Konjahin V. Nasil'stvennyye dejstvija seksual'nogo haraktera [Sexual assault]. Unpublished.
6. Stashis V. V. Lichnost' pod ohranoj ugolovnogo zakona [Under the protection of the identity of the criminal law]. Moscow, 2006. 219 p.
7. Kibal'nik A., Solomonenko I. Nasil'stvennyye dejstvija seksual'nogo haraktera [Sexual assault]. Rossijskaja justicija – Russian justice, 2001, no. 8, pp. 63–67.
8. D'jachenko A. P. Problemy prestupnogo seksual'nogo nasilija [Problems of criminal sexual assault]. Moscow, 1997. 182 p.

УДК 343.37
ББК 67.408.122
Р24

ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА РАСТОРОПОВА,

кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник

(Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации),

e-mail: rastoropov_sv@mail.ru

© Расторопова О. В., 2015

ГУМАНИЗАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Реферат: одним из важнейших направлений уголовной политики России является гуманизация и либерализация уголовного законодательства в области экономической деятельности. Оно получило наиболее яркое проявление около десятилетия назад и не потеряло своей актуальности в настоящее время. Однако процесс реформирования законодательства не может быть односторонним и должен протекать одновременно в двух направлениях: ослабление карательного воздействия в отношении некоторых видов противоправного поведения человека по причине их небольшой степени общественной опасности; криминализация новых наиболее опасных видов преступных проявлений в сфере экономической деятельности.

Следует обратить внимание на разрабатываемый законопроект, расширяющий перечень экономических преступлений, по которым обвиняемый может быть освобожден от уголовной ответственности, если преступление совершено впервые, возмещен ущерб и уплачен штраф государству. Речь идет о ст. 76.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Данная идея не лишена смысла: это позволит сохранить наказуемость общественно опасных деяний в сфере экономической деятельности, подтверждая их противоправный характер, вредоносность по отношению к интересам личности, общества и государства; в необходимых случаях сэкономит тот или иной объем уголовно-правовой репрессии, что соответствует реализации основных позиций уголовной политики России на современном этапе. Однако указанные предложения требуют тщательной проработки и анализа.

Ключевые слова: экономическая деятельность, преступление, уголовная ответственность, уголовное наказание, гуманизация, освобождение от ответственности.

В современной уголовной политике проблема гуманизации уголовного законодательства в области экономической деятельности является центральной. Во многом это обусловлено активно проводимой в последние двадцать лет интеграцией России в мировое сообщество, что предусматривает рационализацию политики в области уголовного правосудия и приведение ее к общемировым стандартам [2, с. 35].

Уголовное преследование становится сегодня в России глобальным инструментом давления государства на предпринимателей и способом управления экономикой, что разрушает малый и средний бизнес, рождает эмиграционные настроения в обществе и серьезно ухудшает инвестиционный климат [5, с. 267]. Как отмечал еще в 2010 г. Председатель Правительства Российской Федерации Д. А. Медведев, законодательство должно быть жестким, но в то же время современным и гуманным в разумном смысле этого слова, а восстановление справедливости посредством правосудия и защита прав потерпевших не должны приводить к пополнению преступного мира большим количеством новых кадров [4].

При общей тенденции сокращения преступности в стране доля общественно опасных деяний в экономической сфере в последнее время не только не уменьшается, но и ежегодно демонстрирует устойчивую тенденцию роста, что объясняется сложной экономической ситуацией и наличием объективных и субъективных предпосылок, ее порождающих. В связи с этим возрастает роль уголовного и уголовно-процессуального законов как основных инструментов профилактики, предупреждения и выявления наиболее опасных форм социального поведения в сфере экономической деятельности.

В настоящее время в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве не решен ряд системных проблем, обуславливающих в отдельных случаях необоснованное привлечение к уголовной ответственности представителей бизнеса и иных участников экономических отношений. Не изжила себя и практика обвинительного уклона со стороны органов дознания, следствия и суда в процессе расследования и рассмотрения соответствующих уголовных дел, что должно стать предметом особого внимания со стороны органов прокуратуры, призванных обеспечивать неукосни-

тельное соблюдение прав и законных интересов граждан и иных лиц, пребывающих на территории Российской Федерации, в частности, предпринимателей [1, с. 62].

Как представляется, процесс реформирования отечественного законодательства должен протекать параллельно в двух направлениях: с одной стороны, в части гуманизации и либерализации уголовного и уголовно-процессуального законодательства требуется ослабление карательного воздействия в отношении некоторых видов противоправного поведения человека по причине их небольшой степени общественной опасности, а также раскаяния лиц, их совершивших, а с другой стороны, с учетом мониторинга общественной и социальной жизни необходимо регулярно выявлять новые наиболее опасные виды преступных проявлений в сфере экономической деятельности, устанавливать уголовную ответственность за их совершение, и с учетом распространенности деяния, а также иных факторов (например, объекта преступного посягательства, размера ущерба) определять наказуемость.

Кроме того, следует провести работу по исследованию соразмерности размера санкций за совершение преступлений в сфере экономической деятельности как между собой, так и по отношению к другим преступлениям, предусмотренным действующим УК РФ.

В настоящее время разрабатывается законопроект, расширяющий перечень экономических преступлений, по которым обвиняемый может быть освобожден от уголовной ответственности, если преступление совершено впервые, возмещен ущерб и уплачен штраф государству. Речь идет о статье 76.1 УК РФ, освобождающей от наказания за экономические преступления небольшой и средней тяжести, если преступление совершено впервые, ущерб возмещен и уплачен штраф государству.

Данная идея, по нашему мнению, позволит не только сохранить наказуемость признанных в УК РФ общественно опасных деяний в сфере экономической деятельности, подтверждая их противоправный характер, вредоносность по отношению к интересам личности, общества и государства, но и в необходимых случаях сэкономить тот или иной объем уголовно-правовой репрессии, что соответствует реализации основных позиций уголовной политики России на современном этапе, отмеченных в нормативно-правовых документах и направленных на сокращение общего числа лиц, отбывающих лишение свободы за преступления небольшой и средней тяжести [3].

Другой вопрос, по каким критериям эти экономические составы будут отбираться в перечень

ст. 76.1 УК РФ и какие преступления в этот список в итоге не попадут и по каким основаниям?

К сожалению, авторы законопроекта прямо не отвечают на указанные вопросы, оставляя их открытыми, как полагаем, призывая к дискуссии. Между тем рассмотренная проблема по сути является остро дискуссионной с учетом многообразия высказанных в отечественной доктрине мнений по вопросу о сущности экономических преступлений и их перечня в действующем уголовном законодательстве. Стало быть, для разрешения обозначенной научно-практической дилеммы требуется специальное изучение содержания соответствующей категории уголовных дел и обобщение следственно-судебной практики.

Таким образом, поддерживая в целом идею законопроекта о расширении перечня экономических составов, подпадающих под действие ст. 76.1 УК РФ, мы вместе с тем считаем необходимым определиться с постатейным перечнем указанных деяний, чтобы исключить разночтения в понимании сущности института освобождения от уголовной ответственности за экономические преступления. Немаловажен также вопрос относительно формирования перечня экономических преступлений.

По нашему мнению, не лишено логики предложение разработчиков проекта относительно освобождения от уголовной ответственности лица, впервые совершившего экономическое преступление, в случае возмещения ущерба в полном объеме (без требования о кратном возмещении).

Как представляется, в текущей экономической ситуации с учетом существенного снижения личных доходов граждан (в том числе по причине внешних санкций в отношении России) выполнить условие кратного возмещения ущерба для подавляющего большинства осужденных за экономические преступления оказалось практически невозможным. Анализ действия данной нормы показал, что случаи ее реализации единичны. Шестикратное (с учетом перечисления средств в доход государства) возмещение ущерба оказалось заведомо невыполнимым условием освобождения правонарушителей от уголовной ответственности, в результате чего эффективность обозначенного предписания оказалась невысокой.

К тому же действующая редакция ст. 76.1 УК РФ ставит под сомнение такой важнейший принцип уголовного права, как равенство граждан перед законом, отдавая предпочтение экономически более состоятельным гражданам, «способным заплатить за свое освобождение», что недопустимо.

С учетом перечисленных доводов указанное предложение вполне может быть воспринято законодателем в качестве позитивной идеи, требующей

разрешения. При этом превентивная функция уголовного закона в случае ослабления карательного воздействия (отмены необходимости пятикратного перечисления в доход государства суммы ущерба), как полагаем, не пострадает, поскольку элементы позитивного постпреступного поведения виновного (в частности, возмещение ущерба), свидетельствующие об отсутствии общественной опасности его личности, частично сохраняются. К тому же лицо совершает преступление впервые, что также является обстоятельством, подлежащим учету при определении объема государственно-принудительного воздействия и содержания правоограничений.

Заслуживает внимания идея проекта в части закрепления возможности освобождения от уголовной ответственности лица, не впервые совершившего экономическое преступление, при условии обязательного возмещения им ущерба и перечисления в бюджет в виде денежного возмещения суммы, равной ущербу.

Идея разработчиков крайне проста. За экономические преступления государство вправе реагировать сугубо экономическими средствами противодействия, в частности, «бить рублем», подвергая тем самым осужденного правоограничениям материального характера.

Эффективность подобного шага в России является малоизученной, требующей осторожного, дозированного, поэтапного применения. Вот почему в отношении лиц, не впервые совершивших экономическое преступление, в случае распространения общего основания освобождения от уголовной ответственности, предусмотренного ст. 76.1 УК РФ, не лишним будет возложение обязанности выполнить какое-либо дополнительное условие, к примеру, активно способствовать раскрытию экономического преступления, изобличению других соучастников преступления.

Подобное решение позволит дифференцированно подойти к освобождению лиц, впервые и не впервые совершивших экономические преступления, и обеспечит справедливость реализации норм уголовного права.

К сожалению, разработчики не связывают возможность освобождения от уголовной ответственности за экономические преступления с общим числом нарушений уголовного закона (два, три, четыре, пять и т. п.), что, по нашему мнению, выступает существенным недостатком в целом заслуживающей внимания идеи на пути совершенствования нормы, предусмотренной ст. 76.1 УК РФ. В таком виде указанная норма Кодекса по содержанию граничит с необоснованным отказом государства от применения мер уголовно-

правового характера при совершении преступления, что является грубым нарушением принципа законности – важнейшего принципа правового государства.

Данное предложение разработчиков проекта нуждается в корректировке в части дополнительных обоснований (условий) отказа государства от уголовно-правовой репрессии по отношению к экономическим правонарушителям с обязательным указанием мотивов такого отказа. В противном случае введение такой нормы поставило бы под сомнение реализацию принципа справедливости в теории и практике института уголовной ответственности в России.

Что касается увеличения порогового размера ущерба в экономических статьях УК РФ, являющегося основанием для уголовной ответственности предпринимателей, в два раза, то авторы не приводят никаких обоснований в поддержку своего проекта ответственности.

На сегодняшний день в доктрине не существует сколько-нибудь весомых аргументов для принятия подобного решения. Для дальнейшей проработки обозначенного вопроса, по меньшей мере, следует провести специальное криминологическое исследование, которое подтвердит или опровергнет обоснованность высказанной законодательной инициативы.

В настоящее время порог в 250 тыс. рублей (крупный ущерб), на наш взгляд, достаточно немаленький по своему значению, принимая во внимание величину прожиточного минимума, размера пенсий, заработных плат в стране, которые могут быть примерным ориентиром при криминализации преступлений в сфере экономической деятельности. Для усиления позиций разработчиков требуются конкретные аргументы высказанной позиции.

Что касается отмены квалифицирующих признаков «группа лиц по предварительному сговору», «совершенные организованной группой», «с использованием служебного положения» в отношении преступлений, совершенных в сфере экономической деятельности, мы никак не можем согласиться с предложением разработчиков отменить данные квалифицирующие признаки.

Как свидетельствует следственно-судебная практика, значительное число экономических преступлений совершается при наличии указанныхотягчающих (квалифицирующих) обстоятельств, что позволяет учитывать повышенную общественную опасность подобного рода деяний, дифференцируя ответственность. Совершенно понятно, что квалифицированные составы рассматриваемых преступлений характеризуются потенциально большей возможностью причинения имуществен-

ного ущерба, вероятностью доведения преступления до конца, затрудняют процесс расследования по делу, являются типичными формами проявления организованной преступности, что нельзя не учитывать в процессе правовой оценки совершенных деяний.

С этих позиций исключение важнейших квалифицирующих признаков составов экономических преступлений, прижившихся в судебной практике, вызывает, по меньшей мере, недоумение. Отрицание соучастия и возможности использования служебного положения при совершении преступлений в сфере экономической деятельности, по нашему мнению, означает не что иное, как необоснованный выход со стороны разработчиков из правовой реальности (правового поля), который ослабит предупредительную роль уголовного закона и возможности общей превенции преступлений. Полагаем, что указанные квалифицированные признаки экономических преступлений должны быть сохранены в диспозициях соответствующих статей до тех пор, пока этому не будет предложено должное обоснование.

Идея о декриминализации ст. 171 УК РФ «Незаконное предпринимательство», ч. 1 и 2 ст. 180 УК РФ «Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)» и ч. 1 ст. 194 УК РФ путем их перевода в КоАП РФ не является новой, она находится в рамках идеи формирования уголовного кодекса деликтов Российской Федерации по аналогии с подобными подходами в ряде стран Западной Европы, например Германии, где УК ФРГ различает уголовные проступки (деликты) и собственно уголовные преступления.

Формально они отграничиваются друг от друга верхним пределом санкции, предусмотренной за соответствующее преступное деяние. Однако проблема их соотношения в действительности значительно глубже и определяется степенью общественной опасности совершенного правонарушения и наступивших в результате его последствий, четкие критерии которой (опасности) в отечественной доктрине не разработаны. Вот почему в настоящее время на всех уровнях обозначенной проблемы (законодательном, судебном, теоретико-практическом) достаточно затруднительно решать частные вопросы разграничения административных деликтов и преступлений, не определив общие методологические подходы. В связи с этим хаотичное принятие законодательных решений, в том числе по ряду экономических составов преступлений, основанное в значительной мере на интуитивной основе понимания проблемы, является нежелательным, связанным с риском разрушения принципа системности Особенной части уголовного законодательства России.

Бесконечное «перетряхивание» преступлений, предусмотренных гл. 22 УК РФ, изменение их редакции и отдельных юридически значимых признаков, а также перенос в другие отрасли права (административное, гражданское и т. п.), на наш взгляд, способны спровоцировать нестабильность уголовного законодательства в целом, что недопустимо.

Относительно вопроса снижения максимально го наказания по ст. 159–159.6 УК РФ до 6 лет авторы законопроекта выступают без достаточной аргументации за снижение верхнего предела лишения свободы и в связи с этим предлагают разработать соответствующий законопроект о внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, существенно изменяя тем самым степень общественной опасности всех видов мошенничества на 40 %, то есть почти наполовину по сравнению с действующей редакцией рассматриваемой группы статей.

Криминологически подтвержденных данных, свидетельствующих о внезапном существенном изменении социальной вредности рассматриваемых преступлений для экономических отношений в Российской Федерации, в настоящий период не имеется, на что указывают текущие научные разработки, публикации и иные исследования по изучаемой проблематике.

Следовательно, подобная законодательная инициатива должна получить со стороны разработчиков в обоснование своей правоты должную теоретико-практическую основу, базирующуюся, по мнению профессора В. В. Лунеева, не на голом принципе «умной головы», а на проведенных конкретно-социологических исследованиях наказуемости мошенничества за определенный период и определении эффективности действия санкций рассматриваемых статей в целом. Как свидетельствует доктрина уголовного права России, такие исследования к настоящему моменту никто не проводил.

Кроме того, инициаторы законопроекта в части снижения верхнего предела наказуемости мошенничества уже в следующей своей законотворческой идее, предусматривающей введение в УК РФ новых двух видов мошенничества, предлагают установить верхний предел наказания за их совершение на уровне 10 лет лишения свободы, то есть как это предусматривает действующее уголовное законодательство. Понять подобные законодательные манипуляции представляется достаточно затруднительным, для них нет логического обоснования.

И наконец, относительно возможности введения в УК РФ новых специальных составов мошенничества (при банкротстве денежно-кредитных организаций – ст. 159.7 УК РФ при осуществлении государством закупок и выполнении государст-

венного заказа – ст. 159.8) со сроком наказания до 10 лет лишения свободы укажем следующее.

Как известно, следственно-судебная практика достаточно негативно отнеслась к появлению специальных видов мошенничества в действующем УК РФ, обозначив серьезные проблемы конкуренции общей и специальных норм уголовного законодательства при квалификации совершенных преступлений, показала неоднозначность применения правил об обратной силе уголовного закона в части мошенничества. В результате этого в разрешение ситуации был вынужден вмешиваться Верховный Суд Российской Федерации, организовавший в апреле 2015 г. круглый стол по обозначенной проблеме в целях единообразного и правильного применения уголовного закона при квалификации мошенничества. В рамках одного мероприятия не удалось разрешить весь спектр возникших вопросов, а по целому ряду принципиальных вопросов не со всеми участниками было найдено взаимопонимание. Тем самым следует констатировать, что проблема квалификации мошенничества на современном этапе остается остро-дискуссионной.

Доктрина уголовного права также не приветствует казуистичное изложение отдельных видов мошенничества, заявляя, что УК РФ должен содержать обобщенные модели преступного поведения и не сбиваться на перечисление всех возможных вариантов совершения того или иного преступления, чтобы не представлять собой, по образно-

му выражению некоторых правоведов, китайскую грамоту без начала и конца. Вот почему введение специальных составов мошенничества достаточно непросто приживается в условиях российской правовой действительности.

Вместе с тем возьмем на себя смелость поддержать инициативы по разработке двух новых разновидностей мошенничества, поскольку, как справедливо отмечают в правовом управлении Администрации Президента Российской Федерации, на текущем этапе развития уголовного законодательства появление специальных видов мошенничества позволит усилить уголовно-правовую охрану кредитно-денежных отношений в России, а также установить четкий запрет совершения хищений при осуществлении государственных закупок и в процессе выполнения государственного заказа. Полагаем, что введение в УК РФ специальных видов мошенничества, то есть преступлений, предусмотренных ст. 159.1–159.6 УК РФ, увеличит общее количество выявленных фактов мошенничества в соответствующих сферах, позволит правоприменителям работать адресно, без оглядки на стереотипы и представления о сущности уголовно-правового регулирования прошлых лет.

Подобный опыт имеется в ряде ведущих государств Западной Европы, в частности в Германии. Российской Федерации также целесообразно перенять его, но с обязательным учетом национальной специфики.

Список литературы

1. Волынский А. Ф., Прорвич В. А., Расторопов С. В. Судебно-экономическая экспертиза в расследовании экономических преступлений // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2011. № 4. С. 61–68.
2. Звонов А. В., Баранов Ю. В. Современные тенденции реформирования системы уголовных наказаний в России // Вестник Пермского института ФСИН России. 2013. № 3. С. 35–38.
3. Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 14 окт. 2010 г. № 1772-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 43. Ст. 5544.
4. Послание Президента Федеральному Собранию от 30 ноября 2010 года. URL: <http://kremlin.ru>.
5. Расторопов С. В. Правовое регулирование производства судебно-экономической экспертизы и правовая оценка ее результатов // Библиотека криминалиста. 2013. № 1. С. 266–268.

OLGA VLADIMIROVNA RASTOROPOVA,

phd in law, senior research associate

(Academy of the prosecutor general's office of the Russian Federation),

e-mail: rastoropov_sv@mail.ru

© Rastoropova O. V., 2015

HUMANIZATION OF CRIMINAL LIABILITY FOR CRIMES IN THE SPHERE OF ECONOMIC ACTIVITY

Annotation: one of the most important directions of criminal policy of Russia is the humanization and liberalization of the criminal legislation in the field of economic activity. It received the brightest manifestation

about a decade ago and didn't lose the relevance now. However process of reforming of the legislation can't be one-sided and has to proceed at the same time in two directions: weakening of retaliatory influence concerning some types of illegal behavior of the person because of their small degree of public danger; criminalization of new most dangerous types of criminal manifestations in the sphere of economic activity.

It is necessary to pay attention to the developed bill expanding the list of economic crimes on which the accused can be exempted from criminal liability if the crime is committed for the first time, the loss is indemnified and the penalty is paid to the state. It is about article 76.1 of the Criminal code of the Russian Federation. This idea isn't deprived of sense: it will allow to keep punishability of socially dangerous acts in the sphere of economic activity, confirming their illegal character, injuriousness in relation to interests of the personality, society and state; in necessary cases will save this or that volume of criminal and legal repression that corresponds to realization of the main positions of criminal policy of Russia at the present stage. However these offers demand careful study and the analysis.

Key words: economic activity, crime, criminal liability, criminal penalty, humanization, release from responsibility.

References

1. Volynskij A. F., Prorvich V. A., Rastoropov S. V. Sudebno-jekonomicheskaja jekspertiza v rassledovanii jekonomicheskikh prestuplenij [Judicial and economic examination in investigation of economic crimes]. Vestnik Akademii jekonomicheskoi bezopasnosti MVD Rossii – Bulletin of Academy of economic security of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2011, no. 4, pp. 61–68.
2. Zvonov A. V., Baranov Ju. V. Sovremennye tendencii reformirovaniya sistemy ugolovnyh nakazanij v Rossii [Current trends of reforming of system of criminal penalties in Russia]. Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii – Bulletin of the Perm institute of FSIN of Russia, 2013, no. 3, pp. 35–38.
3. Rasporyzhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 14 oktjabja 2010 g. № 1772-r «O koncepcii razvitija ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii do 2020 goda» [The order of the Government of the Russian Federation from October 14, 2010 № 1772-r «About the Concept of development of criminal and executive system of the Russian Federation till 2020»]. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii – Russian Federation Code, 2010, no. 43, Art. 5544.
4. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniju ot 30 nojabrja 2010 goda [The message of the President to Federal Assembly from November 30, 2010]. Available at: <http://kremlin.ru>.
5. Rastoropov S. V. Pravovoe regulirovanie proizvodstva sudebno-jekonomicheskoi jekspertizy i pravovaja ocenka ee rezul'tatov [Legal regulation of production of judicial and economic examination and legal assessment of its results]. Biblioteka kriminalista – Library of the criminalist, 2013, no. 1, pp. 266–268.

УДК 343.37
ББК 67.408.134
Ф76

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ФОМИН,
кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник
научно-исследовательского отдела научного центра
(Академия ФСИН России),
e-mail: editor62@yandex.ru
© Фомин В. В., 2015

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКАХ ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Реферат: в статье рассматриваются объективные признаки транспортных преступлений, в частности объект и объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 263 УК РФ «Нарушение правил безопасности и эксплуатации железнодорожного, воздушного и водного транспорта». Обращается внимание на тот факт, что наука уголовного права в настоящее время не признала общественно опасную (аварийную) обстановку в качестве признака преступления, хотя оценка этой обстановки как определенно-го состояния реальной действительности находит отражение в юридической литературе. Очевидно, что в случае законодательного оформления данной точки зрения решилась бы проблема об ограничении административных проступков от уголовно наказуемых деяний в данной сфере.

Ключевые слова: общественная безопасность, общественная опасность, аварийная обстановка, угроза причинения вреда, транспортные преступления, объект преступления, объективная сторона преступления.

Меры по дальнейшему развитию транспорта в России требуют постоянного совершенствования организационных, экономических и правовых основ его нормального функционирования, а также предупреждения и пресечения преступлений в этой важной сфере экономической деятельности.

В теории уголовного права все чаще применяется термин «транспортные преступления» из-за их растущей опасности, связанной с развитием технического прогресса. Колоссальные источники энергии, заложенные в современных транспортных средствах и вышедшие из-под контроля человека, способны причинить огромный вред охраняемым законом общественным отношениям.

Именно это обстоятельство послужило основанием объединения данного рода преступных посягательств в отдельную главу УК РФ, предусматривающую ответственность за совершение преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта. Совокупность норм данной главы, несомненно, способствует осуществлению правосудия, однако содержание некоторых из них имеет ряд спорных моментов.

Обратимся к ст. 263 УК РФ «Нарушение правил безопасности и эксплуатации железнодорожного, воздушного и водного транспорта». Данное преступление относится к разряду двухобъектных преступлений, где основным непосредственным объектом является общественная безопасность, а именно безопасность движения и эксплуатации указанных видов транспорта, дополнительным непосредственным – жизнь или здоровье граждан.

Как мы видим, состав данного преступления связан с таким понятием, как общественная безопасность.

В чем заключается сущность этого понятия, каким образом общественная безопасность разрушается, превращаясь в свою противоположность – общественную опасность?

Ответы на эти вопросы, содержащиеся в юридической литературе, требуют уточнения.

Юридический энциклопедический справочник содержит, например, такое определение: «Общественная безопасность (в праве) – система общественных отношений и юридических норм, регулирующих эти отношения в целях обеспечения общественного спокойствия, неприкосновенности жизни и здоровья населения, нормального труда и отдыха граждан, нормальной деятельности государственных общественных организаций, учреждений и предприятий».

Ряд положений приведенного определения вызывает сомнение в их обоснованности, и почему, например, общественная безопасность отнесена только к области права и юридических норм, и почему состояние общественной безопасности поставлено в зависимость только от общественных отношений без учета других факторов окружающей нас реальной действительности?

Очевидно, что безопасность означает «безопасности», отсутствие опасности. В. Даль в своем словаре разъясняет, что опасность – это угроза беды («Судно в опасности, ему грозит крушение»).

При создании общественной опасности (аварийной обстановки) нарушается общественная безопасность.

Возникает вопрос: является ли общественная безопасность системой общественных отношений, как это указано в приведенной нами ранее выдержке. Нет, не является. Создание общественной опасности (аварийной обстановки) – это действительно деяние человека, представляющее собой определенный вид общественных отношений. Однако результат создания общественно опасной (аварийной) обстановки или сама эта обстановка – это такое состояние реальной действительности, на которое человек, создавший эту обстановку, то есть носитель соответствующих общественных отношений, повлиять уже не может.

В условиях общественной опасности (аварийной обстановки) речь может идти уже не об отношениях между людьми, а о встрече человека с естественными вредоносными силами.

Поскольку общественно опасная (аварийная) обстановка представляет собой определенную реальную действительность, то становится совершенно очевидно, что и эта обстановка разрушает, имеет ту же природу. В связи с этим следует согласиться с тем выводом, который делает В. В. Лукьянов, говоря, что общественная безопасность – это состояние реальной действительности, исключая возможность причинения вреда жизни, здоровью людей, имуществу и живой природе.

Общественные отношения, обеспечивающие безопасность, можно представить как своего рода оболочку, ограждающую состояние того или иного процесса от вредоносного вторжения. Формальное нарушение правил повреждает эту оболочку, но не затрагивает состояние безопасности. Общественные отношения являются объектом посягательства нарушений правил, имеющих чисто формальный характер административного проступка, который не может рассматриваться в качестве признака преступления.

Необходимо доказать, что и нарушение правил движения или эксплуатации на транспорте является элементом объективной стороны данного преступления. Для этого следует установить, каким качеством должно обладать нарушение правил, чтобы занять место полноправного признака преступления в его составе.

Напомним, что преступлением признается деяние, причиняющее вред или создающее угрозу такого причинения.

В чем заключается вред, с причинением которого связывается преступность деяния? Этот вопрос разрешается с полной определенностью, ответ на него не вызывает никаких затруднений, а угроза причинения вреда – проблема, требующая разрешения.

В тех случаях, когда лицо преследует прямую цель причинения вреда непосредственно своими

действиями, угроза причинения возникает с момента приготовления к преступлению или покушения на его совершение. Однако в рассматриваемом нами преступлении лицо такой цели не имеет. Угроза причинения вреда заключается в создании общественно опасной обстановки, заключающей в себе возможность вредоносного проявления сил, не контролируемых разумной волей человека. Таким образом, нарушение правил может выступать признаком состава преступления в том случае, если создает общественно опасную обстановку.

В области эксплуатации техники широкое распространение получило выражение «аварийная обстановка, которая предшествует аварии, то есть аварийная обстановка есть не что иное, как общественно опасная обстановка, вызванная потерей контроля за состоянием технического устройства, обеспечивающего функционирование того или иного процесса.

Совершение транспортных преступлений связано с нарушением установленных правил и норм.

Целесообразно остановиться на вопросах о том, для чего устанавливаются эти правила, какова цель их применения, к чему приводит различное отношение к их соблюдению.

Очевидно, что правила, концентрирующие в себе опыт обращения с тем или иным техническим устройством, предназначаются для того, чтобы обеспечивать безопасность его функционирования.

Обеспечивать безопасность – это значит не только не допускать причинения вреда, но и предупреждать угрозу его причинения. С учетом этого обстоятельства перечислим возможные варианты отношения лица к соблюдению правил:

соблюдение правил исключает виновность в совершении транспортного преступления;

нарушение правил, не создающее общественно опасной (аварийной) обстановки, то есть формальное нарушение, не может служить основанием для обвинения в совершении преступления;

нарушение правил, создающее общественно опасную (аварийную) обстановку, является признаком объективной стороны транспортных преступлений.

Следует заметить, что нарушение правил, создающее общественно опасную обстановку, может образовать законченное преступление с материальным составом, в котором такое нарушение представляет собой действие, а созданная нарушением общественно опасная (аварийная) обстановка – его материальные последствия.

Нельзя оставить без внимания тот факт, что наука уголовного права пока не признала общественно опасную (аварийную) обстановку в качестве признака преступления, однако в настоящее время

оценка этой обстановки как определенного состояния реальной действительности начинает получать признание и находить отражение в юридической литературе.

Очевидно, что в случае законодательного оформления данной точки зрения решилась бы проблема об ограничении административных проступков от уголовно наказуемых деяний в этой сфере.

Список литературы

1. Лукьянов В. В. Транспортные и другие техногенные преступления и проступки. Состав и квалификация. М., 1997.
2. Юридический энциклопедический словарь. М., 1984. 418 с.
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1981.

VASILIJ VASIL'EVICH FOMIN,

phd in law,
leading researcher of the research department of the scientific center
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: editor62@yandex.ru
© Fomin V. V., 2015

TO THE QUESTION OF OBJECTIVE FEATURES OF TRANSPORT CRIMES

Annotation: in article objective features of transport crimes, generally, object and the objective party of the legally defined crime provided by Art. 263 of the criminal code of the Russian Federation «Violation of the rules of safety and operation of a railway, air and water transport» are considered.

The author pays attention to that fact that the science of criminal law has not recognized socially dangerous (emergency) situation as a crime sign now though the assessment of this situation as certain condition of reality takes place in legal literature. It is obvious that in case of legislative registration of this point of view the problem of restriction of administrative offences from penal acts in this sphere would be solved.

Key words: public safety, public danger, emergency situation, threat of infliction of harm, transport crimes, object of a crime, objective party of a crime.

References

1. Luk'janov V. V. Transportnye i drugie tehnogennye prestuplenija i prostupki. Sostav i kvalifikacija [Transport and other technogenic crimes and offenses. Structure and qualification]. Moscow, 1997.
2. Juridicheskij jenciklopedicheskij slovar' [Legal encyclopedic dictionary]. Moscow, 1984.
3. Dal' V. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorussskogo jazyka [Explanatory dictionary of living great Russian language]. Moscow, 1981, Vol. 11.

УДК 347.1
ББК 67.404.06
Ю17

НИКОЛАЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ ЮЖАНИН,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса
(Академия ФСИН России),
e-mail: yuzhanin15@mail.ru
© Южанин Н. В., 2015

САМОЗАЩИТА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Реферат: в статье анализируется современное регулирование самозащиты в гражданском законодательстве, его недостатки и предлагаются пути их устранения посредством внесения изменений в общее регулирование института самозащиты в Гражданском кодексе Российской Федерации (ГК РФ). Современные рекомендации, разработанные общей теорией права, не отражены в отраслевом гражданском законодательстве, смешиваются понятия формы и способов самозащиты. При совершении самостоятельных односторонних защитительных действий реализуются кроме правоохранительной организационно-преобразовательная и воспитательная функции гражданского права. Самозащита в гражданском праве исключительно способом пресечения нарушения прав существенно сужает возможности односторонних правозащитных действий, которые могут иметь восстановительный характер. В теории гражданского права самозащита рассматривается в широком смысле как любые самостоятельные активные действия по защите прав. В более узком смысле в рамках материальных гражданских правоотношений самозащита реализуется в виде односторонних правозащитных мер, воздействующих на динамику материального правоотношения. Предлагается классификация односторонних правозащитных мер по критерию их воздействия на правоотношения: 1) меры, направленные на сохранение статичности правоотношения (реализуется в основном во внедоговорных, абсолютных правоотношениях, а в договорных – посредством стимулирующего воздействия на волю контрагента, который может устранить нарушения); 2) изменение правоотношения (например, в части неисполненного обязательства контрагент встречно отказывается от его исполнения); 3) прекращение правоотношения (просрочка исполнения обязательства может повлечь за собой право полного отказа от его исполнения). Предлагается систематизировать в ГК РФ все материально-правовые меры односторонней защиты прав, придав системность институту гражданской самозащиты, внедрить понятие «односторонние правозащитные меры в гражданских правоотношениях». Необходимо включить в понятие «формы самозащиты» гражданскую самопомощь и меры оперативного воздействия, реализуемые исключительно в рамках гражданских правоотношений способами, не относящимися по своим признакам к необходимой обороне и крайней необходимости. Меры самостоятельной защиты, не касающиеся понятий необходимой обороны и крайней необходимости, должны именоваться гражданской самопомощью. В ГК РФ в общих нормах требуется разделение этих понятий и установление последствий причиненного вреда в результате их применения. Необходимо более детальное материально-правовое регулирование указанных мер с конкретизацией принципа соразмерности их применения.

Ключевые слова: самозащита, соразмерность самозащиты, защита гражданских прав, меры защиты, удержание, меры оперативного воздействия, самопомощь, необходимая оборона, крайняя необходимость, самоуправство, односторонние действия, односторонняя сделка, юридический поступок.

Термин «самозащита» был введен в ГК РФ в 1994 г. после конституционного признания права на самозащиту в Декларации прав и свобод человека и гражданина 1991 г. Основой такого решения послужила ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, закрепляющая положение о том, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Государство не в состоянии предвидеть и предотвратить каждое отдельное правонарушение, поэтому государственная власть заинтересована в активной деятельности частных лиц по защите своих прав, особенно с появлением новой

системы экономических отношений и возрождением частного права, которое, как известно, построено на инициативе и максимальной автономии воли субъектов.

Гражданское право призвано обеспечивать защиту основных конституционных главным образом частных прав специфическими отраслевыми средствами. В отраслевом законодательстве должны конкретизироваться конституционные положения о праве субъектов правоотношений на защиту своих прав, в том числе возможность применения самозащиты с помощью конкретных отраслевых мер. В настоящее время в ГК РФ упоминается о

самозащите только как о пресекательном способе защиты гражданских прав, при этом норма ст. 14 ГК РФ, по сути, никак не связана с иными нормами закона, допускающими возможность совершения односторонних и самостоятельных мер защиты, например, в рамках договорных правоотношений, так называемых оперативных мер самозащиты, что дает основание теории права считать их самостоятельным юридическим понятием. Полагаем, что первоначальная цель введения самозащиты в ГК РФ была связана с необходимостью отражения указанных конституционных положений, поэтому развернутого и системного правового регулирования этого института нет до сих пор. Наиболее приемлемая для современного гражданского права квалификация самозащиты как формы защиты права, которая целиком реализуется в материальном праве. Форма самозащиты предполагает возможность применения способов самозащиты (пресечение нарушений и их угроз, а также восстановление нарушенных прав), которые, в свою очередь, реализуются в возможности применения конкретных правовых мер, носящих самостоятельный характер и осуществляемых в гражданском праве в одностороннем порядке в различных правоотношениях.

Рекомендации по совершенствованию понятия самозащиты в правовых отраслях, разработанные общей теорией права, предусматривают, во-первых, необходимость перечисления в отраслевом законодательстве некоторых способов самозащиты прав, во-вторых, установление детальных оснований и условий ее правомерности. Отмечается нормативная неопределенность критериев соразмерности самозащиты прав, что сдерживает субъектов в самостоятельной защите собственных прав. В связи с такой ситуацией в отраслевом регулировании самозащиты снижается ее эффективность [1, с. 21]. Отсутствует также оговорка о возможности выбора субъектом любой формы реализации ее способов при соблюдении условий правомерности. Таким образом, законодатель подталкивает субъектов к «пробным мерам», законность которых в итоге может определить только суд [1, с. 22]. Возникает ситуация, когда в действиях субъектов, причинивших соразмерный вред для защиты своих прав, судами усматриваются признаки самоуправства (ст. 330 УК РФ) на том основании, что возможность совершения таких действий не отражена в законодательстве, поэтому они признаются нарушением установленного порядка. Все это свидетельствует о неэффективности механизма самозащиты в отраслях права, наличие таких недостатков можно констатировать и в отрасли гражданского права. В связи с этим наука теории права рекомен-

дует разрабатывать неизвестные законодательству способы самозащиты прав, предлагать, обосновывать и апробировать формы их реализации [1, с. 22]. Таким образом, эффективность механизма не только самозащиты прав, но и защиты гражданских прав в целом зависит от того, насколько грамотно и подробно отраслевое законодательство регулирует возможность применения конкретных односторонних правозащитных мер в его различных подотраслях, особенно в динамичном обязательственном праве.

Одностороннее юридически значимое поведение субъектов в гражданских правоотношениях чаще всего направлено на защиту своих прав, поскольку регулятивный механизм в противоположность правозащитному в гражданских правоотношениях предполагает взаимное согласование воли, которое является основным регулирующим инструментом в частном праве. Одностороннее проявление воли в механизме защиты прав можно охарактеризовать как реализацию конкретной меры самозащиты права, то есть без поддержки каких-либо государственных органов на момент совершения самостоятельных действий субъектом. Право на реализацию односторонних правозащитных действий связано с фактом нарушения права или угрозой такого нарушения. Эти юридические основания предполагают обоснованность односторонних защитительных действий, то есть такие односторонние действия уже не являются аномальными, а становятся допустимыми и правомерными и реализуются в сложном юридическом составе. При этом угроза совершения нарушения субъективных прав лица может влечь те же правовые последствия, что и реальное нарушение прав, или даже более серьезные. Например, согласно п. 2 ст. 714 ГК РФ «если подрядчик не приступает своевременно к исполнению договора подряда или выполняет работу настолько медленно, что окончание ее к сроку становится явно невозможным, заказчик вправе отказаться от исполнения договора и потребовать возмещения убытков». Это только угроза нарушения договора. Подобный отказ от договора как самостоятельная правозащитная мера применяется и в случае реального нарушения договора. Так, согласно п. 2 ст. 475 ГК РФ «в случае существенного нарушения требований к качеству товара (обнаружение неустранимых недостатков, недостатков, которые не могут быть устранены без несоразмерных расходов или затрат времени, или выявляются неоднократно либо проявляются вновь после их устранения, и других подобных недостатков) покупатель вправе по своему выбору: отказаться от исполнения договора купли-продажи и потребовать возврата уплаченной за товар де-

нежной суммы; потребовать замены товара ненадлежащего качества товаром, соответствующим договору». Как видим, закон вводит одинаковые правовые возможности одностороннего пресекающего правозащитного действия контрагента договорного правоотношения к состоявшемуся нарушению и лишь предполагаемому (угрожаемому) в виде возможности отказа от договора. Следовательно, различие в характере нарушения права в гражданских правоотношениях не всегда вызывает пропорционально различные по степени обременительности для нарушителя правовые последствия (согласно ГК РФ).

С учетом сложившихся многовековых традиций регулирования тех или иных обязательств по гражданскому договору могут устанавливаться различные правовые последствия их нарушений, для каждого договора по-разному, поэтому стройной закономерности между характером нарушения права и возможными правовыми последствиями не существует. Подобные нормы могут подвергаться изменениям и корректировкам с развитием обязательственного права. Все же такая серьезная мера, как отказ от исполнения обязательства и, как следствие, расторжение договора, должна быть допустимой к одностороннему применению в исключительных правозащитных ситуациях, когда нет иной возможности пресечь нарушение. В приведенных примерах нарушитель договора купли-продажи несет даже менее обременительные потери, чем предполагаемый нарушитель договора подряда в отношении возмещаемых убытков, в то время как правоотношение защитительно прекращается в обеих ситуациях. Обратим внимание на то, что в специальном законодательстве могут возникать и некоторые специфические особенности одностороннего расторжения договора в правозащитном порядке. Например, согласно п. 14 ст. 95 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» подобное расторжение контракта происходит не с момента решения об этом заказчиком и сообщения в предусмотренных законом формах об этом исполнителю, а в десятидневный срок, в течение которого контрагент может исправить нарушения. По сути, закон ввел особенную оперативную правозащитную меру, не предусмотренную ГК РФ. Не вступившее в силу решение об одностороннем отказе от исполнения контракта в течение десятидневного срока становится стимулирующей оперативно-обеспечительной мерой, позволяющей нарушителю контракта исправить, если это возможно, нарушение контракта, которое явилось основанием для решения

заказчика о применении меры отказа от исполнения контракта и его расторжения. Однако такое правило не применяется в случае повторного нарушения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) контракта. Лишь в некоторых правовых ситуациях в договорных правоотношениях меры самозащиты пресекают нарушение прав или угрозу такого нарушения посредством одностороннего изменения (преобразования) или прекращения правоотношения.

Понятие односторонних действий по самозащите права неразрывно связано с понятием одностороннего поведения субъекта гражданско-правовых отношений, его гражданско-правовой активностью [2, с. 45]. Их применение всегда носит более широкий правоохранный характер, поскольку защита является частью понятия охраны прав. Защитительное поведение субъекта в рамках правоотношения, как правило, реализуется в виде допустимых к совершению мер в определенных законом пределах. Применение мер самозащиты в рамках материальных правоотношений – это не только охранительная функция гражданского права, но и организационно-преобразовательная и воспитательная [3, с. 14]. Воспитательная функция защиты тесно связана с самим фактом возможности применения самостоятельных правозащитных мер. Гражданское право стимулирует участников правоотношений, предоставляя условия для их саморегуляции в связи с фактом нарушения. Самозащита в гражданском праве предполагает возможность ее применения в результате нарушения любых гражданских прав, хотя динамичные частные права преимущественно возникают из договорных, регулятивных отношений.

Необходимо разобраться в юридической терминологии и понятиях, связанных с односторонним самостоятельным правозащитным поведением субъектов гражданских прав, поскольку именно критерий односторонности их поведения роднит множество правозащитных мер, которые по-разному классифицируются в теории гражданского права. Для этого важно определиться, как следует понимать современный термин «самозащита гражданских прав» в отрасли гражданского права – широко или более узко. В широком смысле под самозащитой гражданских прав могут подразумеваться любые действия лица, связанные с защитой своих прав от нарушения, которые противопоставляются действиям, исходящим от государственных и иных компетентных органов. Таким образом, в широком смысле самозащитой является неюрисдикционная форма защиты прав, противопоставляемая защите с помощью юрисдикционных государственных и иных компетентных органов. Самостоятельное обращение с иском в суд (частная

инициативная защита при помощи государственного органа) при таком широком подходе подпадает под понятие самозащиты, так же как и меры своеобразной самопомощи в процессуальных отношениях (например, видеозапись конкретного нарушения авторского права). Подобные действия образуют широкое понятие самозащиты. В более узком смысле в рамках материальных гражданских правоотношений самозащита реализуется в виде односторонних правозащитных мер, воздействующих на динамику этого материального правоотношения: 1) сохранение его статичности (реализуется в основном во внедоговорных, абсолютных правоотношениях, а в договорных – посредством стимулирующего воздействия на волю контрагента, который может устранить нарушения); 2) изменение правоотношения (например, в части неисполненного обязательства контрагент встречно отказывается от его исполнения); 3) прекращение правоотношения (просрочка исполнения обязательства может повлечь за собой право полного отказа от его исполнения). Так, под самозащитой в узком смысле следует понимать конкретную меру реализации защиты в одностороннем порядке, которая позволяет защитить субъективное право, то есть пресечь дальнейшее его нарушение или угрозу такого нарушения, а в некоторых ситуациях и восстановить нарушенное право (способы защиты). Полагаем, что широкий подход, возможно, и уместен в понимании многоаспектного явления гражданской самозащиты как конституционно-правового явления, он также необходим для урегулирования самозащиты как формы защиты прав, но он не уместен в точном определении специфических отраслевых односторонних правозащитных

мер, которые непосредственно направлены на пресечение и восстановление права в рамках организационно-преобразовательных (динамичных) и иных материальных гражданских правоотношений, в которых и возникает нарушение субъективных гражданских прав, влекущих за собой действия по защите. В этом смысле более уместно понятие «односторонние правозащитные меры в гражданских правоотношениях», которое не нивелирует понятие самозащиты, а лишь уточняет, что речь идет о конкретных материально-правовых средствах защиты гражданских прав.

Таким образом, современное правовое регулирование самозащиты в гражданском праве нуждается в существенной корректировке. Во-первых, требуется более расширенное правовое регулирование самозащиты как формы защиты прав. Необходимо включить в понятие «формы самозащиты» гражданскую самопомощь и меры оперативного воздействия, которые реализуются исключительно в рамках гражданских правоотношений способами, не относящимися по своим признакам к необходимой обороне и крайней необходимости. Соразмерность, правила применения необходимой обороны и крайней необходимости закреплены исключительно в УК РФ (действия уголовно наказуемые по своим объективным признакам); не относящиеся к этому понятию меры (гражданско-правовые) должны именоваться гражданской самопомощью. В ГК РФ следует в общих нормах разделить эти понятия и установить последствия причиненного вреда в результате их применения. Необходимо также более детальное материально-правовое регулирование указанных мер с конкретизацией принципа соразмерности их применения к каждой мере.

Список литературы

1. Мальцев М. Н. Самозащита субъективных прав по российскому законодательству (теоретико-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 23 с.
2. Рыбаков В. А. Проблемы формирования гражданско-правовой активности (вопросы теории и практики). Уфа, 1993. 172 с.
3. Рыбаков В. А. Функции гражданско-правового регулирования (общетеоретические и воспитательные аспекты). М., 2011. 157 с.

NIKOLAJ VJACHESLAVOVICH JUZHANIN,

phd in law, associate professor,
associate professor of the civil law and procedure department
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: yuzhanin15@mail.ru
© Juzhanin N. V., 2015

SELF-DEFENSE IN CIVIL LAW

Annotation: the article analyzes the current regulation of self-defense in the civil law, its shortcomings and suggests ways to address them, through changes in the general regulation of in-tute self-defense in the Civil

Code. Current recommendations developed the general theory of law are not reflected in the sectoral civil law, the concept of mixed forms and methods of self-defense. When making autonomous unilateral defensive actions implemented organizational transformative and educational function of civil law, in addition to law enforcement. Implementation of self-defense in civil law only way to curb rights violations significantly reduces the possibility of unilateral action of human rights that can be restorative. In theory, the civil rights of "self-defense" in a broad sense as any independent action to protect the rights, and more narrowly. In a narrower sense - in the framework of civil relations of material self-defense realized in the form of unilateral measures of human rights that affect the dynamics of the financial relationship. A classification of unilateral measures of human rights in terms of their impact on the relationship: 1) measures aimed at preserving the static relationship (sold primarily in non-consensual, absolute legal relations, and in the contract by the stimulating effect of the will of the counterparty, which can eliminate the violations); 2) a change in the legal relationship (eg, in terms of unfulfilled obligation counter counterparty refuses to follow it); 3) the termination of the legal relationship (the delay performance of the obligation may entail the right to complete rejection of its execution). It is proposed to systematize the Civil Code all substantive unilateral measures to protect the rights, giving systematic institution of civil self-defense, to introduce the concept of one-sided human rights measures in civil matters. Should be included in the concept of self-defense form self-help and civic action operational impact. These measures are implemented exclusively in the framework of civil relations in ways not related to their characteristics to self-defense and emergency. Self-protection measures that do not belong to the concept of self-defense and emergency should be referred to the civil self-help. In the Civil Code in the general rules requires dilution of these concepts and to establish the consequences of the damage caused as a result of their use. Need for more detailed material and legal regulation of these measures with a concrete principle of proportionality of their application to each measure.

Key words: self-defense, self-defense proportionality, protection of civil rights, protection, retention, measure operational impact, self-help, self-defense, extreme necessity, arbitrariness, unilateral action, unilateral contract, legal action.

References

1. Maltsev M. N. Samozaschita subektivnyh prav po Rossiiskomu zakonodatelstvu (teoretiko-pravovoe issledovanie). Aftoref. diss. kand. jurid. nauk [Self-protection of subjective rights under Russian law (theoretical and legal research). Cand. legal sci. diss. abstract]. Saratov, 2006. 23 p.
2. Rybakov V. A. Problemy formirovaniya grazhdansko-pravovoi aktivnosti (voprosy teorii i praktiki) [Problems of formation of civil activity (theory and practice)]. Ufa, 1993. 172 p.
3. Rybakov V. A. Funktsii grazhdansko-pravovogo regulirovaniya (obscheteoreticheskie i vospitatelnye aspekty) [Functions of civil regulation (theoretical and educational aspects)]. Moscow, 2011. 157 p.

УДК 343.232
ББК 67.408.02
А23

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ АГЕЕВ,
первый заместитель председателя комитета
по конституционному законодательству и государственному строительству
(Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации),
e-mail: aageev@duma.gov.ru
© Агеев А. А., 2015

О НЕОБХОДИМОСТИ ВВЕДЕНИЯ ПОНЯТИЯ «УГОЛОВНЫЙ ПРОСТУПОК»

Аннотация: в настоящее время законодательно установленную границу между преступлением и административным правонарушением определить достаточно сложно, потому что она подвижна и зависит от конъюнктурных политических соображений законодателя. В связи с этим актуальным представляется использование в отечественном законодательстве понятия уголовного проступка, которое весьма успешно и давно применяется в зарубежных странах. Уголовный проступок – тождественное по природе преступлению правонарушение, требующее менее жесткой реакции государства.

К уголовным проступкам, совершение которых не должно влечь судимости, можно отнести и административные правонарушения. Между тем законотворческая практика идет по иному пути. Граница между уголовной и административной ответственностью обусловлена не разницей в сущности и предназначении данных видов юридической ответственности, а проявлением усмотрения законодателя, который сдвигает указанную границу в зависимости от политической конъюнктуры. Такой подход не способствует развитию законодательства об административной ответственности, так как не учитывает сущность и содержание административной ответственности.

Ключевые слова: уголовный проступок, административное правонарушение, уголовное преступление, административная преюдиция.

В настоящее время законодательно установленную границу между преступлением и административным правонарушением определить достаточно сложно, потому что она подвижна и зависит от конъюнктурных политических соображений законодателей.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) включает в себя нормы, закрепляющие ответственность за совершение разных по своей природе правонарушений. Одни из них имеют ярко выраженный государственно-управленческий характер, их закрепление в КоАП РФ и развитие соответствующих им санкций лоббируют отдельные ведомства, чьи интересы в отдельных сферах исполнительно-распорядительной деятельности эти правонарушения затрагивают [1, 2]. Другая группа правонарушений не может быть связана с каким-либо конкретным направлением исполнительно-распорядительной деятельности, а посягает, в частности, на общественный порядок, подвергает риску общественное благополучие. Кроме того, КоАП РФ содержит санкции за правонарушения, посягающие на общественные отношения, регулируемые иными отраслями права (не административным правом).

Актуальным представляется использование в отечественном законодательстве понятия уголовного проступка, которое достаточно успешно и давно применяется в зарубежных странах.

Уголовный проступок – тождественное по природе преступлению правонарушение, требующее

менее жесткой реакции государства. Уголовные преступления и уголовные проступки в законодательстве зарубежных стран разграничиваются по характеру наказания. В частности, Уголовный кодекс Австрии преступлением признает умышленные деяния, которые наказываются пожизненным лишением свободы или лишением свободы на срок свыше трех лет. Все остальные преступные деяния являются проступками [3, с. 53]. В соответствии с § 12 Уголовного кодекса ФРГ преступлениями являются противоправные деяния, за совершение которых в качестве минимального наказания предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от одного года и более. Проступками являются противоправные деяния, за совершение которых минимальным наказанием является лишение свободы на более короткий срок или денежный штраф [4, с. 125, 126]. Таким образом, ключевым различием между уголовными преступлениями и проступками выступает характер наказания.

В настоящее время в России понятие уголовного проступка в законодательстве не используется. Деяния, которые могут быть к ним отнесены, включены в КоАП РФ. В итоге в законодательстве об административной ответственности к административным правонарушениям относятся деяния, посягающие как на общественные отношения в сфере исполнительно-распорядительной деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, так и на иные общест-

венные отношения и близкие по своей природе к преступлениям, но не имеющие характерной для последних общественной опасности (смежные правонарушения). При этом следует отметить, что доля смежных правонарушений, закрепленных в КоАП РФ, имеет тенденцию к увеличению. Так, в 2015 г. в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации Верховным Судом Российской Федерации внесен законопроект о декриминализации ряда статей Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), которым предусмотрены декриминализация и перенос из УК РФ в КоАП РФ преступлений небольшой тяжести (побои, угрозы и мелкие хищения). Данная мера, по сути, не изменит наказание за данные правонарушения – оно останется тем же – штраф и исправительные работы, однако последствия в виде судимости уже не будет. Это позволит сократить количество дел, направляемых ежегодно в суды, примерно на 300 тыс. [5].

Подобный подход законодателя, связанный с гуманизацией уголовной политики, наблюдается давно. Его применение нельзя назвать положительным для развития института административной ответственности.

По нашему мнению, введение в отечественное уголовное законодательство категории «уголовный проступок» позволит более четко определить сферу действия законодательства об административной ответственности в соответствии с ее основным предназначением – охраной общественных отношений в сфере государственного управления.

Включить в отечественное законодательство понятие уголовного проступка предлагает Ю. П. Соловей. Ученый считает целесообразным тщательно «прописать» составы смежных преступлений и административных правонарушений, вновь в полной мере реализовать в УК РФ идею административной преюдиции, ввести категорию «уголовный проступок» (включить в УК РФ отдельный раздел об уголовных проступках), дополнить УПК РФ разделом о производстве по делам об уголовных проступках. К уголовным проступкам, совершение которых по аналогии с административными правонарушениями не должно влечь судимость, можно отнести и административные правонарушения.

Между тем законотворческая практика идет по иному пути. Граница между уголовной и административной ответственностью обусловлена не разницей в сущности и предназначении данных видов юридической ответственности, а проявлением усмотрения законодателя, который сдвигает указанную границу в зависимости от политической конъюнктуры. Такой подход, на наш взгляд, не способствует развитию законодательства об административной ответственности, так как не учиты-

вает сущность и содержание административной ответственности.

По нашему мнению, назначение административной ответственности имеет ярко выраженную государственно-управленческую природу, а общественные отношения в области исполнительно-распорядительной деятельности являются хотя и не единственным, но все же основным объектом защиты нормами законодательства об административной ответственности. Это обусловлено, на наш взгляд, следующими соображениями.

Во-первых, общественные отношения, на которые направлено воздействие государственных органов посредством осуществления ими исполнительно-распорядительной деятельности, регулируются не только административным, но и иными отраслями права (бюджетным, финансовым, налоговым и др.). Вместе с тем установление законодательством об административной ответственности санкций за нарушение норм указанных отраслей права напрямую отвечает интересам данных государственных органов. Кроме того, санкции за подобные нарушения часто подвержены изменениям вследствие изменений в государственной политике (что находит отражение в соответствующем законодательстве), а также в государственном управлении. Таким образом, динамизм административно-правовых запретов обусловлен во многом ведомственными интересами.

Если провести анализ инициатив по внесению изменений в КоАП РФ, то следует отметить, что характерным является активное участие различных федеральных органов исполнительной власти в коррективах закрепленных в нем административно-правовых запретов. Каждое ведомство пытается глубже дифференцировать и ужесточить административную ответственность за совершение административных правонарушений, которые посягают на общественные отношения в курируемых ими областях государственного управления, тем самым обеспечивая эффективность реализации принимаемых ими управленческих решений. Так, ст. 19.12 КоАП РФ закреплена ответственность за передачу либо попытку передачи запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы или изоляторах временного содержания. Данный административно-правовой запрет направлен на охрану общественных отношений, регулируемых уголовно-исполнительным правом. В частности, ст. 82 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации регулируется режим в исправительных учреждениях и его основные требования. Санкция, предусмотренная указанной статьей КоАП РФ, была ужесточена Федеральным законом от 23 февраля 2013 г. № 12-ФЗ в несколь-

ко раз (минимальный размер штрафа увеличился с одной тысячи рублей до трех тысяч, максимальный – с одной тысячи пятисот рублей до пяти тысяч рублей). С законодательной инициативой ужесточения наказания выступило Правительство Российской Федерации при участии Федеральной службы исполнения наказаний. По данным ФСИН России, количество граждан, задержанных за передачу либо попытку передачи осужденным и лицам, содержащимся под стражей, запрещенных предметов, с 2005 г. увеличилось в два раза (с 4,8 тыс. в 2005 г. до 9,5 тыс. в 2010 г.).

В 2011 г. за совершение указанных правонарушений задержано более 8,8 тыс. человек, привлечено к наказанию в виде административного штрафа более 6,2 тыс. человек. В пояснительной записке к проекту Федерального закона № 12-ФЗ отмечается, что предусмотренная ст. 19.12 КоАП РФ мера ответственности явно недостаточна, так как на практике вознаграждение за пронос только одного мобильного телефона в несколько раз превышает установленный размер административного штрафа. Таким образом, ужесточение наказания за совершение указанного правонарушения отвечает прежде всего интересам государственного управления в сфере исполнения уголовных наказаний. Соответствующий интерес общества и государства в противодействии подобным правонарушениям можно удовлетворить с помощью не только ужесточения санкций, но и повышения эффективности работы учреждений уголовно-исполнительной системы. В частности, профилактике и предупреждению указанного правонарушения могут способствовать, например, меры по совершенствованию применяемых в учреждениях уголовно-исполнительной системы средств охраны и надзора.

Преступления в отличие от административных правонарушений посягают на устои общества и государства, вследствие этого они не столь динамичны и не настолько сильно зависят от той или иной государственно-управленческой конъюнктуры. Это является принципиальным и для уголовных проступков, а также для отдельных видов административных правонарушений, посягающих на общественный порядок.

Во-вторых, актуальность термина «административная» применительно к административной ответственности не уменьшается и в связи с постоянным увеличением подведомственности дел об административных правонарушениях судам.

На наш взгляд, то, что субъектами административной юрисдикции является преимущественно администрация, или органы исполнительной власти, не является основной отличительной чертой административной ответственности, а объективно обусловлено тем, что именно интересы указанной администрации обслуживает данный вид ответственности.

Таким образом, административная ответственность своим назначением имеет прежде всего защиту общественных отношений в сфере исполнительно-распорядительной деятельности, и это позволяет нам говорить об особой роли административной ответственности в обеспечении функционирования исполнительной власти на региональном уровне.

Назначение административной ответственности конкретизируется в закрепленных в ст. 1.2 КоАП РФ задачах законодательства об административных правонарушениях, к которым, в частности, относится защита личности, охрана прав и свобод человека и гражданина, охрана здоровья граждан, санитарно-эпидемиологического благополучия населения, защита общественной нравственности, охрана окружающей среды, установленного порядка осуществления государственной власти, общественного порядка и общественной безопасности, собственности, защита законных экономических интересов физических и юридических лиц, общества и государства от административных правонарушений, а также предупреждение административных правонарушений.

Результаты анализа предназначения административной ответственности имеют гносеологическое значение для дальнейшей проработки проблемы административной ответственности в субъектах РФ.

Административная ответственность возникла в начальный период становления советской власти в стране как закономерное стремление этой власти обеспечить реализацию принимаемых ею решений в условиях слабости судебных органов и, по сути, отхода от принципа разделения властей на исполнительную и судебную, поэтому изначально указанная ответственность реализовывалась всеми государственными органами, среди которых большую часть составляли органы государственной власти на местах.

В настоящее время, несмотря на существенное изменение политических и правовых реалий в нашей стране, миссия административной ответственности в субъектах РФ преобразуется, однако она сохраняет в себе изначальный ключевой элемент – направленность на охрану общественных отношений в области государственного управления. Указанный ключевой элемент представляет собой наиболее ярко выраженную общую черту, объединяющую его с административной ответственностью по КоАП РФ.

Наряду с названной общей чертой для административной ответственности субъектов РФ присущи особенности, основной среди которых является, на наш взгляд, ее конституционная обусловленность как одна из гарантий реализации федерализма в России.

Исследование института административной ответственности в субъектах РФ целесообразно проводить во взаимосвязи с анализом проблем развития федерализма в России. Взаимосвязь указанных вопросов проявляется в том, что, с одной стороны, полномочия субъектов РФ в области установления административной ответственности выступают важным элементом разграничения предметов ведения между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации, что нашло отражение и в Конституции РФ, и в КоАП РФ. С другой стороны, административная ответственность в субъектах РФ является гарантией само-

стоятельности государственной власти на региональном уровне, без которой эффективность ее реализации была бы снижена.

Анализ вопросов административной ответственности в субъектах РФ в контексте изучения особенностей текущего состояния и развития федеративных отношений в России позволит определиться в таком дискуссионном вопросе, как необходимость существования рассматриваемого института. Это играет большую роль, поскольку институт административной ответственности в субъектах РФ подвергается в последние годы достаточно серьезной критике, вплоть до предложений отказаться от него.

Список литературы

1. Попов Л. Л. Концептуальные основы административной ответственности // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 2.
2. Старостин С. А. Современные проблемы формирования законодательства об административной ответственности // Актуальные проблемы современного Российского государства и права : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Калининград, 16 мая 2014 г.).
3. Уголовный кодекс Австрии. СПб., 2004. 648 с.
4. Уголовный кодекс ФРГ. СПб., 2003. 522 с.
5. Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.vsrif.ru>.

ALEXANDER ALEKSANDROVICH AGEEV,

first deputy chairman of the committee for constitutional legislation and nation building
(State Duma of Federal Assembly of Russia),
e-mail: aageev@duma.gov.ru
© Ageev A. A., 2015

ABOUT NEED OF INTRODUCTION OF THE CONCEPT «CRIMINAL OFFENCE»

Annotation: to define legislatively established border between a crime and an administrative offense is rather difficult now because this border is mobile and depends on tactical political reasons of the legislator. In this regard the use in the domestic legislation of concept of criminal offense which was successfully applied long ago in foreign countries is represented. Felony is the offense identical by the nature to a crime but demanding less rigid reaction of the state.

To criminal misconduct, the Commission of which should not lead to conviction, can be attributed including of an administrative offence. Meanwhile legislative practice goes on other way. The boundary between criminal and administrative liability is not due to the difference in the nature and purpose of these types of legal responsibility, but a sign of appreciation of the legislator, which shifts the specified limit depending on the political situation. Such approach doesn't promote development of the legislation on administrative responsibility as doesn't consider essence and the content of administrative responsibility.

Key words: felony, administrative offense, crime, administrative prejudicial effect.

References

1. Popov L. L. Konceptual'nye osnovy administrativnoj otvetstvennosti [Conceptual bases of administrative responsibility]. Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA) – Bulletin of University of O. E. Kutafin (MGYuA), 2014, no. 2.
2. Starostin S. A. Sovremennye problemy formirovaniya zakonodatel'stva ob administrativnoj otvetstvennosti [Modern problems of formation of the legislation on administrative responsibility]. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Aktual'nye problemy sovremennogo rossijskogo gosudarstva i prava» [Proc. the All-Russian scientific and practical conference «Actual Problems of the Modern Russian State and Law»]. Kaliningrad, 16 May 2014.
3. Ugolovnyj kodeks Avstrii [Criminal code of Austria]. St. Petersburg, 2004. 648 p.
4. Ugolovnyj kodeks FRG [Criminal code of Germany]. St. Petersburg, 2003. 522 p.
5. Oficial'nyj sajt Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii [Official site of the Supreme Court of the Russian Federation]. Available at: <http://www.vsrif.ru>.

УДК 347.9
ББК 67.410.11
Е51

ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА ЕЛИСЕЕВА,
аспирант
(Российская академия правосудия),
e-mail: tanya.tereshina@mail.ru
© Елисеева Т. С., 2015

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ МЕДИАТИВНОГО СОГЛАШЕНИЯ И ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ИХ РЕШЕНИЯ

Реферат: статья посвящена анализу основных проблем в сфере исполнения медиативного соглашения. Рассматривая правовые последствия неисполнения медиативного соглашения, необходимо отталкиваться от двух возможных видов медиативных соглашений: заключенных до передачи дела в суд либо заключенных по делу, находящемуся в производстве суда. Наиболее простая ситуация возникает в случае неисполнения медиативного соглашения, представляющего собой мировое соглашение по делу, поступившему в суд. В этом случае у сторон медиативного соглашения появляется возможность его принудительного исполнения на основании исполнительного листа, выданного судом после вступления в законную силу судебного акта о прекращении производства по делу. Когда не исполняется соглашение, не переданное в суд, применяются нормы гражданского законодательства о сделках. Следуя буквальному толкованию п. 4 ст. 12 Закона о медиации, можно прийти к выводу о том, что медиативное соглашение, достигнутое по трудовому или семейному спору, гражданско-правовой сделкой не признается, что порождает вопрос о том, какими нормами регулируется его исполнение и возможно ли применение в этом случае общих способов, предусмотренных ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ). Ответ на этот вопрос напрямую зависит от содержания медиативного соглашения. Если медиативным соглашением по семейному или трудовому спору устанавливаются обязанности гражданско-правового характера (например, передача имущества, выплата отступного, заключение договора), то к защите прав, вытекающих из данных отношений, применяются общие гражданско-правовые способы, такие как самозащита права, присуждение к исполнению обязанности в натуре, возмещение убытков, взыскание неустойки, компенсация морального вреда, прекращение или изменение правоотношений. В тех случаях, когда медиативное соглашение по семейному или трудовому спору предполагает обязанности, связанные с административными отношениями, либо обязательства личного, неформального характера, приходится констатировать наличие «голового» соглашения, то есть соглашения, не обеспеченного возможностью судебной защиты в отсутствие правовых механизмов принудительного исполнения указанных условий. Основываясь на данных фактах, считаем, что медиативное соглашение порождает права и обязанности сторон постольку, поскольку содержит обязательства имущественного характера, входящие в предмет гражданско-правового регулирования и защиты. Права сторон, вытекающие из указанных обязательств, защищаются способами, предусмотренными ст. 12 ГК РФ, независимо от отраслевой принадлежности спорных отношений (гражданские, семейные, трудовые). Можно выделить несколько правовых механизмов, способных снизить риск недобросовестного поведения сторон при исполнении медиативного соглашения. Во-первых, возможно придание ему исполнительной силы нотариально удостоверенной сделки. Во-вторых, стороны могут сами предусмотреть способы урегулирования разногласий, возникающих при исполнении медиативного соглашения, включив в его текст соответствующий раздел. В-третьих, может быть установлен обязательный претензионный порядок, предшествующий обращению в суд общей юрисдикции или арбитражный суд. В-четвертых, данная проблема может быть решена на законодательном уровне посредством внесения изменений в Гражданский и Арбитражный процессуальный кодексы РФ, устанавливающих возможность выдачи исполнительных листов для принудительного исполнения медиативных соглашений.

Ключевые слова: альтернативные формы разрешения споров, медиация, процедура медиации, принципы медиации, медиативное соглашение, исполнение медиативного соглашения, стороны медиации, судопроизводство.

По смыслу ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон о медиации) к сторонам медиации можно отнести любых субъектов, участ-

вующих в гражданских правоотношениях, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также в трудовых и семейных правоотношениях. Обращение сторон правового спора к услугам медиатора с целью урегулирования разногласий свидетельствует об их намерении прийти к взаимовыгодному решению, однако участие в медиации не является гарантией дальнейшего добросовестного поведения сторон медиативной процедуры, каждая из которых стремится удовлетворить прежде всего собственные интересы.

Недобросовестность сторон в сфере медиации может принимать различные формы, зависящие от этапа медиативной процедуры, состава участников, характера спора и т. д. В общем виде можно выделить следующие группы проблем:

- объективные проблемы, обусловленные особенностями правового регулирования;
- недобросовестность сторон спора при проведении процедуры медиации;
- недобросовестность медиатора в ходе проведения процедуры медиации;
- недобросовестность сторон медиативного соглашения при его исполнении.

Одним из ключевых аспектов проявления недобросовестности при проведении медиации является злонамеренное поведение стороны спора, заключившей медиативное соглашение, но не исполняющей его. Любая сторона, передавая спор для проведения медиативной процедуры, рассчитывает на ее положительный исход, который будет оформлен в виде соглашения, связывающего все стороны конфликта. Следовательно, неисполнение медиативного соглашения фактически перечеркивает работу медиатора и усилия сторон, обесценивая медиативную процедуру.

Законодательное регулирование процедуры исполнения медиативного соглашения ограничивается нормами ст. 12 Закона о медиации, устанавливающими, что оно подлежит исполнению на основе принципов добровольности и добросовестности.

Добровольность в целом является основополагающим принципом медиации, она позволяет сторонам вести диалог максимально открыто, исходя из презумпции обоюдного желания достигнуть компромисса. Добровольность предполагает непринуждение сторон ни к самой процедуре медиации, ни к исполнению медиативного соглашения. Все действия сторон должны совершаться лишь исходя из их индивидуальной воли.

Принцип добросовестности в сфере исполнения медиативного соглашения устанавливает необходимость действовать с учетом интересов другой стороны, не допуская осуществления прав с целью

причинения вреда ее правам и интересам или третьих лиц.

Рассматривая правовые последствия неисполнения медиативного соглашения, необходимо отталкиваться от двух возможных видов медиативных соглашений: заключенных до передачи дела в суд либо заключенных по делу, находящемуся в производстве суда.

Наиболее простая ситуация возникает в случае неисполнения медиативного соглашения, представляющего собой мировое соглашение по делу, поступившему в суд. Медиативное соглашение, достигнутое сторонами в результате процедуры медиации, проведенной после передачи спора на рассмотрение суда или третейского суда, может быть утверждено судом или третейским судом в качестве мирового соглашения в соответствии с процессуальным законодательством или законодательством о третейских судах, законодательством о международном коммерческом арбитраже (ч. 3 ст. 12 Закона о медиации). Суд, утверждая медиативное соглашение в качестве мирового, осуществляет контроль за его законностью. Из норм законодательства Российской Федерации о мировом соглашении (ч. 2 ст. 39 ГПК РФ, ч. 3 ст. 139 АПК РФ, ч. 3 ст. 32 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации») следует: для утверждения медиативного соглашения судом оно не должно противоречить закону, а также нарушать права и законные интересы других лиц. Кроме того, у сторон медиативного соглашения появляется возможность его принудительного исполнения на основании исполнительного листа, выданного судом после вступления в законную силу судебного акта о прекращении производства по делу.

В том случае, когда не исполняется соглашение, не переданное в суд, к этим отношениям применяются нормы гражданского законодательства о сделках. Соответственно применимы способы защиты нарушенных прав, предусмотренные ст. 12 ГК РФ. Принимая во внимание тот факт, что процедура медиации может осуществляться также в отношении трудовых и семейных споров, необходимо отметить, что отраслевая принадлежность спорного правоотношения влияет и на правовой режим медиативного соглашения. Следуя буквальному толкованию п. 4 ст. 12 Закона о медиации, можно прийти к выводу о том, что медиативное соглашение, достигнутое по трудовому или семейному спору, гражданско-правовой сделкой не признается, что порождает вопрос о том, какими нормами регулируется его исполнение и возможно ли применение в этом случае общих способов, предусмотренных ст. 12 ГК РФ.

Ответ на этот вопрос зависит от содержания медиативного соглашения. Пункт 1 ст. 2 ГК РФ регулирует договорные и иные обязательства, а также другие имущественные и личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников. Таким образом, если медиативным соглашением по семейному или трудовому спору устанавливаются обязанности гражданско-правового характера (например, передача имущества, выплата отступного, заключение договора), то к защите прав, вытекающих из данных отношений, применяются общие гражданско-правовые способы, такие как самозащита права, присуждение к исполнению обязанности в натуре, возмещение убытков, взыскание неустойки, компенсация морального вреда, прекращение или изменение правоотношений.

Ситуация становится сложнее в тех случаях, когда медиативное соглашение по семейному или трудовому спору предполагает обязанности, связанные с административными (например, направление на повышение квалификации, восстановление на работе) отношениями, либо обязательства личного, неформального характера (например, помощь в трудоустройстве). В этом случае приходится констатировать наличие «голого» соглашения, то есть соглашения, не обеспеченного возможностью судебной защиты в отсутствие правовых механизмов принудительного исполнения указанных условий. Разумеется, у потерпевшей стороны сохраняется возможность обращения в суд (третейский, арбитражный) с требованием, первоначально послужившим основанием для медиации.

Таким образом, мы подошли к одному из ключевых вопросов, связанных с институтом медиации, – обязательность медиативного соглашения для сторон. Основываясь на названных фактах, считаем, что медиативное соглашение порождает права и обязанности сторон постольку, поскольку содержит обязательства имущественного характера, входящие в предмет гражданско-правового регулирования и защиты. Права сторон, вытекающие из указанных обязательств, защищаются способами, предусмотренными ст. 12 ГК РФ, независимо от отраслевой принадлежности спорных отношений (гражданские, семейные, трудовые). Следовательно, все случаи, когда стороны трудовых или семейных отношений принимают на себя имущественные обязанности и не находятся в отношениях административного подчинения, могут также рассматриваться как разновидность гражданско-правовой сделки. Косвенным подтверждением тезиса об условной обязательности для сто-

рон медиативного соглашения служит сам Закон о медиации, п. 2 ст. 12 которого содержит принципы исполнения медиативного соглашения, и первым из них законодатель ставит принцип добровольности.

Практика применения Закона о медиации, обобщенная Верховным Судом Российской Федерации, свидетельствует о том, что принципы добровольности и добросовестности исполнения медиативного соглашения действительно лежат в основе поведения сторон, заключивших медиативное соглашение. Об этом говорит тот факт, что случаев неисполнения процессуальных условий, содержащихся в медиативных соглашениях, не выявлено; судебные постановления (определения о прекращении производства по делу, определения об оставлении заявления без рассмотрения), вынесенные после процедуры медиации в суд вышестоящей инстанции, сторонами не обжаловались; лица, участвующие в процедуре медиации, не обращались с жалобами на неисполнение или ненадлежащее исполнение медиативного соглашения. Таким образом, соглашения, выработанные в ходе медиативной процедуры, являются действительно взаимоприемлемыми и исполнимыми для сторон, что, наряду с желанием разрешить правовой конфликт, обеспечивает добровольное исполнение медиативного соглашения [1].

Несмотря на то что к настоящему времени судебной практике неизвестны иски по поводу неисполнения медиативного соглашения, можно выделить несколько правовых механизмов, способных снизить риск недобросовестного поведения сторон при исполнении медиативного соглашения.

Во-первых, эффективным средством обеспечения исполнения медиативного соглашения может стать придание ему исполнительной силы нотариально удостоверенной сделки. Данная концепция получила широкое распространение в научной литературе [2, с. 14; 3, с. 13–21] и на первый взгляд достаточно привлекательна. Удостоверенное нотариусом медиативное соглашение подлежит исполнению в порядке ст. 122 ГПК РФ, то есть посредством выдачи судебного приказа без рассмотрения спора по существу.

Во-вторых, стороны могут сами предусмотреть способы урегулирования разногласий, возникающих при исполнении медиативного соглашения, включив в его текст соответствующий раздел. К таким способам могут быть отнесены как традиционные юрисдикционные способы, так и обращение в третейский суд (арбитражная оговорка) или передача нового спора для проведения новой процедуры медиации.

В-третьих, может быть установлен обязательный претензионный порядок, предшествующий обращению в суд общей юрисдикции или арбитражный суд.

В-четвертых, данная проблема может быть решена на законодательном уровне посредством внесения изменений в Гражданский и Арбитражный процессуальный кодексы РФ, устанавливающих возможность выдачи исполнительных листов для принудительного исполнения медиативных соглашений. В этом случае медиативное соглашение фактически будет приравнено к решению третейского суда, что явно противоречит природе медиативной процедуры.

Каждый из обозначенных вариантов имеет свои недостатки, общим и главным из которых является отход от основных принципов медиации, обозначенных в ст. 3 Закона о медиации: взаимное волеизъявление сторон, добровольность и сотрудничество сторон. Именно эти принципы позволяют отнести медиацию к альтернативным способам разрешения споров, когда сами стороны основываются на внутреннем побуждении разрешить конфликт без обращения в компетентные органы.

Таким образом, проблема отсутствия норм, устанавливающих правовые гарантии исполнения медиативного соглашения, и, что наиболее важно, процессуального механизма защиты пострадавшей стороны является следствием изолированности норм Закона о медиации от ключевых институтов материального и процессуального права. С одной стороны, Законом о медиации подробно регламентируется организационная сторона медиативной процедуры, ее принципы и статус участников, с другой – незаслуженно оставляется без внимания собственно цель всей процедуры – медиативное соглашение и порядок его исполнения. На наш взгляд, полноценное функционирование института медиации в России невозможно без комплексного правового регулирования с включением в него соответствующих норм прежде всего в процессуальное законодательство. Вместе с тем диспозитивный подход законодателя к вопросам исполнения медиативного соглашения вполне объясним с позиций правовой природы данного института в отечественном законодательстве, которая предполагает следование сторон принципам добровольности и добросовестности с начала процедуры и до момента исполнения медиативного соглашения.

Список литературы

1. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : справка Верховного Суда РФ о практике применения Федерального закона : утв. Президиумом Верховного Суда Рос. Федерации 6 июня 2012 г. // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2012. № 8. С. 111.
2. Калашникова С. И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции. М., 2011. 304 с.
3. Ярков В. В., Медведева И. Г. Нотариат и медиация // Нотариальный вестник. 2008. № 9. С. 13–21.

TATYANA SERGEYEVNA YELISEYEVA,
graduate student
(Russian academy of justice),
e-mail: tanya.tereshina@mail.ru
© Yeliseyeva T. S., 2015

PROBLEMS OF EXECUTION OF A MEDIATION AGREEMENT AND THE LEGAL MECHANISMS FOR THEIR SOLUTION

Annotation: this article analyzes the main problems in the sphere of execution a mediation agreement. Considering the legal consequences of failure to a mediation agreement is necessary to start from two possible types of mediation agreements: the inmates to trial or detainees in the case pending before the court. The simplest situation arises in the case of default a mediation agreement, which is a settlement of the matter, he entered the court. In this case, the parties to a mediation agreement appear the possibility of enforcement on the basis of a writ of execution issued by a court after the entry into force of the judicial act on the termination of the proceedings. In the case of non-executable when the agreement is not submitted to the court, to these relations the norms of civil law transactions. Following a literal interpretation of para. 4 of Art. 12 of the Law on mediation, we can conclude that mediation agreement reached on labor and family disputes, civil transaction is not recognized, that raises the question of what rules govern its execution and possible to use in this case, the common ways under Art. 12 of the Civil Code. The answer to this question depends on the content of a mediation agree-

ment. If a mediation agreement on family or labor dispute sets out the obligations of civil nature (for example, the transfer of property, the payment of compensation, contracts, etc.), then the protection of the rights arising from this relationship, the general civil methods such as self-defense law, the award of the duties in kind, damages, recovery of damages, compensation for moral damages, the termination or modification of the legal relationship. In cases where mediation agreement on family or labor dispute involves the responsibilities associated with the administrative relationships or personal commitment, informal nature, we must note the presence of «naked agreements», the agreements do not enable judicial protection in the absence of legal mechanisms for the enforcement of these conditions. Based on the above facts, we believe that mediation agreement creates rights and obligations of the parties in so far as it contains obligations of property character belonging to the subject of civil legal regulation and protection. Rights of the parties arising from these obligations are protected by the means provided by Art. 12 of the Civil Code, regardless of industry sector contentious relationship (civil, family, or employment). There are few legal mechanisms to reduce the risk of unfair conduct of the parties in the performance of a mediation agreement. First, giving him executive powers notarized transaction. Second, the parties are free to provide methods for resolving disputes arising from the execution of a mediation agreement, including in the relevant section of the text. Thirdly, it can be set mandatory Complaint prior recourse to a court of general jurisdiction or arbitration court. Fourth, the problem can be solved at the legislative level through amending the Civil and Arbitration Procedure Code, establishes the possibility of issuing writs for the enforcement of mediation agreements.

The article focuses on a wide range of readers interested in the problems of mediation.

Key words: alternative forms of dispute resolution, mediation, mediation procedure, the principles of mediation, mediation agreement, pursuant to a mediation agreement, the parties of a mediation proceedings.

References

1. Ob al'ternativnoj procedure uregulirovanija sporov s uchastiem posrednika (procedure mediacii) [Alternative Dispute Resolution Procedure Involving a Mediator (Mediation Procedure)]: Spravka Verhovnogo Suda RF o praktike primenenija Federal'nogo zakona. Utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii [About alternative procedure of settlement of disputes with participation of the intermediary (mediation procedure). Certificate of the Supreme Court of the Russian Federation of practice of application of the Federal law. Approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation from June 6, 2012.]. Bjulleten' Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii – Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, 2012, no. 8, p. 111.
2. Kalashnikov S. I. Mediacija v sfere grazhdanskoj jurisdikcii [Mediation in the civil jurisdiction]. Moscow, 2011. 304 p.
3. Yarkov V. V., Medvedeva I. G. Notariat i mediacija [Notary and mediation]. Notarial'nyj vestnik – Notarial messenger, 2008, no. 9, pp. 13–21.

УДК 343.85
ББК 67.511
Е92

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА ЕФРЕМОВА,
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров
(Академия ФСИН России)
e-mail: efremova.o-s@yandex.ru
© Ефремова О. С., 2015

ПРОБЛЕМЫ ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НА УРОВНЕ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Реферат: вопросы предупреждения преступлений в субъектах Российской Федерации остаются в настоящее время очень актуальными. Проблемы выработки мер предупреждения преступности в регионах России требуют системного подхода, тщательного планирования, разработки новых форм и способов в борьбе с преступностью в рамках социального развития региона в целом. Борьба с преступностью должна базироваться на изучении преступности в рамках конкретных условий места и времени, определенных границах пространства. В связи с этим территориальный (региональный) анализ форм борьбы с преступностью в отдельных субъектах Российской Федерации является фундаментом для предупреждения преступности на уровне отдельного государства.

Для успешной борьбы с преступностью в субъектах Российской Федерации необходим комплексный скоординированный подход, который должен основываться на ряде базовых положений, таких как: постоянный анализ изменений преступности и ее причин; определение стратегии и тактики борьбы с преступностью с учетом реальных социально-экономических, политических условий, состояния общественного сознания, правоохранительной системы и др.

Важнейшей организационной формой реализации такого подхода должны выступать комплексные программы по усилению борьбы с преступностью в отдельных субъектах Российской Федерации. Эти программы разрабатываются и реализуются по инициативе либо федеральных государственных органов, либо органов государственной власти субъектов Федерации. В настоящее время действует государственная программа «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», утвержденная постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 345 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности”».

Изучение возможностей применения программно-целевого планирования предупреждения преступлений в отдельных субъектах Российской Федерации, анализ соответствующей практики, выявление причин, порождающих ее недостатки и слабости, и разработка обоснованных рекомендаций, направленных на повышение эффективности работы в данной сфере, является актуальной и требующей отдельного исследования проблемой. На сегодняшний день в абсолютном большинстве субъектов Российской Федерации приняты и на плановой основе реализуются комплексные программы профилактики правонарушений. Анализ положительного опыта отдельных субъектов Российской Федерации в сфере программно-целевого планирования и составляет основу представленной статьи.

Ключевые слова: профилактика, правонарушение, программа, правопорядок, комплексная целевая программа, криминологическое обеспечение, субъект Российской Федерации, метод, региональная преступность, правовое регулирование.

Цель статьи – ознакомление читателя с программно-целевым подходом к предупреждению преступности на уровне отдельных субъектов Российской Федерации.

В последнее время криминологами отмечается особая эффективность программно-целевого планирования в предупреждении преступности как на уровне государства, так и на уровне отдельного субъекта Российской Федерации или муниципального образования, а в правовой науке и практиче-

ской деятельности в определенной степени уже разработана модель регулирования, которая определяется как программно-целевая [1, с. 169].

По мнению А. В. Бабенко, программно-целевое планирование предупреждения преступлений в субъекте Российской Федерации в отличие от обычных планов противодействия преступности, которые содержат перечень несогласованных и не объединенных логикой мероприятий, является самостоятельным методом, который характеризуется ком-

плексностью, обязательностью, обоснованностью, широким охватом, сосредоточением на приоритетных направлениях борьбы с преступностью, финансовой, ресурсной и кадровой обеспеченностью, законодательной определенностью, наличием системы контроля за его реализацией [2, с. 4].

Д. Е. Ваничкин отмечает, что в сфере предупреждения преступлений на региональном уровне важное значение имеет так называемый программно-целевой подход как метод решения крупных проблем борьбы с преступностью, носящих межотраслевой, межведомственный и межрегиональный характер [3].

На взгляд Ж. П. Дорофеевой, практика борьбы с преступностью в субъектах Российской Федерации показывает, что программно-целевое обеспечение способствует осуществлению согласованных мероприятий профилактического, организационного, государственно-правового и воспитательного характера [1, с. 170].

В. Н. Косарев подчеркивает, что программно-целевой подход к предупреждению преступности в субъектах Российской Федерации служит предпосылкой глубокого и всестороннего анализа и обоснования наиболее сложных проблем, получивших критическую оценку со стороны общества, и предлагает эффективные пути и средства решения данных проблем. В данном аспекте и находят свое применение комплексные программы борьбы с преступностью на уровне субъекта Российской Федерации как особый инструмент планового управления процессами предупреждения и борьбы с преступностью [4, с. 85].

На важность программно-целевого метода в борьбе с преступностью на уровне отдельных субъектов Российской Федерации указывает также А. М. Шериев, говоря о том, что благодаря отдельным программам борьбы с преступностью к настоящему времени произошло формирование основ общегосударственной системы профилактики правонарушений, программные мероприятия которой в большинстве субъектов Российской Федера-

ции реализуются с достаточной степенью эффективности, носят плановый, системный характер и имеют значительный потенциал к дальнейшему развитию [5, с. 107].

В диссертационном исследовании Г. Н. Суловой отмечается, что региональные комплексные программы предупреждения преступности на уровне отдельных субъектов Российской Федерации должны расширять и создавать новые организационные возможности, способствующие повышению эффективности правоохранительной деятельности в усилении борьбы с преступностью [6, с. 7].

Анализ указанных точек зрения ученых-криминологов позволяет сделать вывод о том, что программно-целевой подход к предупреждению преступности на уровне отдельного субъекта Российской Федерации имеет много преимуществ и позволяет следующее:

- а) организовывать и планировать деятельность уполномоченных органов;
- б) устанавливать цели и задачи, на которые будут направлены усилия;
- в) определять комплексный перечень мероприятий по устранению причин и условий, способствующих противоправному поведению, их приоритетности и сроков реализации;
- г) наиболее эффективно распределять и использовать федеральные, региональные и местные ресурсы;
- д) комплексно решать проблему предупреждения преступности в субъекте РФ;
- е) концентрировать временные, финансовые и человеческие ресурсы [3].

Правовое регулирование программно-целевого планирования предупреждения преступности в Российской Федерации разделено на несколько уровней:

- а) федеральный (государственный);
- б) региональный (уровень субъектов РФ);
- в) местный (ведомственный, муниципальный);
- г) уровень общественных организаций и институтов гражданского общества [7, с. 86].

**Уровни правового регулирования программно-целевого планирования
предупреждения преступности в Российской Федерации**

№ п/п	Уровень	Название программы
1	Федеральный (государственный)	Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 345 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации „Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности”»
2	Региональный (уровень субъекта Российской Федерации)	Государственная программа Псковской области «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности в Псковской области на 2014–2020 годы» постановление администрации области от 28 октября 2013 г. № 503
3	Местный (ведомственный, муниципальный)	Постановление Главы зерноградского района от 13 февраля 2009 г. № 94 «О муниципальной долгосрочной целевой программе «Профилактика правонарушений в зерноградском районе Ростовской области» на 2009-2014 годы»
4	Уровень общественных организаций и институтов гражданского общества	Постановление Волгоградского горсовета народных депутатов от 29 января 1997 г. № 20/117 «О добровольной народной дружине Волгограда»

Отдельные ученые отмечают недостатки и низкую эффективность программ борьбы с преступностью, реализуемых на местном уровне [8]. В связи с этим основной уровень программно-целевого планирования предупреждения преступности – региональный, или уровень субъектов Российской Федерации. Это подтверждается мнением ученых-криминологов, которые в своих исследованиях отмечают, что основной (базовой) формой предупреждения преступлений на уровне субъектов Российской Федерации являются государственные целевые программы предупреждения и профилактики преступлений (правонарушений).

Практически во всех субъектах Российской Федерации приняты программы по предупреждению и профилактике преступлений и иных правонарушений, в частности по отдельным видам преступлений. Основное внимание уделяется вопросам профилактики преступлений террористического и экстремистского характера; преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков и наркомании; коррупционных преступлений; безнадзорности несовершеннолетних и предупреждению совершения ими преступлений и иных правонарушений и др. Вместе с тем анализ подобных программ позволяет говорить об их неконкретности. Разработчиками фактически не учитывается специфика предупреждения преступности в городской и сельской местности, в программах отсутствуют реальные механизмы достижения поставленных целей [9, с. 27].

Анализ отдельных программ предупреждения преступности в субъектах Российской Федерации позволил нам обозначить унифицированную структуру данных программ, которая применима

практически ко всем из них. Так, программа должна включать в себя следующие разделы:

- 1) паспорт (основные параметры программы);
- 2) введение;
- 3) анализ современного состояния проблемы;
- 4) цель и задачи программы;
- 5) основные направления и механизм реализации программы;
- 6) необходимые ресурсы и источники их финансирования;
- 7) ожидаемый результат от реализации программы;
- 8) план мероприятий по реализации программы.

Отдельные авторы говорят о том, что региональные целевые программы по борьбе с преступностью направлены на конкретный вид или конкретную категорию преступников в зависимости от региональных особенностей [10, с. 43]. Так, программа предупреждения преступности в Омской области имеет ярко выраженный антикоррупционный характер. Это связано с тем, что Омская область носит высокий экономический потенциал, вызывающий интерес различных преступных групп. Тем не менее недостатком отдельных региональных программ предупреждения преступности является то, что они не учитывают специфику отдельных видов преступности в своем субъекте Российской Федерации. Например, Курганская область занимает 4-е место по России среди субъектов, имеющих самые высокие показатели преступности лиц, совершавших преступления в 2014 г. Однако программа по предупреждению преступности в данном регионе, рассчитанная на 5 лет (до 2018 г.), предусматривает всего два мероприятия в отношении указанной категории лиц:

– информирование лиц, освобожденных из мест лишения свободы, о предоставлении государственных услуг в области содействия занятости населения;

– организация временного трудоустройства безработных граждан, испытывающих трудности в поиске работы, в том числе лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы.

Мы считаем, что программа предупреждения преступности в субъекте Российской Федерации должна учитывать региональные особенности преступности и уделять повышенное внимание борьбе с ними. Для этого, по нашему мнению, в рамках государственных программ предупреждения преступности в субъекте Российской Федерации необходимо предусматривать отдельные подпрограммы с условными названиями (например, «Предупреждение преступности со стороны лиц, освобожденных из мест лишения свободы» и т. д.), как это сделано в ряде регионов страны: Государственная программа Псковской области «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности в Псковской области на 2014–2020 гг.».

В отдельных субъектах Российской Федерации комплексные целевые программы борьбы с преступностью предполагают помощь осужденным, освобожденным из мест лишения свободы, а также отбывающим наказания без изоляции от общества, тем самым закладывая основы социализации осужденных. Так, осужденным в Пермском крае оказываются три вида услуг: 1) социальные; 2) социально-правовые; 3) социально-психологические. Данные услуги включают в себя помощь в оформлении документов, трудоустройство, профессиональное обучение, решение жилищных и семейных проблем и другие реабилитационные услуги [12, с. 22].

По результатам проведенного исследования комплексных целевых программ предупреждения

преступлений в отдельных субъектах Российской Федерации мы можем сделать следующие выводы:

1) программно-целевой подход к борьбе с преступностью – это не только разработка и реализация региональных комплексных программ, но и сложный комплексный скоординированный процесс, состоящий из взаимосвязанных элементов (планирование, организация, руководство, контроль и др.). Одной из основных и эффективных форм борьбы с преступностью на уровне субъектов Российской Федерации стала комплексная целевая программа, представляющая собой документ, утвержденный уполномоченными и компетентными органами власти субъекта РФ, содержащий в себе комплекс мероприятий, направленных на борьбу с преступностью в данном регионе с учетом специфических особенностей (социально-экономических, политических условий, сложившейся криминогенной ситуации и др.), обеспечивающий достижение указанной в нем цели или комплекса взаимосвязанных целей;

2) каждая региональная комплексная программа борьбы с преступностью в отдельных субъектах Российской Федерации имеет свою специфику, характеризуется определенной структурой целей, требованиями к ресурсному обеспечению, определенными узловыми проблемами. В то же время с организационно-технологической точки зрения разработка таких программ характеризуется общностью структуры, вытекающей из содержания комплексного развития региона;

3) при формировании региональных комплексных программ борьбы с преступностью в отдельных субъектах Российской Федерации не уделяется должного внимания концептуальным основам, на низком уровне находится прогнозное обеспечение, не прорабатываются разные варианты сценариев развития, не осуществляются расчеты по обоснованию наиболее эффективных путей и средств достижения поставленных целей.

Список литературы

1. Дорофеева Ж. П. Деликтность несовершеннолетних: нормативные и программно-целевые способы превенции и пресечения // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Право. 2014. № 3. С. 161–170.
2. Бабенко А. В. Программно-целевое планирование предупреждения преступлений на региональном уровне: на материалах Российской Федерации и Республики Казахстан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 26 с.
3. Ваничкин Д. Е. Криминологическая характеристика и предупреждение преступности в регионе (на материалах Ставропольского края) : дис. канд. ... юрид. наук. Ставрополь, 2004. 179 с.
4. Косарев В. Н., Косарева Л. В., Макогон И. В. Программно-целевой подход к предупреждению рецидивной преступности // Закон и право. 2009. № 10. С. 84–85.
5. Шериев А. М. Организация профилактики правонарушений в субъектах Российской Федерации // Юридический вестник ДГУ. Т. 13. 2015. № 1. С. 104–108.

6. Сулова Г. Н. Региональные комплексные программы по усилению борьбы с преступностью: теоретические аспекты разработки и механизм реализации (по материалам Центрального федерального округа) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 235 с.

7. Махина С. Н., Дорофеева Ж. П. Нормативно-правовое и программно-целевое регулирование превенции административных правонарушений несовершеннолетних: проблемы и перспективы совершенствования // Юридические записки. 2014. № 4. С. 81–89.

8. Лаптев А. С. Проблемы формирования стратегии предупреждения преступлений в субъектах РФ // Федерализм. 2009. № 2. С. 208–212

9. Евланова О. А., Коимшиди Г. Ф. Криминологические проблемы предупреждения преступности – некоторые результаты исследования // Мониторинг правоприменения. 2014. № 3. С. 25–29.

10. Гладких В. И., Бабенко А. В. Методологические основы разработки комплексных программ борьбы с преступностью в регионе // Российский следователь. 2005. № 11. С. 40–45.

11. Кривенцева С. Целевые программы по профилактике повторной преступности // Преступление и наказание. 2015. № 5. С. 21–22.

OLGA SERGEEVNA EFREMOVA,

post-graduate student

(Academy of the FPS of Russia)

e-mail: efremova.o-s@yandex.ru

© Efremova O. S., 2015

PROBLEMS OF PROGRAM TARGET PLANNING OF CRIME PREVENTION AT THE LEVEL OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE WAYS TO SOLVE THEM

Annotation: the problems of crime prevention in the constituent entities of the Russian Federation remain highly relevant nowadays. The problems of working out the measures of preventing crime in the regions of Russia require system approach, careful planning, development of new forms and ways to combat crime within social development of the region in general. Fight against crime should be based on the studies of crime under specific conditions of place and time, within certain limits of space. Therefore, territorial (regional) analysis of the forms of combating crime in some entities of the Russian Federation is the basis for crime prevention at the level of a separate state.

To combat crime successfully it is necessary to follow an integrated coordinated approach to the problem in the entities of the Russian Federation. Such approach to fighting crime should be based on a number of basic provisions, such as: regular analysis of changes of crime and its causes; determining the strategy and tactics of fight against crime taking into account the actual socio-economic and political conditions, the state of public consciousness, of the law-enforcement system, etc.

Comprehensive programs on strengthening the fight against crime in separate entities of the Russian Federation should become a most important organizational form of implementing this approach. Such programs are developed and implemented on the initiative of either the federal government bodies, or public authorities of the constituent entities of the federation. At present, the target program «Ensuring Public Order and Combating Crime» approved by the Resolution of the Government of the Russian Federation of April 15, 2014 No. 345 is functioning on the federal level.

Studies of the possible use of program-target planning of crime prevention in separate constituent entities of the Russian Federation, analysis of the relevant practices, identifying the causes of its shortcomings and weaknesses and working out rational recommendations aimed at increasing its efficiency are a real problem requiring special investigation. At present, a vast majority of constituent entities of the Russian Federation have accepted and implement on a scheduled basis the comprehensive programs of crime prevention. The analysis of positive practice of separate entities of the Russian Federation in the field of program-target planning constitutes the basis of the present article.

Key words: prevention, the offense, the program, the rule of law, complex target program, criminological security, the subject of the Russian Federation, the method, the regional crime, the legal regulation.

References

1. Dorofeeva Z. P. Deliktnost' nesovershennoletnih: normativnye i programmno-celevye sposoby prevencii i presechenija [Juvenile delinquency: the regulatory and program-targeted methods of prevention and suppres-

sion]. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Voronezh State University, 2014, no. 3, pp. 161–170.

2. Babenko A. V. Programmno-celevoe planirovanie preduprezhdenija prestuplenij na regional'nom urovne: na materialah Rossijskoj Federacii i Respublike Kazahstan. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [Program and target planning of the prevention of crimes at the regional level: on materials of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. Cand. legal sci. diss. abstract]. Moscow, 2007. 26 p.

3. Vanichkin D. E. Kriminologicheskaja harakteristika i preduprezhdenie prestupnosti v regione (na materialah Stavropol'skogo kraja). Diss. kand. jurid. nauk [The criminological characteristic and the prevention of crime in the region (on materials of Stavropol Krai). Cand. legal sci. diss. abstract]. Stavropol, 2004. 179 p.

4. Kosarev V. N., Kosareva L. V., Makogon I. V. Programmno-celevoj podhod k preduprezhdeniju recidivnoj prestupnosti [Program and target approach to the prevention of recurrent crime]. Zakon i pravo – Law and right, 2009, no. 10, pp. 84–85.

5. Sheriev A. M. Organizacija profilaktiki pravonarushenij v subektah Rossijskoj Federacii [Organization of prevention of offenses in subjects of the Russian Federation]. Juridicheskij Vestnik DGU – The DGU Legal Bulletin, Vol. 13, 2015, no. 1, pp. 104–108.

6. Suslova G. N. Regional'nye kompleksnye programmy po usileniju bor'by s prestupnost'ju: teoreticheskie aspekty razrabotki i mehanizm realizacii (po materialam Central'nogo federal'nogo okruga). Dis. kand. jurid. nauk [Regional comprehensive programs on strengthening of fight against crime: theoretical aspects of development and the mechanism of realization (on materials of Central Federal District). Cand. legal sci. diss. abstract]. Moscow, 2004, 235 p.

7. Mahina S. N., Dorofeeva Zh. P. Normativno-pravovoe i programmno-celevoe regulirovanie prevencii administrativnyh pravonarushenij nesovershennoletnih: problemy i perspektivy sovershenstvovanija [Standard and legal and program and target regulation of prevention of administrative offenses of minors: problems and prospects of improvement]. Juridicheskie zapiski – Legal notes, 2014, no. 4, pp. 81–89.

8. Laptev A. S. Problemy formirovanija strategii preduprezhdenija prestuplenij v subektah RF [Problems of formation of strategy of the prevention of crimes in territorial subjects of the Russian Federation]. Federalizm – Federalism, 2009, no. 2, pp. 208–212.

9. Evlanova O. A., Koimshidi G. F. Kriminologicheskie problemy preduprezhdenija prestupnosti – nekotorye rezul'taty issledovanija [Criminological problems of the prevention of crime – some results of research]. Monitoring pravoprimenenija – Monitoring of right application, 2014, no. 3, pp. 25–29.

10. Gladkih V. I., Babenko A. V. Metodologicheskie osnovy razrabotki kompleksnyh programm bor'by s prestupnost'ju v regione [Methodological bases of development of comprehensive programs of fight against crime in the region]. Rossijskij sledovatel' – The Russian investigator, 2005, no. 11, pp. 40–45.

11. Krivenceva S. Celevyje programmy po profilaktike povtornoj prestupnosti [Target programs for prevention of repeated crime]. Prestuplenie i nakazanie – Crime and punishment, 2015, no. 5, pp. 21–23.

УДК 343.23
ББК 67.408.011
3-18

АЗАМАТ ХАСАНБИЕВИЧ ЗАКАЕВ,
соискатель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
(Саратовская государственная юридическая академия),
e-mail: tkuzina@sgap.ru
© Закаев А. Х., 2015

СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ОБЩИЕ УСЛОВИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Реферат: в статье анализируются и сопоставляются понятия субъекта преступления и общих условий уголовной ответственности. Делается вывод о том, что формально общие условия уголовной ответственности прямо не тождественны признакам субъекта преступления. Субъект преступления рассматривается в плоскости закрепленных уголовным законом свойств и качеств лица, нарушившего уголовно-правовую обязанность воздерживаться от совершения преступления. Наличие признаков субъекта преступления предполагает уже состоявшееся преступное посягательство на охраняемый уголовным правом объект.

Условия уголовной ответственности определяются сквозь призму установленных уголовным законом свойств и качеств правоисполнителя, обязанного воздерживаться от совершения преступления. Возникновение общих условий уголовной ответственности ассоциируется с появлением правоисполнителя, обязанного воздерживаться от совершения преступления. Акцентируется внимание на том, что формальные отличия между условиями уголовной ответственности и субъектом преступления должны строго учитываться в законодательной деятельности и правоприменительной практике для более эффективной реализации общей социальной ориентированности уголовного законодательства, заключающейся в необходимости удержания правоисполнителя от совершения преступления. Содержательных отличий между условиями уголовной ответственности и субъектом преступления не устанавливается. Категории «условия уголовной ответственности» и «субъект преступления» по своей действительной природе сводятся к установленным уголовным законом свойствам и качествам правоисполнителя.

Таким образом, общие условия уголовной ответственности определяются как совокупность установленных уголовным законом свойств и качеств правоисполнителя, обязанного воздерживаться от совершения преступления. Соответственно под субъектом преступления понимается совокупность установленных уголовным законом свойств и качеств правоисполнителя, нарушившего уголовно-правовую обязанность воздерживаться от совершения преступления.

Ключевые слова: субъект, преступление, условия, ответственность, правоисполнитель, обязанность.

Понятие субъекта преступления хорошо известно на уровне доктрины, тогда как действующее уголовное законодательство им практически не пользуется. Единственной статьей уголовного закона, оперирующей термином «субъект преступления», является ст. 34 УК РФ «Ответственность соучастников преступления», в ч. 4 которой отмечается: «Лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанным в соответствующей статье Особенной части настоящего Кодекса, участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьей, несет уголовную ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя либо пособника». Однако из содержания ч. 4 ст. 34 УК РФ складывается достаточно размытая картина относительно признаков субъекта преступления. Законодатель ограничивается лишь ассоциацией субъекта преступления с неким лицом, совершившим преступление, поэтому на законодательном уровне непосредственное понятие субъекта преступления фактически отсутствует.

Обращение к уровню уголовно-правовой доктрины позволяет отметить, что многие аспекты понятия субъекта преступления получили достаточно обстоятельное теоретическое освещение. При этом преимущественное большинство исследователей, характеризуя признаки субъекта преступления, ограничиваются нормами и положениями гл. 4 УК РФ «Лица, подлежащие уголовной ответственности». Так, по мнению В. Ф. Щепелькова, «в главе 4 Уголовного кодекса РФ сосредоточены нормы, содержащие общие признаки субъекта преступления. Модель их отражения в законе в целом последовательна и логична: вначале определяются общие требования, а затем делаются исключения из общего правила и оговорки» [4, с. 78].

Главу 4 УК РФ открывает ст. 19 УК РФ «Общие условия уголовной ответственности», в которой указывается, что «уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного настоящим Кодексом». Исходя из сформулированного ст. 19 УК РФ положения, субъект преступления традиционно

определяется как вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного УК РФ [1, с. 160; 3, с. 160; 5, с. 59].

С позиции оснований возникновения и прекращения уголовной ответственности вывод о том, что субъектом преступления признается вменяемое физическое лицо, достигшее установленного УК РФ возраста, вовсе неоспорен. В ст. 19 УК РФ законодатель раскрывает именно общие условия уголовной ответственности, а не признаки субъекта преступления. Наряду с моментом вступления уголовного законодательства в законную силу появление общих условий уголовной ответственности необходимо рассматривать основанием возникновения уголовной ответственности. В механизме формирования уголовной ответственности общие условия уголовной ответственности подчеркивают, что запрет на совершение преступления должен восприниматься вменяемым физическим лицом, достигшим возраста, установленного уголовным законодательством.

Когда идет речь о признаках субъекта преступления, оперирование исключительно общими условиями уголовной ответственности едва ли уместно. Констатация признаков субъекта преступления со всей очевидностью подразумевает уже состоявшееся преступное посягательство на охраняемый уголовным правом объект со стороны вменяемого физического лица, достигшего возраста, установленного уголовным законом. Совершенно противоположная ситуация ожидается при появлении общих условий уголовной ответственности. Социальная результативность реализовавшейся уголовной ответственности предполагает удержание вменяемого физического лица, достигшего возраста, установленного уголовным законом, от совершения преступления. В связи с этим прямое отождествление признаков субъекта преступления с общими условиями уголовной ответственности значительно искажает вытекающую из сущности уголовно-правовых задач общую позитивную направленность уголовной ответственности и уголовного законодательства в целом.

В контексте всего изложенного представляет интерес позиция А. Г. Лебедева, предложившего с учетом стоящих перед уголовным правом задач изложить ст. 19 УК РФ следующим образом:

«Статья 19. Лица, обязанные воздерживаться от совершения деяний, предусмотренных настоящим Кодексом

Вменяемые физические лица, достигшие возраста, установленного настоящим Кодексом, обязаны под угрозой уголовной ответственности воздерживаться от совершения деяний, предусмотренных Особой частью настоящего Кодекса

как в качестве исполнителей, так и в качестве соучастников.

Вменяемые физические лица, достигшие определенного возраста, обладающие другими качествами, специально предусмотренными соответствующими уголовно-правовыми нормами настоящего Кодекса, обязаны под угрозой уголовной ответственности воздерживаться от совершения в качестве исполнителя деяний, предусмотренных Особой частью настоящего Кодекса» [2, с. 22, 23].

Представленные суждения А. Г. Лебедева выстроены на основе тезиса о том, что действующая редакция ст. 19 УК РФ не отвечает на вопрос о причинах привлечения лица к уголовной ответственности [2, с. 22]. С таким выводом трудно не согласиться. В уголовном законе действительно отсутствует прямое указание на обязанность вменяемого физического лица, достигшего возраста, установленного УК РФ, воздерживаться от преступного посягательства. Однако с оптимальностью предложенного А. Г. Лебедевым варианта решения обозначенной проблемы можно поспорить.

Основное уязвимое место в умозаключениях А. Г. Лебедева относительно необходимости особо подчеркнуть обязанность воздерживаться от совершения преступлений в ст. 19 УК РФ видится в традиционном представлении об уголовной ответственности как следствии совершения преступления. А. Г. Лебедев настаивает на том, что «обвинительный приговор суда есть не что иное, как привлечение виновного к уголовной ответственности» [2, с. 19]. Вместе с тем отождествление момента возникновения уголовной ответственности с вынесением судом обвинительного приговора суда никак не состыкуется с предпосылками решения задач уголовного права. В ч. 2 ст. 2 УК РФ одной из предпосылок осуществления уголовно-правовых задач, подразумевающих удержание человека от преступления, называется закрепление основания уголовной ответственности. Каким образом удержание правоисполнителя от совершения преступления будет достигнуто реализацией уголовной ответственности, рассматриваемой в качестве уголовно-правового итога уже совершенного преступления, остается загадкой.

Последовательно развивая идею уголовно-правового удержания человека от совершения преступления, отчетливо прослеживающуюся в задачах уголовного права, возникают сомнения в потребности особого выделения социальной ориентированности уголовного законодательства именно в ст. 19 УК РФ. Задачи уголовного права определяют единую социальную направленность всех без исключения уголовно-правовых норм и положений, поэтому обязанность воздерживаться от совершения преступ-

ления должна быть подчеркнута не конкретной статьёй уголовного закона, а всем содержанием уголовного законодательства.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что общие условия уголовной ответственности прямо нетождественны признакам субъекта преступления. Возникновение общих условий уголовной ответственности ассоциируется с появлением правоисполнителя, обязанного воздерживаться от совершения преступления. Наличие признаков субъекта преступления предполагает уже состоявшееся преступное посягательство на охраняемый уголовным правом объект.

Общие условия уголовной ответственности и признаки субъекта преступления обладают и едиными свойствами. При оперировании общими условиями уголовной ответственности и признаками субъекта преступления всегда подразумевается вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного УК РФ. Помимо вменяемости, физической природы и возраста лица, могут устанавливаться специальные условия уголовной ответственности, тождественные специальным признакам субъекта преступления.

На основании изложенного общие условия уголовной ответственности следует определить как совокупность установленных уголовным законом свойств и качеств правоисполнителя, обязанного воздерживаться от совершения преступления. Соот-

ветственно под субъектом преступления необходимо понимать совокупность установленных уголовным законом свойств и качеств правоисполнителя, нарушившего уголовно-правовую обязанность воздерживаться от совершения преступления.

Содержательных отличий между условиями уголовной ответственности и субъектом преступления не наблюдается. Категории «условия уголовной ответственности» и «субъект преступления» по своей действительной природе сводятся к установленным уголовным законом свойствам и качествам правоисполнителя. Однако условия уголовной ответственности и субъект преступления носят исключительно важные формальные отличия. Когда идет речь об условиях уголовной ответственности, подразумевается правоисполнитель, только лишь наделенный обязанностью не совершать преступления, а когда о субъекте преступления – всегда предполагается правоисполнитель, нарушивший конкретный уголовно-правовой запрет. Формальные отличия между условиями уголовной ответственности и субъектом преступления должны строго учитываться в законодательной деятельности и правоприменительной практике для более эффективной реализации общей социальной ориентированности уголовного законодательства, заключающейся в необходимости удержания правоисполнителя от совершения преступления.

Список литературы

1. Иванов Н. Г. Уголовное право России. Общая и Особенная части : учеб. для вузов. М., 2003. 768 с.
2. Лебедев А. Г. Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности по уголовному праву России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 26 с.
3. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. Р. Р. Галиакбарова. Саратов, 1997. 431 с.
4. Щепельков В. Ф. Субъект преступления: преодоление пробелов уголовного закона // Журнал российского права. 2002. № 2. С. 60–65.
5. Ялин А. Субъект преступления как условие уголовной ответственности // Российская юстиция. 2001. № 2. С. 59.

AZAMAT HASANBIEVICH ZAKAYEV,
competitor of the criminal and penal law department
(Saratov state legal academy),
e-mail: tkuzina@sgap.ru
© Zakayev A. H., 2015

SUBJECT OF CRIME AND GENERAL CONDITIONS OF CRIMINAL LIABILITY

Annotation: the article analyses and compares the concept of the perpetrator and the general conditions of criminal liability. It is concluded that the general conditions of criminal responsibility are not identical to the features of the perpetrator. A subject of crime is considered from the point of the criminal law on properties and qualities of a person who has violated the criminal law to refrain from committing crimes.

Perpetrator's elements of crime assume that the criminal offence has been already done over the protected object.

Conditions for criminal liability are determined by established penal law properties and qualities of a performer obligated to refrain from committing crimes.

The emergence of the general conditions of the criminal liability associated with the emergence of the performer is to refrain from committing crimes.

Attention is drawn to the fact that the formal differences between conditions of criminal liability and an offender should be strictly taken into account by legislation and law enforcement to effective implementation the general social orientation inhibiting a performer from crimes.

There are no considerable differences between conditions of criminal liability and a subject of crime.

Such categories as «conditions of criminal liability» and «a subject of crime" according to their origin result to penal properties and a performer's qualities.

Thus, general conditions of the criminal liability are determined as a complex of fixed by law properties and performer qualities, obligated to refrain from committing crimes.

Accordingly, under the subject of crime we mean a complex of fixed by law properties and performer qualities, obligated to refrain from committing crimes.

Key words: subject, crime, conditions, responsibility, right performer, duty.

References

1. Ivanov N. G. Uголовное право России. Obshhaja i Osobennaja chasti [Russian Criminal Law. General and Special Parts]. Moscow, 2003. 768 p.

2. Lebedev A. G. Privlechenie zavedomo nevinovnogo k uголовnoj otvetstvennosti po uголовnomu pravu Rossii. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [Attraction obviously innocent to criminal liability under the criminal law of Russia. Cand. legal sci. diss. abstract]. Saratov, 2004. 26 p.

3. Uголовное право Rossijskoj Federacii. Obshhaja chast' [Criminal Law of the Russian Federation. General part]. Under editorship of R. R. Galiakbarov. Saratov, 1997. 431 p.

4. Shhepel'kov V. F. Sub'ekt prestuplenija: preodolenie probelov uголовnogo zakona [Subject of a crime: bridging gaps criminal law]. Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian law, 2002, no. 2, pp. 60–65.

5. Jalin A. Sub'ekt prestuplenija kak uslovie uголовnoj otvetstvennosti [Subject of crime as a condition of criminal responsibility]. Rossijskaja justicija – Russian justice, 2001, no. 2, p. 59.

УДК 343.72
ББК 67.408.121.2
К61

ВЯЧЕСЛАВ ВАЛЕНТИНОВИЧ КОЛОМИНОВ,

аспирант

(Байкальский государственный университет экономики и права),

e-mail: offroad88@mail.ru

© Коломинов В. В., 2015

О СПОСОБЕ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Реферат: расследование мошенничества в сфере компьютерной информации предопределяет необходимость установления способа совершения преступления. В статье анализируется понятие способа совершения преступления с точки зрения уголовного права и криминалистики, определяется его значение для расследования уголовного дела, приводятся наиболее распространенные способы совершения мошенничества в сфере компьютерной информации.

Вместе с тем данный перечень не является исчерпывающим. В отношении наиболее распространенных мошеннических схем при использовании сетевых ресурсов в сфере компьютерной информации вряд ли возможно установить все способы мошенничества, сведя их к одному классификационному основанию. Однако вполне уместно говорить о типологии способов мошенничества, связанных с компьютерной информацией: например, мошенничество с виртуальными деньгами, инвестициями, товарообменом, лжеуслугами и благотворительностью, а также распространение вредоносных программ с последующим извлечением материальной выгоды и т. п.

Ключевые слова: киберпреступления, мошенничество, компьютерная информация, способ совершения преступления.

Раскрытие и расследование мошенничества в сфере компьютерной информации требует полного, всестороннего и объективного установления обстоятельств, относящихся к расследуемому событию, перечень которых определен в ст. 73 УПК РФ. Это позволяет лицу, осуществляющему расследование, решать криминалистические, уголовно-правовые и уголовно-процессуальные задачи.

В свое время Р. С. Белкин в работе «Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики», делая акцент на необходимость постоянного совершенствования частных криминалистических методик расследования отдельных видов (групп) преступлений, считал целесообразным включить в структуру частной криминалистической методики обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовным делам исследуемой категории [1, с. 222]. Одним из таких обстоятельств является способ совершения преступления, который, по мнению многих ученых-криминалистов, включает в себя систему действий субъекта, охватываемую единством замысла и цели (конкретного желаемого результата) [2, с. 119].

Действительно, если говорить о способе совершения преступления в контексте элемента предмета доказывания, то взаимосвязь субъективных и объективных элементов состава преступления достаточно хорошо просматривается в тех преступ-

ных деяниях, которые охватываются умыслом. В результате такой взаимосвязи между обозначенными элементами, которые включают в себя умысел, мотив, цель преступления, способ его совершения и сокрытие, а также преступный результат, образуется смысловое единство.

В Словаре русского языка С. И. Ожегова слово «способ» определяется как действие или система действий, применяемых при исполнении какой-нибудь работы, при осуществлении чего-нибудь [6, с. 674].

В доктрине уголовного права способ совершения преступления является одним из наиболее значимых признаков объективной стороны состава преступления независимо от формы деяния и формы вины. Однако при этом определение способа совершения преступления законодателем в уголовном законе не дается.

Анализ различных точек зрения ученых в области уголовного права по этому вопросу позволяет говорить о нем, во-первых, как о «приемах, методах, тактических средствах, применяемых для совершения преступления» [4, с. 17]; во-вторых, как о присущем каждому противоправному деянию факультативном признаке объективной стороны преступления, представляющем собой образ действий, приемы или их систему, «направленных на достижение результата и совершаемых в определенном порядке» [8, с. 8]; в-третьих, как о «форме, в которой выразились общественно опасные

действия, те приемы и методы, которые использовал преступник для совершения преступления» [5]. Однако, как справедливо отмечает П. В. Федышина, и с этим следует согласиться, способ не может быть сведен лишь к форме посягательства. Обобщенная сущность данных определений, по мнению указанного автора, сводится к тому, что способ совершения преступления есть действие или определенный порядок (система) действий, обладающих двумя важными свойствами: во-первых, они должны совершаться в процессе преступления и, во-вторых, должны быть направлены на достижение преступного результата [7].

Сравнивая определения способа совершения преступления, предложенные учеными в области уголовного права и учеными-криминалистами, приходим к выводу о том, что криминалистическое толкование способа совершения преступления в определенной степени отличается от уголовно-правового. Именно в этом, на наш взгляд, обнаруживается принципиальная разница в подходах к определению данного понятия.

Таким образом, до настоящего времени вопрос о том, что следует понимать под способом совершения преступления, в кругу ученых относится к числу дискуссионных, по поводу которого не сложилось единого мнения (в том числе среди ученых-криминалистов). Отдельные ученые ведут речь о включении в содержание способа совершения преступления действий по его подготовке, совершению и сокрытию, другие предлагают способ подготовки, совершения и сокрытия преступления рассматривать отдельно. Это обусловлено тем, что способ совершения преступления в криминалистике понимается в узком и широком смысле этого слова.

Представляется, что способ совершения преступления – это деятельность преступника, детерминированная его психофизическими свойствами личности и условиями внешней среды, включающая в себя подготовку, совершение и сокрытие противоправного деяния, а также использование преступником места, времени, орудий и средств, условий, соответствующих цели совершаемых им действий. В связи с этим, данные о способе мошенничества в сфере компьютерной информации, соответствующих ему типичных следах, механизме их образования и сокрытия позволяют в информативном плане получить значительную часть информации как о характере совершенного мошенничества, так и о субъектах преступной деятельности. Однако, как показывает практика, сущность мошенничества такова, что дать исчерпывающий перечень способов его совершения вряд ли возможно.

Анализ научной и нормативно-правовой литературы на сегодняшний день также позволяет кон-

статировать отсутствие единого подхода к классификации способов совершения мошенничества в сфере компьютерной информации. Это, как представляется, обусловлено небольшой наработкой судебной практики расследования данных преступлений, которые законодатель в Уголовном кодексе РФ выделил в отдельную ст. 159.6 «Мошенничество в сфере компьютерной информации» лишь с 2012 г. Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ.

Следует отметить, что понятие «сфера компьютерной информации» также представляется крайне расплывчатым и терминологически не совсем верным. Такое положение обусловлено слабой разработанностью исследуемой проблемы. Учеными и практиками в контексте рассматриваемого вопроса достаточно часто упоминаются и такие термины, как «киберпреступления», «кибермошенничество», «компьютерное мошенничество», «мошенничество в сети Интернет». Следует уточнить, что действующее законодательство данных терминов не раскрывает.

Вместе с тем в уголовном законе под мошенничеством в сфере компьютерной информации понимается хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей.

Тем не менее следует отметить, что такое хищение или приобретение права на чужое имущество не обязательно подразумевает использование компьютера. Это может быть иное технически сложное устройство, позволяющее получить доступ к сетевым ресурсам. Альтернативу персональным компьютерам составляют смартфоны и планшеты, активно пользующиеся спросом как у мошенников, так и у их жертв в силу своих возможностей и технических характеристик. Здесь правильнее было бы вести речь о мошенничестве с использованием электронной информации, технологических и коммуникационных возможностей компьютерных систем и иных технически сложных устройств, имеющих доступ к сетевым ресурсам для совершения обмана жертвы или так называемого обмана компьютерной системы.

Если исходить из законодательного аспекта, то анализ ст. 8 Конвенции ООН о преступности в сфере компьютерной информации (заключена в г. Будапеште 23 ноября 2001 г.) позволяет выделить следующие способы преднамеренного и без права на это лишения другого лица его собственности путем: а) любого ввода, изменения, удале-

ния или блокирования компьютерных данных; б) любого вмешательства в функционирование компьютерной системы мошенническим или бесчестным намерением неправомерного извлечения экономической выгоды для себя или для иного лица.

Кодификатор рабочей группы Интерпола в обобщенном виде компьютерные мошенничества предлагает определять и классифицировать следующим образом: 1) компьютерные мошенничества, связанные с хищением наличных денег из банкоматов; 2) компьютерные подделки: мошенничества и хищения из компьютерных систем путем создания поддельных устройств; 3) мошенничества и хищения, связанные с игровыми автоматами; 4) манипуляции с программами ввода-вывода: мошенничества и хищения посредством неверного ввода в компьютерные системы или вывода из них путем манипуляции программами; 5) компьютерные мошенничества и хищения, связанные с платежными средствами; б) телефонное мошенничество: доступ к телекоммуникационным услугам путем посягательства на протоколы и процедуры компьютеров, обслуживающих телефонные системы [3].

Кроме того, представляется, что классифицировать мошенничество в сфере компьютерной информации следует на основании способов, которыми оно реализуется.

Анализ следственной и судебной практики, а также репрезентативный опрос пользователей компьютеров (иных технически сложных устройств) и сотрудников правоохранительных органов позволяет констатировать, что на сегодняшний день наиболее распространенными способами мошенничества в сфере компьютерной информации являются:

- незаконное завладение регистрационными данными различных учетных записей (appstore, googlemarket и т. п.) с последующей их реализацией либо дальнейшим использованием в мошеннических схемах;

- использование платежных сервисов различных интернет-ресурсов (как в российском сегменте сети Интернет, так и за его пределами) при осуществлении необходимых платежных операций с последующим обналичиванием денежных средств либо с приобретением различных товаров с использованием денежных средств со счета жертвы (для совершения транзакции мошенники располагают необходимыми данными карты жертвы);

- размещение ложной информации с целью ввести в заблуждение потенциальную жертву (будущего инвестора) на специально созданном сайте (в том числе размещение сообщений на форумах) о возможности получения сверхкрупных прибылей от краткосрочных инвестиций с последующим заклю-

чением виртуальных сделок и переводом денежных средств на счет в банке за границей;

- взлом электронных кошельков (в том числе посредством рассылки вредоносного программного обеспечения либо ссылок на него) с последующим хищением денежных средств (их обналичиванием), переводом на другие счета, оплата услуг либо товаров через электронные платежные системы («YandexMoney», «Webmoney», «PayPal», «Qiwі» и др.);

- рассылка писем-оферт об инвестировании бизнеса посредством пополнения счетов денежными средствами. В случае акцепта следует просьба предоставить персональные данные (для юридического лица банковские реквизиты, образцы подписей, оттиски печати). Возможны также просьбы о погашении «операционных расходов» за перевод средств;

- рассылка писем «спамов», которые содержат вредоносные программы, на электронную почту жертвы с предложениями разного характера (перевод финансов; диеты, приобретение медикаментов; надомная работа при условии приобретения жертвой оборудования, комплектующих и прочих принадлежностей; выгодное инвестирование или кредитование и т. д.). Эксперты в области IT-технологий отмечают большое количество таких писем (до 25–30 млн рассылок ежегодно) в общем объеме электронных писем в российском сегменте сети Интернет, что соответствует около 50 % от их общего объема;

- получение денег через виртуальные интернет-магазины, а также создание мошенниками сайтов-двойников известных интернет-магазинов;

- проведение электронных торгов (с несуществующими лотами) или «интернет-аукционов» (с целью завышения цены аукционного товара продавцы-мошенники делают на него ставки);

- организация благотворительных акций через Интернет, где на счета для конкретных лиц (инвалидов, тяжело больных, нуждающихся в срочных операциях и т. п.) предлагается перечислять денежные суммы. С этой целью могут создаваться сайты-двойники реальных благотворительных организаций;

- хищение номеров платежных карт жертв (посредством вредоносного программного обеспечения либо сайтов-двойников).

Данный перечень не является исчерпывающим. В заключение подчеркнем, что в отношении наиболее распространенных мошеннических схем при использовании сетевых ресурсов в сфере компьютерной информации вряд ли возможно озвучить все способы мошенничества, сведя их к одному классификационному ос-

нованию. Однако вполне уместно говорить о типологии способов мошенничества, связанных с компьютерной информацией, как, например, мошенничество с виртуальными деньгами, ин- вестициями, товарообменом, лжеуслугами и благотворительностью, а также распространение вредоносных программ с последующим извлечением материальной выгоды.

Список литературы

1. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. 240 с.
2. Васильев Н. А., Яблоков Н. П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. М., 1984. 143 с.
3. Вопросы международного сотрудничества в борьбе с компьютерными преступлениями. URL: <http://www.crime-research.ru/news>.
4. Галахова А. В. Вопросы квалификации преступлений в уголовном праве и судебной практике (по признакам объективной стороны) // Российский следователь. 2010. № 14. С. 14–18.
5. Малинин В. Б., Парфенов А. Ф. Способ совершения преступления // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2004. № 6. С. 89–96.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 14-е изд., стер. М., 1983. 816 с.
7. Федьшина П. В. Способ совершения преступления в уголовном праве // Криминалисть. 2012. № 2. С. 19–22.
8. Якубович О. Р. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 258 с.

VYACHESLAV VALENTINOVICH KOLOMINOV,

graduate student

(Baikal state university of economy and law),

e-mail: offroad88@mail.ru

© Kolominov V. V., 2015

ABOUT THE WAY OF COMMISSION OF FRAUD IN THE SPHERE OF KOMPYUTERNOY OF INFORMATION

Annotation: investigation of fraud in the sphere of computer information predetermines need of establishment of a way of commission of crime. The author analyzes concept of a way of commission of crime from the point of view of criminal law and criminalistics, its value for investigation of criminal case is defined. The most widespread ways of commission of fraud are given in the sphere of computer information.

At the same time this list isn't exhaustive. Concerning the most widespread roguish schemes when using network resources in the sphere of computer information it is hardly possible to establish all ways of fraud having reduced them to one classification basis. However quite appropriate to speak about typology of the ways of fraud connected with computer information: for example, fraud with virtual money, investments, barter, pseudo-services and charity, and also distribution of harmful programs with the subsequent extraction of material benefit, etc.

Key words: cybercrimes, fraud, computer information, way of a crime.

References

1. Belkin R. S. Kriminalistika: problemy segodnjashnego dnja. Zlobodnevnye voprosy rossijskoj kriminalistiki [Criminalistics: problems of today. Burning issues of the Russian criminalistics]. Moscow, 2001. 240 p.
2. Vasil'ev N. A., Jablovkov N. P. Predmet, sistema i teoreticheskie osnovy kriminalistiki [Subject, system and theoretical fundamentals of criminalistics]. Moscow, 1984. 143 p.
3. Voprosy mezhdunarodnogo sotrudnichestva v bor'be s komp'juternymi prestuplenijami [Questions of the international cooperation in fight against computer crimes]. Available at: www.crime-research.ru/news.
4. Galahova A. V. Voprosy kvalifikacii prestuplenij v ugovnom prave i sudebnoj praktike (po priznakam ob'ektivnoj storony) [Questions of qualification of crimes in criminal law and jurisprudence (on signs of the objective party)]. Rossijskij sledovatel' – Russian investigator, 2010, no. 14, pp. 14–18.

5. Malinin V. B., Parfenov A. F. Sposob sovershenija prestuplenija [Way of commission of crime]. Trudy Sankt-Peterburgskogo juridicheskogo instituta General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii [Works of the St. Petersburg legal institute of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation]. St. Petersburg, 2004, no. 6, pp. 89–96.

6. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo jazyka [Dictionary of Russian]. Under the editorship of N. Ju. Shvedova. 14th edition, stereotypic. Moscow, 1983. 816 p.

7. Fedyshina P. V. Sposob sovershenija prestuplenija v ugovnom prave [A way of commission of crime in criminal law]. Kriminalist – Criminalist, 2012, no. 2, pp. 19–22.

8. Jakubovich O. R. Sposob sovershenija prestuplenija i ego ugovno-pravovoe znachenie. Dis. kand. jurid. nauk [Way of commission of crime and its criminal and legal value. Cand legal sci. diss.]. Moscow, 2004. 258 p.

УДК 343.18
ББК 67.410.213.82
К88

ОКСАНА НИКОЛАЕВНА КУДОВБА,
соискатель
(Ростовский юридический институт МВД России),
e-mail: editor62@yandex.ru
© Кудовба О. Н., 2015

ПОЛНОМОЧИЯ СУДА ПРИ РЕШЕНИИ ВОПРОСОВ О ПРИМЕНЕНИИ К ОСУЖДЕННЫМ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

Реферат: вопросы применения принудительных мер медицинского характера отнесены законодателем к исключительной компетенции суда. Предполагается, что суд, уполномоченный выносить решение о применении принудительных мер медицинского характера, обладает необходимым перечнем полномочий, а сам анализируемый институт регулируется должным образом. Однако в законодательстве прописаны только отдельные полномочия суда в этой области. Одновременно регулирование применения института принудительных мер медицинского характера имеет ряд недостатков.

Считаем актуальным законодательно закрепить следующие полномочия суда при решении вопросов о применении принудительных мер медицинского характера:

- 1) суд при поступлении документов должен проверять их соответствие нормам уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, а в случае выявления нарушений законности – возвращать их для переоформления обратно администрации учреждения или органа, исполняющего наказание;
- 2) судья должен обладать правом вызывать в судебное заседание прокурора и осужденного;
- 3) судья, прокурор и представитель учреждения, исполняющего наказание, должны активно участвовать в исследовании представленных документов с одновременной проверкой в них соблюдения требований закона;
- 4) при наличии сомнений в обоснованности принятия решения по тому или иному вопросу о применении к осужденному принудительных мер медицинского характера суд должен обладать правом во всех случаях назначать судебно-психиатрическую экспертизу.

У судей отсутствует так называемая пенитенциарная специализация, поэтому на практике они не всегда всесторонне разбираются в вопросах, которые им предстоит разрешать в стадии исполнения приговора. Между тем выделение такой специализации у судей по месту расположения учреждений, исполняющих наказания, позволит им лучше разбираться в проблемах, связанных с исполнением уголовных наказаний, в том числе с применением принудительных мер медицинского характера в отношении осужденных.

Полагаем необходимым четко закрепить в законодательстве полномочия суда при решении вопросов о применении к осужденным принудительных мер медицинского характера.

Ключевые слова: суд, уголовное, уголовно-исполнительное и уголовно-процессуальное законодательство, принудительные меры медицинского характера, осужденные, страдающие психическими расстройствами, судебно-психиатрическая экспертиза, пенитенциарная специализация, судебное заседание.

Назначение, продление, изменение или прекращение применения принудительных мер медицинского характера отнесено законодателем к исключительной компетенции суда (ст. 397 УПК РФ). Участники судебного заседания – прокурор, представитель администрации учреждения или органа, исполняющего наказание, и другие – играют скорее вспомогательную роль для принятия судом объективного и законного решения в стадии исполнения приговора.

Предполагается, что суд, уполномоченный выносить решение о применении принудительных мер медицинского характера, обладает необходимым перечнем полномочий, а сам анализируемый институт регулируется должным образом.

В законодательстве прописаны только отдельные полномочия суда в этой области:

1) суд имеет право, а не обязан назначать принудительные меры медицинского характера (ст. 81, 97–101 УК РФ);

2) в соответствии с ч. 2.1 ст. 102 УК РФ суд на основании внесенного ходатайства администрации учреждения, исполняющего наказание, назначает судебно-психиатрическую экспертизу в отношении лица, совершившего в возрасте старше восемнадцати лет преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, и страдающего расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости, в целях решения во-

проса о необходимости применения к нему принудительных мер медицинского характера в период условно-досрочного освобождения или в период отбывания более мягкого вида наказания, а также после отбытия наказания. Суд на основании заключения судебно-психиатрической экспертизы может назначить принудительную меру медицинского характера или прекратить ее применение;

3) суд извещает о дате, времени и месте судебного заседания его участников не позднее 14 суток до дня судебного заседания (ч. 2 ст. 399 УПК РФ);

4) в судебное заседание вызывается представитель учреждения, исполняющего наказание, по представлению которого разрешается вопрос, связанный с исполнением наказания (ч. 2 ст. 399 УПК РФ);

5) при наличии ходатайства осужденного об участии в судебном заседании суд обязан обеспечить его непосредственное участие в судебном заседании либо предоставить возможность изложить свою позицию путем использования систем видеоконференцсвязи (ч. 2 ст. 399 УПК РФ);

6) судья должен соблюдать порядок проведения судебного заседания: оно начинается с доклада представителя учреждения или органа, подавшего представление, затем исследуются представленные материалы, заслушиваются объяснения лиц, явившихся в судебное заседание, мнение прокурора, после чего судья выносит постановление (ч. 7 ст. 399 УПК РФ).

Одновременно регулирование применения института принудительных мер медицинского характера имеет ряд недостатков, описываемых специалистами [1, с. 85–87; 2, с. 49–52].

Во-первых, в уголовном законодательстве четко не определены основания назначения принудительных мер медицинского характера, и ни в одном случае законодатель не использует формулировку «обязан», что предполагает соответствующее право суда.

В ч. 2 ст. 97 УК РФ и ч. 2 ст. 18 УИК РФ закреплено, что принудительные меры медицинского характера применяются только в случаях, когда психические расстройства связаны с возможностью причинения лицом существенного вреда либо с опасностью для себя или других лиц. Эта формулировка оставляет на суждение суда такие необъективные вопросы, как оценка существенного вреда и опасности для себя или других лиц.

При освобождении лица от наказания или от его отбывания в соответствии с ч. 1 ст. 81 УК РФ суд также может назначить принудительные меры медицинского характера лицу, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, лишаящее его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руково-

дить ими. Однако в этом случае законодателем не предлагается даже примерных оснований для их назначения. Между тем осужденные, страдающие психическими расстройствами, требуют специфической психологической, социальной и иной работы, в том числе при их освобождении [3, с. 172–178; 4, с. 65–68].

Во-вторых, в соответствии с ч. 3 ст. 97 УК РФ порядок исполнения принудительных мер медицинского характера определяется уголовно-исполнительным законодательством РФ и иными федеральными законами. В то же время в УИК РФ отдельные вопросы применения принудительных мер медицинского характера прописаны только в ст. 18, чего явно недостаточно.

В-третьих, прокурор не обязан участвовать в таком судебном заседании (ч. 6 ст. 399 УПК РФ), и у него отсутствуют какие-либо права, имеющиеся согласно ч. 3 ст. 399 УПК РФ у других участников судебного заседания.

В-четвертых, у представителя учреждения, исполняющего наказание, также отсутствуют права в судебном заседании, как и у прокурора (в соответствии со ст. 399 УПК РФ).

В-пятых, в УПК РФ отсутствует регулирование таких вопросов, как: кто и на каком этапе проверяет документы, поступившие в суд; какова реакция на выявление нарушений уголовного, уголовно-исполнительного и иного законодательства; каковы полномочия суда по изучению документов в судебном заседании и пр.

Общий порядок составления и направления документов в суд для решения вопросов о применении принудительных мер медицинского характера к осужденным прописан в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве. Эти вопросы решаются судом по представлению администрации учреждения, исполняющего наказание, если во время отбывания наказания будет установлено, что осужденный страдает психическим расстройством, не исключающим вменяемости, которое связано с опасностью для себя или других лиц. Однако согласно содержанию ч. 2 ст. 18 УИК РФ получается, что администрация учреждения, исполняющего наказание, перед направлением материалов в суд также должна сначала односторонне оценивать исходящую от осужденного, страдающего психическим расстройством, существенность вреда и опасность для себя или других лиц.

С учетом изложенного полагаем актуальным законодательно закрепить в ст. 399 УПК РФ следующие полномочия суда при решении вопросов о применении принудительных мер медицинского характера:

1) суд при поступлении документов должен проверять их соответствие нормам уголовного и уголовно-

исполнительного законодательства, а в случае выявления нарушений законности – возвращать их для переоформления обратно администрации учреждения или органа, исполняющего наказание. В этом контексте будет актуальным предложение об устарении законодателем коллизии между ч. 1 ст. 399 УПК РФ и ч. 5 ст. 175 УИК РФ: в первой говорится, что процедура досрочного освобождения от отбывания наказания начинается с ходатайства осужденного, а во второй – с представления начальника учреждения или органа, исполняющего наказание [5, с. 36; 6, с. 53];

2) судья должен обладать правом вызывать в судебное заседание прокурора и осужденного;

3) судья, прокурор и представитель учреждения, исполняющего наказание, должны активно участвовать в изучении представленных документов с одновременной проверкой в них соблюдения требований закона;

4) при наличии сомнений в обоснованности принятия решения по тому или иному вопросу о

применении к осужденному принудительных мер медицинского характера суд должен обладать правом во всех случаях назначать судебно-психиатрическую экспертизу.

Можно здесь вспомнить и о том, что у судей отсутствует так называемая пенитенциарная специализация на введении которой настаивают специалисты [7, с. 86; 8, с. 149–151], поэтому на практике они не всегда всесторонне разбираются в вопросах, которые им предстоит разрешать в стадии исполнения приговора. Между тем выделение такой специализации у судей по месту расположения учреждений, исполняющих наказания, позволит им лучше разбираться в проблемах, связанных с исполнением уголовных наказаний, в том числе с применением принудительных мер медицинского характера в отношении осужденных.

В связи с этим полагаем актуальным четко закрепить в законодательстве полномочия суда при решении вопросов о применении к осужденным принудительных мер медицинского характера.

Список литературы

1. Михлин А. С. Рассмотрение судами вопросов, связанных с исполнением приговора, по новому УПК РФ // Уголовное право. 2003. № 4. С. 85–87.
2. Трубецкой В. Ф. О применении принудительных мер медицинского характера к осужденным за преступления // Человек: преступление и наказание. 2010. № 3. С. 49–52.
3. Ворошук В. Б., Летунов В. Н. Система организации функционирования пенитенциарных учреждений полуоткрытого и открытого типа за рубежом // Прикладная юридическая психология. 2014. № 3. С. 172–178.
4. Королева Е. В. Определение вида исправительного учреждения лицам, совершившим преступление и страдающим психическими расстройствами // Уголовно-исполнительное право. 2013. № 1. С. 65–68.
5. Курганов С. И. Уголовно-исполнительный кодекс РФ: вопросы применения // Закон и право. 2004. № 6. С. 36–37.
6. Скиба А. П. Освобождение от отбывания наказания в связи с болезнью осужденного к лишению свободы: проблемы межотраслевого регулирования // Человек: преступление и наказание. 2011. № 3. С. 51–54.
7. Муратова Н. Г. Судебный контроль в пенитенциарной системе // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2004. № 3. С. 84–86.
8. Давыдов Д. А. Понятие и содержание судебного контроля за деятельностью персонала учреждений и органов, исполняющих наказания // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 5. С. 149–151.

OKSANA NIKOLAEVNA KUDOVBA,

competitor

(Rostov legal institute of the ministry of internal affairs of Russia),

e-mail: editor62@yandex.ru

© Kudovba O. N., 2015

COURT'S POWERS IN DECIDING TO USE COMPULSORY MEDICAL MEASURES

Annotation: questions of application of compulsory medical measures are attributed to the exclusive competence of the court. It is expected that the court authorized to hold compulsory measures of a medical nature, possesses the necessary authority list, and is regulated properly.

However, the law prescribed the certain powers of the court only.

At the same time the regulation of the institution of compulsory medical measures has several disadvantages.

We consider the legislation of the following powers of the court in dealing with the application of compulsory medical measures:

1) the court must check obtained documents their compliance with the standards of criminal and penal legislation, and in case of violations of the law - to return them back to the administration for the re-registration by the institution or department carrying out the sentence;

2) the judge should have the right to call the prosecutor and the convicted person at the court session;

3) A judge, a prosecutor and a representative of the institution executing punishment, should be actively involved in the investigation of the submitted documents with simultaneous checking the requirements of the law;

4) When in doubt the validity of a decision on a particular issue whether to apply compulsory medical measures to a convicted the court should have the right to assign a forensic psychiatric examination in all cases .

We may recall that the judges have no so-called prison specialization, so in practice they do not always fully understand the issues that they will have to resolve during the process of execution of the sentence.

Meanwhile, the assignment of such specialization for judges in the location of penal institutions enables them to understand the problems better associated with the execution of criminal penalties, including the imposition of compulsory medical measures for convicted persons.

We consider it is necessary to fix in the legislation the powers of the court in dealing with the application of compulsory medical measures to the convicted.

Key words: court, criminal, penal and criminal procedure law, compulsory medical measures, prisoners with mental disorders, a prosecutor, judicial-psychiatric examination, «the prison» specialization, judicial meeting.

References

1. Mihlin A. S. Rassmotrenie sudami voprosov, svjazannyh s ispolneniem prigovora, po novomu UPK RF [Consideration of the courts of issues related to the execution of the sentence, according to the new Code of Criminal Procedure]. Uголовное право – Criminal law, 2003, no. 4, pp. 85–87.

2. Trubeckoj V. F. O primenenii prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera k osuzhdennym za prestuplenija [On the application of compulsory medical measures to convicted for crimes]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2010. no. 3, pp. 49–52.

3. Voroshhuk V. B., Letunov V. N. Sistema organizacii funkcionirovanija penitenciarных uchrezhdenij poluotkrytogo i otkrytogo tipa za rubezhom [The system of organization functioning penitentiary semi-open and open-type abroad]. Prikladnaja juridicheskaja psihologija – Applied legal psychology, 2014, no. 3. pp. 172–178.

4. Koroleva E. V. Opredelenie vida ispravitel'nogo uchrezhdenija licam, sovershivshim prestuplenie i stradajushhim psihicheskimi rasstrojstvami [Determination of the correctional institution perpetrators of crime and mental disorders]. Uголовно-исполнительное право – Penal law, 2013, no. 1, pp. 65–68.

5. Kurganov S. I. Uголовно-исполнительный кодекс RF: voprosy primeneniya [Penal Code of the Russian Federation: the application issues]. Zakon i pravo – Law and the right, 2004, no. 6, pp. 36–37.

6. Skiba A. P. Osvobozhdenie ot otbyvaniya nakazaniya v svjazi s boleznu osuzhdennogo k lisheniju svobody: problemy mezhotraslevogo regulirovaniya [Exemption from punishment due to the illness of the convicted to imprisonment: the problem of interbranch regulation]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2011, no. 3, pp. 51–54.

7. Muratova N. G. Sudebnyj kontrol' v penitenciarной sisteme [Judicial control in the prison system]. «Chernye dyry» v rossijskom zakonodatel'stve – «Black holes» in the Russian legislation, 2004, no. 3, pp. 84–86.

8. Davydov D. A. Ponjatie i sodержanie sudebnogo kontrolja za dejatel'nost'ju personala uchrezhdenij i organov, ispolnjajushhих nakazaniya [The concept and content of judicial control over the activities of the staff of institutions and organs of penal]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of the University of Moscow Russian Interior Ministry, 2011, no. 5, pp. 149–151.

УДК 343.85
ББК 67.515
М31

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА МАСЛЕННИКОВА,

документовед учебного отдела
(Академия ФСИН России),
e-mail: caterina.maslennickova@yandex.ru
© Масленникова Е. А., 2015

КЛАССИФИКАЦИЯ МЕР ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЛИЦ, БОЛЬНЫХ ХРОНИЧЕСКИМ АЛКОГОЛИЗМОМ

Реферат: в статье рассматриваются меры, применяемые к лицам, которые в состоянии алкогольного опьянения совершают преступления. Выделяется четыре группы таких мер.

Первая группа предусматривает предоставление социального обслуживания лицам с алкогольной зависимостью; участие органов полиции совместно с органами здравоохранения в наблюдении за лицами, больными алкоголизмом; доставление граждан, находящихся в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения, в медицинские организации; участие участковых уполномоченных полиции в выявлении лиц, вовлекающих несовершеннолетних в употребление спиртных напитков; ограничение дееспособности граждан, которые вследствие злоупотребления спиртными напитками ставят свою семью в тяжелое положение; профессиональные запреты.

Вторая группа мер относится к лицам, совершившим преступления, но освобожденным под определенными условиями: условное осуждение к лишению свободы с возложением обязанности пройти курс лечения от алкоголизма; продление испытательного срока; отмена условного осуждения.

В третью группу входят меры, применяемые к осужденным, отбывающим наказание: обязательное лечение; постановка на профилактический учет; установление административного надзора в отношении осужденного, освобождаемого из мест лишения свободы; признание злостными нарушителями осужденных, уклоняющихся от обязательного лечения; нераспространение применения условно-досрочного освобождения, перевода в колонию-поселение, амнистии, помилования к осужденным, признанным злостными нарушителями; изменение условий отбывания наказания.

В четвертую группу мер входят: продолжение антиалкогольного лечения лиц, не закончивших обязательное лечение; установление административного надзора в отношении лиц, освобождаемых из мест лишения свободы; обязательное лечение в учреждениях органов здравоохранения; предоставление различных социальных услуг.

Ключевые слова: меры, лица, больные алкоголизмом, предупреждение преступлений, обязательное лечение, лечебное исправительное учреждение, уголовно-исполнительное законодательство.

Системное изучение уголовного, уголовно-исполнительного законодательства, истории развития мер медицинского характера, применяемых к осужденным, больным алкоголизмом, анализ научных точек зрения, сопоставление национального законодательства с соответствующим законодательством и практикой его применения в государствах ближнего и дальнего зарубежья, анализ личностных особенностей осужденных изучаемой категории приводят к выводу о необходимости систематизации средств и мер, применяемых к осужденным, больным алкоголизмом. Такие средства и меры должны быть сопоставимы с мерами предупреждения преступлений, совершаемых лицами на почве алкогольного опьянения, и с мерами по реабилитации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, к которым применялось обязательное лечение от алкоголизма.

Такая система, по нашему мнению, должна предусматривать четыре группы мер, направленных,

с одной стороны, на предупреждение преступлений со стороны указанных лиц, с другой – на излечение их от алкоголизма.

К первой группе следует отнести следующие меры, предусмотренные действующим законодательством:

– предоставление лицам с алкогольной зависимостью социально-бытовых, социально-медицинских, социально-психологических, социально-педагогических, социально-трудовых, социально-правовых услуг, а также возможности их социального обслуживания в соответствии с Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 449-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»;

– участие органов полиции совместно с органами здравоохранения в случаях и порядке, предусмотренных законодательством Российской Федерации, в наблюдении за лицами, страдающими психическими расстройствами, больными алко-

лизмом или наркоманией и представляющими опасность для окружающих, в целях предупреждения совершения ими преступлений и административных правонарушений (п. 35 ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»);

– доставление граждан, находящихся в общественных местах в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке, в медицинские организации; доставление по письменному заявлению граждан в медицинские организации либо в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции находящихся совместно с ними в жилище граждан в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения, если есть основания полагать, что они могут причинить вред жизни и здоровью граждан, нанести ущерб имуществу (п. 14 ст. 13 Федерального закона «О полиции»);

– участие участковых уполномоченных полиции в выявлении лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступлений и иных антиобщественных действий, в том числе в систематическое употребление спиртных напитков; принятие в пределах компетенции мер по пресечению их деятельности, в том числе информирование об указанных лицах заинтересованных подразделений полиции (п. 37.24 Наставления по организации деятельности участковых уполномоченных полиции, утвержденного приказом МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1166);

– ограничение дееспособности граждан, которые вследствие злоупотребления спиртными напитками ставят свою семью в тяжелое материальное положение (ч. 1 ст. 30 СК РФ) и другие гражданско-правовые меры (ст. 31, 35, 39 ГК РФ);

– профессиональные запреты, предусмотренные административным, трудовым, семейным и иным законодательством.

Мы считаем, что данная группа должна быть дополнена такой мерой, которая была бы направлена: на профилактику преступлений и иных правонарушений, совершаемых на почве алкоголизма; на лиц, уклоняющихся от добровольного противоязвенного лечения; на принудительное лечение указанной категории лиц, которое могло бы осуществляться в административном порядке.

Вторую группу составляют меры, применяемые к лицам, совершавшим преступления, но освобожденным под определенными условиями от отбывания наказания:

– условное осуждение к лишению свободы с возложением обязанности пройти курс лечения от алкоголизма (ч. 5 ст. 73 УК РФ) [1, с. 143–144];

– продление испытательного срока при условном осуждении (ч. 2 ст. 74 УК РФ) в случае уклонения от выполнения обязанности пройти курс лечения от алкоголизма;

– отмена условного осуждения в случае систематического невыполнения обязанности пройти курс лечения от алкоголизма (ч. 3 ст. 74 УК РФ).

Данная система, на наш взгляд, должна быть дополнена такой мерой, как отсрочка отбывания наказания в виде лишения свободы осужденному, признанному больным алкоголизмом, совершившему впервые преступление небольшой или средней тяжести (за исключением преступлений против личности) на почве алкоголизма и изъявившему желание добровольно пройти курс лечения от алкоголизма, а также медико-социальную реабилитацию (по аналогии с отсрочкой отбывания наказания больным наркоманией – ст. 82.1 УК РФ).

Вызывает недоумение, почему законодатель не распространил данную меру на исследуемую категорию осужденных. Алкоголизм и наркомания с общесоциальной точки зрения имеют единые корни, взаимно обуславливая друг друга [2, с. 36]. «Наркомания и алкоголизм имеют единые патогенетические механизмы формирования, единый стереотип развития. Их профилактика, в том числе медико-социальная реабилитация на недобровольной основе, строятся по единым стратегиям, осуществляются одними и теми же специалистами и одними и теми же организационными структурами, поэтому и организационно, и экономически, и методологически более целесообразно создавать единую (общую) нормативно-правовую базу, организационные формы и методологические подходы к реализации альтернативного лечения правонарушителей с алкогольной и наркотической зависимостью» [3].

Действительно, с медицинской точки зрения и согласно Международной классификации болезней МКБ-10 и алкоголизм, и наркомания относятся к группе психических и поведенческих расстройств вследствие злоупотребления психоактивными средствами [4]. Справедливо в связи с этим замечание О. А. Буркиной и А. И. Кузнецова: «Ставя приоритетной задачей борьбу с наркоманией, законодатель «забыл» о не менее серьезной проблеме – пьянство в Российской Федерации» [5, с. 7]. Это проявилось и Федеральном законе от 25 ноября 2013 г. № 313-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым были внесены дополнения в Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» в частности, закреплены определения понятий: «лечение больных наркоманией»; «реабилитация больных наркоманией» (ст. 1).

Направления государственной политики в сфере оборота наркотических средств, а также противодействия ему дополнено направлением: «побуждение больных наркоманией к лечению от наркомании и медицинской и (или) социальной реабилитации, а также побуждение лиц, эпизодически потребляющих наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача, к прохождению профилактических мероприятий» (п. 2 ст. 4 Федерального закона № 3-ФЗ).

То, что необходимость адаптации приведенных новелл имеет самое непосредственное отношение к лицам, больным алкоголизмом, не вызывает сомнения. Это относится и к другой новелле, установленной Федеральным законом № 313-ФЗ. Речь идет о дополнении УК РФ новой статьей следующего содержания: «Назначение наказания лицу, признанному больным наркоманией. 1. При назначении лицу, признанному больным наркоманией, основного наказания в виде штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательных работ, исправительных колоний или ограничения свободы, суд может возложить на осужденного обязанность пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию» (ст. 72 УК РФ).

Законодательный опыт зарубежных стран также свидетельствует о том, что в них нет разделения на больных алкоголизмом и больных наркоманией при применении отсрочки отбывания наказания (УК ФРГ и др.).

В третью группу входят меры, применяемые к осужденным, отбывающим наказание:

- применение обязательного лечения к осужденным, отбывающим наказание в виде лишения свободы в исправительных учреждениях, лечебных исправительных учреждениях (по нашему мнению, в последних должны отбывать наказание в первую очередь осужденные, уклоняющиеся от обязательного лечения в исправительных учреждениях);

- постановление на профилактический учет: склонных к употреблению спиртных напитков; признанных нуждающимися в лечении от алкоголизма (п. 24 Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, утвержденной приказом Минюста России от 20 мая 2013 г. № 72);

- установление административного надзора в отношении осужденного, освобождаемого из мест лишения свободы, уклоняющегося от обязательного лечения от алкоголизма (ст. 173.1 УИК РФ);

- признание злостным нарушением осужденным установленного порядка отбывания наказания, уклонение от обязательного лечения от алкоголизма (п. 1 ст. 116 УИК РФ);

- нераспространение применения условно-досрочного освобождения, перевода в колонию-поселение, амнистии, помилования к осужденным, признанным злостными нарушителями режима отбывания наказания, в случае уклонения от обязательного лечения от алкоголизма;

- изменение условий отбывания наказания [6, с. 24].

В четвертую классификационную группу входят следующие меры постпенитенциарного характера:

- продолжение антиалкогольного лечения лиц, не закончивших обязательного лечения во время отбывания наказания, в наркологических учреждениях органов здравоохранения;

- установление административного надзора в отношении лиц, освобождаемых из мест лишения свободы, в случае признания их злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания; в отношении лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы и имеющих непогашенную либо неснятую судимость, уклоняющихся от обязательного лечения;

- обязательное лечение в учреждениях органов здравоохранения после двукратного письменного предупреждения в течение одного года о недопустимости такого поведения;

- предоставление различных социальных услуг: социально-бытовых, социально-медицинских, социально-наркологических, социально-трудовых лицам, больным алкоголизмом, освободившимся из мест лишения свободы.

Таким образом, повышение эффективности исполнения обязательного лечения, применяемого к осужденным, больным алкоголизмом, в местах лишения свободы возможно, с одной стороны, эффективным действием системы социальных лифтов, с другой – четким определением сути данного уголовно-исполнительного института, его места в структуре основных средств исправления осужденных, в системе учреждений и органов, оказывающих наркологическую помощь населению. Все это должно быть закреплено на законодательном и нормативно-правовом уровне. Правовое и организационное совершенствование данного института будет способствовать улучшению его реализации.

Вопросы исполнения наказаний в отношении осужденных, больных алкоголизмом, предупреждения преступлений, совершаемых указанной категорией лиц, должны рассматриваться сквозь призму единой, целостной системы профилактических мер. Такая система должна охватывать все категории лиц, больных алкоголизмом: правопослушных, которым наркологическая помощь оказывается на добровольной основе; совершающих административные проступки; совершивших преступление и осужденных к лишению свободы; осужденных к наказаниям без изоля-

ции от общества; освобожденных от дальнейшего отбывания наказания и отказывающихся от добровольного лечения от алкоголизма.

Важным с точки зрения обеспечения прав осужденных, больных алкоголизмом, является концептуально-законодательное закрепление места лечебных исправительных учреждений в системе учреждений, исполняющих наказания. По действующему уголовно-исполнительному законодательству осужденные, больные алкоголизмом, могут находиться не в равных правовых реалиях. Например, если такой осужденный отбывает наказание в исправительной колонии, то на него распространяется норма жилой площади не менее двух квадратных метров, в тюрьмах – двух с половиной квадратных метров, в лечебных исправительных учреждениях – трех квадратных метров (ч. 1 ст. 99 УИК РФ). «...Четкое предназначение ЛИУ... в законе не прописано, хотя упоминается, что меры медицинского характера в отношении осужденных должны осуществляться, в этих учреждениях подчеркнуто бы специфику их деятельности и показало реальное отличие от исправительных колоний, – замечает С. Н. Латынин. – В настоящее время в системе УИС действует «размытая» система лечебных учреждений (подразделений): 1) ЛИУ, действующие как самостоятельные учреждения; 2) ЛПУ, функционирующие как самостоя-

тельные учреждения; 3) ЛПУ, функционирующие при ЛИУ; 4) ЛПУ, действующие при иных ИУ; 5) медицинские части, функционирующие как структурные подразделения ЛИУ; 6) медицинские части, действующие как структурные подразделения ЛИУ; 7) медицинские части, функционирующие как филиалы ЛПУ».

Таким образом, актуальным остается вопрос о месте лечебных учреждений... среди других учреждений УИС, а также об определении их статуса» [7, с. 15]. В этом отношении Инструкция о порядке направления осужденных к лишению свободы для отбывания наказания, их перевода из одного исправительного учреждения в другое, а также направления осужденных на лечение и обследование в лечебно-профилактические и лечебные исправительные учреждения должна более конкретно определить категории осужденных, больных алкоголизмом, которые направляются в лечебные учреждения.

На наш взгляд, на лечебные исправительные учреждения должны быть возложены также функции методических центров. Они, в частности, должны вырабатывать рекомендации различным службам исправительных учреждений по проведению индивидуальной воспитательно-профилактической работы с осужденными, к которым применено данное лечение.

Список литературы

1. Чернышов В. В. Исполнение наказаний в виде лишения свободы в отношении осужденных, больных наркоманией : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2008. 210 с.
2. Перемолотова Л. Ю. Преступления, совершаемые в состоянии алкогольного опьянения (уголовно-правовой и криминологический аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 149 с.
3. Шишков С., Клименко Т. Замечания к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части, касающейся ст. 82 прим. УК РФ и ст. 178.1 УИК РФ). URL: /http://www.narcom.ru/publ/info/923.
4. Международная классификация болезней МКБ-10. Электронная версия. URL: /http://www.mkb10.ru/?class=5&bloc=65.
5. Буркина О. А., Кузнецов А. И. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией: проблемы применения // Наркоконтроль. 2013. № 4. С. 7.
6. Гришко А. Я. Принципы гуманизма и демократизма в уголовно-исполнительном праве // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 2. С. 24.
7. Латынин С. Н. К вопросу о месте лечебных учреждений среди других учреждений уголовно-исполнительной системы // Юрист юга России и Закавказья. 2013. № 1. С. 15.

EKATERINA ALEKSANDROVNA MASLENNIKOVA,
the specialist in documents of the training division
(Academy of the Federal penitentiary service of Russia),
e-mail: caterina.maslennickova@yandex.ru
© Maslennikova E. D., 2015

CLASSIFICATION OF PREVENTION OF CRIMES BY CHRONIC ALCOHOLICS

Annotation: the article discusses the measures applied to persons in a state of alcoholic intoxication commit crimes. We defined four groups of such measures.

The first group involves the presentation of social care to persons with alcohol dependence; the involvement of the police in conjunction with health authorities in monitoring those patients with alcoholism; the conveyance of citizens in public places in an alcohol intoxication, in medical organizations; the participation of local police officers in identifying individuals who involve minors in the use of alcoholic beverages; limitation of legal capacity who, due to alcohol abuse I put my family in a difficult position; professional bans.

The second group of measures relates to the perpetrators of the crime, but released under certain conditions: probation to imprisonment with an obligation to undergo treatment for alcoholism; extension of the probationary period; cancellation of conditional condemnation.

The third group includes measures applied to prisoners serving sentences: mandatory treatment; statement on the preventive account; establishing administrative supervision of the convicted, released from places of deprivation of liberty; the recognition of the worst offenders convicts who evade compulsory treatment; the proliferation of the use of parole, transfer to a colony-settlement, Amnesty, pardon to convicted recognised worst offenders; changing the conditions of serving the sentence.

The fourth group of measures includes: the continuation of anti-alcohol treatment of persons who have not completed compulsory treatment; the establishment of administrative supervision of persons released from places of imprisonment; mandatory treatment in the institutions of the health authorities; the provision of various social services.

Key words: measures, persons suffering from alcoholism, crime prevention, mandatory treatment, medical correctional facility, the criminal-Executive legislation.

References

1. Chernyshov V. V. Ispolnenie nakazaniya v vide lisheniya svobody v otnoshenii osuzhdennykh, bol'nykh narkomaniej : dis. ... kand. jurid. nauk [The execution of a sentence of imprisonment in respect of convicts, drug addicts. Cand. Of leg. sci.diss]. Ryazan, 2008. 210 p.
2. Peremolotova L. Yu. Prestupleniya sovershaemye v sostoyanii alkogol'nogo op'yaneniya (ugolovno-pravovoy ikriminologicheskoy aspekt) : dis. ... kand. jurid. nauk. [Crimes committed in a state of drunkenness (criminal law and criminological aspects): Cand. of leg. sci. diss]. Moscow, 2002. 149 p.
3. Shishkov S., Klimenko T. Zamechaniya k proektu Federalnogo zakona «O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i otdelnye zakonodatelnye akty Rossiyskoy Federatsii» (v chaste, kasayusheysya st. 82 prim UKRF I st. 178 prim UIK RF) [Zamechaniya k proektu Federalnogo zakona «O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i otdelnye zakonodatelnye akty Rossiyskoy Federatsii» (v chaste, kasayusheysya st. 82 prim UK RF I st. 178 prim UIK RF)]:<http://www.narcom.ru/publ/info/923>.
4. Mezhdunarodnaya klassifikatsiya bolezney MKB-10. Elektronnaya versiya [International classification of diseases ICD-10. The electronic version of]: <http://www.mkb10.ru/?class=5&bloc=65>.
5. Burkina O. A., Kuznetsov A. I. Otsrochka otbyvaniya nakazaniya bolnym narkomanieya : problem primeneniya [Otsrochka otbyvaniya nakazaniya bolnym narkomanieya: problem primeneniya] // Drug control 2013, no. 4, p. 7.
6. Grishko A. Ya. Printsipy gumanizma i demokratizma v ugolovno – ispolnitelnom prave [The principles of humanism and democracy in the penal law] Criminal-Executive law, 2014, no. 2, p. 24.
7. Latynin S. N. K voprosu o meste lechebnykh uchrezhdeniy sredi drugikh uchrezhdeniy ugolovno – ispolnitelnoysistemy. Yurist yuga Rossii i Zakavkazya [To the question about the place of medical institutions other institutions of the penal system. Lawyer southern Russia and the Caucasus] 2013, no. 1, p. 15.

УДК 343.85
ББК 67.515
П83

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА ПРОТОПОПОВА,
прокурор 2-го отдела Апелляционного управления
главного судебного управления
(Генеральная прокуратура Российской Федерации),
e-mail: buranchik2008@rambler.ru
© Протопопова Е. А., 2015

О ПРАВОВЫХ СРЕДСТВАХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СО СТОРОНЫ ЛИЦ, СОСТОЯЩИХ НА УЧЕТЕ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЯХ

Реферат: уголовно-исполнительное законодательство возлагает на уголовно-исполнительные инспекции задачи, которые в полной мере можно отнести к профилактическим.

Осуществление предупредительной работы уголовно-исполнительными инспекциями имеет свои особенности, отличные от предупредительной деятельности органов внутренних дел и исправительных учреждений. Они обусловлены контингентом лиц, состоящих на учете, отсутствием в инспекциях должностных лиц, которые занимались бы только профилактикой, необходимостью организации взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций, органов внутренних дел, исправительных учреждений.

В статье дается классификация норм отраслей права, относящихся к предупреждению преступлений, в том числе со стороны лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная инспекция, предупреждение преступлений, профилактика преступлений, предотвращение преступлений, пресечение преступлений, противодействие преступности, посткриминальный надзор.

Уголовно-исполнительное законодательство возлагает на уголовно-исполнительные инспекции задачи, которые в полной мере можно отнести к профилактическим:

– в отношении наказания в виде обязательных работ это выражается в осуществлении ими функций по учету осужденных; разъяснению им порядка и условий отбывания наказания; осуществлению контроля за их поведением (ч. 3 ст. 25 УИК РФ);

– в отношении осужденных к наказанию занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью – в учете осужденных; контроле соблюдения осужденными предусмотренного приговором суда запрета занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; проверке исполнения требований приговора администрацией организаций, в которых работают осужденные, а также органами, правомочными аннулировать разрешение на занятие определенной деятельностью, запрещенной осужденным; в организации проведения с осужденными воспитательной работы (ч. 3 ст. 33 УИК РФ);

– относительно осужденных к исправительным работам – в учете осужденных; разъяснении порядка и условий отбывания наказания; контроле соблюдения условий отбывания наказания осужденными и исполнения требований приговора администрацией организаций, в которых работают осужденные; проведении воспитательной работы; контроле поведения осужденных с участием сотрудников полиции; принятии решения о приводе

осужденных, не являющихся по вызову или на регистрацию без уважительных причин; проведении первоначальных мероприятий по розыску осужденных; подготовке и передаче в соответствующую службу материалов об осужденных, местонахождение которых неизвестно (ч. 3 ст. 39 УИК РФ);

– в отношении наказания в виде ограничения свободы – в проведении воспитательной работы с осужденными (ч. 6 ст. 47 УИК РФ); учете осужденных; разъяснении порядка и условий отбывания наказания; осуществлении надзора за осужденными и принятии мер по предупреждению с их стороны нарушений установленного порядка отбывания наказания; оказании осужденным помощи в трудоустройстве; во внесении в суд представлений от отмене частично либо о дополнении ранее установленных для осужденных ограничений, а также о замене осужденным, уклоняющимся от отбывания наказания, неотбытой части наказания в виде ограничения свободы наказанием в виде лишения свободы; в информировании органов внутренних дел по месту жительства или пребывания осужденного о необходимости установления административного надзора (не позднее чем за два месяца до истечения срока отбывания ограничения свободы) – ч. 1 ст. 54 УИК РФ; надзоре за отбыванием осужденными наказания (наблюдение за поведением осужденных, соблюдение ими установленных ограничений, принятие в случае необходимости установленных законом мер воздействия) – ч. 1 ст. 60 УИК РФ; праве работника уголовно-

исполнительной инспекции посещать в любое время суток, за исключением личного времени, жилище осужденного, вызывать его на беседы в уголовно-исполнительную инспекцию в целях получения от него устных или письменных объяснений по вопросам, связанным с отбыванием наказания, а также истребовать по месту жительства, работы или учебы осужденного сведения о его поведении (ч. 2 ст. 60 УИК РФ);

– относительно наказания в виде принудительных работ – в учете осужденных; разъяснении порядка и условий отбывания наказания; обеспечении соблюдения порядка и условий отбывания наказания; осуществлении надзора за осужденными; принятии мер по предупреждению нарушений установленного порядка отбывания наказания; проведении с осужденными воспитательной работы; проведении работы по подготовке осужденных к принудительным работам к освобождению (ч. 1 ст. 60); направлении в суд в отношении осужденного, уклоняющегося от отбывания принудительных работ, представления о замене неотбытой части наказания к принудительным работам лишением свободы (ч. 3 ст. 60 УИК РФ);

– в отношении лиц, к которым применена отсрочка отбывания наказания, – в осуществлении контроля за поведением осужденного; проведении первоначальных розыскных мероприятий в случае неприбытия осужденного в двухнедельный срок со дня его освобождения; в направлении материалов для объявления в розыск осужденного в случае недостижения результата (п. 9 ст. 177 УИК РФ);

– относительно отсрочки отбывания наказания осужденным, признанным больными наркоманией, – в учете осужденных; контроле за его поведением и прохождением им курса лечения от наркомании, а также медико-социальной реабилитации (ч. 1 ст. 178 УИК РФ); предупреждении об ответственности за отказ от прохождения курса лечения от наркомании, а также медико-социальной реабилитации; во внесении в суд представления об отмене отсрочки отбывания наказания, назначенного приговором суда, в случае если осужденный отказался от прохождения курса лечения от наркомании, а также медико-социальной реабилитации или продолжения после объявленного предупреждения уклонения от их прохождения (ч. 6 ст. 178 УИК РФ);

– в отношении лиц, условно осужденных, – в контроле за поведением условно осужденных за соблюдением ими общественного порядка и исполнением ими возложенных судом обязанностей; персональном учете условно осужденных в течение испытательного срока; проведении первоначальных мероприятий по установлению места нахождения и причин уклонения в случае уклонения

условно осужденного от контроля за его поведением (ст. 188 УИК РФ); во внесении в суд соответствующего представления в случае неисполнения условно осужденным требований, а также при наличии иных обстоятельств, свидетельствующих о нецелесообразности возложения на условно осужденного других обязанностей (ч. 2 ст. 190); во внесении в суд представления о продлении испытательного срока (ч. 3 ст. 190); в направлении в суд представления об отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда в случае, если условно осужденный в течение испытательного срока систематически нарушал общественный порядок, за что привлекался к административной ответственности, систематически не исполнял возложенные на него судом обязанности либо скрывался от контроля (ч. 4 ст. 190 УИК РФ).

Таким образом, работа по предупреждению преступлений со стороны лиц, состоящих на учете спецкомендатур, имеет отличия в зависимости от вида наказания. Эти отличия заключаются в индивидуализации характера предупредительных мер. Они обуславливаются, с одной стороны, особенностями условий и порядка отбывания того или иного вида наказания, с другой стороны, категорией лиц, их отбывающих. Последнее прежде всего выражается в степени общественной опасности совершенного преступления [1, с. 111].

Осуществление предупредительной работы уголовно-исполнительными инспекциями имеет также особенности, отличные от предупредительной деятельности органов внутренних дел и исправительных учреждений. Это обусловлено контингентом профилактируемых, отсутствием в инспекциях должностных лиц, которые занимались бы только профилактикой, необходимостью организации взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций, органов внутренних дел, исправительных учреждений.

Приведенные нормы можно отнести к мерам предупреждения преступлений уголовно-исполнительного характера. Следует подчеркнуть их особенность – они носят в большинстве своем непосредственный характер. Нормы, содержащиеся в уголовно-исполнительном законодательстве, определяют условия и порядок отбывания наказания, то есть сущность наказания.

В. Н. Орлов приводит классификацию уголовно-исполнительных предупредительных мер. За ее основу он берет охраняемые правоотношения:

– охраняющие общественные правоотношения от возложенного правонарушающего поведения осужденных;

– охраняющие правоотношения, складывающиеся в процессе исполнения наказания, меры уголовно-правового характера [2, с. 103].

«К числу первых относятся полномочия уголовно-исполнительных инспекций по пресечению и документированию административных правонарушений осужденных, осуществление розыскных мероприятий в отношении уклоняющихся преступников, информирование правоохранительных органов о совершенных, совершаемых, замышляемых и подготавливаемых преступлениях, дактилоскопическая регистрация и др.». Ко второй классификационной группе, как следует из позиции А. В. Бойко, относится контроль за поведением осужденного и воспитательная работа. Под контролем автор понимает «процесс государственного воздействия на поведение осужденных в части соблюдения ограничений, установленных наказанием, и обязанностей, установленных для них в связи с их правовым статусом. Цель такого контроля – формирование стойкого побуждения у преступников воздерживаться от преступного поведения. Говоря о воспитательной работе, А. В. Бойко отмечает, что ее содержание применительно к наказаниям, не связанным с лишением свободы, законодатель не раскрывает. «Очевидно, что данное положение формально не противоречит целям наказания, так как ни условное осуждение, ни отсрочка таковыми не являются, но и не соответствует целям уголовно-исполнительного законодательства. Воспитательная работа законом вменена в обязанность уголовно-исполнительной инспекции при исполнении наказаний в виде запрета занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительных работ, ограничения свободы» [1, с. 113–115]. В связи с этим А. В. Бойко вносит предложение о разработке и внедрении в практическую деятельность уголовно-исправительных инспекций основных средств и методов воспитательной работы, критериях оценки такой работы.

Нормы, содержащиеся в других отраслях права, можно отнести к категории опосредованных. Они обуславливаются особенностями того или иного вида наказания без изоляции от общества. Такие нормы имеют место прежде всего в административном, уголовном, публичных отраслях права. Так, к числу административно-правовых норм в первую очередь следует отнести нормы, регулирующие основания и порядок применения и исполнения административных мер.

Сам факт применения административно-правовых мер в борьбе с хулиганством, пьянством и другими правонарушениями имеет непосредственное и важное значение для предупреждения преступлений и иных правонарушений. Профилактический эффект применения санкций административно-правовых норм обеспечивается путем

воздействия на сознание правонарушителя, на конкретные криминальные ситуации. Возникают юридические основания для последующего профилактического воздействия на лиц, не желающих правильно реагировать на административные меры, чтобы пресечь их переход на преступный путь.

Административно-правовые меры раннего предупреждения преступлений заключаются в применении к лицам, совершившим административные правонарушения, мер государственного принуждения с использованием всех предусмотренных законом административных наказаний, которые являются в то же время важнейшим средством предупреждения возможных преступлений.

Говоря об административно-правовых мерах предупреждения, следует отметить их правовое регулирование на нормативном правовом подзаконном уровне. Речь идет о приказе Минюста России, МВД России от 4 октября 2012 г. № 190/912 «Об утверждении Регламента взаимодействия ФСИН России и МВД России по предупреждению совершения лицами, состоящими на учете уголовно-исполнительных инспекций, преступлений и других правонарушений».

Регламент определяет порядок взаимодействия территориальных органов ФСИН России и территориальных органов МВД России на региональном уровне, управлений, отделов МВД России по районам, городам и иным муниципальным образованиям по предупреждению совершения преступлений и других правонарушений осужденными, которым назначено наказание, не связанное с лишением свободы, или наказание в виде лишения свободы при условном осуждении, состоящими на учете уголовно-исполнительных инспекций. Данный нормативный правовой акт устанавливает формы взаимодействия, присущие органам ФСИН России и органам внутренних дел. Так, территориальные органы ФСИН России и органы внутренних дел:

- организуют выезды в подчиненные УИИ и ОВД для оказания им практической и методической помощи, внедрения положительного опыта работы;

- анализируют и обобщают не реже одного раза в полугодие результаты деятельности УИИ и ОВД. На основе анализа обмениваются информационно-аналитическими материалами о состоянии взаимодействия по предупреждению совершения преступлений и других правонарушений осужденными.

Уголовно-исполнительные инспекции:

- на основе анализа работы по выполнению планов взаимодействия, динамики роста уровня преступности среди осужденных ежеквартально готовят информационно-аналитические материалы для руководства ОВД о причинах и условиях, способст-

вующих совершению преступлений, вносят предложения по совершенствованию взаимодействия;

- во взаимодействии с ОВД организуют мероприятия по контролю за исполнением осужденными установленных судом обязанностей и ограничений;

- осуществляют не реже одного раза в квартал направление запросов (требований) в соответствующие подразделения территориальных органов МВД России на районном уровне для проверки по автоматизированным учетам ИЦ территориальных органов МВД России на региональном уровне наличия сведений о привлечении осужденных к административной или уголовной ответственности, а в отношении осужденных к обязательным работам – не реже одного раза в течение срока наказания;

- с целью обеспечения участия в профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних ежемесячно направляют в ОВД списки несовершеннолетних осужденных;

- в случае прибытия для постановки на учет осужденного, проживающего на обслуживаемой территории без регистрации по месту жительства или по месту пребывания (без постановки на учет по месту пребывания), немедленно информируют ОВД для принятия предусмотренных законодательством Российской Федерации мер;

- при получении информации о готовящихся, совершаемых либо совершенных преступлениях, а также об осужденных, скрывающихся от следствия, дознания и суда, немедленно направляют информацию в ОВД;

- в день снятия с учета осужденного направляют информацию об этом в ОВД.

Органы внутренних дел:

- обеспечивают направление в УИИ информации о возбуждении органами предварительного следствия и дознания ОВД уголовных дел в отношении осужденных;

- принимают участие в осуществлении контроля за поведением осужденных;

- при совершении осужденным административного правонарушения или преступления, а также при выявлении фактов неисполнения возложенных обязанностей и установленных ограничений в течение 3 рабочих дней направляют в УИИ информацию о данных фактах.

Регламент выделяет формы взаимодействия с уголовно-исполнительными инспекциями подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел.

Роль уголовно-правовых предупредительных мер заключается в том, что они установлены уголовным законом и связаны с вопросами назначения и исполнения наказаний. Необходимо отме-

тить, что данные меры являются средством достижения как общей, так и частной превенции. Их содержание определяется объемом наказания и теми правоограничениями, которые из него вытекают. «Элементами такого воздействия являются непосредственное наказание, установление узаконенных препятствий для совершения преступления, порядок и условия отбывания наказания...

Претерпевание осужденными лишений, ограничений при отбывании наказания должно способствовать нормализации их поведения и удержанию от совершения нового преступления, в этом заключается предупредительная функция наказания» [1, с. 115].

С. А. Ирисханов пишет применительно к мерам частнопубличного характера: «Анализ криминологического аспекта проблемы противодействия преступности позволяет сделать вывод о том, что оно может быть более эффективным вследствие не только применения уголовно-правовых мер, но и более четкого правового регулирования сфер жизнедеятельности, «которыми занимаются не «силовые» (уголовно, уголовно-исполнительное, административное), а частные отрасли права (гражданское, трудовое, земельное, жилищное, семейное и др.)» [3, с. 4]. Это отмечается и другими авторами [4].

Так, гражданско-правовые нормы о дееспособности несовершеннолетних и малолетних, содержащиеся в ст. 28 ГК РФ, предусматривают, что несовершеннолетний, достигший 16 лет, может быть объявлен полностью дееспособным по решению органа опеки и попечительства при условии, если он работает по трудовому договору или контракту или с согласия законных представителей занимается предпринимательством. В соответствии с названной статьей ГК РФ признаются отдельные элементы дееспособности за малолетними в возрасте от 6 до 14 лет и расширяется дееспособность этих лиц. Эти новые положения должны учитываться в профилактической работе с осужденными, чтобы пресечь их возможные посягательства на законные права детей.

Определенную роль в профилактике преступлений могут играть также гражданско-правовые нормы о недействительности противозаконных сделок, ущемляющих права детей, совершенных обманным путем, и ряд других.

Особое значение для профилактики правонарушений имеют нормы семейного права, которые направлены на устранение криминальных обстоятельств, влияющих на воспитание детей. Нормы семейного права указывают на правомерные пути разрешения семейных конфликтов. Они предусматривают также такую строгую меру воздействия на родителей, как лишение их родительских

прав при условии, если они уклоняются от обязанностей по воспитанию детей, ущемляют их права, жестоко обращаются с ними, своим антиобщественным поведением оказывают вредное влияние на своих детей.

Как видим, гражданско-правовые меры предупреждения преступлений представляют собой закрепленную в источниках гражданского и семейного права ответственность. К этому следует добавить, что ответственность может носить и имущественный характер в связи с совершенным преступлением. Законодательство предусматривает меры, нацеленные на ликвидацию факторов отрицательного влияния на личность. Установление опеки и попечительства над несовершеннолетними направлено не только на защиту личных и имущественных прав и интересов этих детей, но и на обеспечение правильного формирования и воспитания их личности, недопущения с их стороны противоправного поведения.

В число правовых мер предупреждения входят также дисциплинарные меры. Они направлены на укрепление трудовой дисциплины, должное выполнение обязанностей в случаях, когда действия или бездействие субъекта не влекут за собой последствий, необходимых для привлечения к уголовной ответственности уголовно-исполнительной инспекции. Так, Трудовой кодекс РФ в качестве одного из оснований расторжения трудового договора (контракта) по инициативе администрации устанавливает «появление на работе лиц в состоянии наркотического или токсического опьянения» (ст. 33).

В заключение следует отметить, что нормы отраслей права, относящиеся к предупреждению преступлений, в том числе со стороны лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, можно классифицировать на непосредственные и опосредованные.

Список литературы

1. Правовое регулирование исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества / А. В. Бойко [и др.] ; под общ. ред. Е. Л. Зарембицкой. Рязань, 2014.
2. Орлов В. Н. Специальное (частное) предупреждение преступлений как цель уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2007. № 1. С. 103.
3. Ирисханов С. А. Противодействие преступности частноправовыми средствами : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2015. 158 с.
4. Гришко А. Я. Гражданско-правовой статус лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы : монография / под науч. ред. В. А. Рыбакова. М., 2005. 225 с.

ELENA ALEKSANDROVNA PROTOPOVA,

prosecutor of the 2nd department of appeal management of the head judicial department
(Prosecutor general's office of the Russian Federation),
e-mail: buranchik2008@rambler.ru
© Protopova E. A., 2015

ABOUT LEGAL WARNING FACILITIES OF CRIMES FROM THE FACES CONSISTING ON THE ACCOUNT IN CRIMINAL AND EXECUTIVE INSPECTIONS

Annotation: the criminal and executive legislation assigns to criminal and executive inspections of a task which fully can be carried to the preventive.

Implementation of precautionary work as criminal and executive inspections has the features other than precautionary activity of law-enforcement bodies and correctional facilities. They are caused by the contingent of the faces consisting on the account, absence in inspections of officials who would be engaged only in prevention, need of the organization of interaction of criminal and executive inspections, law-enforcement bodies, correctional facilities.

The author bases classification of norm of the branches of the right relating to the prevention of crimes including from the faces consisting on the account in criminal and executive inspections.

Key words: prevention of crimes, prevention of crimes, prevention of crimes, control of offenses, counteraction of crime, post-criminal supervision.

References

1. Pravovoe regulirovanie ispolnenija nakazanij, ne svjazannyh s izoljaciej osuzhdenного ot obshhestva [Legal regulation of execution of the punishments which aren't connected with isolation condemned from society]. Under the editorship of E. L. Zarembickaja. Ryazan, 2014.
2. Orlov V. N. Special'noe (chastnoe) preduprezhdenie prestuplenij kak cel' ugovolnyh nakazanij, ne svjazannyh s izoljaciej osuzhdenного ot obshhestva [The special (private) prevention of crimes as the purpose of the criminal penalties which aren't connected with isolation condemned from society]. Vestnik Severo-Kavkazskogo gosudarstvenного tehničeskogo universiteta – Bulletin of the North Caucasian state technical university, 2007, no. 1, p. 103.
3. Irishanov S. A. Protivodejstvie prestupnosti chastno-pravovymi sredstvami. Dis. kand. jurid. nauk [Counteraction of crime private legal means. Cand legal sci. diss.]. Ryazan, 2015. 158 p.
4. Grishko A. Ja. Grazhdansko-pravovoj status lic, otbyvajushhijh nakazanie v vide lishenija svobody [The civil status of the persons serving sentence in the form of imprisonment]. Under the editorship of V. A. Rybakov. Moscow, 2005. 225 p.

УДК 340.11
ББК 67.021
С32

НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА СЕРГЕЕВА,
аспирантка кафедры теории и истории права и государства
(Государственный социально-гуманитарный университет),
e-mail: pticina2006@mail.ru
© Сергеева Н. В., 2015

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РЕЖИМ КАК КАТЕГОРИЯ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Реферат: в статье рассматриваются теоретические вопросы определения государственного режима как правовой категории. Предметом исследования является категориально-понятийный анализ государственного режима. Цель – конкретизация объема и содержания понятия «государственный режим», его места в системе категорий современной теории государства и права. Методологическую основу составляет формально-логический и сравнительно-исторический методы научного исследования. Область применения – теоретическое моделирование сущности государства.

С учетом особенностей категориально-понятийного аппарата современной теории государства государственный режим следует определить как обобщающую функциональную характеристику государства, выражающую себя в аксиологической оценке приемов и методов реализации государственной власти с позиций господствующей системы ценностных представлений. Данное понятие одновременно характеризуется функциональной и ценностной составляющей. С одной стороны, государственный режим в наиболее общем виде описывает приемы и способы реализации государственной власти, являясь в этом отношении общей функциональной характеристикой государства, тогда как более детальный (дифференцированный) анализ его деятельности в отдельных сферах общественной жизни дается в рамках понятия «функции государства». В связи с этим восприятие государственного режима в качестве разновидности формы государства представляется малообоснованным. Понятие формы государства описывает институциональные (структурные) закономерности, смешение которых с функциональными закономерностями в рамках понятия государственного режима является алогизмом в построении категориально-понятийного аппарата. С другой стороны, следует подчеркнуть тесную связь государственного режима с аксиологией государства, а именно с представлениями о должном порядке реализации его власти в рамках господствующей системы ценностей. Аксиологическая составляющая государственного режима является объективно неизбежной, что объясняется методологической невозможностью избежать оценочных суждений при общем описании государственной деятельности. Теоретическое восприятие государственного режима всегда тесно связано с господствующей системой политических ценностей, что с неизбежностью вызывает идеологические затруднения в научном описании данного понятия.

В статье дается итоговое определение понятия государственного режима как обобщающей функциональной характеристики государства, выражающей себя в аксиологической оценке приемов и методов реализации государственной власти с позиций господствующей системы ценностных представлений.

Ключевые слова: государственный режим, политический режим, форма государства, политическая система общества, сущность государства, аксиология государства, правовая идеология.

Понятие политического (государственно-го) режима отнюдь не является новым как для западной, так и для отечественной юридической науки. Вопросы, связанные с данным понятием, начиная с 60-х годов прошлого столетия традиционно составляют отдельную тему в рамках отечественных учебников по теории государства и права. Что касается политологии, то это понятие встречается здесь еще раньше и его можно увидеть в западных учебниках уже в начале прошлого столетия [6, с. 34, 35]. Принимая во внимание устоявшийся характер данного понятия, следовало бы ожидать ясности и определенности в вопросах его объема и содержания. Однако ничего

этого нет и, несмотря на то что выше обозначенные проблемы осознаются, им посвящено немало современных научных исследований [3]. Среди научных категорий современной теории государства вряд ли можно найти понятие с более неопределенным и противоречивым статусом. Причины этого видятся в особенностях самого содержания данного понятия, которое, как будет показано далее, неразрывным образом связано с аксиологической оценкой государства. Изменение ценностного восприятия государства кардинальным образом сказывается на объеме понятия «государственный режим», его классификации и итоговом определении. Минувшее столетие характеризуется сущест-

венными изменениями аксиологии государства, имевшими место как на Западе (переход от классического либерализма к неолиберализму), так и в России. В связи с этим неопределенность методологического статуса понятия государственного режима является скорее закономерным и знаменует собой существенную исчерпанность структурно-логического подхода к его анализу, заставляя обратиться к истории его происхождения.

В настоящий момент господствующей, хотя и не единственной точкой зрения является утверждение, что государственный режим является составной частью политического режима [7, с. 45–47]. Данные понятия соотносятся как общее с частным, политический режим описывает функционирование всей политической системы общества, а государственный – только одного его элемента. С точки зрения логики построения категориально-понятийного аппарата современной юридической науки подобное соотношение представляется нам вполне оправданным. Однако с позиций историко-генетического анализа данных понятий картина выглядит несколько иначе. Возникновение понятия «государственный режим» в истории политико-правовой мысли никак не связано с развитием представлений о политической системе общества, в рамках которой государство уже не обладает монополией на осуществление политической власти, и, следовательно, есть методологическая потребность в самостоятельном понятии, описывающем функционирование только государства. Эта логика имеет более позднее происхождение. Как было отмечено, понятие «государственный режим» появляется в работах Г. Еллинека и М. Ориу в конце XIX столетия, задолго до появления представлений о политической системе общества. Возникновение данного понятия связано с укоренением позитивистских взглядов на государство в целом и на его происхождение в частности. Как философская школа, становящаяся в середине XIX века основой научной методологии, позитивизм принципиально отрицает наличие умозрительных абстракций, которые не могут быть верифицированы. С позиций позитивизма крайне сомнительными являются такие подходы к обоснованию сущности государства, как сравнение его с семьей (патриархальная теория), с живым организмом (органическая теория) и даже с общественным договором. Позитивизм настаивает на четких, пусть даже формальных, признаках государства, которые отличали бы его от других форм властной организации общества. Такими признаками становятся население, территория и суверенная, публичная власть. В связи с этим понятие «государственный режим» появляется как констатация особого рода властных отно-

шений, отличных от тех, что имели место в договорном обществе. В какой-то мере понятие «государственный режим» созвучно понятию самого государства в аспектах его сравнения с другими формами организации общества. Не будет преувеличением отметить, что в этом контексте данное понятие действительно соответствует понятию сущности государства в ее позитивистском понимании. Подобное понимание государственного режима (как сущности) отчасти сохранилось и в современной юридической науке. На наш взгляд, данная точка зрения, хотя и имеет свои историко-генетические корни, входит в существенные противоречия с логикой построения категориально-понятийного аппарата современной теории государства и является ошибочной.

Дальнейшее развитие понятий «политический режим» и «государственный режим» тесным образом связано с понятием политической системы, тогда как появление последнего также обусловлено становлением позитивистских методов исследования политики. Строго говоря, само понятие «политическая система» в рамках позитивистской методологии является вторичным, и ему предшествовал системный подход – методология, весьма популярная в различных областях научного знания в начале-середине прошлого столетия. Как известно, изначально системный подход и производное от него понятие «политической системы» были связаны с функциональной оценкой политической власти, с ее способностью адекватно реагировать на запросы общества. В этом аспекте понятие политического режима, действительно, созвучно понятию «политическая система», так как они описывают функционирование власти.

Таким образом, ко второй четверти XX столетия категориально-понятийный аппарат политической и юридической науки располагал относительно самостоятельными понятиями «политический режим», «государственный режим» и «политическая система общества», характеризующимися самостоятельным и независимым друг от друга происхождением. Пересечение этих понятий и наложение их друг на друга было связано с более поздним применением институционального подхода к исследованию политической системы общества и выявлению ее внутренней структуры, когда имела место констатация того факта, что в современном мире государство утратило свою монополию на политическую власть и является одним из элементов политической системы общества. Именно институциональное исследование политической системы заставило по-новому взглянуть на соотношения вышеуказанных понятий и, основываясь уже на структурно-логическом подходе, в значитель-

ной мере переосмыслить их объем, содержание и методологическое значение. Логика этого переосмысления довольно очевидна и сводится к следующим умозаключениям.

1. Так как политическая система интересует исследователя уже с позиций не только своего общего функционирования, но и своей внутренней структуры, необходимо специальное понятие, описывающее общее функционирование всей политической системы. Роль этого понятия и начинает выполнять политический режим, как понятие, этимологически наиболее созвучное обобщенным функциональным закономерностям. В западной науке одним из первых данное понятие в указанном контексте было использовано Х. Арендтом [1, с. 45], в отечественной – Д. А. Керимовым [4, с. 68].

2. Поскольку в рамках новой научной парадигмы государство утратило свою монополию на реализацию политической власти, возникает методологическая потребность в самостоятельном понятии, описывающем деятельность только государства как одного из субъектов политики. Роль такого понятия, скорее по причинам этимологической созвучности, начинает выполнять понятие «государственный режим», сократив свой объем от понятия, раскрывающего сущность государства, до понятия, описывающего лишь его функционирование. В западной политологии подобный взгляд на соотношение понятий одним из первых высказал Д. Хелд [2], в отечественной юридической науке эта точка зрения была доминирующей, и мы не решаемся отдать приоритет какому-либо исследователю.

Следует, впрочем, иметь в виду, что категориально-понятийный аппарат любой науки имеет свою историю. По словам В. И. Ленина, «раз появившись, научное понятие начинает жить своей жизнью» [8, с. 22]. В связи с этим было бы весьма наивным полагать, что вышеописанный вариант анализируемых понятий является в настоящее время общепринятым. В лучшем случае эту точку зрения можно назвать лишь несколько доминирующей, тогда как особенности исторического происхождения анализируемых понятий ощущаются и в настоящее время, нарушая стройность чисто логических построений.

Необходимо отметить, что в западной науке, несмотря на отсутствие единообразного понимания этого вопроса, разнообразие точек зрения все же имеет свою внутреннюю логику, позволяющую строго дифференцировать существующие взгляды на институциональный (структурный) и функциональный (социологический) подходы. В рамках первого подхода, в большей степени свойственного юридическим наукам, понятия «политический режим» и «государственный режим» воспринима-

ются как различные понятия и соотносятся как общее с частным. При этом государственный режим рассматривается как элемент формы государства наряду с формой правления и формой устройства. Наиболее устоявшимся вариантом классификации государственных режимов является деление их на демократические и антидемократические [5, с. 34, 35]. В рамках второго подхода, присущего скорее политологии, государственный и политический режимы фактически отождествляются и рассматриваются более широко как функционирование всей политической системы. При этом политический (государственный) режим не считается элементом формы государства, а рассматривается как полностью самостоятельная категория, описывающая общие функциональные закономерности политической власти (тогда как понятие «формы» относится к институциональным закономерностям). В рамках данного направления политический (государственный) режим подразделяется на следующие разновидности: демократический, авторитарный и тоталитарный [11, с. 24–27].

Таким образом, западная политическая и юридическая наука вкладывает в анализируемое понятие свои собственные значения: социологическое в рамках системного подхода и формально-юридическое в рамках институционального подхода.

В современной отечественной науке как-либо систематизировать имеющиеся взгляды по вопросу о соотношении этих понятий не представляется возможным. По нашему мнению, это связано с тем, что в советский период нашей истории политология долгое время не воспринималась в качестве самостоятельной научной дисциплины и социологической (функциональной) школы исследования политико-правовых явлений так и не сложилось. В рамках советской теории государства с очевидностью доминировал вышеописанный институциональный подход, с той лишь разницей, что существующие варианты классификации государственного режима в качестве одного из классифицирующего критерия всегда включали в себя элементы формационного подхода, на основе чего выделялись рабовладельческая, феодальная, буржуазная и социалистическая формы демократии. Других каких-либо существенных различий не было. Понятия политического и государственного режима полностью отождествлялись (при этом второй термин употреблялся заметно чаще) и считались элементами формы государства [9, с. 12, 13]. В постсоветский период происходит становление политологии в качестве самостоятельной научной дисциплины, заимствуются многие западные методики и подходы к изучению политико-

правовых явлений. В то же время, помимо несомненной прогрессивности всех этих заимствований, происходит недопустимое смешение двух разных методологических направлений: институционального (структурного или формально-юридического) и функционального (системного или социологического). Если проанализировать современные учебники по общей теории государства и права [10, с. 88], а точку зрения, излагаемую в учебниках, можно считать устоявшейся, то политический режим в большинстве случаев отождествляется с государственным и считается элементом формы государства, подразделяясь на три свои разновидности (демократический, авторитарный и тоталитарный). Подобного рода смешение политической и юридической науки представляется нам малооправданным. Возможно, это не совсем правильно с точки зрения логики, настаивающей на единстве всего научного знания, но реальная история науки такова, что различные научные дисциплины нередко вкладывают в одно и то же понятие различные

значения. В связи с этим своеобразие методологического восприятия политического (государственного) режима политологией и общей теорией государства и права представляется нам вполне оправданным. Предметом общей теории государства и права являются наиболее общие закономерности государственно-правовых явлений, а не вся политическая деятельность в рамках политической системы общества. Исходя из этого данная научная дисциплина в качестве составной части своего предмета может рассматривать только закономерности государственной деятельности, фиксируя ее в понятии государственного режима.

Таким образом, определение государственного режима видится нам следующим образом: государственный режим – обобщающая функциональная характеристика государства, выражающая себя в аксиологической оценке приемов и методов реализации государственной власти с позиций господствующей системы ценностных представлений.

Список литературы

1. Arendt H. The Origins of Totalitarianism. N.Y., 1951.
2. Held D. Models of Democracy. New Haven, 1950.
3. Кашкин С. Ю. Политический режим в современном мире: понятие, сущность, тенденции развития. М., 1993. 56 с.
4. Керимов Д. А. Конституция СССР и развитие политико-правовой теории. М., 1979. 246 с.
5. Кермонн Ж.-Л. Политическая наука : словарь-справочник. М., 2010.
6. Кроус А. Современная политическая наука. Пг., 1915.
7. Марченко М. Н. Теория государства и права. М., 2010. 640 с.
8. Разин В. И. Марксистско-ленинское учение о государстве. Методические советы по философии. М., 1966. 45 с.
9. Стародубский Б. А. О классификации форм буржуазных государств. Свердловск, 1989. 480 с.
10. Сырых В. М. Теория государства и права. М., 2005. 591 с.
11. Фридман Л. Введение в американское право. М., 1992. 290 с.

NATALIA VLADIMIROVNA SERGEEVA,

postgraduate student of the theory and history of state and law department
(State socio-humanitarian university),
e-mail: pticina2006@mail.ru
© Sergeeva N. V., 2015

PROBLEMS OF IMPLEMENTING A MEDIATION AGREEMENT AND THE LEGAL MECHANISMS OF THEIR SOLUTION

Annotation: this article analyzes the main problems in the sphere of implementing a mediation agreement. Considering the legal consequences of a failure to implement a mediation agreement, it is necessary to start with the two possible types of mediation agreements: those concluded before the trial or those concluded on the case pending before the court. The simplest situation arises in the case of a failure to implement a mediation agreement, which is a settlement of the case, submitted to the court. In this case, the parties to a mediation agreement have a possibility of its enforcement on the basis of a writ of execution issued by the court after the judicial act on the termination of the proceedings has

come into force. In case when the agreement not submitted to the court fails to be implemented, civil law on transactions is applied. Following the literal interpretation of par. 4 of Art. 12 of the Law on mediation, we can draw a conclusion that mediation agreement on labor and family disputes is not recognized as a civil transaction. That raises the questions of what rules normally regulate its implementation and if it is possible to use general methods provided for by Art. 12 of the Civil Code of the RF in this case. The answer to this question depends on the content of a mediation agreement. If the mediation agreement on a family or labor dispute sets out the obligations of civil nature (for example, transfer of property, payment of a compensation, conclusion of a contract, etc.), then protection of the rights arising from this relationship is carried out by means of general civil law methods such as self-protection of the rights, fulfillment of the obligations in kind, compensation for damages, recovery of damages, compensation for moral damages, termination or alteration of the legal relationship. In the cases when the mediation agreement on family or labor dispute involves the responsibilities related to administrative relationships or personal commitments of informal nature, the so-called «naked agreements» occur. These agreements do not provide legal protection in the absence of legal mechanisms for the enforcement of the specified conditions. On the basis of the above facts, we conclude that the mediation agreement creates rights and obligations of the parties in so far that it contains property obligations constituting the issue of civil legal regulation and protection. The rights of the parties arising from these obligations are protected by the means provided for by Art. 12 of the Civil Code, regardless of the area of disputes (civil, family, or labor). There are some legal mechanisms to reduce the risk of unfair conduct of the parties in implementing a mediation agreement. First, it may be given executive powers as a notarized transaction. Second, the parties are free to provide methods to resolve the disputes arising when implementing a mediation agreement, by including the relevant section in its text. Thirdly, a mandatory claim procedure may be established to precede applying to a court of general jurisdiction or an arbitration court. Fourth, the problem can be solved at the legislative level through amending the Civil and Arbitration Procedure Code, establishing the possibility of issuing writs for the enforcement of mediation agreements.

The article focuses on a wide range of readers interested in the problems of mediation.

Key words: state mode, political regime, state form, political system of society, essence of the state, state axiology, legal ideology.

References

1. Arendt N. The Origins of Totalitarianism. N. Y., 1951.
2. Held D. Models of Democracy. New Haven, 1950.
3. Kashkin S. Ju. Politicheskij rezhim v sovremennom mire: ponjatie, sushhnost', tendencii razvitiya [A political regime in the modern world: concept, essence, development tendencies]. Moscow, 1993. 56 p.
4. Kerimov D. A. Konstitucija SSSR i razvitie politiko-pravovoj teorii [Constitution of the USSR and development of the political and legal theory]. Moscow, 1979. 246 p.
5. Kermonn Z.-L. Politicheskaja nauka [Political science]. Moscow, 2010.
6. Krous A. Sovremennaja politicheskaja nauka [Modern political science]. Petrograd, 1915.
7. Marchenko M. N. Teorija gosudarstva i prava [Theory of the state and right]. Moscow, 2010. 640 p.
8. Razin V. I. Marksistsko-leninskoe uchenie o gosudarstve. Metodicheskie sovery po filosofii [The Marxist-Leninist doctrine about the state. Methodical councils for philosophy]. Moscow, 1966. 45 p.
9. Starodubskij B. A. O klassifikacii form burzhuznyh gosudarstv [About classification of forms of the bourgeois states]. Sverdlovsk, 1989. 480 p.
10. Syryh V. M. Teorija gosudarstva i prava [Theory of the state and law]. Moscow, 2005. 591 p.
11. Fridmjen L. Vvedenie v amerikanskoe pravo [Introduction to the American law]. Moscow, 1992. 290 p.

УДК 343.8:342.7
ББК 67.409.01
В67

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ВОЛКОВ,
кандидат философских наук, доцент
(Уполномоченный по правам человека в Кемеровской области),
e-mail: ombudsman@mail.ru
© Волков Н. А., 2015

КОНТРОЛЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ (НА ПРИМЕРЕ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Реферат: в статье анализируются некоторые проблемы соблюдения прав осужденных в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы на примере Кемеровской области, выявленные региональным уполномоченным по правам человека, а также взаимодействие омбудсмана с прокуратурой в работе по восстановлению нарушенных прав. Международно-правовые акты в области соблюдения прав человека и обращения с осужденными занимают особое место как в системе уголовно-исполнительного правового регулирования, так и в деятельности региональных уполномоченных по правам человека. Анализ условий содержания осужденных в исправительных учреждениях Кемеровской области кузбасским омбудсманом проводится посредством работы над обращениями граждан, находящихся в местах лишения свободы, и их родственников, посещения исправительных колоний и ознакомления с условиями проживания, материального, медицинского обеспечения, взаимодействия с органами прокуратуры и общественными организациями. Региональный уполномоченный по правам человека постоянно принимает участие в работе коллегии ГУФСИН России по Кемеровской области. Нормативное регулирование участия региональных уполномоченных по правам человека в контроле за соблюдением прав осужденных требует дальнейшего совершенствования как на федеральном, так и на ведомственном нормативном уровне. В 2013 г. участились случаи обращения обвиняемых и осужденных с жалобами на нарушение их права на ознакомление с протоколом судебного заседания и материалами уголовного дела. Осужденные продолжали обращаться с жалобами на несправедливые, с их точки зрения, отказы в условно-досрочном освобождении и в замене им наказания более мягким видом. С целью общественного контроля за работой административных комиссий приказом ГУФСИН России по Кемеровской области исправительным учреждениям поручено включить в состав административных комиссий исправительных учреждений представителей органов государственной власти, наблюдательных советов, религиозных и общественных организаций в количестве не менее 5–6 человек. В состав административных комиссий ряда исправительных учреждений входят и общественные помощники уполномоченного по правам человека в Кемеровской области, которые действуют на территории всех муниципальных образований.

Ключевые слова: региональный уполномоченный по правам человека, права осужденных, исправительные учреждения, уголовно-исполнительная система, взаимодействие, права человека, Кемеровская область, прокуратура, омбудсман, нарушенные права.

Международно-правовые акты в области соблюдения прав человека и обращения с осужденными, такие как Минимальные стандартные правила обращения с осужденными, принятые на первом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 30 августа 1955 г. [1], Европейские пенитенциарные правила от 12 февраля 1987 г. [2], Рекомендации Совета Европы для тюремных стандартов, занимают особое место как в системе уголовно-исполнительного правового регулирования, так и в деятельности региональных уполномоченных по правам человека.

Анализ условий содержания осужденных в исправительных учреждениях Кемеровской области кузбасским омбудсманом проводится посредством работы над обращениями граждан, находящихся в местах лишения свободы, и их родственников, посещения исправительных колоний и ознакомления с условиями проживания, материального, медицинского обеспечения, взаимодействия с органами прокуратуры и общественными организациями.

Региональный уполномоченный по правам человека постоянно принимает участие в работе коллегии ГУФСИН России по Кемеровской области. Вся деятельность по контролю за соблюдением прав осужденных в уголовно-исполнительной сис-

теме основывается на соглашении, подписанном между региональным омбудсманом и начальником управления 1 июня 2011 г. Вместе с тем нормативное регулирование участия региональных уполномоченных по правам человека в контроле за соблюдением прав осужденных требует дальнейшего совершенствования как на федеральном, так и на ведомственном нормативном уровне [3, с. 93].

В состав уголовно-исполнительной системы Кемеровской области входят 4 следственных изолятора и 22 исправительных учреждения. В их числе 1 воспитательная колония для несовершеннолетних, 2 колонии для женщин, 4 лечебно-исправительных учреждения, 5 колоний-поселений, в которых осужденные занимаются сельским хозяйством и обработкой леса.

По состоянию на 31 декабря 2013 г. в исправительных учреждениях области содержалось 18 479 человек, на 31 декабря 2014 г. – 18 030 чел., в том числе:

- в исправительных колониях – 15 815 чел. в 2013 г., 15 535 осужденных в 2014 г.;
- в следственных изоляторах и помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов, – 2577 чел. в 2013 г., 2495 обвиняемых, подозреваемых и осужденных в 2014 г.

Кроме того, осужденных без изоляции от общества под надзором 45 филиалов уголовно-исполнительной инспекции за 2013 год состояло 34 953 человек, на 1 января 2014 г. – 17 436 чел., за 2014 г. – 34 425 осужденных без изоляции от общества, на 1 января 2015 г. – 16 556 чел.

Таким образом, количество подследственных и осужденных на территории Кузбасса является довольно значительным, но в целом стабильным, с некоторой тенденцией к уменьшению.

В 2013 г. уполномоченный посетил 12 исправительных учреждений, в том числе 6 учреждений совместно с членами комиссии по вопросам помилования на территории Кемеровской области. В 2014 г. региональный омбудсман проверил 14 учреждений УИС, в том числе 7 – совместно с членами комиссии по помилованию. В ходе посещения уполномоченный обращал особое внимание на условия содержания осужденных, на материально-бытовое, продовольственное, вещевое, медицинское, санитарно-гигиеническое обеспечение.

В 2013 г. в адрес уполномоченного поступило 229 обращений от лиц, содержащихся в следственных изоляторах и исправительных учреждениях ФСИН России на территории Кемеровской области (в 2012 г. – 259 обращений).

Тематика обращений распределилась следующим образом:

- на условия содержания – 30 (13,1 %);

- неправомерные действия сотрудников УИС – 60 (26,2 %);

- низкое качество медицинской помощи – 15 (6,5 %);

90 обращений осужденных (39 %) содержат жалобы на условия отбывания наказания и неправомерные действия сотрудников исправительных учреждений. Следует отметить, что большинство жалоб, особенно на неправомерные действия сотрудников учреждений, не находят подтверждения. Вместе с тем значительная часть обращений осужденных об условиях их содержания в той или иной степени подтверждается.

Контроль за соблюдением прав человека в местах лишения свободы осуществляется уполномоченным в тесном взаимодействии с прокуратурой.

Так, в июне 2013 г. аппарат уполномоченного и Кемеровская прокуратура по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях провели проверку исполнения уголовно-исполнительного законодательства в части соблюдения нормы жилой площади осужденных в ФКУ ИК-29 ГУФСИН России по Кемеровской области. Установлено, что в нарушение ст. 99 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ) в колонии не соблюдается норма жилой площади (2 м²) на одного человека.

В сентябре были выявлены нарушения условий содержания осужденных в лечебно-исправительном учреждении № 42 (г. Ленинск-Кузнецкий) в части материально-бытового, медико-санитарного обеспечения осужденных, охраны труда и техники безопасности. Здесь также в нарушение требований ст. 99 (УИК РФ) не соблюдается норма жилой площади на одного осужденного (не менее 3 м²). Недостаточно вспомогательных помещений – гардеробных, сушилок для одежды и обуви. Оконное остекление и количество раковин для умывания не соответствуют установленным нормам. По результатам проверки прокуратурой внесено представление об устранении выявленных нарушений закона.

В ноябре было установлено, что администрация исправительной колонии № 44 также не в полном объеме исполняет требования ст. 99, 101 УИК РФ в части материально-бытового и санитарно-гигиенического обеспечения осужденных. Не соблюдается норма жилой площади на одного осужденного, в общежитиях отсутствуют необходимые хозяйственно-бытовые помещения. Выявлены нарушения санитарно-эпидемиологических норм в жилых помещениях, банно-прачечном комбинате, магазине, медицинской части, столовой, пекарне и производственных объектах. Имеет место также привлечение осужденных к работам без оплаты

труда. По итогам проверки за ненадлежащее исполнение законодательства 10 должностных лиц привлечены к дисциплинарной ответственности.

Анализ обращений обвиняемых и осужденных к уполномоченному позволил выявить еще одну проблему, которая связана с нарушением их прав. В 2013 г. участились случаи обращения обвиняемых и осужденных с жалобами на нарушение их права на ознакомление с протоколом судебного заседания и материалами уголовного дела. Так, к уполномоченному обратилась И. (вх. № И-565), содержащаяся в ФКУ СИЗО-4, с жалобой на нарушение ее права на ознакомление с материалами уголовного дела. Осужденная И. утверждала, что в июле 2013 г. подала ходатайство в Беловский городской суд об ознакомлении с протоколами судебных заседаний. Однако ознакомлена была частично. По данному обращению уполномоченным был направлен запрос председателю Беловского городского суда. В полученном ответе председатель суда сообщил, что И. не была ознакомлена с протоколами судебных заседаний в связи с многократным неэтипированием ее из СИЗО-4 в ИВС г. Белово.

Уполномоченным был направлен запрос в ГУФСИН России по Кемеровской области. В ответе начальника управления сообщается, что постановление Беловского городского суда о доставлении И. в суд для ознакомления с протоколами судебных заседаний на 15 октября 2013 г. поступило в ФКУ СИЗО-4 7 октября 2013 г. Однако в связи с невозможностью размещения спецконтингента в ИВС г. Белово из-за недостатка мест этапирована она была только 30 декабря 2013 г.

21 октября 2013 г. в аппарат уполномоченного вновь поступила жалоба осужденной И. на незнакомление ее с материалами судебных заседаний. Уполномоченный был вынужден обратиться в прокуратуру области с ходатайством о проведении проверки.

Мы считаем, что в данной ситуации нарушение прав осужденной И. произошло в результате формального отношения, несогласованности, нескоординированных действий суда, сотрудников ГУФСИН и ГУ МВД России по Кемеровской области, отсутствия должного взаимодействия между этими структурами.

Не до конца решенной остается в настоящее время и проблема с условно-досрочным освобождением, предусмотренным действующим законодательством. Осужденные продолжали обращаться с жалобами на несправедливые, с их точки зрения, отказы в условно-досрочном освобождении и замене им наказания более мягким видом.

При подготовке в учреждениях УИС характеризующих материалов в суд имели место случаи со-

ставления неполной или необъективной характеристики на осужденного. Например, в тех случаях, когда осужденный отбывал наказание в разных колониях, в характеристиках не оценивается поведение осужденного по прежнему месту отбывания наказания. Необъективная подготовка характеризующих материалов в ряде случаев привела к освобождению недостаточно изученных осужденных, которыми впоследствии были совершены новые преступления.

Мнение учреждений не всегда совпадает с решениями судов. Так, по информации ГУФСИН России по Кемеровской области, с отрицательными характеристиками освобождено 155 осужденных, отказано в досрочном освобождении 42 положительно характеризующимся осужденным.

По нашему мнению, практика условно-досрочного освобождения характеризуется отсутствием единообразного подхода к признанию осужденного не нуждающимся в дальнейшем отбывании наказания. Пробелы в законодательном регулировании снижают эффективность этого института уголовного права. Об этом свидетельствует то, что уровень рецидива среди условно-досрочно освобожденных практически сопоставим с теми, кто освобождается по отбытии полного срока наказания. Это значит, что функцию исправления осужденных институт УДО не выполняет.

Для реализации права осужденных на условно-досрочное освобождение и оценки степени исправления при рассмотрении ходатайств осужденных в учреждениях Кемеровской области созданы административные комиссии.

С целью общественного контроля за работой административных комиссий приказом ГУФСИН России по Кемеровской области от 29 апреля 2011 г. № 272 «Об использовании системы социальных лифтов» исправительным учреждениям поручено включить в состав административных комиссий исправительных учреждений представителей органов государственной власти, наблюдательных советов, религиозных и общественных организаций в количестве не менее 5–6 человек. В состав административных комиссий ряда исправительных учреждений входят и общественные помощники уполномоченного по правам человека в Кемеровской области, которые действуют на территории всех муниципальных образований.

Серьезную озабоченность вызывает также проблема, связанная с нарушением права осужденных на помилование.

Данная проблема поднималась уполномоченным по правам человека в Кемеровской области еще в 2008 г., когда по обращению кузбасского омбудсмана аппаратом уполномоченного по пра-

вам человека в Российской Федерации был проведен мониторинг эффективности работы комиссий по вопросам помилования на территории субъектов РФ, нашедший отражение в аналитических обзорах «Мониторинг соблюдения прав человека в деятельности правоохранительных органов и пенитенциарных учреждений».

Результаты мониторинга выявили тенденцию резкого сокращения количества ходатайств о помиловании, поступающих от осужденных. Это вызвано рядом причин, в том числе крайне низким количеством помилованных осужденных. Так, за период с 2005 г. по настоящее время Президентом Российской Федерации помилован всего 1 осужденный из учреждений УИС, расположенных на территории Кузбасса. При этом за указанный период комиссией по вопросам помилования на территории Кемеровской области проведено более 100 заседаний, на которых рассмотрено более 3000 ходатайств о помиловании. В 2014 г. проведено 12 заседаний комиссии по вопросам помилования, из них 8 выездных. В течение года в комиссию поступило 306 обращений с ходатайствами о помиловании, в том числе 292 – непосредственно от осужденных и 14 – от родственников и других лиц. Всего рассмотрено 291 ходатайство, в том числе 86 – с участием осужденных. Членами комиссии было рекомендовано помиловать 18 человек, из них 6 – помиловать полностью, 12 – сократить срок отбывания наказания. Материалы по ходатайствам своевременно изучены и направлены на рассмотрение Президенту РФ. Однако ни к одному осужденному акт о помиловании не был применен.

Данное обстоятельство свидетельствует о том, что мнение региональных комиссий о применении акта о помиловании практически не учитывается при рассмотрении ходатайств осужденных.

Не вызывает сомнений, что решение о применении помилования или отказе в нем является исключительной прерогативой Президента РФ. Вместе с тем возможность просить о помиловании или смягчении наказания – конституционное право каждого человека, гарантированное Конституцией РФ. В связи с этим можно сделать вывод о том, что

деятельность региональных комиссий по вопросам помилования как этап, предусмотренный законодательством при применении акта о помиловании, фактически не играет существенной роли. Это позволяет говорить о безуспешной работе комиссий в значительной степени, оказывает негативное влияние на членов комиссий по помилованию в субъектах РФ, выполняющих свою общественную миссию с чувством высокой гражданской ответственности.

Негативное влияние такая работа оказывает и на осужденных, подрывая их веру в действенность и эффективность института помилования.

Таким образом, в результате контроля за соблюдением прав человека в учреждениях УИС уполномоченным только одного региона наряду с выявлением отдельных нарушений, требующих их точечного разрешения на месте, нами сформулированы и некоторые системные проблемы, для решения которых необходимы усилия всего государства, законодательных, исполнительных и судебных органов, координация деятельности всех заинтересованных структур.

Основными путями их решения, на наш взгляд, являются:

- выделение дополнительных средств на проведение реформы УИС и приведение норм содержания осужденных в соответствие с международными стандартами;

- урегулирование участия региональных уполномоченных по правам человека в контроле за соблюдением прав осужденных как на федеральном, так и на ведомственном нормативном уровне;

- улучшение согласованности и координации в работе различных структур – суда, прокуратуры, уголовно-исполнительной системы, полиции, аппаратов уполномоченных по правам человека и др.;

- выработка единых подходов и требований к функционированию института условно-досрочного освобождения, исключая субъективизм сотрудников УИС в период подготовки документов и судей при принятии решения;

- повышение эффективности института помилования.

Список литературы

1. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (приняты на I Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 30 августа 1955 г., одобрены Экономическим и Социальным Советом ООН на 994-м пленарном заседании 31 июля 1957 г.). URL: <http://base.garant.ru/1305346/#ixzz3S4cpMGug>.

2. Рекомендация Комитета министров Rec (2006) 2 государствам – членам Совета Европы о Европейских пенитенциарных правилах. URL: <http://base.garant.ru/70170038/#ixzz3SAS8IRdY>.

3. Гришко А. Я. Проблемы защиты прав осужденных региональным омбудсменом // Уголовно-исполнительная политика, законодательство и право: современное состояние и перспективы развития : сб. материалов круглого стола / под науч. ред. В. И. Селиверстова, В. А. Уткина. М., 2014. С. 86–93.

NIKOLAY ALEKSEEVICH VOLKOV,

candidate of philosophical sciences, the associate professor,
(Commissioner for human rights in the Kemerovo region),

e-mail: ombudsman@mail.ru

© Volkov N. A., 2015

CONTROL OF OBSERVING THE RIGHTS OF CONVICTS IN THE PENAL SYSTEM BY REGIONAL COMMISSIONERS FOR HUMAN RIGHTS (ON THE EXAMPLE OF KEMEROVO REGION)

Annotation: the article analyzes some problems of the rights of convicts in correctional facilities of the penal system on the example of the Kemerovo region identified by the regional Commissioner for Human Rights as well as the interaction of the ombudsman with the prosecutors in the work of restoring the violated rights. International legal acts in the field of human rights and treatment of prisoners hold a special place both in the system of penal legal regulations, and in the activities of regional Commissioners for Human Rights. The analysis of the living conditions of convicts in correctional facilities of the Kemerovo region is carried out by the Kuzbass ombudsman by working with the prisoners, and their relatives, visiting correctional colonies and getting acquainted with the living conditions, material and medical support, interacting with prosecutors and public organizations. The regional Commissioner for Human Rights constantly participates in the work of the board of Head department of the FPS of Russia on the Kemerovo region. Standard regulation of participation of regional Commissioners for Human Rights in monitoring the observance of the convicts' rights requires further improvement on both federal, and departmental standard level. In 2013, complaints of the accused and the convicted persons of violating their right to be acquainted with the court records and the materials of the criminal proceedings became more frequent. The convicts continued to complain about unfair, in their view, denial of parole and of replacement of their sentence with a milder punishment. For the purpose of public control over the work of the administrative commissions, by the order of the FPS of Russia for the Kemerovo Region, the correctional facilities are assigned to include five to six representatives of public authorities, supervisory boards, religious and public organizations in the structure of the administrative commissions of correctional facilities. Administrative commissions of some correctional facilities also include public assistants of the Commissioner for Human Rights in the Kemerovo region who act on the territory of all municipalities.

Key words: regional Commissioner for human rights, rights of the condemned, correctional facilities, penal system, interaction, human rights, Kemerovo region, prosecutor's office, ombudsman, the violated rights.

References

1. Minimal'nye standartnye pravila obrashhenija s zakljuchennymi (prinjaty na I Kongresse OON po preduprezhdeniju prestupnosti i obrashheniju s pravonarushiteljami 30 avgusta 1955 g., odobreny Jekonomicheskim i Social'nym Sovetom na 994-om plenarnom zasedanii 31 ijulja 1957 g.) [Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (adopted by the First United Nations Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders, August 30, 1955, approved by the Economic and Social Council at the 994th plenary meeting of 31 July 1957)]. Available at: <http://base.garant.ru/1305346/#ixzz3S4cpMGug>.
2. Rekomendacija Komiteta ministrov Rec (2006) 2 gosudarstvam – chlenam Soveta Evropy o Evropejskih penitencijarnyh pravilah [The Committee of Ministers Recommendation Rec (2006) 2 Member States of the Council of Europe on the European Prison Rules]. Available at: <http://base.garant.ru/70170038/#ixzz3SAS8IRdY>.
3. Grishko A. Ja. Problemy zashhity prav osuzhdennyh regional'nym ombudsmenom [Problems of protection of the rights condemned by the regional ombudsman]. Sbornik materialov kruglogo stola «Ugolovno-ispolnitel'naja politika, zakonodatel'stvo i pravo: sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitija» [Proc. the materials of a round table «Criminal and executive policy, legislation and right: current state and prospects of development»]. Under the editorship of V. I. Seliverstov, V. A. Utkin. Moscow, 2014, pp. 86–93.

УДК 343.816
ББК 67.409.021к94
Д99

ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ДЯТЛОВ,
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры социально-гуманитарных
и естественнонаучных дисциплин
(Псковский филиал Академии ФСИН России),
e-mail: dyuriy@mail.ru
© Дятлов Ю. Н., 2015

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИИ ТРАНСПОРТНЫХ РАСХОДОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЙ

Реферат: в статье рассмотрены возможные пути решения проблемы экономичной эксплуатации специального оперативно-служебного автотранспорта уголовно-исполнительных инспекций. Актуальность темы обусловлена тем, что транспортные расходы являются значительной частью расходов уголовно-исполнительных инспекций, величина которых зависит как от многих субъективных (обеспечение надлежащего уровня нормирования, планирования, учета и контроля транспортных расходов, выбор рациональных маршрутов и приемов вождения штатными и внештатными водителями), так и объективных (отдаленность расположения мест контроля за поведением осужденных, уровень развития дорожной инфраструктуры и др.) факторов.

Основное внимание в статье уделено вопросам экономии моторного топлива, что обусловлено наибольшим удельным весом его стоимости в структуре транспортных расходов уголовно-исполнительных инспекций. При этом выделены следующие направления снижения данных расходов: построение рациональных маршрутов выезда при выполнении мероприятий по контролю за поведением осужденных; использование приемов экономичного вождения оперативно-служебных автомобилей; применение технических средств контроля расхода топлива.

В целях рационального использования служебных автотранспортных средств, сокращения необоснованных пробегов автомобилей сотрудникам уголовно-исполнительных инспекций рекомендуется составлять план контроля (надзора) за поведением осужденных. Он поможет проанализировать расположение адресов, по которым требуется выезд, и определить очередность посещения мест жительства, работы, учебы подучетных лиц, проверки осужденных в общественных местах и т. п.

Кроме того, предлагается использовать секторную модель маршрутизации, алгоритм реализации которой предусматривает условное деление каждого административно-территориального образования на несколько секторов по границам магистральных улиц (дорог), уточнение маршрута перемещения сотрудника уголовно-исполнительной инспекции по выбранному сектору с учетом адресов контроля за поведением осужденных (надзора), принятых по согласованию у других сотрудников.

Наиболее простые способы снижения расхода горюче-смазочных материалов (на 3–10 %) в процессе эксплуатации специального оперативно-служебного автотранспорта основываются на соблюдении элементарных правил экономичного вождения. В статье в качестве примеров приводятся такие из них, как изучение предстоящего маршрута движения, обеспечение рациональной энергозагруженности автомобилей, соблюдение экономичного режима вождения, снижение аэродинамического сопротивления и массы транспортных средств.

Среди дополнительных мер рассматривается возможность установки на автомобили, по которым систематически наблюдается превышение фактического расхода топлива над нормативным, автономных или спутниковых систем контроля расхода топлива, а также проведения со штатными и внештатными водителями инструктажей по вопросам экономичной эксплуатации служебного автотранспорта, правильного заполнения первичной учетной документации, доведения до их сведения результатов анализа расхода автомобильного топлива и моторного масла по отдельным автомобилям и их группам.

Ключевые слова: транспортные расходы, экономия, уголовно-исполнительные инспекции, специальные оперативно-служебные автомобили, контроль за поведением осужденных, маршрут выезда, расход моторного топлива, секторная модель маршрутизации, экономичное вождение, технические средства контроля расхода топлива.

Повышение эффективности процесса исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, и мер уголовно-правового характера в условиях, когда места жительства и работы осужденных, как правило, существенно рассредоточены по административному району юрисдикции уголовно-исполнительной инспекции (УИИ), требует

многочисленных выездов и передвижений ее сотрудников на значительные расстояния. В связи с этим транспортные расходы являются неотъемлемой частью расходов УИИ, величина которых варьирует в зависимости от многих факторов, в том числе от региональных особенностей расположения УИИ (городская местность с развитой сетью дорог или сельский район с отдаленным расположением друг от друга населенных пунктов и слабо развитой дорожной инфраструктурой).

Следует отметить, что в соответствии с Порядком организации деятельности по автотранспортному обеспечению в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, утвержденным распоряжением ФСИН России от 5 декабря 2014 г. № 234-р, транспортные средства используются штатными и внештатными водителями, за которыми закреплено транспортное средство и которым разрешена его эксплуатация. При этом под термином «водитель» понимается ответственное лицо, управляющее транспортным средством, стоящим на балансе учреждений и органов УИС. За одним служебным автомобилем может быть закреплено не более четырех водителей. Возможно закрепление одного водителя одновременно не более чем за тремя транспортными средствами [4].

В связи с существенным ростом автопарка УИИ в течение 2012–2014 гг., увеличением числа их внештатных водителей, а также ухудшением экономической ситуации в стране вопросы экономии расходов на содержание специального оперативно-служебного автотранспорта, стоящего на балансе УИИ, приобретают актуальный характер. Следует учитывать, что в соответствии с действующим законодательством предусмотрена ответственность должностных лиц, виновных в использовании служебной автомобильной техники не по назначению, сверхнормативном пробеге транспортных средств, бесхозяйственном использовании горюче-смазочных материалов и т. п.

К основным расходам на содержание служебного автотранспорта УИИ относят затраты на моторное топливо и смазочные материалы, техническое обслуживание и ремонт автотранспортных средств, обязательное страхование автогражданской ответственности, обследование технического состояния (диагностику) автомобилей, в том числе при государственном техническом осмотре, а также на обеспечение предрейсового медицинского осмотра штатных и внештатных водителей, стоянки служебного автотранспорта. При этом наибольший удельный вес в них занимают затраты на горюче-смазочные материалы. В связи с этим рассмотрим основные направления снижения расходов УИИ на моторное топливо, к которым, на наш взгляд, следует отнести следующие:

- построение рациональных маршрутов выезда при выполнении мероприятий по контролю за поведением подучетных лиц (осуществлению надзора);

- использование приемов экономичного вождения сотрудниками, управляющими служебным автотранспортом;

- применение технических средств контроля расхода топлива и мониторинга эксплуатации служебного автотранспорта.

В целях рационального использования служебных автотранспортных средств, сокращения необоснованных пробегов автомобилей (сверхдальних, по бездорожью и др.) рекомендуем сотрудникам УИИ составлять план контроля (надзора) за поведением осужденных предварительно на каждый рабочий день, в который намечается выезд. Исходной базой для его подготовки должен являться план мероприятий по исполнению приговоров, соблюдению законности и предупреждению правонарушений со стороны осужденных.

Предлагаемый план контроля за поведением осужденных поможет сотруднику УИИ проанализировать расположение адресов, по которым требуется выезд, и наметить очередность посещения мест жительства, работы, учебы подучетных лиц, проверки осужденных в общественных местах и т. п. Форма и содержание плана может определяться сотрудником УИИ в произвольной форме так, чтобы можно было оценить своевременность посещения подучетных лиц, оптимизировать маршрут движения, рационально распределить свое рабочее время. В табличную форму плана контроля целесообразно включать следующие графы: «Порядковый номер», «Адрес», «Содержание мероприятия» и «Отметка о выполнении». При этом перечень и периодичность выполнения мероприятий определяются в соответствии с требованиями Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы [2, 3]. Данные мероприятия планируются на конкретный рабочий день таким образом, чтобы протяженность маршрута перемещения сотрудника УИИ была минимальной и позволяла осуществить необходимое количество посещений.

Для оптимизации служебных выездов сотруднику УИИ следует предварительно проработать маршрут своего перемещения в течение рабочего дня. Для этого выбираются близлежащие места контроля за поведением осужденных (надзора): адреса места жительства, работы осужденных и др. При необходимости изучается карта населенного пункта, административного района или области, на которую можно нанести планируемый маршрут и

разобраться в его рациональности. Следует также учитывать качество дорог и их загруженность. Как правило, наименьший общий пробег служебного автотранспорта дают кольцевые маршруты.

При планировании количества посещений на отдельный рабочий день следует исходить из продолжительности рабочего дня и примерной оценки затрат времени, требуемых для выполнения мероприятий по контролю за поведением осужденных (надзору). Необходимо также учитывать затраты времени на проезд с учетом региональных особенностей расположения УИИ.

В целях сокращения пробега оперативно-служебного автотранспорта, снижения расходов УИИ на горюче-смазочные материалы предлагаем использовать секторную модель маршрутизации. Алгоритм ее реализации предусматривает:

а) определение перечня потенциальных мест контроля за поведением осужденных (надзора) в конкретном административно-территориальном образовании (его части) на основе согласования предварительного варианта плана контроля, составленного отдельным сотрудником УИИ, с другими сотрудниками, которые планируют служебные выезды в данном направлении;

б) деление каждого административно-территориального образования (города) на несколько секторов по границам магистральных улиц (дорог). В одном секторе может находиться несколько населенных пунктов (микрорайонов, кварталов). На данном этапе деление будет условным, так как предполагается, что границы секторов будут меняться;

в) анализ плотности мест контроля за поведением осужденных (надзора) по каждому выделенному сектору. Возможно свободное изменение границ секторов в зависимости от смещения плотности адресов и их кучности. При этом выделенные сектора могут выходить за пределы границ административных территорий, так как наибольшее значение имеет расположение мест посещений, а не границы;

г) уточнение маршрута перемещения сотрудника УИИ по выбранному сектору с учетом адресов контроля за поведением осужденных (надзора), принятых у других сотрудников, корректировка плана контроля.

В процессе оптимизации плана контроля за поведением осужденных по отдельным рабочим дням сотруднику УИИ целесообразно составить рациональный маршрут перемещения, то есть порядок посещения требуемых адресов с минимальными транспортными расходами. По возможности следует передать другому сотруднику, планирующему выезд по близлежащим адресам с целью

контроля за поведением осужденных (надзора), отдельные адреса, посетить которые данному сотруднику будет более удобно. Необходимо стараться намечать выезды в такое время дня, когда интенсивность движения транспорта на дорогах (особенно в городской местности) снижается.

Использование секторной модели маршрутизации позволит сотруднику УИИ планировать выезд в течение рабочего дня в определенный сектор административно-территориального образования, что обеспечит более плотную работу по покрытию территорий.

Наиболее простые способы снижения расхода моторного топлива основываются на соблюдении элементарных правил экономичного вождения транспортных средств, таких как:

– изучение предстоящего маршрута движения. Перед выездом следует подробно рассмотреть маршрут предстоящей работы, выбрать направление движения с минимальным количеством оживленных перекрестков, переездов, светофоров, поворотов, объездов и т. п. В случае поездки по незнакомому маршруту необходимо осведомиться о дорожных условиях (состояние дороги, интенсивность движения транспорта в различное время, допустимый скоростной режим, возникновение автомобильных пробок, наличие светофоров, железнодорожных переездов и т. п.), а также очередности посещения планируемых мест контроля за поведением осужденных (надзора) и способах подъезда к ним;

– обеспечение рациональной энергозагруженности автомобиля, что будет способствовать снижению расхода топлива. Не следует включать без необходимости кондиционер, обогрев заднего стекла, внешнее и внутреннее освещение и т. п.;

– соблюдение экономичного режима вождения. Следует избегать резких стартов и торможений, движения на низших передачах, осуществлять их своевременное переключение, максимально использовать инерцию катящегося автомобиля (движение «накатом»), не допускать излишнего буксования колес, соблюдать скоростной режим, установленный Правилами дорожного движения, учитывать погодные условия;

– снижение аэродинамического сопротивления и массы транспортного средства. Необходимо перед началом движения очищать автомобиль от снега, льда, не открывать без необходимости окна в движущемся автомобиле, не перевозить лишний груз (ненужные вещи) и др.

Систематическое соблюдение сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций указанных приемов экономичного вождения может обеспечить сокращение расхода топлива в процессе экс-

плуатации автотранспортных средств на 3–10 % [1, с. 12–18].

Осуществление режима экономии топлива и смазочных материалов возможно только на технически исправном автомобиле, при своевременном проведении его технического обслуживания, использовании рекомендуемого заводами-изготовителями автотранспортных средств моторного топлива и масел. При этом на оперативно-служебные автомобили, по которым систематически наблюдается превышение фактического расхода топлива над нормативным, целесообразно устанавливать современные технические средства контроля, среди которых может быть выбран один из следующих вариантов:

- автономный датчик расхода топлива (расходомер), позволяющий получать данные по расходу топлива и времени работы двигателя. Необходимо учитывать, что данный вариант имеет сравнительно высокую стоимость, требует вмешательства в топливную систему, что может быть неприемлемо для автомобилей, находящихся на гарантии, не позволяет контролировать фактические объемы заправки и слива топлива. Применение автономных датчиков расхода топлива (расходомеров) на служебных автомобилях может снизить расход топлива в среднем на 2–3 % за счет повышения достоверности его учета [5];

- автономная система контроля расхода топлива, которая регистрирует уровень топлива в топливных баках, значение пробега, скорость движения и время работы двигателя, позволяет с помощью считывающего устройства получать данные с автономного регистратора, анализировать их и формировать отчеты, используя специальное программное обеспечение для компьютера;

- система спутникового мониторинга транспортных средств ГЛОНАСС с минимальным набором измеряемых параметров: пробег, время работы на холостом ходу и стоянки. На их основе лицом, ответственным за эксплуатацию транспортных средств в учреждении, с помощью специализированного программного обеспечения может проводиться сопоставление пробега транспортного средства и нормативного расхода топлива. Данный способ контроля расхода топлива не требует подключения дорогостоящего оборудования, удобен для объективного и обоснованного списания горюче-смазочных материалов;

- система контроля расхода топлива в составе спутникового мониторинга транспорта ГЛОНАСС, которая позволяет отслеживать множество параметров: пробег, расход топлива, маршрут и график движения, фактическое время работы автомобиля, местоположение транспорта в любой момент времени, состояние его технических узлов и др.

Варианты, предусматривающие установку автономных и спутниковых систем контроля расхода топлива, могут включать в себя различные технические элементы, что влияет на уровень их стоимости. В них могут использоваться либо дополнительные датчики уровня топлива емкостного или ультразвукового типа (с тарифировкой топливного бака), либо специальные устройства для снятия показаний со штатного датчика уровня топлива или CAN-шины, поддерживающей необходимый стандарт передачи данных об уровне или расходе топлива.

Возможный эффект от внедрения системы ГЛОНАСС мониторинга эксплуатации оперативно-служебного автотранспорта заключается в следующем: сокращение пробега – до 10–15 %, экономия горюче-смазочных материалов, снижение расходов на эксплуатацию автомобильной техники – до 20 %, повышение дисциплины водителей, увеличение межремонтного периода эксплуатации техники, сокращение затрат на техническое обслуживание, уменьшение нецелевого использования транспортных средств [6].

Использование спутниковых систем мониторинга будет также способствовать оперативному прибытию служебных автомобилей в места контроля за поведением подучетных лиц кратчайшим маршрутом, обоснованию корректировки норм расхода топлива, принятых для списания в учреждении, определению оптимального режима эксплуатации транспортных средств.

Одной из мер, направленных на сокращение транспортных расходов, может стать проведение не менее одного раза в квартал с сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций, управляющими оперативно-служебными автомобилями, инструктажей по вопросам экономичной эксплуатации служебного автотранспорта, правильного заполнения первичной учетной документации, доведения результатов анализа расхода автомобильного топлива и моторного масла по отдельным автомобилям и их группам.

Наряду с экономным расходованием средств, выделяемых на содержание и эксплуатацию специальных оперативно-служебных автомобилей, важным направлением снижения транспортных расходов уголовно-исполнительных инспекций является сокращение суммарного пробега служебного автотранспорта. Для этого требуется качественное проведение сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций необходимых профилактических мероприятий, направленных на снижение числа нарушений порядка и условий отбывания наказания подучетными лицами, что позволит сократить связанные с данными нарушениями дополнительные транспортные расходы.

Список литературы

1. Громаковский А. А. Хитрые способы экономить топливо. СПб., 2009. 74 с.
2. Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества : приказ Минюста России от 20 мая 2009 г. № 142 // Рос. газ. 2009. 14 авг.
3. Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы : приказ Минюста России от 11 окт. 2010 г. № 258.
4. Об утверждении Порядка организации деятельности по автотранспортному обеспечению в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы : распоряжение ФСИН России от 5 дек. 2014 г. № 234-р // СПС «КонсультантПлюс».
5. Руководство по энергосбережению на автомобильном транспорте. Р 3112199-0337-95 : утв. Департаментом автомобильного транспорта Минтранса России 23 нояб. 1994 г. // СПС «КонсультантПлюс».
6. Службы экстренного реагирования / Компания ИБС-А, 2011. URL: http://www.ibs-a.ru/monitoring/industry_solutions/first_responders.php (дата обращения: 03.03.2015).

YURIY NIKOLAEVICH DYATLOV,

phd in economics, associate professor,
associate professor of the social-humanitarian and natural-science disciplines department
(Pskov branch of the Academy of the FPS of Russia),
e-mail: dyuriy@mail.ru
© Dyatlov Yu. N., 2015

MAIN AREAS OF ECONOMY OF TRANSPORTATION COSTS OF PENAL INSPECTIONS

Annotation: in the article, possible solutions to the problem of economic operation of special service vehicles of penal inspections are dealt with. Relevance of the theme stems from the fact that transportation costs make up a significant part of expenses of penal inspections, the amount of which depends on many subjective factors (providing an appropriate level of regulation, planning, record keeping and control of transportation costs, the rational choice of routes and methods of driving by staff and freelance drivers) as well as some objective factors (remoteness of places monitoring the convicts' behavior, the level of development of road infrastructure, etc.).

In the article, main attention is paid to the issues of saving motor fuel, due to its largest proportion in the structure of transport costs of penal inspections. The following areas of reducing these costs are highlighted: construction of rational exit routes for monitoring the convicts' behavior; use of economical driving techniques; application of technical means to control fuel consumption.

For the purpose of rational use of service vehicles and of reducing unreasonable vehicle mileage, the employees of penal inspections are recommended to plan control (supervision) of the convicts' behavior. It will help analyze the location of addresses, which are to be visited and determine the sequence of visits to the places of residence, work, and study of the persons monitored as well as checking the convicts in public places, etc.

In addition, it is proposed to use for routing a sector model with its algorithm, which involves conventional division of each administrative-territorial unit into several sectors on the borders of the main streets (roads), clarification of the route of a penal inspection employee in the selected sector with regard to the addresses of control over the convicts' behavior (supervision), agreed upon with the other employees.

The easiest ways to reduce the consumption of fuels and lubricants (by 3–10 %) in the operation of special service vehicles are based on observing the basic rules of economical driving. The article gives some examples of these ways such as the study of the upcoming traffic route, compliance with economical driving modes, ensuring rational energy consumption of vehicles, reducing aerodynamic resistance and weight of vehicles.

The following additional measures are considered: installation of autonomous or satellite fuel consumption control systems on vehicles, which regularly allow for the excess of the actual fuel consumption over the regulations; instructing the staff and freelance drivers on the economic operation of service vehicles, correct filling of primary records; bringing to them the results of analysis of engine fuel and oil consumption of individual vehicles and groups of vehicles.

Key words: transportation costs, economy, penal inspections, special operational official cars, control of the convicts' behavior, exit route, consumption of motor fuel, pie model of routing, economical driving, engineering controls of fuel consumption.

References

1. Gromakovskiy A. A. *Khitrye sposoby ekonomit' toplivo* [Clever ways to economise fuel]. St. Petersburg, 2009, 74 p.
2. Prikaz Minyusta Rossii ot 20 maya 2009 g. № 142 «Ob utverzhdenii Instruktsii po organizatsii ispolneniya nakazaniy i mer ugovovno-pravovogo kharaktera bez izolyatsii ot obshchestva» [The Order of the Russian Ministry of Justice from May, 20th, 2009, № 142 «On approval of Instruction for the organization of execution of punishment other alternative sanctions»]. Unpublished.
3. Prikaz Minyusta Rossii ot 11 oktyabrya 2010 g. № 258 « Ob utverzhdenii Instruktsii po organizatsii ispolneniya nakazaniya v vide ogranicheniya svobody» [The Order of the Russian Ministry of Justice from October, 11th, 2010, № 258 «On approval of the Instruction for the organization of the penalty execution in the form of restriction of liberty»]. Unpublished.
4. Rasporyazhenie FSIN Rossii ot 5 dekabrya 2014 g. № 234-r «Ob utverzhdenii Poryadka organizatsii deyatel'nosti po avtotransportnomu obespecheniyu v uchrezhdeniyakh i organakh ugovovno-ispolnitel'noy sistemy» [The Order of the of FPS of Russia from December, 5, 2014, № 234-r «On approval of road transport provision organization in institutions and authorities of the penal system»]. Unpublished.
5. Rukovodstvo po energosberezheniyu na avtomobil'nom transporte. R 3112199-0337-95. Utverzhdeno Departamentom avtomobil'nogo transporta Mintransa Rossii 23 noyabrya 1994 g. [Guidelines for energy economy of road transport P 3112199-0337-95. Approved by the Department of Road Transport of the Ministry of Transport of Russia from November, 23, 1994]. Unpublished.
6. Sluzhby ekstremnogo reagirovaniya [Immediate Response Service]. Kompaniya IBS-A – Company IBS-A, 2011. Available at: http://www.ibs-a.ru/monitoring/industry_solutions/first_responders.php (Accessed 14 March 2015).

УДК 37.034:343.815
ББК 67.409.13
Л64

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ ЛИТВИШКОВ,
доктор педагогических наук, профессор,
профессор кафедры юридической психологии и педагогики
(Академия ФСИН России);
АЛЕВТИНА ВЛАДИМИРОВНА ВИЛКОВА,
кандидат педагогических наук, доцент,
заместитель начальника отдела управления делами
(ФСИН России),
e-mail: mavlad67@mail.ru
© Литвишков В. М., Вилкова А.В., 2015

ПОБУЖДЕНИЕ ВОСПИТАННИКОВ К РАСКАЯНИЮ В СОВЕРШЕННОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ

Реферат: раскаяние в совершенном преступлении имеет важное значение для развития духовно-нравственной сферы несовершеннолетних осужденных и исправления их личности. Угрызение совести, сопровождающее раскаяние, должно рассматриваться в качестве духовно-нравственной ценности. Раскаяние в совершенном преступлении почти всегда является надежным признаком наступившего или наступающего исправления человека, совершившего преступление. В силу этого раскаяние вполне обоснованно можно определить как духовно-нравственную ценность субъекта. Органическая связь совести, добра и раскаяния является не только формой самокритики, но и проявлением моральной и духовной ответственности личности, определяющей выбор поведения. Раскаяние, не выразившееся в духовно-нравственном поведении, не имеет большого положительного значения для исправления осужденного.

Таким образом, для повышения эффективности деятельности исправительных учреждений центр тяжести всего воспитательного процесса необходимо сосредоточить на побуждении осужденных к раскаянию, к переживанию ими чувства стыда и угрызения совести, что составит основу реализации принципа исправления преступников.

Ключевые слова: преступление, несовершеннолетние преступники, раскаяние, моральная ответственность личности.

Раскаяние в совершенном преступлении имеет важное значение для развития духовно-нравственной сферы несовершеннолетних осужденных и исправления их личности. Раскаяние в совершенном преступлении как понятие используется не только в психологии и педагогике, но и в юридической теории (В. А. Елеонский, В. А. Рыбаков) и судебной практике. В частности, чистосердечное раскаяние преступника в законодательстве отнесено к числу обстоятельств, смягчающих наказание.

Раскаяние в совершенном преступлении учитывается в процессе отбывания человеком уголовного наказания в исправительном учреждении при назначении ему различных льгот (перевод с одних условий наказания на другие, более мягкие, условно-досрочное освобождение и др.)

Раскаяние – необходимая духовно-нравственная ценность признания человеком собственной вины, осуждение им своих поступков или преступления. Раскаяние тесно связано с проявлением совести, чувства стыда и вины и в этом смысле выполняет роль нравственной самооценки личности. Раскаяние рассматривается моральным сознанием как

необходимая часть искупления, то есть снятие с себя вины путем полного признания своей вины. Раскаяние может выступать в форме публичного признания собственной виновности и готовности понести наказание, в выражении сожаления по поводу содеянного. В современных условиях раскаяние играет существенную роль в нравственном очищении, самосовершенствовании личности, развитии самокритики. Но может, естественно, возникнуть вопрос «Почему раскаяние в совершенном преступлении рассматривается как духовно-нравственная ценность?»

Еще В. Шекспир говорил о всеисилии раскаяния в духовно-нравственной жизни человека. Он подчеркивал, что раскаяние может изменить в лучшую сторону себя и тогда мир вокруг станет светлее и добрее [1, с. 193]. Л. Н. Толстой, размышляя над этой проблемой, применительно к преступному поведению писал: «Один человек совершает самое ужасное преступление, раскаивается, мучается и осознает, что это дурно, что он мог этого не делать. Другой же совершает как бы ничтожный безнравственный поступок и оправдывает себя, живет весело и спокойно. Раскаяние первого более ценно

в смысле духовно-нравственного становления личностью» [2, с. 158].

Раскаяние, как отмечает В. А. Елеонский, является способом восстановления субъективной стороны уголовной ответственности и воспитания у осужденного этого чувства. Если под воздействием уголовного наказания, средств и методов исправления у осужденного наступило раскаяние в совершенном преступлении, то это может быть сигналом к серьезной перестройке его сознания и нравственной сферы в нужном для общества направлении. Воспитанник, который искренне и чистосердечно раскаивается в содеянном, приобретает качества быть ответственным за свои поступки и действия с духовно-моральной точки зрения. Раскаяние всегда предполагает признание вины в совершенном поступке. Индивид может раскаиваться только в том, в чем он действительно виноват, у него появляется совесть. Совесть же представляет собой устойчивую глубокую ценность духовности и морали. Совесть составляет, отмечал О. Г. Дробницкий, самую высокоразвитую в рамках морали ценность личности контролировать свое поведение, отражать в своем самосознании, самооценках и мотивах те наиболее высокие общественные требования, которые могут быть предъявлены человеку [3, с. 61].

Христианская этика придает большое значение раскаянию как духовно-нравственной ценности, обращению к совести и внутреннему покаянию о содеянном. Раскаяние согласно христианской этике – это путь к внутренней духовной свободе, подлинному покаянию, очищению и покаянию. Одной из форм раскаяния является исповедь. В качестве подтверждающего примера сошлемся на Ф. М. Достоевского, рассказывающем об одном деревенском парне, который «по гордости» взялся совершить поступок, самый крайний по степени дерзости, и совершил его, именно расстрелял Причастие. В момент выстрела он увидел перед собой «крест, а на нем Распятого» и упал без чувств. Через несколько лет муки раскаяния заставили его ползком добраться до «старца» в монастыре, чтобы исповедать свой грех.

Будучи результатом оптимальной интериоризации духовно-моральных оценок вопросов к человеку, совесть вместе с тем является как бы возвращением личного сознания на духовно-нравственную точку зрения. Вот такое возвращение индивидуального сознания человека, совершившего преступление, на духовно нравственную точку зрения является качественной основой исправления осужденного. Угрызение совести, сопровождающее раскаяние, и должно рассматриваться в качестве

духовно-нравственной ценности. Раскаяние в совершенном преступлении почти всегда можно рассматривать как надежный признак наступившего или наступающего исправления человека, совершившего преступление. В силу этого раскаяние вполне обоснованно можно рассматривать как духовно-нравственную ценность субъекта. Органическая связь совести, добра и раскаяния является не только формой самокритики, но и проявлением моральной и духовной ответственности личности, определяющей выбор поведения. Раскаяние, не выразившееся в духовно-нравственном поведении, не имеет большого положительного значения для исправления осужденного. Вот почему повышение эффективности деятельности исправительных учреждений центр тяжести всего воспитательного процесса необходимо сосредоточить на побуждении осужденных к раскаянию, к переживанию ими чувства стыда и угрызения совести, что и является основой реализации принципа исправимости преступников.

По содержанию раскаяние представляет собой прежде всего переживание осужденным чувства стыда и угрызения совести. Такое переживание имеет исключительно важное значение для духовно-нравственного совершенствования человека вообще, а преступника в особенности. Не случайно Ф. М. Достоевский называл нераскаившихся преступников «погибшими людьми».

Глубокое влияние раскаяния на духовно-нравственную сферу воспитанников обусловлено тем, что переживание чувства стыда и совести всегда сопровождается самопорицанием, самоосуждением ими своего поведения. Раскрывая регулирующую роль стыда как этической категории, Гегель писал: «Он представляет собой зачаточный, но резко выраженный гнев человека на самого себя».

Если у осужденного проявляется такой внутренний гнев на самого себя, то процесс формирования у него духовно-нравственных ценностей проходит успешно и качественно. Переживания воспитанниками чувства стыда и совести в совершенном преступлении весьма ценны еще и потому, что они становятся индивидуальными психическими механизмами, через которые общество воздействует на духовно-нравственную сферу индивида. Особенностью этого механизма является то, что он неизбежно влечет за собой появление у осужденного внутренней саморегуляции своего поведения и самовоспитания.

Кроме того, раскаяние позволяет более эффективно осуществить формирование у осужденного положительного отношения к наказанию, в результате которого справедливость наказания воспринимается осужденным как объективная данность.

В таком случае неадекватная психологическая защита смягчается и осужденный воспринимает уголовное наказание как справедливое. Недаром С. В. Познышев писал, что психология раскаяния заключенного и психология его отношения к наказанию составляют две взаимосвязанные проблемы криминальной психологии, среди многих других подлежащих самому тщательному изучению [4, с. 11].

Переживание, раскаяние, чувство стыда и угрызение совести почти всегда можно рассматривать как важный признак сформированной духовно-нравственной сферы несовершеннолетних осужденных.

Раскаяние – это признание человеком собственной вины, осуждение им своих поступков или преступлений. Вместе с тем отождествлять раскаяние и признание вины нет оснований. Осужденный может признавать вину, но не раскаиваться, что нередко случается на практике. Раскаяние тесно связано с проявлением совести, чувства стыда и вины и в этом смысле выполняет роль самооценки личности. Раскаяние рассматривается моральным сознанием как необходимая часть искупления.

Суть искупления как духовно-нравственной ценности в религиозных и светских этических учениях понимается одинаково – она зависит от ритуальных отличий. Однако именно в христианской педагогике понятие «искупление» получило вид законченной категории как духовно-нравственной ценности. Оно рассматривается как бы в двух стадиях: внутренне сориентированной, интроспективной (раскаяние, признание собственной вины и т. п.) и внешне ритуальной (публичное покаяться, исповедь, молитвы, обет, пост и другие формы послушания). Согласно библейскому учению Христос добровольно пошел на распятие ради искупления грехов человечества, а потому аморальные поступки могут быть прощены лишь Богом. Светское нравственное значение искупления определяется тем, что оно представляет собой одно из средств раскаяния к самосовершенствованию личности. Человек, совершивший провинность,

своим искуплением доказывает, что он достоин прощения его людьми [5, с. 380].

Раскаяние может выступать в форме публичного признания собственной виновности и готовности понести наказание в выражении сожаления по поводу содеянного.

Раскаяние играет существенную роль в духовном и нравственном очищении, самосовершенствовании личности, развитии самокритики.

Раскаяние изменяет сознание воспитанника колонии, он обретает веру в исправление своей личности, у него появляется перспектива на дальнейшую судьбу, связанную с обретением семьи, хорошей работы.

На вопрос: «Считаете ли вы, что раскаяние может изменить преступника?» – 85 % воспитателей колонии дали положительный ответ.

Воспитанник, раскаявшийся в преступлении, верит не в материальные, а в духовные ценности. Отвечая на вопрос: «Какие ценности для вас значимы?», 72 % раскаявшихся осужденных указали на духовные. На вопрос: «В чем заключается назначение человека?» – большинство из них (64 %) ответили, что основное назначение человека делать добро людям. 98 % верующих воспитанников колонии считают, что раскаявшихся осужденных нужно помиловать, 92 % раскаявшихся осужденных полагают, что в конфликтных ситуациях нужно сдержаться.

Исследованием не установлена прямая зависимость осужденного от уровня его образования. Этот факт свидетельствует о неразвитости у осужденных интеллектуально-нравственной сферы. С возрастанием длительности назначенного по приговору суда срока лишения свободы среди осужденных сокращается число лиц, которые испытывают раскаяние в совершенном преступлении. Так, если среди воспитанников на срок до одного года включительно раскаявшихся было 75 %, то среди осужденных к 10 годам лишения свободы – 50 %.

Список литературы

1. Шекспир В. Трагедии. Сонеты. М., 1968. 816 с.
2. Толстой Л. Н. Собрание сочинений. М., 1965. Т. 20. 856 с.
3. Дробницкий О. Г. Структура морального сознания // Вопросы философии. 1972. № 6. С. 61.
4. Познышев С. В. Криминальные типы. Л., 1926. 255 с.
5. Российская энциклопедия. М., 1993.

VLADIMIR MIKHAYLOVICH LITVISHKOV,

dsc in pedagogics, professor,
professor of the legal psychology and pedagogics department
(Academy of FSIN of Russia);

ALEVTINA VLADIMIROVNA VILKOVA,

phdin pedagogics, associate professor,
deputy chief of the department of administration
(The FPS of Russia),

e-mail: mavlad67@mail.ru

© Litvishkov V. M., Vilkova A. V., 2015

MOTIVATION OF PUPILS TO REPENTANCE OF THE COMMITTED CRIME

Annotation: the repentance of the committed crime is important for development of the spiritual and moral sphere of the minors condemned and correction of their personality. A remorse, the accompanying repentance, has to be considered as spiritual and moral value. The repentance of the committed crime almost always is a reliable sign of the come or coming correction of the person who committed a crime. Owing to this fact the repentance is quite proved it is possible to define as the spiritual and moral value of the subject. Organic communication of conscience, good and repentance is not only a form of self-criticism, but also manifestation of moral and spiritual responsibility of the personality defining a behavior choice. The repentance, not expressed in spiritual and moral behavior, has no great positive value for the correction condemned.

Thus, for increase of efficiency of activity of correctional facilities, the center of gravity of all educational process needs to be concentrated on motivation condemned to repentance, to experience of sense of shame by them and a remorse that will make a basis of realization of the principle of correction of criminals.

Key words: crime, minor criminals, repentance, moral responsibility of the personality.

References

1. Shekspir V. Tragedii. Sonety [Tragedies. Sonnets]. Moscow, 1968. 816 p.
2. Tolstoj L. N. Sobr. Soch [Collected works]. Moscow, 1965, Vol. 20. 856 p.
3. Drobnickij O. G. Struktura moral'nogo soznanija [Structure of moral consciousness]. Voprosy filosofii – Philosophy questions, 1972, no. 6, p. 61.
4. Poznyshev S. V. Kriminal'nye tipy [Criminal types]. Leningrad, 1926. 255 p.
5. Rossijskaja jenciklopedija [Russian encyclopedia]. Moscow, 1993.

УДК 159.9:343.83
ББК 88.472
Т17

АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ ТАМБОВСКИЙ,
доктор педагогических наук, профессор,
проректор по научно-исследовательской работе
(Московская государственная академия физической культуры);
ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ РЕКША,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры физической подготовки и спорта
(Академия ФСИН России)
e-mail: yreksha@yandex.ru
© Тамбовский А. Н., Рекша Ю. М., 2015

К ОБОСНОВАНИЮ УНИВЕРСАЛИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Реферат: в статье приводятся результаты исследования, проведенного среди сотрудников уголовно-исполнительной системы, состоящих на службе на руководящих должностях. Исследование было направлено на выявление наиболее востребованных в профессиональной деятельности сотрудников УИС свойств личности.

Узкопрофильное образование в совокупности с низкими показателями трудоустройства выпускников отраслевых образовательных организаций на должности, соответствующие полученному образованию, может отрицательно сказаться на эффективности их профессиональной деятельности.

Формирование универсальных профессионально важных качеств (ПВК) курсантов образовательных организаций ФСИН России будет положительно отражаться на качестве выпускаемых специалистов и их успешной адаптации к требованиям будущей профессиональной деятельности.

Цель статьи – выявление профессионально важных качеств (психологический компонент), характерных для широкого круга специалистов уголовно-исполнительной системы.

Задачи – выделить комплекс профессионально важных качеств (психологический аспект) специалистов уголовно-исправительной системы; сгруппировать выделенные на основе опроса и экспертных оценок показатели; провести статистическую обработку полученных результатов и их обобщение.

Методы исследования: метод экспертных оценок, факторный анализ.

Выводы: 1) анализ психологических показателей из комплекса профессионально важных качеств сотрудников УИС, используя результаты статобработки методом факторного анализа, позволил выделить три группы показателей (когнитивная, эмоционально-волевая, межличностного взаимодействия) и на этой основе распределить в них по значимости способности, имеющие наибольшую факторную нагрузку в сформированных группах психологических качеств, важных для эффективной профессиональной деятельности; 2) наиболее значимыми психологическими способностями для сотрудников УИС являются: способность к аналитико-синтетической деятельности; социальная значимость мотивов в сфере мотивации профессиональной деятельности; способность к манипулятивно-коммуникативному воздействию в общении; 3) даже один (психологический) комплекс ПВК сотрудников УИС показывает универсальный характер выявленных показателей, что определенным образом целесообразно учитывать при подготовке специалистов такого профиля.

Ключевые слова: профессионально важные качества, сотрудники УИС, универсализация профессиональной подготовки, свойства личности, специалист, психологические качества, факторный анализ, факторы, психологические способности, подготовка специалистов.

В некоторых исследованиях профессиональной подготовки отраслевых специалистов выделяются три основных подхода к характеру данного процесса: 1) отраслевой (подготовка универсальных отраслевых специалистов, необходимых для решения широкого перечня профессиональных задач); 2) функциональный (подготовка специалиста под конкретное место

профессиональной деятельности); 3) компетентностный (содержание и технологии обучения направлены на формирование у обучаемых компетенций) [1, с. 51–62].

В подготовке специалистов в образовательных организациях высшего образования федеральных государственных органов, осуществляющих подготовку кадров в интересах обороны и безопасно-

сти государства, обеспечения законности и правопорядка (в частности, ФСИН России), просматривается преобладание функционального подхода. Реализация образовательных программ специалиста с узкими специализациями (оперативно-розыскная деятельность в УИС, организация психологической службы в УИС и т. п.) предопределяет ограниченную профессиональную мобильность выпускников.

Последнее замечание подтверждает проведенный нами анализ трудоустройства выпускников Академии ФСИН России 2014 г., который показал, что на фоне роста показателей закрепляемости в подразделениях ФСИН России (2011 г. – 82,5 %, 2012 – 85,9, 2013 г. – 89,6 %) отмечается низкий процент трудоустройства по полученной специализации:

«Организация режима и надзора в УИС» – 46,6 %;

«Оперативно-розыскная деятельность в УИС» – 45 %;

«Бухгалтерский учет, контроль и анализ в учреждениях УИС» – 50 %;

«Организация производства в УИС» – 32 %;

«Тыловое обеспечение в УИС» – 22 %;

«Организация психологической службы в УИС» – 45,5 %;

«Организация социальной работы в УИС» – 20 %.

Представляется вполне естественным, что вынужденное назначение выпускников на должности, не соответствующие профессиональному образованию, может отрицательно сказаться на эффективности их профессиональной деятельности, что перерастает в определенную проблему, которая заключается в необходимости подготовки специалистов, обладающих комплексом возможностей, способствующих их быстрой адаптации к конкретным условиям профессиональной деятельности.

Уже в начале поиска путей решения данной проблемы нами было выдвинуто предположение о том, что универсализация комплекса профессионально важных качеств (ПВК) курсантов образовательных организаций ФСИН России будет положительно сказываться на качестве подготовки специалистов и их адаптации к требованиям будущей профессиональной деятельности.

Первым шагом в решении обозначенной проблемы должно быть знание реальной ситуации о профессиональных качествах будущих специалистов, то есть об их соответствующих показателях и значениях последних. Конкретизация значений этих показателей и их численных выражений и стала целью нашей работы. Такая цель предусматривала решение следующих задач: 1) выделение и рассмотрение одного (психологического) комплекса профессионально важных качеств специалистов уголовно-исправительной системы (УИС); 2) группирование

выделенных показателей на основе опроса и экспертных оценок; 3) статистическая обработка полученных результатов и их обобщение.

Исходя из этого при исследовании комплекса ПВК специалистов УИС в части психологических качеств, необходимых для успешной профессиональной деятельности, нами было проведено обобщение ПВК специалистов различных сфер профессиональной деятельности, что позволило выделить комплекс личностных качеств специалистов УИС и структурировать их в три группы: когнитивная, эмоционально-волевая, межличностного взаимодействия.

Сформированный перечень психологических качеств был предложен для оценивания специалистов, состоящих на службе на руководящих должностях УФСИН, ГУФСИН России для выявления наиболее востребованных в профессиональной деятельности сотрудников УИС свойств личности. Значимость каждого свойства определялась по пятибалльной шкале, в соответствии с которой «5» – имеет сильную значимость, «4» – хорошую, «3» – среднюю, «2» – низкую, «1» – очень низкую.

В исследовании приняли участие сотрудники, занятые в сфере обеспечения правопорядка и борьбы с преступностью в УИС (27), социальной и психолого-воспитательной (43) и производственно-хозяйственной и ресурсообеспечивающей сферах деятельности (20).

Степень согласованности мнений специалистов [2] оценивалась коэффициентами вариации по следующему алгоритму:

определение средних арифметических балльных оценок экспертов по рассматриваемому элементу;

определение дисперсий индивидуальных балльных оценок;

вычисление коэффициентов вариации.

Значения коэффициентов вариации (V) множества оцениваемых элементов (73) $V_{73} < 0,3$, поэтому согласованность мнений специалистов считается удовлетворительной.

Учитывая большое количество показателей, для выявления наиболее значимых из них мы использовали факторный анализ.

Обработка данных, полученных при помощи метода экспертных оценок, проводилась с последовательным применением следующих статистических процедур:

выделение количества факторов по критерию каменистой осыпи Кэттелла (Cattell, 1966);

факторный анализ (метод главных компонент с варимакс-вращением) для выявления наиболее значимых показателей в группах: когнитивная сфера, эмоционально-волевая и сфера межличностного взаимодействия.

Факторный анализ показателей когнитивной сферы ПВК сотрудников УИС после варимакс-вращения позволил выделить 7 факторов, объединяющих 67,9 % дисперсии.

В первый фактор (доля общей дисперсии – 35,8 %) вошли 3 показателя с наибольшими факторными нагрузками: развитое воображение (0,79), разносторонняя культура (0,79), способность к абстрагированию (0,71). Фактор нами определен как аналитико-синтетический.

Второй фактор (доля общей дисперсии – 7,07 %) объединил 4 показателя: способность к адекватной самооценке (0,72), способность к быстрому переключению внимания (0,76), способность к нормативному поведению в сложных, экстремальных условиях профессиональной деятельности (0,74), способность к сосредоточению, высокой концентрации внимания (0,73). Обобщающее название фактора – подвижность нервных процессов.

Третий фактор (доля общей дисперсии – 6,09 %) включил в себя показатель гибкости мышления (0,76). Четвертый фактор (доля общей дисперсии – 5,71 %) составил показатель наблюдательности (0,71); пятый (доля общей дисперсии – 4,79 %) – показатель высокого уровня правосознания (0,77); шестой (доля общей дисперсии – 4,5 %) – показатель широты кругозора (0,7). Седьмой фактор (доля общей дисперсии – 4,94 %) объединил в себе 2 показателя: готовность к постоянной работе над собой, анализу своих чувств, мыслей, поступков (0,79), к постоянному профессиональному совершенствованию (0,81). Обобщающее название фактора – профессиональная саморефлексия.

Факторизация показателей эмоционально-волевой сферы привела к пятифакторному решению. Выделенные факторы объясняют 64,9 % общей дисперсии.

В первый фактор (доля общей дисперсии – 38,8 %) вошли 2 показателя с наибольшими факторными нагрузками: стремление к завоеванию профессионального авторитета и уважения среди коллег (0,83), исполнительность (0,73). Наименование фактора – социальная значимость мотивов в сфере мотивации профессиональной деятельности. Второй фактор (доля общей дисперсии – 8,71 %) составляет способность сдерживать спонтанно возникающие импульсивные реакции (0,86). Третий фактор (доля общей дисперсии – 6,83 %) включает в себя две составляющие: совестливость (0,77), честность (0,79).

Список литературы

1. Шемятихина Л. Ю., Синякова М. Г. Модель подготовки бакалавров менеджмента: методологические и прикладные аспекты // Вестник университета (Государственный университет управления). 2009. № 7. С. 51–62.
2. Романко В. К. Статистический анализ данных в психологии. М., 2006. 271 с.

Четвертый фактор (доля общей дисперсии – 5,58 %) объединил два показателя: принципиальность (0,72), проявление упорства при достижении поставленных целей (0,75).

В пятый фактор (доля общей дисперсии – 4,97 %) вошли два показателя: обязательность (0,76), ответственность (0,74).

В результате факторного анализа показателей сферы межличностного взаимодействия после варимакс-вращения было выделено 5 факторов, объединяющих 68,5 % дисперсии.

В первый фактор (доля общей дисперсии – 44,2 %) вошли 2 показателя с наибольшими факторными нагрузками: владение средствами коммуникативного воздействия в межличностном взаимодействии (0,74), владение средствами коммуникативного воздействия во время публичных выступлений (0,74).

Второй фактор (доля общей дисперсии – 8,09 %) объединил два показателя: вежливость (0,82), уважительное, внимательное и доброжелательное отношение к людям (0,71).

Третий фактор (доля общей дисперсии – 6,02 %) представляет собой чувство юмора (0,76).

Четвертый фактор (доля общей дисперсии – 5,19 %) составляет умение изложить и аргументировать свою точку зрения (0,82).

Пятый фактор (доля общей дисперсии – 4,95 %) составили показатели: умения в конфликтных ситуациях избирать и проводить адекватную линию поведения (0,78) и чуткость (0,7).

Таким образом, анализ психологических показателей из комплекса ПВК сотрудников УИС, используя результаты статобработки методом факторного анализа, позволил выделить три группы показателей (когнитивная, эмоционально-волевая, межличностного взаимодействия) и на этой основе распределить в них по значимости способности, имеющие наибольшую факторную нагрузку в сформированных группах психологических качеств, важных для эффективной профессиональной деятельности. Наиболее значимыми психологическими способностями для сотрудников УИС являются: способность к аналитико-синтетической деятельности; социальная значимость мотивов в сфере мотивации профессиональной деятельности; способность к манипулятивно-коммуникативному воздействию в общении. Даже один (психологический) комплекс ПВК сотрудников УИС показывает универсальный характер выявленных показателей, что определенным образом целесообразно учитывать при подготовке специалистов такого профиля.

ANATOLIY NIKOLAEVICH TAMBOVSKIY,

dsc in pedagogics, professor, vice-rector of research and development
(Moscow state academy of physical culture);

YURIY MIKHAYLOVICH REKSHA,

phd in pedagogics, associate professor of physical training department
(Academy of the FPS of Russia),

e-mail: yreksha@yandex.ru

© Tambovskiy A. N., Reksha Yu. M., 2015

TO JUSTIFICATION OF THE UNIVERSALIZATION OF VOCATIONAL TRAINING OF STAFF OF PENAL SYSTEM

Annotation: in this article the authors provide results of the research conducted among the personnel of penal system who is in the service on senior positions. Research was directed on identification of the employees of penal system of properties of the personality who are most demanded in professional activity.

Problem. Narrow-purpose education in total with low indicators of employment of graduates of the branch educational organizations to the positions corresponding to the got education can have an adverse effect on efficiency of their professional activity.

Hypothesis. Formation of the universal professionally important qualities of cadets of the FPS educational organizations of Russia will positively affect quality of the graduated experts and their successful adaptation to requirements of future professional activity.

Goal. To reveal professional, important qualities (a psychological component) characteristic for a wide range of specialists of the penal system.

Tasks: 1) to allocate a complex of professional and important qualities (psychological aspect) of specialists of penal system; 2) to group the indicators allocated on the basis of poll and expert estimates; 3) to carry out statistical processing of the received results and their generalization.

Research methods: method of expert evaluations, factorial analysis.

Conclusions: 1) the analysis of psychological indicators from the professionally important qualities complex of employees of penal system, using results of a static handling by method of the factorial analysis, I allowed to allocate 3 groups of indicators (cognitive, emotional and willed, interpersonal interaction) and on this basis to distribute in them on the importance of ability having the greatest factorial loading in the created groups of the psychological qualities important for effective professional activity; 2) the most significant psychological abilities for employees of penal system are: ability to analytical-synthetic activity; the social importance of motives in the sphere of motivation of professional activity; ability to manipulative communicatively influence in communication; 3) even one professionally important qualities (psychological) complex of employees of penal system stands on universal hind legs of the revealed indicators that it is definitely expedient to consider at training of specialists of such profile.

Key words: professionally important qualities, employees of penal system, universalization of vocational training, properties of the personality, expert, psychological qualities, factorial analysis, factors, psychological abilities, training of specialists.

References

1. Shemjatihina L. Ju., Sinjakova M. G. Model' podgotovki bakalavrov menedzhmenta: metodologicheskie i prikladnye aspekty [Model of training of bachelors of management: methodological and applied aspects]. Vestnik universiteta (Gosudarstvennyj universitet upravlenija) – Bulletin of University (State university of management), 2009, no. 7, pp. 51–62.

2. Romanko V. K. Statisticheskij analiz dannyh v psihologii [The statistical analysis of data in psychology]. Moscow, 2006. 271 p.

УДК 37.037.1:343.8
ББК 67.409.13
Т98

НИНА АЛЕКСЕЕВНА ТЮГАЕВА,
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
профессор кафедры юридической психологии и педагогики
(Академия ФСИН России),
e-mail: upip2009@yandex.ru
© Тюгаева Н. А., 2015

ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ОСУЖДЕННЫХ: АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ

Реферат: представленная тема статьи разрабатывается автором в контексте исследования проблемы исправления осужденных в процессе физического воспитания средствами физической культуры и спорта.

Решение проблемы видится в двух направлениях: 1) изначальное формирование мотивации осужденных к занятиям физкультурой и спортом; 2) переориентация сформированной уже мотивации осужденных. В том и в другом случае в процессе физического воспитания осужденных определяющая роль отводится доведению информации до субъектов взаимодействия о закономерностях развития природы, общества, человека, в частности всеобщих причинно-следственных связях. Осознание в полной мере всего этого рано или поздно приведет индивида к мысли о неотвратимости ответственности за свое здоровье и жизнь. Возникающий таким образом внутренний регулятор дает определенные гарантии ориентации поведения на социально полезные модели поведения. Этот внутренний регулятор в сфере педагогического взаимодействия на осужденных мало используется в силу влияния ряда объективных и субъективных факторов, таких как сложность и тонкость индивидуальной работы; низкий уровень психолого-педагогической компетентности; чрезмерная нагрузка в связи с оптимизацией исправительных учреждений; отсутствие надлежащих условий и др.

В то же время можно напомнить постулат: отсутствие информации означает отсутствие изменения поведения. Речь идет о конструктивной информации, о том, что надо делать, как и в каком направлении это осуществлять.

Применительно к физическому воспитанию осужденных стоит отметить необходимость соблюдения алгоритма (последовательность действий): просвещение (просветительский проект) – обучение (образовательная программа) – формирование (мотивы, способности, физкультурно-оздоровительные и физкультурно-спортивные навыки) – включение в деятельность (самообразование, самовоспитание) – анализ результатов (состояние физического и психического здоровья, уровень исправленности).

Ключевые слова: осужденный, физическое воспитание, мотивация, физическая культура, спорт, обучение.

В действующем уголовно-исполнительном законодательстве, Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года (далее – Концепция), материалах ее реализации, предложениях и рекомендациях выделяется педагогическая составляющая деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы (УИС), к которым относятся: уголовно-исполнительные инспекции, арестные дома, исправительные учреждения [1]. В связи с этим актуализируется проблема комплексного подхода к исправлению осужденных. Это означает создание и функционирование педагогической системы, охватывающей все стороны жизнедеятельности личности, в том числе различные направления воспитания осужденных. В современных условиях особую научную актуальность и практическую перспективу имеет разработка проблемы физкультурно-оздоровительной работы в учреждениях УИС. Сущность проблемы

обусловлена: 1) высокими показателями заболеваемости; 2) недостаточным уровнем медицинского обслуживания; 3) малоподвижным образом жизни, который приводит к ухудшению физического и психического здоровья осужденных. Отсюда следует вывод: лучше сейчас вкладывать средства для укрепления здоровья, чем затрачивать значительно больше потом.

Одним из путей решения обозначенной проблемы является формирование интереса, положительных мотивов, способностей осужденных к занятиям физкультурой и спортом, навыков здорового образа жизни и на этой основе – создание прочного фундамента здоровья.

Изучение научных источников и практики показало, что осужденный имеет весьма различные и скудные представления о значимости физического воспитания, физического самовоспитания, физических занятий. Одним из ведущих факторов этих различий является когнитивное представление (наличие

или отсутствие знаний) по этим вопросам. Объясняется это может тем, что структура и протекание познавательных процессов у всех разные.

При исследовании проблем воспитания и исправления осужденных целесообразно руководствоваться ключевым педагогическим принципом – обязательный учет исторических особенностей развития общества, анализ идей и теорий прошлого, определение возможностей их использования в настоящее время. Краткий экскурс в историю проблемы свидетельствует о том, что физическое воспитание возникло на заре человеческой цивилизации. Некоторые направления, методы и средства реализации физического воспитания возникли еще в первобытном обществе, но они не носили целенаправленный характер. Первобытные люди охотились, добывали пищу, обустроивали свое жилище – все эти естественные действия приводили к совершенствованию их физической формы, улучшению таких качеств, как ловкость, выносливость, скорость, сила. По мере развития человеческого общества члены племени (общины) стали замечать, что люди, ведущие активный образ жизни, были и более сильными, здоровыми, энергичными, ловкими. Заметив эту взаимосвязь, человек пришел к выводу, что если многократно повторять те или иные действия, можно развить необходимые для жизни умения и навыки. Поняв это, человек стал осознанно выполнять имитационные действия, относящиеся к тому или иному роду деятельности, например, стрелять из лука по мишени или метать копьё. С тех пор, как человек стал выполнять трудовые действия вне трудовой деятельности, появились физические упражнения, которые способствовали его всестороннему развитию, что послужило предпосылкой физического воспитания.

Как организованная и целенаправленная деятельность физическое воспитание впервые появилось в Древней Греции. Воспитание здесь рассматривалось как одна из основных функций государства, а главным элементом воспитания была военная подготовка, принявшая гипертрофированные формы в Спарте (так называемое спартанское воспитание). Ведущим было физическое воспитание, развивающее силу, ловкость и пр. Девушки также занимались физкультурой. Интеллектуальное воспитание сводилось к минимуму. Большое значение имели Олимпийские игры и другие состязания. Позже (конец VI века до н. э.) сложилась система «афинского» воспитания, которая сочетала умственное и физическое воспитание.

В III веке до н. э. Древний Рим стал ведущим в военном отношении государством. У римлян не привились элементы греческого воспитания (гимнастика, обучение музыке, пению, танцу), они, стесняясь наготы, отвергли спорт, предпочитая бои

гладиаторов. Постепенно физическое воспитание в Древнем Риме в процессе образования детей теряло свой общеобразовательный характер. Физические упражнения стали использовать в основном для развития выносливости, ловкости и силы, которые необходимы бойцам римской армии для ведения военных действий. Античная система воспитания была в дальнейшем усвоена средневековьем, а педагогические идеи легли в основу педагогики гуманизма. Возрождение в истории культуры стран Западной и Центральной Европы – эпоха, переходная от средневековой культуры к культуре Нового времени (XIV–XVI вв.). Педагогическая мысль Возрождения оказала влияние на европейскую систему воспитания теоретическими положениями, подтвержденными практикой. Главными среди них были идеи гармоничного развития, связь умственного, нравственного и физического воспитания, внимание к индивидуальным особенностям и природным склонностям детей.

Одним из основоположников теоретических и практических вопросов физического воспитания детей и взрослых является Петр Францевич Лесгафт (1837–1909 гг.). Главный принцип его теории – единство физического и умственного развития человека. Он рассматривал систему направленных упражнений средством не только физического, но и умственного, нравственного и эстетического воспитания.

После 1917 г. научное наследие П. Ф. Лесгафта творчески использовалось советской школой и педагогикой. Массовое физкультурное движение началось в рамках всеобщего военного обучения (всеобща). С 1918 г. создавались военно-спортивные клубы и кружки. В 20-е годы возникли многодневные эстафеты, спартакиады, пробеги и пр. В 30-е годы основу физического воспитания составлял комплекс «Готов к труду и обороне» (ГТО); для детей – ступень «Будь готов к труду и обороне» (БГТО). Активные занятия физкультурой, несмотря на формализм и излишнюю увлеченность широкомасштабными массовыми акциями, проводимая работа по физическому воспитанию помогли приобщить к физкультуре и спорту многих подростков и взрослых.

В 90-е годы новые общественно-экономические отношения поставили физкультурно-спортивные организации и коллективы в сложные условия, хотя нормативы ГТО времен Советского Союза никто не отменял. В настоящее время ситуация изменилась, указ Президента РФ В. В. Путина вернул к жизни физкультурно-спортивный комплекс ГТО. Пришло время поднять уровень общей физподготовки населения страны.

Таким образом, анализ и использование результатов краткого историко-педагогического исследования проблемы физического воспитания человека

позволяет применительно к лицам, отбывающим уголовное наказание в учреждениях УИС, отметить следующее. Лица, совершившие преступления, остаются гражданами своей страны. Объектом уголовной кары являются свобода, материальные и духовные блага, принадлежащие гражданину. Осужденные либо ограничиваются в пользовании ими, либо лишаются некоторых из них полностью. Однако личность осужденного, его здоровье не являются и не могут быть объектом уголовного наказания. Наказывая человека за совершенное им преступление, государство исходит из того, что после отбытия наказания он должен быть возвращен в общество здоровым и жизнедеятельным. Решение этой задачи затрудняется, если осужденный будет лишен возможности заниматься физкультурно-спортивной деятельностью. Изложенное выше и учет текущего момента заставляют по-новому взглянуть на физическое воспитание в условиях исполнения уголовного наказания и определить его как педагогически организованный процесс, целью которого является развитие физических способностей, укрепление физического и психического здоровья, формирование нравственных и морально-волевых качеств осужденных.

Этот процесс выполняет следующие взаимосвязанные функции: оздоровительную, воспитательную, сублимирующую. Суть оздоровительной функции заключается в профилактике таких заболеваний, как гиподинамия, появляющаяся от недостаточности движения осужденных; профессионально-трудовых и эпидемиологических (грипп, ангина и т. п.), возникающих при большом скоплении людей, а также недомоганий психического характера; половых извращений. Работоспособность и поведение осужденных зависят не только от состояния здоровья, уровня развития физических сил, но и от степени сформированности нравственных и морально-волевых качеств: силы воли, мужества, смелости, решительности, инициативности, дисциплинированности и др. Формирование этих и других качеств составляет содержание воспитательной функции. Физкультура и спорт, как компоненты физического воспитания, помогают осужденным преодолевать чувства усталости, напряженности, страха, неуверенности, подавленности, что содействует переключению энергии, особенно у осужденных молодежного возраста, на общественно полезные дела. В этом значении состоит сублимирующая функция физического воспитания осужденных.

Реализация указанных функций способствует расширению знаний о значимости физического развития, роли физической культуры и спорта; сохранению и укреплению здоровья, правильному развитию организма, выработке сознательного от-

ношения к себе и своему телу; развитию выносливости и сноровки, необходимых в трудовой деятельности; приобретению и развитию двигательных и спортивных умений и навыков; приучению организма к физическим и психологическим нагрузкам в процессе жизнедеятельности; воспитанию организованности, ответственности, коллективизма; умению преодолевать жизненные трудности; формированию привычек личной и общественной гигиены, умению рационально использовать свободное от работы и учебы время. При этом используются специальные средства физического воспитания осужденных. Основными из них являются физические упражнения, соблюдение правил гигиены (личной, трудовой, бытовой и т. д.), познание закономерностей влияния физических упражнений на организм, научная методика их выполнения.

Осуществлять физическое воспитание осужденных целесообразно по трем направлениям: общая физическая, оздоровительная физическая, спортивная подготовка. Результатом физической подготовки в целом являются достигнутые при выполнении двигательных действий знания, умения и навыки, необходимые осужденным для освоения или выполнения профессиональной и физкультурно-спортивной деятельности. Физическая подготовка характеризуется уровнем функциональных возможностей различных систем организма (сердечно-сосудистой, дыхательной, мышечной) и развития основных физических качеств (силы, выносливости, быстроты, ловкости, гибкости). Здесь уместно привести следующий пример. Американские исследователи определяли скорость старения человека при помощи анализа почек, печени, легких, иммунной системы, оценки обмена веществ, уровня холестерина, длины теломеров (участки ДНК, укорачивающиеся с возрастом) и т. д. У большинства испытуемых биологический возраст соответствовал возрасту хронологическому, однако были и те, кто старел втрое быстрее. У них была низкая физическая подготовка. Кроме того, их общее состояние здоровья было хуже, и они выглядели старше своих сверстников.

Изучение научной литературы и практики свидетельствует о том, что в процессе физического воспитания осуществляется не только физическое, но и умственное развитие человека. Физическое развитие создает предпосылки для умственного развития, так как здоровый физический организм сам по себе способствует высокой работоспособности в целом. Умственное развитие, в свою очередь, создает условия и более осознанному и вдумчивому подходу к занятиям физкультурой и спортом. Одновременно развивается и творческая сторона мышления, поскольку испытуемый ос-

мысливает получаемые знания, запоминает упражнения, находит индивидуальную технику их выполнения, учитывая особенности своего организма. Вместе с этим развиваются и такие интеллектуальные качества, как быстрота мышления, сообразительность, сосредоточенность и др.

Значимость и необходимость физического воспитания осужденных усиливаются в связи с утверждением ученых Института высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН о том, что: 1) функция головного мозга угасает, если человек не ставит перед собой новых задач, решение которых сохраняет интеллект (изучение иностранного языка, чтение, заучивание стихов, занятие творчеством, физкультурой и т.п.); 2) головной мозг, как и мышцы тела, надо все время упражнять; 3) если нагрузка на мозг уменьшается, ее надо компенсировать, делать все, чтобы голова работала, а мотивация к интеллектуальной нагрузке сохранялась; 4) как можно больше двигаться – физическая и умственная активность взаимосвязаны.

Исходя из вышеизложенного следует логический вывод о том, что физкультура и спорт, как составные части физического воспитания, оказывают настолько сильное воздействие на личность, что трудно представить, чем их можно заменить или компенсировать в процессе исправления осужденных. Для того чтобы они начали или продолжили заниматься массовым спортом и физкультурой, необходимо, по возможности, создать для этого условия и сформировать устойчивую мотивацию к здоровому образу жизни.

Однако стоит заметить, что прогрессивный результат будет давать только систематическая и целенаправленная работа по физическому воспитанию осужденных при соблюдении следующих условий: 1) постоянное совершенствование знаний руководителями учреждений УИС и инструкторами по физической культуре; 2) развитие и популяризация среди сотрудников видов спорта, имеющих служебно-прикладную направленность (Концепция, с. 29); 3) использование традиционных физкультурно-спортивных и физкультурно-оздоровительных методик; инновационных технологий, адаптированных к возрастным и психологическим особенностям личности осужденных, их физическим возможностям.

Физическое воспитание, являясь по сути управляемым извне самовоспитанием, целесообразно рассматривать: 1) как воспитательную систему (в масштабе учреждения); 2) как воспитательный процесс (в масштабе отряда); 3) как индивидуальный (на уровне личности) или коллективный (совокупный) результат. Трудно переоценить значение самовоспитания осужденных в их нравствен-

ном обновлении, превращении из социально опасной в общественно полезную силу. Когда у осужденных возникает внутренняя потребность к физическому совершенствованию, тогда воспитательные воздействия падают на подготовленную почву, дают ощутимый положительный результат. Самое трудное – сформировать эту внутреннюю готовность к самовоспитанию. Учитывая, что самовоспитание – сугубо личностный процесс, обусловленный индивидуальными качествами субъекта, нет смысла проводить кампании по физическому самовоспитанию, обсуждать публично планы, устраивать массовый «поход» за самовоспитанием, поскольку возможны ошибки, дискредитирующие это важное дело. Необходимо совершенствовать индивидуальную работу и создавать реальные предпосылки для самовоспитания.

В местах лишения свободы особо активно проводилась физкультурно-спортивная работа в 70–80-е годы XX столетия. В комплексных планах политико-воспитательной работы с осужденными наряду с другими был раздел «Физкультурно-спортивная работа». Он включал в себя: проведение летних и зимних спартакиад, ежедневную утреннюю физзарядку, соревнования по отдельным видам спорта (волейбол, баскетбол, настольный теннис), спортивные игры (шашки, шахматы, домино – по одному комплекту на каждые 30 человек, а в ИТУ особого вида режима, тюрьме и СИЗО – на каждую камеру) [2].

Практика не стояла на месте, физкультурно-спортивная работа проводилась не только с осужденными, но и с сотрудниками, о чем свидетельствуют хотя и редкие публикации в специальных журналах. В дальнейшем была разработана Концепция воспитательной работы с осужденными в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы, утвержденная заместителем министра юстиции Ю. И. Калининным в апреле 2000 года. В разделе «Осуществление комплексного подхода к организации и проведению воспитательной работы» есть четкое указание на организацию в учреждениях УИС нравственного, трудового, правового, физического воспитания осужденных.

В приказе ФСИН России от 28 декабря 2010 г. № 555 «Об организации воспитательной работы с работниками уголовно-исполнительной системы» отмечается: «Воспитательная работа заключается в проведении комплекса информационно-пропагандистских, индивидуально-психологических, правовых, социально-экономических, морально-этических, культурно-досуговых, спортивно-массовых и иных мероприятий...»

В настоящее время принят План мероприятий по приведению порядка исполнения и отбывания наказания в виде пожизненного лишения свободы

к единым стандартам, утвержденный директором ФСИН России Г. А. Корниенко. В этом плане в контексте данной статьи важны два пункта: 1) предложения по возможности оборудования прогулочных дворов в исправительных колониях особого режима для осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы, спортивными снарядами (турник, брусья), в рамках текущего финансирования; 2) разработка программы организации служебной подготовки (в том числе специальной и физической) сотрудников исправительных колоний особого режима для осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы, с учетом

особых условий обеспечения их безопасности, складывающегося психологического климата и других особенностей функционирования данного вида исправительных учреждений.

Таким образом, действительно пришло время поднять уровень общей физподготовки населения, в том числе осужденных, причем государство этот процесс намеревается контролировать. Уже известно, что сдавать нормативы ГТО будут в 11 возрастных группах – от шести до семидесяти лет и старше. Применительно к осужденным стоит подумать, как использовать этот очень хороший способ популяризации физкультуры и спорта.

Список литературы

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. М., 2011.
2. Информационный бюллетень политотделов ИТУ и ЛИТУ МВД СССР. М., 1978. № 4.

NINA ALEKSEEVNA TJUGAEVA,

dsc in pedagogics, professor,
honored scientist of the higher school of the Russian Federation,
professor of the legal psychology and pedagogics department
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: upip2009@yandex.ru
© Tjugaeva N. A., 2015

PHYSICAL TRAINING OF THE CONVICTS: UPDATING OF THE PROBLEM

Annotation: the presented subject of article is developed by the author in the context of research of a problem of correction of the convicts in the process of physical training by means of physical culture and sport.

There are two directions of this problem: 1) initial formation of motivation of the convicts to physical training classes and sport; 2) reorientation of the created motivation of the convicted persons. In the process of physical training of the convicts much attention is paid to getting information for subjects of interaction of regularities of development of nature, society, person, in particular general relationships of cause and effect. Conscience, sooner or later, will lead the individual to thought of inevitability of responsibility for health and life. Thus the internal regulator gives certain guarantees of orientation of behavior for socially useful behavior of models. In the sphere of pedagogical interaction of convicts this internal regulator is used a little influencing a number of objective and subjective factors, for example: complexity and subtlety of individual work; low level of psychological and pedagogical competence; excessive load in connection with optimization of correctional institutions; lack of appropriate conditions, etc.

At the same time it is possible to remind a postulate: absence of information means lack of change of behavior.

In relation to physical training of the convicted persons it should be noted the need of observance of algorithm (sequence of actions): education (educational project) – training (educational program) – formation (motives, abilities, physical culture – sports skills) – inclusion in activity (self-education, self-education) – the analysis of results (a condition of physical and mental health, level of correction).

Key words: he convict, physical training, motivation, physical culture, sport, training.

References

1. Ugolovno-ispolnitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii [Criminal and executive code of the Russian Federation]. Moscow, 2011.
2. Informacionnyj bjulleten' Politotdelov ITU i LITU MVD SSSR [Newsletter of political departments of correctional institutions and medical correctional institutions of the Ministry of Internal Affairs of the USSR]. Moscow, 1978, no. 4.

УДК 343.976:343.8
ББК 88.473
У93

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ УШАТИКОВ,
доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры психологии профессиональной
деятельности в УИС;
ИРИНА СЕРГЕЕВНА ГАНИШИНА,
кандидат психологических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры общей психологии
(Академия ФСИН России),
e-mail: irinaganishina@yandex.ru
© Ушатиков А. И., Ганишина И. С., 2015

ЛИЧНОСТЬ НАРКОЗАВИСИМОГО ОСУЖДЕННОГО И ЕЕ ОСОБЕННОСТИ

Реферат: в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы отбывает наказание большое количество наркозависимых осужденных, поэтому рассмотрение проблемы личности наркозависимого осужденного имеет важное значение как для практических работников, так и для пенитенциарных ученых.

В психологии термин «личность» обозначает особое качество человека, приобретаемое им в социокультурной среде в процессе совместной деятельности и общения. Отечественные ученые вкладывают разное значение в понимание этого термина.

Личность осужденного является сложным социально-психологическим образованием. Своеобразие личности наркозависимого осужденного формируется в деятельности и проявляется в его характере, способностях, интересах, направленности, отношениях.

Структуру личности наркозависимого осужденного образуют три взаимосвязанных друг с другом компонента: биологический, психологический и социальный. Биологический компонент включает в себя различные природные свойства человека: возрастные, половые, конституционно-соматические, нейродинамические. Психологический компонент понимается как совокупность психических свойств и качеств, определяющих социально значимые формы деятельности и общения, и состоит из нескольких подсистем: ценностных ориентаций личности, основных жизненных функций индивида, связей ценностных установок личности и ее главных жизненных функций, внутреннего социально-личностного контроля индивида, отраженной в сознании информации о реакции других людей на его поведение. Социальный компонент раскрывает основные формы взаимодействия личности с обществом. Она характеризуется с помощью таких категорий, как образ жизни, социальный статус, социальная роль и др.

Наркозависимые осужденные обладают рядом особенностей, знание которых необходимо персоналу уголовно-исполнительной системы для организации эффективной работы с ними.

Ключевые слова: наркозависимый осужденный, структура личности, биологический, психологический и социальный компоненты, особенности личности наркозависимого осужденного, пенитенциарный психолог.

В последние годы в обществе и учреждениях уголовно-исполнительной системы проблема наркотической зависимости осужденных приобретает все большую актуальность. В исправительных учреждениях отбывают наказание большое количество наркозависимых осужденных, поэтому рассмотрение проблемы личности наркозависимого осужденного представляет практический интерес как для психологов-практиков УИС, персонала исправительного учреждения, так и для научных работников, ученых-пенитенциаристов.

В психологии термин «личность» (от лат. persona – маска актера, роль, положение, лицо) обозначает особое качество человека, приобретае-

мое им в социокультурной среде в процессе совместной деятельности и общения.

Отечественные ученые вкладывают разное значение в понимание этого термина. Так, по мнению Л. И. Божович [1], личность – это целостная система, возникающая в процессе жизни человека и выполняющая определенную функцию в его взаимодействии со средой. С. Л. Рубинштейн [2] указывал, что личностью является совокупность внутренних условий, через которые преломляются все внешние воздействия. Б. Г. Ананьев [3] считал личностью субъект деятельности, то есть совокупность общественных отношений, определяющих положение человека в обществе. И. С. Кон [4] полагал, что личность, с одной стороны, обозначает конкретного индивида

как субъекта деятельности в единстве его индивидуальных свойств и его социальных ролей; с другой – понимается как социальное свойство индивида, совокупность интегрированных в нем социально значимых черт, образовавшихся в процессе прямого и косвенного взаимодействия данного лица с другими людьми и делающих его субъектом труда, познания и общения.

По мнению Р. С. Немова [5], личность – это человек, взятый в системе таких его психологических характеристик, которые социально обусловлены, проявляются в общественных по природе связях и отношениях, являются устойчивыми и определяют нравственные поступки человека, имеющие существенное значение для него самого и окружающих, то есть это человек в совокупности его социальных приобретенных качеств.

Следовательно, каждая личность несет в себе отпечаток тех общественных отношений, которые существуют в окружающем обществе. Таким образом, условия жизни личности, психологическая атмосфера, характер взаимосвязей индивида во многом определяют его жизнедеятельность и поведение.

По мнению отечественных пенитенциарных ученых (А. И. Ушатиков, И. П. Башкатов, В. М. Литвишников, Н. А. Тюгаева), личность осужденного является сложным социально-психологическим образованием, которое формируется прижизненно. Своеобразие личности наркозависимого осужденного проявляется в его характере, способностях, интересах, направленности, отношениях, формирующихся в деятельности.

Структуру личности наркозависимого осужденного образуют три взаимосвязанных друг с другом компонента: биологический, психологический и социальный.

Биологический компонент включает в себя различные природные свойства человека: возрастные, половые, конституционно-соматические, нейродинамические и т. п.

Психологический компонент – это совокупность психических свойств и качеств, определяющих социально значимые формы деятельности и общения, который состоит из нескольких подсистем:

а) ценностных ориентаций личности – личностных установок по отношению к существующим в обществе ценностям;

б) основных жизненных функций индивида, которые выражаются в соответствующих потребностях и являются внутренними детерминантами его поведения;

в) связей основных ценностных установок личности, ее главных жизненных функций;

г) внутреннего социально-личностного контроля индивида, а также отраженной в сознании ин-

формации о реакции других людей на его поведение.

Социальный компонент раскрывает основные формы взаимодействия личности с обществом, в нем личность характеризуется с помощью таких категорий, как образ жизни, социальный статус, социальная роль.

Нами установлено, что личность наркозависимого осужденного характеризует потеря социального статуса, то есть положения, занимаемого в соответствии с профессией, социально-экономическим положением, происхождением, семейным положением, что фактически означает утерю места личности в социальной структуре общества, различных сферах жизни.

В современной пенитенциарной психологии существует несколько подходов к изучению механизмов социально-психологической деятельности личности осужденного, в том числе социально-типологический и социально-ролевой (В. Л. Васильев) [6]. В первом случае анализируются социальная позиция личности, соответствующие ей социальные нормы, их восприятие и исполнение, акцент делается на социальной обусловленности поведения личности как объекта социальных влияний. Социально-типологический подход позволяет понять, какую личность формируют обстоятельства, к каким социальным позициям и ролям она готова, как в соответствующих условиях она преодолевает препятствия и разрешает конфликты. Во втором случае личность рассматривается как активный деятель, субъект общественных отношений. Социально-ролевой подход позволяет увидеть позиции и функции, которые объективно криминогенны, поскольку налагают на личность обязанности, противоречащие праву, и она может выполнить их только ценой правонарушения.

В рамках проведенного нами исследования личности наркозависимых осужденных установлено, что наркозависимые осужденные трудно адаптируются к условиям ИУ, имеют невысокий статус среди других осужденных, конфликтны, вспыльчивы, неискренни, часто забывают данные обещания, суетливы, не доделывают начатое до конца. Беседы с такими осужденными показывают, что при разговоре о наркотиках они оживляются, что свидетельствует о сохранившихся чертах аддикции. Для наркозависимых осужденных характерны неискренность ответов на вопросы, примитивность суждений, при этом они хорошо идут на контакт, что скорее объясняется любопытством и осознанием повышенного внимания к своей персоне. Осужденные, склонные к аддиктивному поведению, придерживаются внешнеобвинительной позиции как при анализе причин возникновения аддикции, так и по поводу совершенного пре-

ступления, критичность к своим поступкам у них резко снижена.

Для наркозависимых осужденных характерны повышенная педантичность, тревожность и экзальтированность. Высокие значения тревожности могут быть обусловлены общей реакцией на нахождение в местах лишения свободы, специфика которых предполагает постоянное чувство настороженности, тревожности, напряженности.

Повышенные показатели педантичности обусловлены стремлением осужденных демонстрировать готовность соответствовать требованиям пенитенциарной системы и представляют собой форму проявления социальной желательности.

Экзальтированность в большей мере обусловлена стремлением наркозависимых осужденных демонстрировать уверенность в себе, что является некоторой бравадой, направленной на убеждение окружающих в своей успешности и состоятельности.

Для наркозависимых осужденных ведущим типом психологической защиты является отрицание – наиболее примитивный механизм защиты, который заключается в отсутствии осознания определенных событий жизненного опыта или чувств, болезненных в случае их осознания, что подразумевает бессознательный отказ допустить существование определенных событий, переживаний или ощущений, которые причинили бы боль при их признании. Оно проявляется в игнорировании неприятной информации.

Мотивационно-смысловая сфера личности наркозависимых осужденных характеризуется сле-

дующими особенностями: неустойчивостью интересов; снижением мотивации к достижению; наличием потребности в покое; снижением устойчивости мотивационной направленности; подавленностью потребностей; деформацией временной перспективы. С одной стороны, наркозависимые осужденные в меньшей степени стараются думать о прошлом, поскольку не способны к самоанализу и прошлое вызывает у них негативные воспоминания; с другой стороны, они в незначительной степени думают о будущем, при этом их мысли не носят конструктивного характера и не связаны с планированием реальных событий по преобразованию жизни. Полноценная жизнь настоящим им тоже несвойственна, поскольку присутствует постоянный отрицательный эмоциональный фон, обусловленный как нарушениями эндорфинной системы мозга, так и нахождением в местах лишения свободы. У наркозависимых осужденных наблюдается общая тенденция снижения значимости смыслообразующих ценностей; прева-лирования ценностей, связанных с поддержанием процессов собственного жизнеобеспечения; снижения значимости ценностей, связанных с развитием и помощью окружающим; меньшей осмысленностью жизни.

Таким образом, выявленные в ходе проведенного исследования особенности личности наркозависимых осужденных необходимо учитывать персоналу исправительного учреждения при организации психопрофилактической, просветительской, психокоррекционной работы с ними.

Список литературы

1. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб., 2008. 398 с.
2. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб., 2008. 712 с.
3. Ананьев Б. Г. Личность, субъект деятельности, индивидуальность. М., 2008. 134 с.
4. Кон И. С. Социология личности. М., 1967. 383 с.
5. Немов Р. С. Психология : в 3 т. М., 2006. Т. 1. 688 с.
6. Васильев В. Л. Юридическая психология. СПб., 2009. 608 с.

ALEXANDER IVANOVICH USHATIKOV,

doctor of psychology, professor,
department of psychology of professional activity in the penal system;

IRINA SERGEYEVNA GANISHINA,

phd in psychology, associate professor, deputy head of department of general psychology
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: irinaganishina@yandex.ru

© Ushatkov A. I., Ganishina I. S., 2015

DRUG DEPENDENT CONVICT PERSONALITY AND ITS FEATURES

Annotation: in correctional institutions the number of drug dependent convicted persons serve their sentences, that's why dealing with the problem of the drug dependent convict personality is important for both practitioners and penitentiary scholars.

In psychology, the term «person» (from the Latin. «persona» – the mask of the actor, the role, the position, the face) means a special quality of a person acquired by him in the social and cultural environment in the process of collaboration and communication.

Russian scientists suggest different meanings of the term «persona». The convicted person is a complex social-psychological formation. The peculiarity of the drug dependent convict personality is formed in the activities and shows in the character, abilities, interests, orientation, relationships.

The structure of the addicted convict personality consists of three interrelated components: biological, psychological and social. The biological component includes various natural qualities of man: age, sex, constitutional-somatic, neurodynamic, etc. The psychological component means a set of mental features and qualities defining socially relevant forms of action and communication. It consists of several subsystems: the value orientations of the individual, the vital functions of the individual links of attitudes and personality of its main vital functions of internal social and personal control of the individual reflected in the minds of information of other people's reactions to his behavior. The social component reveals the main forms of interaction between the individual and society. It is characterized by using categories such as lifestyle, social status, social role and others.

Drug dependent convicts have a number of features. Knowledge of these peculiarities is necessary for the personnel of the penal system for the effective work with them.

Key words: the convicted person, addicted convicted, personality, personality structure, biological, psychological and social components, personality characteristics of the addicted convicts, correctional system, correctional institution, the personnel of the correctional institution, penitentiary psychology, penitentiary psychologist activity.

References

1. Bozovic L. I. Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste. Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste [Personality and its formation in childhood]. SPb., 2008. 398 p.
2. Rubinstein S. L. Osnovy obshhej psihologii [Fundamentals of general psychology Fundamentals of general psychology]. SPb., 2008. 712 p.
3. Ananiev B. G. Lichnost', sub#ekt dejatel'nosti, individual'nost' [Personality, the subject of activity and individuality]. M., 2008. 134 p.
4. Kon I. S. Sociologija lichnosti [Sociology of personality]. M., 1967. 383 p.
5. Nemov R. S. Psihologija v 3 tomah [Psychology in 3 volumes]. M., 2006. T. 1. 688 p.
6. Vasiliev V. L. Juridicheskaja psihologija [Legal psychology]. SPb., 2009. 608 p.

УДК 159.9:343.8
ББК 88.473
Т46

АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ ТИХОМИРОВ,

начальник управления
(УФСИН России по Московской области);

БОРИС АРИСТАРХОВИЧ СПАСЕННИКОВ,

доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор,
главный научный сотрудник
(НИИ ФСИН России),

e-mail: borisspasennikov@yandex.ru

© Тихомиров А. Н., Спасенников Б. А., 2015

КРИМИНАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И СИНДРОМ НЕТЕРПЕНИЯ

Реферат: в статье обсуждается синдром нетерпения у осужденных и законопослушных граждан. Различие этиопатогенетических механизмов криминального поведения определяет различные методологические подходы к оптимизации ресоциализации осужденных.

Цель проводимого исследования – сравнительное изучение эмоционально-волевой сферы, невротических расстройств у осужденных и законопослушных граждан. Было обследовано 150 мужчин в возрасте от 20 до 50 лет. Основную (первую) группу обследованных составили 100 осужденных. Во вторую (контрольную) группу включены лица ($n = 50$), которые не привлекались к уголовной ответственности.

В результате исследования выявлена статистически достоверная разница между распространенностью синдрома нетерпения среди осужденных и законопослушных граждан. Таким образом, синдром нетерпения, криминальное поведение в целом могут быть связаны с врожденной или приобретенной патологией префронтальной коры, миндалины, островка, гиппокампа, ретикулярной формации и иных структур головного мозга, что потребует дополнительного клинико-криминологического исследования.

Ключевые слова: клиническая криминология, криминальное поведение, синдром нетерпения, воля, расстройство воли, осужденные.

Различие этиопатогенетических механизмов криминального поведения определяет различные методологические подходы к оптимизации ресоциализации осужденных.

Цель проводимого исследования – сравнительное изучение эмоционально-волевой сферы, невротических расстройств у осужденных и законопослушных граждан.

Было обследовано 150 мужчин в возрасте от 20 до 50 лет. Основную (первую) группу обследованных составили 100 осужденных. Во вторую (контрольную) группу включены лица ($n = 50$), которые не привлекались к уголовной ответственности.

Обследуемым после установления психологического контакта предлагался тест на ориентацию во времени. Исследователь демонстративно включал секундомер и, спустя некоторое время, выключал его, после чего просил ответить обследуемого на вопрос о том, сколько прошло времени. Во всех случаях секундомер отсчитывал 180 секунд (3 минуты).

Ответы среди осужденных распределились следующим образом:

- 1 минута – 0 человек;
- 2 минуты – 0 человек;
- 2–3 минуты – 0 человек;
- 3 минуты – 37 человек (37 %);
- 3–4 минуты – 36 человек (36 %);

4 минуты – 19 человек (19 %);

4–5 минут – 6 человек (6 %);

более 5 минут – 2 человека (2 %).

63 % осужденных страдали синдромом нетерпения, который, помимо нарушения ориентации во времени, включал в себя иную невротическую симптоматику (раздражительность, вспыльчивость, чувство тревоги, опасности, непереносимости ожидания и др.). У большинства обследованных осужденных выявлялись нарушения мыслительной деятельности в виде недостатков прогнозирования своих действий. Эти особенности позволяли им легко включаться в криминальное поведение, не пытаясь находить социально приемлемые выходы из различных ситуаций. Они отстаивали свои интересы с преобладанием самовзвинчивания, не считаясь с интересами и правами других. Тенденция к эмоциональным взрывам, гневу в ответ на незначительные, подчас нейтральные поводы имела на протяжении нескольких последних лет. Гневная реакция возникала на замечания близких, на чужое малоадаптивное поведение, тем более поведение, провоцирующее в криминогенном отношении. Эти лица часто действовали, не учитывая последствий своих поступков.

Ответы среди законопослушных граждан распределились следующим образом:

- 1 минута – 0 человек;

2 минуты – 2 человека (4 %);
2–3 минуты – 5 человек (10 %);
3 минуты – 27 человек (54 %);
3–4 минуты – 9 человек (18 %);
4 минуты – 3 человека (6 %);
4–5 минут – 2 человека (4 %);
более 5 минут – 2 человека (4%).

Таким образом, 32 % законопослушных граждан страдали синдромом нетерпения, который, помимо нарушения ориентации во времени, включал в себя невротические жалобы, эмоциональную лабильность, оживление сухожильных и периостальных рефлексов, патологические кистевые рефлексy и др.

У лиц с синдромом нетерпения выявлена десинхронизация биоэлектрической активности головного мозга по данным электроэнцефалографии.

При магнитно-резонансной томографии у лиц с синдромом нетерпения выявлено некоторое уменьшение объема прецентральной коры головного мозга.

Установлена статистически достоверная разница между распространенностью синдрома нетерпения среди осужденных и законопослушных граждан.

Осужденным дополнительно было предложено закончить предложение: «Я совершил преступление потому, что...».

В большинстве случаев осужденные связывали совершение преступления с синдромом нетерпения («...опаздывал, решил обогнать», «...слишком быстро ехал», «...превысил скорость, не заметил людей на дороге», «...не выдержал, ударил», «...дурак был, не сдержался», «...хотел всего и сразу», «...хотел выпить, а денег сразу не было», «...не стерпел», «...надоело за ней ухаживать», «...не надо было меня доставать» и др.).

Главное проявление синдрома нетерпения – неспособность сохранять спокойствие в ожидании результата от неподконтрольного процесса или иной сложной, подчас криминогенной, жизненной ситуации. Синдром нетерпения может играть ведущую роль в механизме ряда преступлений, особенно с неосторожной формой вины (например, транспортные преступления).

Если психическая деятельность человека представляет собой отражение действительности в его мозге, то психическое расстройство вызывает нарушение адекватности отражательной деятельности и одновременно нарушение приспособления лица к условиям внешней среды, что сопровождается низкой социальной адаптацией, поведением, признаваемым преступным.

На наш взгляд, синдром нетерпения относится к расстройствам воли, то есть психическим расстройствам, не исключающим вменяемости, способности быть субъектом уголовной ответственности и наказания.

Лицам с синдромом нетерпения показана психологическая, а в ряде случаев психотерапевтическая и психофармакологическая помощь. Психологическая помощь осужденным может быть оказана психологами уголовно-исполнительной системы.

По нашему мнению, синдром нетерпения и криминальное поведение в целом могут быть связаны с врожденной или приобретенной патологией префронтальной коры, миндалина, островка, гиппокампа, ретикулярной формации и иных структур головного мозга, что потребует дополнительного клинико-криминологического исследования.

ANATOLIY NIKOLAEVICH TIHOMIROV,

head of the department

(Federal penitentiary service in the Moscow region);

BORIS ARISTARHOVICH SPASENNIKOV,

dsc in law, dsc in medicine, professor, chief researcher

(Research institute of the FPS of Russia),

e-mail: borisspasennikov@yandex.ru

© Tihomirov A. N., Spasennikov B. A., 2015

CRIMINAL BEHAVIOR AND SYNDROME OF IMPATIENCE

Annotation: in article the impatience syndrome of the convicted persons and law-abiding citizens is discussed. Distinction of the etyopathogenetics mechanisms of criminal behavior defines various methodological approaches to optimization of resocialization of the convicts. The purpose of the conducted research is a comparative study of the emotional-strong-willed sphere, neurotic frustration of the convicts and law-abiding citizens. 150 men at the age from 20 till 50 years were studied. 100 convicted persons made up the main (first) group of the examined men. The second (control) group included persons (n = 50) which weren't brought to trial. According to the result of research statistically reliable difference between prevalence of a syndrome of impatience among the convicts and law-abiding citizens is revealed. Thus, the impatience syndrome, criminal behavior in general can be connected with the congenital or acquired pathology of prefrontal bark, almond, island, gippokamp, reticulation formation and other structures of a brain that will demand additional clinical-criminological research.

Key words: clinical criminology, criminal behavior, syndrome impatience, will, convicted persons.

УДК 159.9:343.83
ББК 88.472
А67

НИКОЛАЙ ВИКТОРОВИЧ АНКУДИНОВ,

кандидат педагогических наук,
начальник кафедры физической подготовки и спорта,
e-mail: ankudinov.nik@list.ru;

АЛЕКСАНДРА АНАТОЛЬЕВНА ЖАРКИХ,

кандидат психологических наук,
старший преподаватель кафедры общей психологии;

АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ ТРУНТЯГИН,

старший преподаватель кафедры физической подготовки и спорта
(Академия ФСИИ России)

© Анкудинов Н. В., Жарких А. А., Трунтягин А. А., 2015

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КУРСАНТОВ-СПОРТСМЕНОВ

Реферат: в настоящее время для вузов ФСИИ России актуальна разработка технологии психологического сопровождения курсантов-спортсменов с учетом индивидуально-типологических особенностей их личности.

В период с 2013 по 2014 год на базе Академии ФСИИ России с применением исследовательских методов наблюдения, беседы, экспертной оценки, тестирования с использованием блока методик Л. Н. Собчик: «Индивидуально-типологический опросник» (ИТО), «Стандартизированный многофакторный метод исследования личности» (СМИЛ), «Метод портретных выборов» (МПВ) и «Метод цветовых выборов» (МЦВ) проведено исследование индивидуально-типологических особенностей курсантов-спортсменов, добившихся наиболее высоких спортивных результатов в избранном виде спорта: циклических (лыжные гонки, легкая атлетика) и игровых (футбол, волейбол), единоборствах (рукопашный бой, самбо).

Результаты исследования сопоставлены с теорией ведущих тенденций Л. Н. Собчик, выделяющей четыре наиболее распространенных типа личности в зависимости от уровня выраженности ведущих тенденций, что позволило экспериментально выявить наиболее часто встречающиеся типы личности у курсантов-спортсменов, успешных в определенных видах спорта. Так, у курсантов-спортсменов, занимающихся циклическими видами спорта, преобладает 3-й тип личности (индивидуально-типологические особенности: ригидность, агрессивность, индивидуалистичность, более высокая выраженность интровертированности); игровыми видами спорта – 2-й тип (индивидуально-типологические особенности: экстравертированность, эмотивность, импульсивность, эмоциональная незрелость); единоборствами – 4-й тип (индивидуально-типологические особенности: агрессивность, спонтанность, экстравертированность, оптимистичность, высокий уровень ригидности и тенденция к накоплению грубых аффектов).

Общими признаками, характерными для спортсменов всех видов спорта, являются наличие потребности в доминировании, экстравертированность, оптимистичность.

Выявленные индивидуально-типологические особенности курсантов-спортсменов в различных видах спорта могут быть использованы как критерии ориентации поступивших в вузы ФСИИ России по различным спортивным направлениям групп спортивного совершенствования.

Ключевые слова: курсанты-спортсмены, группы спортивного совершенствования, теория ведущих тенденций Л. Н. Собчик, индивидуально-типологические особенности личности, интроверсия, экстраверсия, сензитивность, спонтанность, тревожность, стеничность, эмотивность, ригидность.

В образовательных организациях ФСИИ России большое внимание уделяется не только физической подготовке будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС), необходимой в их дальнейшей профессиональной деятельности, но и работе по достижению спортивных результатов на всероссийском и международном уровнях в различных видах спорта. Подготовка высококвалифицированных спортсменов из числа курсантов требует

учета всех ресурсов организма, в том числе индивидуально-типологических особенностей, как на стадии отбора в группы спортивного совершенствования, так и в процессе психологического сопровождения тренировочного процесса и соревнований [5]. В связи с этим представляется актуальной разработка технологии психологического сопровождения курсантов-спортсменов с учетом индивидуально-типологических особенностей личности.

Исследование проводилось в период с 2013 по 2014 год на базе Академии ФСИН России. Психодиагностическому обследованию были подвергнуты 60 курсантов-спортсменов в подготовительный период годового цикла, добившиеся наиболее высоких спортивных результатов в избранном виде спорта: циклических (лыжные гонки, легкая атлетика), игровых (футбол, волейбол), единоборствах (рукопашный бой, самбо). Испытуемые имели следующую спортивную квалификацию: 1-й спортивный разряд – 29 человек (игровые и циклические виды); кандидат в мастера спорта – 14 человек, мастер спорта России – 15 человек, мастер спорта России международного класса – 2 человека (единоборства и циклические виды).

Во время проведения эксперимента использовались следующие исследовательские методы: наблюдение, беседа, экспертная оценка, тестирование с использованием блока методик Л. Н. Собчик «Индивидуально-типологический опросник» (ИТО), «Стандартизированный многофакторный метод исследования личности» (СМИЛ), «Метод портретных выборов» (МПВ) и «Метод цветового выбора» (МЦВ).

Для обработки эмпирического материала использовалась многофункциональная психодиагностическая система Psychometric Expert 8. Результаты эмпирического исследования подвергались следующим методам математической статистики: для уровневого анализа данных использовали расчет средних значений и стандартного отклонения по каждому показателю; для сравнения средних значений использовался критерий Манна-Уитни.

В результате анализа и обобщения специальной научно-методической литературы были выявлены основные направления исследования индивидуально-типологических особенностей спортсменов: влияние индивидуально-типологических особенностей спортсменов на тренировочный процесс и соревновательную деятельность (А. Н. Крестников (1951), Н. В. Зимкин (1956), М. Г. Амилахвари (1962), Б. М. Теплов (1964), В. А. Вяткина (1974), П. Г. Русинов (1976), В. А. Данилов (1977), Г. Г. Илларионов (1978), В. А. Сальников (1981), В. И. Гончаров (1984), Ю. В. Лубкин (1984), М. В. Приставкина (1984), А. Р. Ширинов (1988), В. Д. Небылицын (1990), В. П. Рыбчинский (2000), А. Н. Капустина и др.), изучение индивидуально-типологических особенностей как predispositions к определенным видам спорта (А. П. Кашин (1969), Р. К. Малинаускас (2001), Е. П. Ильин (2012) и др.), изучение критериев успешности в различных видах спорта (В. И. Баландин (1986), Л. К. Серова (1999), О. В. Романова (2009), Е. П. Ильин (2012), Д. Р. Закиров (2013) и др.) [2]. Осуществленный литературный обзор современного состояния изу-

чаемой проблемы подтверждает отсутствие целостного исследования индивидуально-типологических особенностей курсантов-спортсменов образовательных организаций ФСИН России.

Теоретической основой исследования была выбрана теория ведущих тенденций Л. Н. Собчик, которая, на наш взгляд, оптимально объясняет механизм влияния индивидуально-типологических особенностей человека на его предрасположенность к определенным видам спорта.

Личность, с позиции теории ведущих тенденций Л. Н. Собчик, представляет собой интеграцию генетического, социального и собственно активного личностного начала, характеризующуюся индивидуальной избирательностью по отношению к явлениям окружающего мира, а также собственным стилем усвоения полученной информации. В основе такой индивидуальной избирательности лежат индивидуально-типологические особенности, ведущие тенденции, представляющие собой «дефиниции, включающие в себя и условия формирования определенного личностного свойства, и само свойство, и predisposition к тому состоянию, которое может развиваться под влиянием средовых воздействий как продолжение данного свойства» [3, с. 28]. Л. Н. Собчик выделяет восемь основных тенденций, представляющих собой пары полярных характеристик личности: агрессивность (стеничность) – тревожность; спонтанность – сензитивность; интроверсия – экстраверсия; ригидность – эмотивность (лабильность). Комбинации преобладающих ведущих тенденций очерчивают четыре наиболее характерных для человека типа личности, каждый из которых обладает определенным когнитивным стилем – индивидуальным стилем восприятия и переработки информации:

1-й тип (максимальные интроверсия, сензитивность и тревожность) – абстрактно-аналитический когнитивный стиль;

2-й тип (максимальные тревожность, эмотивность и экстраверсия) – наглядно-образный когнитивный стиль;

3-й тип (максимальные интроверсия, ригидность и агрессивность) – формально-логический;

4-й тип (максимальные экстраверсия, спонтанность и агрессивность) – целостный, интуитивный когнитивный стиль.

Выявление преобладающего личностного типа определяется на основе результатов методики ИТО путем расчета среднего значения составляющих каждого из четырех типов ведущих тенденций:

$$1\text{-й тип} = ([Int]+[Sn]+[Anx])/3;$$

$$2\text{-й тип} = ([Anx]+[Lab])+[Ext])/3;$$

$$3\text{-й тип} = ([Int]+[Agr]+[Rg])/3;$$

$$4\text{-й тип} = ([Ext]+[Sp])+[Agr])/3,$$

где [Int], [Sn], [Anx], [Lab], [Ext], [Agr], [Rg], [Sp] – значения шкал ИТО в сырых баллах; и в качестве подтверждения – наложения на круговую диаграмму результатов всех четырех методик (ИТО, СМИЛ, МПВ, МЦВ) [3].

В результате проведенного нами обследования курсантов-спортсменов Академии ФСИН России по методике «Индивидуально-типологический опросник» получены следующие результаты (рис. 1).

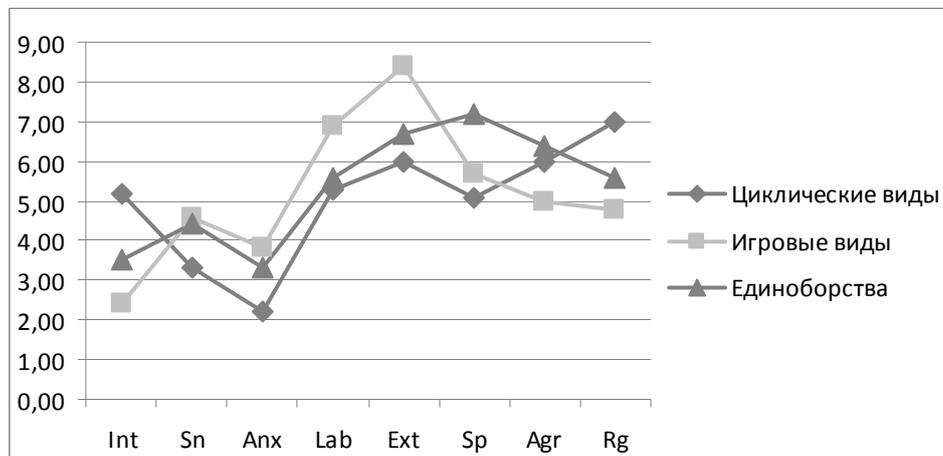

Рис. 1. Усредненный профиль курсантов-спортсменов различных видов спорта по методике ИТО

У курсантов-спортсменов, занимающихся циклическими видами спорта, наиболее выраженной является шкала ригидности ($M = 7$), что, вероятно, предрасполагает к выполнению длительных монотонных нагрузок, характерных для данного вида спорта. Кроме того, данный вид спортивной деятельности не носит экстремального характера и наиболее приемлем для лиц третьего личностного типа, характеризующегося ригидностью установок и наибольшей устойчивостью мотивационной направленности.

Для представителей игровых видов спорта ведущими шкалами являются экстраверсия ($M = 8,4$) и лабильность ($M = 6,9$). Высокий уровень экстраверсии лежит в основе потребности спортсмена работать в команде, включенности в коллективные виды спорта. Значительный уровень выраженности лабильности, характеризующийся подвижностью нервных процессов, способствует оптимальной деятельности спортсменов в постоянно меняющихся игровых ситуациях.

Для группы курсантов, занимающихся единоборствами, ведущей шкалой является спонтанность ($M = 7,2$), которая предполагает отсутствие склонности к длительным размышлениям и предрасположенность к активным стремительным действиям, что позволяет единоборцам мгновенно реагировать на действия соперника и производить атаку.

При сравнительном анализе преобладающего типа личности курсантов-спортсменов были полу-

чены следующие результаты. Группа единоборцев отличается преобладанием 4-го типа, что, согласно Л. Н. Собчик, свидетельствует о наличии синтетического, опережающего типа мышления, основанного на быстрой интуитивной обработке информации, что на наш взгляд, оптимально в условиях поединка.

Представители циклических видов спорта по результатам проведенного исследования обнаруживают преобладание 3-го типа, характеризующегося выраженностью интроверсии, ригидности и агрессивности, определяющих рациональный, формально-логический тип мышления, что в совокупности позволяет спортсменам в течение длительного времени выполнять нагрузку на пределе психофизических возможностей.

У представителей игровых видов спорта нами было обнаружено преобладание 2-го типа, что, согласно Л. Н. Собчик, говорит о преобладании наглядно-образного типа мышления, обладатели которого нуждаются в эмоциональном компоненте при обработке информации из окружающей среды, что удачно сочетается с игровыми видами спортивной деятельности.

Статистическая достоверность различий по выраженности преобладающих типов у курсантов-спортсменов была доказана между вторым и третьим типами в парах: единоборцы – игровые виды спорта и игровые – циклические виды спорта (табл. 1).

Сравнительный анализ преобладания основных типов по Л. Н. Собчик у курсантов-спортсменов различных видов спорта

Виды спорта Тип по Л. Н. Собчик	Представители единоборств и игровых видов			Представители единоборств и циклических видов			Представители циклических и игровых видов		
	M _{ед}	M _{игр}	U	M _{ед}	M _{цикл}	U	M _{игр}	M _{цикл}	U
1-й тип	3,7	3,6	129,5	3,7	3,6	131	3,6	3,6	130
2-й тип	5,2	6,4	98,5*	5,2	4,5	127,5	6,4	4,5	97,5*
3-й тип	5,2	4,1	105,5*	5,2	6,1	141	4,1	6,1	102*
4-й тип	6,8	5,4	128	6,8	5,7	143,5	5,4	5,7	133,5

* Различия статистически достоверны на уровне значимости $p \leq 0,05$.

Анализ индивидуальных обследований курсантов-спортсменов по методике «Стандартизированный многофакторный метод исследования личности» показал, что у курсантов-спортсменов циклических видов спорта большинство имеют профиль с повышением по шкалам 6, 8 и 9, что говорит о наличии у данной категории лиц ригидности, предрасполагающей к устойчивости интересов, упорству, способности к монотонии; индивидуалистичности; оптимистичности, активности в целом [1, 4].

У представителей игровых видов спорта наблюдаются пики по шкалам 4 и 9, свидетельствующие о выраженности импульсивности, проявляющейся в активной личностной позиции, решительности; высокой поисковой активности,

сопровождающейся нацеленностью на результат; соревновательности; позитивной самооценки; преобладании мотивации достижения и выраженности оптимистичности, проявляющейся в высоком уровне жизненного интереса, приподнятом настроении, ориентации на моторную активность. Низкие значения по шкале 0 свидетельствуют о высокой экстраверсии, что согласуется с данными методики ИТО. В совокупности такие показатели располагают к занятиям командными видами спорта.

Курсанты, занимающиеся единоборствами, имеют повышенные значения по шкалам 9 и 6 и низкие значения по шкале 0 (табл. 2), то есть для них характерны такие качества, как оптимистичность, ригидность и экстравертированность.

Таблица 2

Особенности профиля курсантов-спортсменов различных видов спорта по методике «Стандартизированный метод исследования личности» Л. Н. Собчик

Вид спорта	Циклические виды спорта	Игровые виды спорта	Единоборства
Повышенные шкалы по методике СМЛ (в порядке убывания значений)	6, 8, 9	4, 9	9, 6
Пониженные шкалы по методике СМЛ	—	0	0

Общую тенденцию для представителей всех видов спорта, продемонстрировавших ведущий пик по шкале 9, на наш взгляд, можно объяснить как чертой, характерной для возрастного периода (средний возраст по трем выборкам составляет 20 лет), так и некой общей чертой оптимистичности, склонностью к двигательной активности и подвижности, что может говорить не только о необходимом условии успешности в спорте, но и о более глубокой «сидящей» предрасположенности индивида к самореализации себя в спортивных видах

деятельности. Установленная закономерность подтверждается и результатами исследований Л. Н. Собчик [3, с. 147].

Анализ индивидуальных обследований по методике «Метод портретных выборов» во всех группах спортсменов показал наличие выраженности факторов d+ и m+, что, на наш взгляд, является характеристикой юношеского возраста, отражающей такие черты, как поиск нового, страстность, желание обладать объектом привязанности (табл. 3).

Преобладающие реакции по методике «Метод портретных выборов» Л. Н. Собчик у курсантов-спортсменов различных видов спорта

Вид спорта	Циклические виды спорта	Игровые виды спорта	Единоборства
Преобладающие реакции	s + (95 %) m + (80 %) d + (70 %)	m + (100 %) hy + (100 %) d + (95 %) s ± (60 %)	e – (85 %) m + (80 %) d + (75 %)

При рассмотрении преобладающих реакций в группах спортсменов по видам спорта была выявлена следующая закономерность. Для курсантов-спортсменов, занимающихся циклическими видами спорта, наиболее часто встречающимися реакциями являются s+, s+!, s+!!, которые отражают активную жизненную позицию, стремление к достижению успеха, вплоть до агрессивных форм самореализации. Данная реакция, по нашему мнению, не должна являться фактором, располагающим к определенному виду спорта, а должна присутствовать у всех спортсменов.

В группе курсантов-спортсменов, занимающихся игровыми видами спорта, наиболее часто встречающимися реакциями являются hy+, hy+! и s±. При этом hy+ отражает стремление показать себя, быть лучшим и, согласно концепции Л. Н. Собчик, принадлежность индивида ко второму типу. Встречающаяся реакция s± может свидетельствовать о реализации в спорте имеющихся неудовлетворенных потребностей в других сферах жизни.

В группе курсантов, занимающихся единоборствами, наиболее часто встречаются реакции e-, e-!, e-!!, свидетельствующие о накоплении грубых аффектов, которые разряжаются при борьбе. Данная тенденция также подтверждает превалирование 4-го типа у курсантов-спортсменов, занимающихся единоборствами.

Анализ индивидуальных обследований по методике «Метод цветового выбора» показал, что курсанты-спортсмены циклических видов спорта на первые позиции выбирают зеленый и красный цвета. При этом выбор зеленого цвета говорит о ригидности, педантичности, способности к монотонии, соответствующих психологическим характеристикам циклических видов спорта, а выбор красного цвета свидетельствует о наличии потребности доминировать, целеустремленности, что является необходимым фактором успешности спортсменов (табл. 4).

Таблица 4

Цвета, выбираемые курсантами-спортсменами на первых двух позициях по методике «Метод цветового выбора» Л. Н. Собчик

Вид спорта	Циклические виды спорта	Игровые виды спорта	Единоборства
Цвета, выбираемые на первых двух позициях второго выбора	Зеленый (95 %) Красный (70 %)	Желтый (80 %) Фиолетовый (75 %) Красный (60 %)	Красный (85 %) Зеленый (70 %)

Курсанты-спортсмены игровых видов спорта в качестве предпочитаемых цветов выбрали желтый, что свидетельствует о наличии потребности в широком спектре контактов, вовлеченности в различные сферы общения. Данное качество, на наш взгляд, является необходимым в игровых видах спорта, имеющих командный характер. Выбираемый курсантами-спортсменами игровых видов спорта фиолетовый цвет свидетельствует о наличии юношеского инфантилизма, эмоциональной незрелости, а выбор красного цвета – о потребности доминировать, целеустремленности, что является необходимым фактором успешности спортсменов.

Курсанты-спортсмены, занимающиеся единоборствами, в основном на первых позициях выбирают красный и зеленый цвета. При этом наибольшая доля выборов приходится на красный цвет, ввиду чего можно предположить, что у курсантов-спортсменов основными качествами, способствующими их эффективности в спорте, являются целеустремленность и наличие потребности доминировать.

Данные, полученные по методике «Метод цветового выбора», соответствуют результатам трех вышеперечисленных методик, а также вычислениям превалирующего типа (по методике ИТО), что позволяет говорить о преобладании качеств 3-го типа по Л. Н. Собчик у курсантов-

спортсменов, занимающихся циклическими видами спорта, 2-го типа – игровыми и 4-го типа – единоборствами.

В результате проведенного исследования установлено:

1) у курсантов-спортсменов, занимающихся циклическими видами спорта, преобладает 3-й тип по Л. Н. Собчик, характеризующийся такими индивидуально-типологическими особенностями, как ригидность, агрессивность, индивидуалистичность, более высокая выраженность интровертированности по сравнению с курсантами других видов спорта;

2) у курсантов-спортсменов, занимающихся игровыми видами спорта, преобладает 2-й тип по Л. Н. Собчик. Наиболее характерными индивидуально-типологическими особенностями являются экстравертированность, эмотивность, импульсивность, эмоциональная незрелость;

3) у курсантов-спортсменов, занимающихся единоборствами, преобладает 4-й тип по Л. Н. Собчик, характеризующийся такими индивидуально-типологическими особенностями, как агрессивность, спонтанность, экстравертированность, оптимистичность. Кроме того, фиксируется достаточно высокий уровень ригидности и тенденция к накоплению грубых аффектов;

4) общими признаками, характерными для спортсменов всех видов спорта, являются: наличие потребности в доминировании, экстравертированность, оптимистичность; тенденция к поискам нового и потребность обладания объектом привязанности являются признаками юношеского возраста.

Таким образом, выявленные индивидуально-типологические особенности эффективных курсантов-спортсменов могут быть использованы как критерии ориентации первокурсников в группы спортивного совершенствования по видам спорта. Дальнейшее исследование с целью дифференциации курсантов по группам спортивного совершенствования планируется продолжить в направлении разработки программ спортивной ориентации.

Дальнейшее исследование с целью дифференциации курсантов по группам спортивного совершенствования планируется продолжить в направлении разработки программ спортивной ориентации.

Список литературы

1. Аксенова Г. И., Кожевникова Е. Н. Теоретические подходы к проблеме жизненных стратегий условно осужденных несовершеннолетних // Прикладная юридическая психология. 2014. № 3. С. 39–47.
2. Романова О. В. Роль акцентуаций характера в спортивной деятельности : дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2009. 162 с.
3. Собчик Л. Н. Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. СПб., 2008. 624 с.
4. Ушатиков А. И., Ганишина И. С. Использование знаний по прикладной криминальной психологии в деятельности психолога-практика уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 2. С. 104–108.
5. Физическая подготовка в учреждениях высшего профессионального образования : учеб. пособие : в 2 ч. Рязань, 2014.

NIKOLAY VIKTOROVICH ANKUNDINOV,

phd in pedagogics,
head of the physical training and sports department,
e-mail :ankudinov.nik@list.ru;

ALEKSANDRA ANATOLYEVNA ZHARKIH,

phd in psychology sciences,
senior lecturer of the general psychology department;

ANDREI ANDREEVICH TRUNTYAGIN,

senior lecturer of the physical training and sports department
(Academy of the FPS of Russia)

© Ankudinov N. V., Zharkih A. A., Truntyagin A. A., 2015

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF CADETS ATHLETES

Annotation: now for the universities of the Federal penitentiary service of Russia rather actual is the development of the technology of psychological support for students-athletes, taking into account individual-typological characteristics of their personality.

In the period from 2013 to 2014 at the Academy of the Federal penitentiary service of Russia with the use of research methods: observation, interview, assessment, testing using block methods L. N. Sobchik: «Individually-typological questionnaire (ITO), Standardized method of personality research» (SMIL), «portrait Method

election» (IPOs) and «Method of the color of the elections» (MTV), the research is conducted of individual-typological characteristics of students-athletes who have achieved the highest results in favorites sport: circular (cross-country skiing, athletics), games (football, volleyball), combat (melee combat Sambo).

The results of the study are associated with the theory of the leading tendencies of L. N. Sobchik, who distinguishes the four most common personality types, depending on the level of expression of the major tendencies that allowed us to identify experimentally the most common personality types of students-athletes, successful in certain sports.

It is typical for the students-athletes involved in cyclic sports to have domination by the 3rd type, which is characterized by such individual-typological characteristics, such as rigidity, aggressiveness, individualistically, a higher degree of interventionist compared to students of other sports.

Students-athletes involved in team sports are characterized by the predominance of the 2nd type. The most typical individual-typological features are extravertibility, emotiveness, impulsivity, emotional immaturity.

Students-athletes involved in martial arts are characterized by the predominance of the 4th type, which is characterized by such individual-typological characteristics, such as aggressiveness, impulsivity, extravertibility, optimism, high rigidity and a tendency to the accumulation of coarse affects.

General characteristics common to effective athletes of all sports are: the need for domination, extravertibility, optimism.

The finding individual-typological characteristics of the effective in various sports students-athletes, which received in high schools of FSIN, may be used as a criterion of the sport orientation for various sports fields of the groups of sports perfection.

Key words: students-athletes, formation of groups of sports improvement, theory leading trends by L. N. Sobchik, individually-typological features of personality, introversion, extraversion, sensitivity, spontaneity, anxiety, stanchest, P.S. emotiveness, rigidity.

References

1. Aksenova G. I., Kozhevnikova E. N. Teoreticheskie podkhody k probleme zhiznennykh strategii uslovno osuzhdennykh nesovershennoletnikh [Theoretical approaches to the question of life strategies of underage teenagers under suspended sentence]. *Prikladnaia iuridicheskaya psikhologiya – Applied legal psychology*, 2014, no. 3, pp. 39–47.
2. Romanova O. V. Rol' akcentuatsii haraktera v sportivnoi deyatelnosti. Dis. kand. psychol. nauk [The meaning of character aksentuations in sports activity. Cand. psychological sci. diss.]. St. Petersburg, 2009. 162 p.
3. Sobchik L. N. Psihologiya individual'nosti [The identity psychology]. St. Petersburg, 2008. 624 p.
4. Ushatkov A. I., Ganishina I. S. Ispol'zovanie znaniy po prikladnoi kriminal'noi psikhologii v deyatelnosti psihologa-praktika ugolovno-ispolnitel'noi sistemy [Use of Knowledge of Criminal Applied Psychology of in Activity of the Psychologist of Penal System]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo – Penal law*, 2014, no. 2, pp. 104–108.
5. Fizicheskaya podgotovka v uchrezhdeniyah vysshego professional'nogo obrazovaniya [Physical training in institutions of the higher professional education]. Manual in 2 parts. Ryazan, 2014. 164 p.

УДК 159.9:351.74
ББК 88.472
В22

ВИКТОРИЯ ВЛАДИМИРОВНА ВАХНИНА,
кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры психологии, педагогики
и организации работы с кадрами
(Академия управления МВД России),
e-mail: vikavahnina@mail.ru
© Вахнина В. В., 2015

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СТРАТЕГИЙ И ТАКТИК ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСОВ В ПЕРЕГОВОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Реферат: предупреждению и преодолению кризисов переговорной деятельности сотрудников способствует правильный выбор и реализация стратегий, основанных на диагностике всех специфических характеристик переговорной деятельности. Система основных переговорных стратегий в кризисных ситуациях, связанных с фактом совершения преступления, выделяет стратегии, основанные на отличительных принципах поведения: эмоциональные – «давление» и «помощь», ориентированные на отношения между сторонами, и рациональные – «авторитет» и «аргументы», в большей степени связанные с сообщением. Реализация стратегий ведения переговоров в различных кризисных ситуациях во многом предопределяется уровнем профессионально-психологической подготовленности сотрудников, так как высокий уровень подготовленности переговорщика способствует успешной реализации избранной стратегии ведения переговорного процесса с преступниками. Сотрудники органов внутренних дел, включенные в группу ведения переговоров, должны уметь выделять основные признаки кризиса переговоров, так как в период кризиса переговоров с преступниками для давления на сотрудников часто используется физическое насилие над заложниками или сопровождается гибелью части из них.

При определении стратегии ведения переговоров необходимо принимать во внимание факторы, от которых может зависеть начало, ход и результат переговоров. Неэффективное применение переговорных стратегий может подорвать доверие к полиции и переговорщику, нанести моральный урон и сформировать реальную угрозу жизни и безопасности заложников.

Ключевые слова: переговорная деятельность, стратегии переговоров, переговорные тактики, переговорщики, сотрудники органов внутренних дел, кризисные ситуации, группа ведения переговоров.

Стратегия переговоров определяется целью и характером взаимодействия с преступником, выбором тактики поведения и средств переговорного процесса для достижения цели, значимой для органов внутренних дел, или существенного продвижения к ней. Ведение переговоров и преодоление кризисной ситуации в них часто направлено на решение таких задач, как: выиграть время и собрать оперативно значимую информацию, оказывать адекватное психологическое влияние на поведение преступников.

Переговорные стратегии, как правило, определяются руководителем операции (начальником оперативного штаба), но выбор тактики их ведения осуществляет руководитель группы ведения переговоров, что дает возможность проявить инициативу и творчество сотрудникам, ведущим переговоры (особенно важно наличие антикризисной переговорной компетентности). Антикризисная переговорная компетентность сотрудников органов внутренних дел – это динамически изменяющееся профессионально значимое интегральное личностное образование,

состоящее из личностных качеств, навыков и умений, предопределяющее сознательное отношение и конструктивное построение антикризисного переговорного процесса. Для ее развития необходимо умение вести вербальный и невербальный обмен информацией, проводить диагностирование психологических свойств и качеств собеседника, определять эффективные стратегии, тактики и психотехники, взаимодействовать с субъектами переговоров, организовывать совместную коммуникативную деятельность для достижения определенных целей переговоров.

При построении тактики переговоров важно заранее планировать мероприятия по основным этапам переговорного процесса, чтобы достигать диалогичности во взаимодействии, обеспечивать взаимопонимание или, напротив, целенаправленно усиливать противоречия, в том числе для противопоставления одной части группы террористов другой. Именно последнее, как свидетельствует переговорная практика, дает высокую эффективность

проведения спецоперации за счет тактики воздействия, позволяющей «разбить фронт» группы преступников, склонить часть из них к отказу от противоправного поведения. Это происходит тогда, когда было целенаправленное изучение психологических особенностей личности участников преступной группы и характера складывающихся между ними взаимоотношений (индивидуальное и групповое портретирование), выявление индивидуальных и групповых ситуативных интересов, определение сплоченности и выявление среди участников лидера преступной группы, что позволяет определить слабое звено среди них.

Нами были изучены различные переговорные стратегии, используемые в кризисных переговорных ситуациях. Выделялись кризисные ситуации и исследовались переговорные стратегии с учетом особенностей поведения и взаимоотношений субъектов переговорного процесса. Были выделены две переменные, которые могут повлиять на эффективность использования выявленных основных четырех переговорных стратегий (аргумент, помощь, авторитет, давление): тип кризисной ситуации и социально-психологические особенности личности преступника.

Первая стратегия – «помощь» – основана на предложении помощи. Основной психологический принцип – симпатия, демонстрация открытости, возможность оказаться под влиянием других, проявление эмпатии, понимания, сопереживания. Тактики, используемые в рамках данной стратегии: стараться удерживать как можно дольше коммуникативный контакт с преступником, показать готовность слушать и проявлять понимание к кому-то в связи с положением других. Они включают в себя компонент – «эквивалент подобия», который является одним из образцов оказания психологического влияния. Переговорщик имеет значительные возможности, чтобы повлиять на отношение преступника. Психологическое влияние усиливается, когда переговорщик в чем-то похож с преступником (такой индивид вызывает большую симпатию), чем когда последний рассматривает его как противоположного себе. Тактики, которые подпадают под эту стратегию: передача собственного опыта, создание внешнего врага и подчеркивание взаимозависимости. Компонент «эмоциональная привлекательность» формирует личностное отношение, воздействует на чувства, ценности, идеалы и самооценку преступника. Тактики, которые используются при данной стратегии: обращение к чувству справедливости и доброты, удовлетворение, по возможности, потребностей преступника и демонстрация сочувствия. Переговорщик предлагает решение или возможность сделать выбор, чтобы переключить внимание преступника на

других (например, членов семьи) и обратить внимание на последствия для них.

Стратегия «давление» основана на эмоциональном прессинге со стороны переговорщиков. Компонент «запугивание» позволяет использовать приемы устрашения: тому, кто не соглашается на просьбы или требования, надо навязать свои встречные условия. Проявляются различные тактические приемы, связанные с внутренней силой, волевым характером переговорщика, в частности, предупреждения, угрозы и личные нападки. Указанная стратегия значительно ограничивает выбор преступника, что выделяет данную стратегию среди стратегий влияния и принуждения. Компонент «прямое давление» имеет относительно нейтральный характер и не обладает убедительными аргументами или угрозами запугивания. Тактика, которая попадает под эту технику, – целенаправленно выдвигаемые требования: продолжать повторять, пока не будет хотя бы некоторых эффектов изменения поведения. Другая тактика состоит из диалога по свершившимся фактам таким образом, что преступник должен вести переговоры с целью избежать этого действия. Компонент «налагаемое ограничение» предполагает отказ от предоставления чего-либо преступникам, если они не совершат каких-либо действий.

Стратегия «авторитет». Компонент «авторитет»: основной принцип – доверие к источнику сообщения. В исследованиях по влиянию отмечается, что доверие является важным фактором для успеха. Приемы и методы данной стратегии – достоверность и надежность. Используется ресурс, который есть у переговорщика в распоряжении, например, преступник знает, что социальное положение и возможности переговорщика позволяют справиться с кризисной ситуацией и ему можно доверять, быть уверенным, что требования будут выполняться. Компонент «легитимность» является косвенной формой влияния. Переговорщик ссылается на существующие правила, законы и процедуры. Кроме того, на переговорах для обеспечения выполнения определенных правил оказывается влияние на нравственные устои, определенные ценности и моральные принципы преступников.

Стратегия «аргументы» основана на компоненте «рациональное убеждение». Цель данной стратегии – изменение отношения. Переговорщик пытается путем использования логики и фактической информации убедить преступника, что выполнить требования возможно, но в соответствии с общими целями. Важную роль выполняют логические рассуждения и веская аргументация.

Многие эксперты (имевшие опыт более 10 переговоров) отмечали при опросе, что значитель-

ный эффект дает неожиданный для другой стороны «аргумент», предложенный в виде метафоры, так как эффект во многом зависит от импровизационных возможностей ведущего переговоры, конкретных обстоятельств развития переговорной ситуации.

При отстаивании своих позиций в переговорах стороны оказывают друг на друга воздействие психологического характера. Следует особенно отметить, что воздействовать психологически могут различные факторы: возникновение и развитие стрессовой ситуации, личные нападки (угрозы) или позиционное давление (уступки только от одной стороны), отказ от переговоров, чрезмерные требования (занижение ожиданий), эскалация требований, шантаж (блеф), затягивание времени.

Негативным следствием затягивания времени переговоров является то, что жертвы с преступником могут совместно испытывать негативные чувства к представителям власти (возникает так называемый стокгольмский синдром). Кроме того, с увеличением определенного временного промежутка даже опытные переговорщики сталкиваются с усилением психологического воздействия со стороны преступников, в том числе из-за эскалации напряженности, с их стороны могут быть также импульсивные реакции [1, с. 107].

Психологическое воздействие на преступника, действия которого представляют опасность для сотрудника органов внутренних дел, предшествует силовым мерам воздействия. Успешность действий в кризисной ситуации зависит от целостной психологической оценки переговорщиком личностных особенностей и физических возможностей преступника, его целей и мотивов поведения. Обоснованный психологический портрет позволяет прогнозировать поведение преступника на основе учета его личностных качеств, выбрать эффективные способы психологического воздействия для пресечения противоправного поведения.

В целях выбора оптимальной переговорной стратегии и тактики учитываются психологические характеристики, из которых обычно составляется психологический портрет преступника или группы преступников. При ведении переговоров можно узнать о целях, причинах, мотивах преступника и обстоятельствах, обусловивших возникновение данного преступления. Указанная информация необходима как для анализа происходящего, моделирования дальнейшего развития событий, упреждения действий преступника, так и для выработки профилактических мер по предупреждению преступлений. Знание психологических основ поведения в переговорном процессе конфликтующих сторон, психологических меха-

низмов их взаимодействия – одно из условий успешного управления этим процессом.

Определяя тактику и стратегию дальнейшего ведения переговоров, переговорщик учитывает не только особенности стратегии, выбранной преступником, но и возможности управления кризисной ситуацией, чтобы использовать тактику, которая выгодна инициатору рефлексивного управления [2, с. 5]. Преступник должен думать, что именно это поведение является наилучшим, что он сам его выбрал, что это он заставил действовать правоохранительные органы в выгодном для себя направлении и именно таким образом лучше реализовать свои замыслы.

Рефлексивная составляющая в переговорном процессе заключается в возможности представить последовательность хода рассуждений взаимодействующих сторон, а также их последующее поведение на основании получаемой информации, имеющихся возможностей и целей, поставленных перед участниками переговоров. Результатом рефлексивного анализа является выбор оптимальной переговорной стратегии. Эффективный рефлексивный анализ строится на основе имеющегося профессионального опыта переговорщика, наличия комбинаторного мышления, объема получаемой информации и оптимальной ее реализации. Важность рефлексивного анализа, то есть попытки мысленно встать на позицию противостоящей стороны и осознать мотивы ее требований, способы их удовлетворения в ходе переговоров, приемлемые для обеих сторон, заключается в возможности достичь целей переговоров.

Использование различных переговорных стратегий влияет на результат переговоров и позволяет стабилизировать кризисную ситуацию. При выборе стратегии переговоров полиция, переговорщики часто полагаются на личный опыт и интуицию, так как «переговорщик может использовать различные методы, синтезируя их, если один метод не оказался эффективным, то необходимо использовать другой, а затем повторить технику» [3, с. 14].

Помимо основной цели переговоров – освобождение заложников – могут существовать и другие цели, которым характерны соответствующие стратегии и риски возникновения кризисов. Например, если цель переговоров – уточнить наличие заложников, то возможно применение всех стратегий, кроме давления. Определяющими принципами преодоления кризисов переговорной деятельности сотрудников органов внутренних дел являются: ориентация на широкое использование переговорных стратегий, различных средств коммуникации и психотехник при минимизации критики и угроз; сочетание прогноза развития кризиса с готовностью к его негативному развитию; нацеленность на профессиональные интересы; кон-

троль эмоционального состояния; допустимый уровень открытости к оппоненту.

Таким образом, выбор стратегии ведения переговоров базируется на уровне подготовки и опыте

переговорщика, учете ситуационных переменных и личностных особенностей преступников; наличии или отсутствию агрессии (реактивной – конструктивной) и особенностях угроз.

Список литературы

1. Кроз М. В., Ратинова Н. А. Криминальное психологическое воздействие : учеб. пособие / под науч. ред. О. Д. Ситковской. М., 2014. 168 с.
2. Цырельчук Н. А., Цырельчук Н. И., Цырельчук Н. Н. Рефлексивное управление : монография. Минск, 2008. 512 с.
3. Tinsley C. H. How negotiators get to yes: Predicting the constellation of strategies used across cultures to negotiate conflict. 2011. 132 p.

VICTORIA VLADIMIROVNA VAKHNINA,

phd in psychology, associate professor,
associate professor of the psychology, pedagogics and the organization of work with shots department
(Academy of the department of MIA of Russia),
e-mail: vikavahnina@mail.ru
© Vahnina V. V., 2015

PSYCHOLOGICAL SUPPORT OF STRATEGY AND TACTICS OF OVERCOMING THE CRISES IN NEGOTIATION ACTIVITIES OF THE LAW-ENFORCEMENT OFFICERS

Annotation: crisis prevention and management of negotiation activities of employees are facilitated by the right choice and implementation of strategies based on diagnostics of all specific characteristics of negotiation activities. The system of basic negotiation strategies in crisis situations related to the fact of committing a crime identifies the strategies based on the distinctive principles of behavior: the emotional – «pressure» and «assistance» are focused on the relationship between the parties and rational – the «authority» and «arguments» are more associated with the message. Implementation of negotiating strategies in various crisis situations is in many respects predetermined by the level of professional and psychological readiness of employees because the high level of readiness of a negotiator contributes to the success of the chosen strategy of conducting negotiations with criminals. Employees of interior affairs bodies included in the negotiating group should be able to highlight the main signs of negotiations crisis because during the crisis of negotiations the physical violence over hostages, which may be followed by the death of some of them, is often used by the criminals to put pressure on the employees.

When determining negotiating strategy it is necessary to take into account the factors, which may affect the beginning, the course, and outcome of negotiations. Inefficient use of negotiation strategy could undermine the credibility of police and of the negotiator, cause moral damage and create a real threat to the lives and safety of the hostages.

Key words: negotiation activity, strategy of negotiations, negotiation tactics, negotiators, staff of law-enforcement bodies, crisis situations, group of negotiating.

References

1. Kroz M. V., Ratinova N. A. Kriminal'noe psihologicheskoe vozdejstvie [Criminal psychological influence]. Under editorship of O. D. Sitkovskaja. Moscow, 2014. 168 p.
2. Cyrel'chuk N. A., Cyrel'chuk N. I., Cyrel'chuk N. N. Refleksivnoe upravlenie [Reflexive management]. Minsk, 2008. 512 p.
3. Tinsley C. H. How negotiators get to yes: Predicting the constellation of strategies used across cultures to negotiate conflict. 2011. 132 p.

УДК 343.83
ББК 67.409.022
М37

АЛЕКСАНДР ИГОРЕВИЧ МАЧКАСОВ,

кандидат юридических наук,
заместитель начальника научного центра,
начальник научно-исследовательского отдела,
e-mail: academynio@yandex.ru;

ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПАНАРИН,

кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника академии по работе с личным составом,
e-mail: panarin.1979@mail.ru;

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ ПАРШКОВ,

кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела
научного центра
(Академия ФСИН России),
e-mail: academynio@yandex.ru

© Мачкасов А. И., Панарин Д. А., Паршков А. В., 2015

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ
В СФЕРЕ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ
И УКРЕПЛЕНИЯ СЛУЖЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ СРЕДИ ЛИЧНОГО СОСТАВА
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ФСИН РОССИИ**

Реферат: в современных условиях развития и формирования институтов гражданского общества, правового демократического государства, правовой системы, реализации курса на неукоснительное обеспечение прав и свобод человека и гражданина одним из главных приоритетов деятельности Федеральной службы исполнения наказаний является формирование высокопрофессионального кадрового состава, способного быстро и эффективно решать задачи, поставленные перед органами и учреждениями уголовно-исполнительной системы, обществом и государством. Все это напрямую связано с формированием у сотрудников высоких профессионально-нравственных качеств, укреплением морально-психологического климата, служебной дисциплины и законности в подразделениях и в конечном счете диктует необходимость повышения эффективности воспитательной работы с личным составом, определения новых приоритетов в данной работе, совершенствования организационно-штатной структуры подразделений, осуществляющих воспитательную работу с личным составом, и обеспечения их оптимального финансирования.

В статье предпринята попытка отразить основные направления повышения эффективности деятельности субъектов воспитательной работы в сфере укрепления служебной дисциплины и профилактической работы среди личного состава образовательных организаций ФСИН России.

Результаты проведенного исследования, изложенные в статье, используются и могут быть использованы при организации занятий в рамках служебно-боевой подготовки с личным составом, а также при проведении индивидуальной воспитательной работы с сотрудниками образовательных организаций ФСИН России.

Ключевые слова: территориальные органы Федеральной службы исполнения наказаний, уголовно-исполнительная система, воспитательная работа в уголовно-исполнительной системе, образовательные организации ФСИН России, субъект воспитательной работы, профилактика правонарушений, укрепление служебной дисциплины среди личного состава.

В настоящее время важным фактором оптимизации системы государственного управления является реализация комплекса мер, направленных на укрепление служебной дисциплины и соблюдение законности, поэтому усиление контроля со стороны руководства

ФСИН России за состоянием служебной дисциплины и законности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы является необходимым условием повышения эффективности их деятельности. На наш взгляд, данный постулат особенно важен в образовательных организациях

ФСИН России, основной задачей которых является подготовка высококвалифицированных кадров.

В этих целях авторским коллективом Академии ФСИН России (О. Н. Важенин, А. И. Мачкасов, Д. А. Панарин, А. В. Паршков, А. Н. Резепов) подготовлен аналитический обзор «Оценка эффективности деятельности субъектов воспитательной работы Академии ФСИН России в сфере профилактики правонарушений и укрепления служебной дисциплины среди личного состава», в котором рассмотрено современное состояние воспитательного процесса в сфере профилактики правонарушений и укрепления служебной дисциплины среди личного состава академии, а также подготовлен комплекс мер организационно-правового характера по повышению эффективности деятельности субъектов воспитательной работы в сфере профилактики правонарушений и укрепления служебной дисциплины среди личного состава образовательных организаций ФСИН России.

В частности, авторы обзора отмечают, что во ФСИН России действует Кодекс этики и служебного поведения сотрудников и федеральных государственных гражданских служащих уголовно-исполнительной системы, утвержденный приказом ФСИН России от 11 января 2012 г. № 5 [1]. С учетом современного состояния государственной службы и весьма невысокого уровня доверия к ней со стороны населения разработка подобного рода документа является крайне востребованной.

Сегодня служебный этикет сотрудников органов и учреждений уголовно-исполнительной системы основывается только на традициях и ритуалах, которые были заложены еще в дореволюционный и советский периоды. В настоящее время он незнаком подавляющему большинству сотрудников, так как личностное формирование многих из них происходило в то время, когда отсутствовала официальная идеология, был низкий эффект от социально-нравственного воспитания в государстве, на многих интенсивно оказывали влияние законы стихийного «псевдорынка». Все это привело к тому, что некоторые из них вообще не считают необходимым бескорыстное общественное служение обществу и государству. Четкий уставной порядок, строго регламентированные отношения, субординация и служебный этикет – для них пустое место. Тезис о том, что уставы и наставления (воинские и др.) «написаны кровью», у большинства из них вызывает ироническую реакцию и психологическое отторжение. Так, проведенные в Академии управления МВД России исследования показали, что каждый третий погибший или раненый сотрудник при исполнении служебных обя-

занностей стал жертвой сознательного пренебрежения требованиями служебной дисциплины и мер безопасности [2, с. 351].

Следует отметить, что соблюдение служебной дисциплины и законности не является гарантией повышения показателей эффективности служебной деятельности. Существует множество других аспектов, которые необходимо учитывать. К ним, на наш взгляд, можно отнести: правильную и грамотную организацию труда в коллективе, уровень профессионализма и ответственности работников, корректность и необходимость самих формулировок показателей эффективности выполнения государственных функций [3, с. 63–64].

Эффективность деятельности сотрудников, организующих воспитательную работу в образовательных организациях ФСИН России и реализующих в своей деятельности четкую систему по укреплению правопорядка, зависит от целого ряда объективных и субъективных факторов, к которым следует относить:

осознание личным составом первостепенной важности служебной дисциплины в целом и личной дисциплинированности в частности, убежденность в жизненной необходимости строгого и точного соблюдения сотрудниками установленных законом норм и правил;

знание тех правил поведения, которые необходимо выполнять и соблюдать, умение, навык и воля соблюдать их строго и точно;

акцентирование внимания на межличностных взаимоотношениях сотрудников, на отношении коллектива к дисциплине, а также на отношениях руководителей и подчиненных;

соблюдение уставного порядка, который, к сожалению, многие отождествляют лишь с внутренним порядком в структурном подразделении, что в корне противоречит интересам дела;

благоприятные условия в семье, образовательной организации, обществе в целом.

Необходимо грамотно и правильно использовать дисциплинарную практику. Не надо скупиться на доброе слово в отношении подчиненного. Нельзя также оставлять без внимания ни одного случая нарушения служебной дисциплины и при необходимости строго и принципиально взыскивать с нарушителей. В этом плане особую роль играет умелая индивидуально-воспитательная работа, которая является одним из наиболее действенных методов воспитания личного состава. Эта работа сродни искусству. Она требует настойчивости, терпения, немалых педагогических навыков, знания психологии.

Считаем, что в целях повышения эффективности деятельности субъектов воспитательной работы в

сфере профилактики правонарушений и укрепления служебной дисциплины в образовательных организациях ФСИН России необходимо разработать комплексную программу профилактики правонарушений и укрепления законности среди личного состава образовательных организаций ФСИН России.

В качестве целей программы предлагаем закрепить:

организацию профилактики и предупреждения преступлений среди личного состава, чрезвычайных происшествий;

постоянное поддержание служебной дисциплины и законности в коллективах сотрудников, позволяющее им качественно выполнять поставленные оперативно-служебные задачи.

К основным задачам программы возможно отнести следующие:

неукоснительное и точное соблюдение сотрудниками требований Конституции Российской Федерации, законодательства Российской Федерации, ведомственных нормативных актов при выполнении оперативно-служебных задач, а также в повседневной жизни;

постоянное поддержание правопорядка в структурных подразделениях, обеспечение неукоснительного исполнения всеми сотрудниками требований нормативных правовых актов;

воспитание у личного состава сознательного отношения к гражданскому и служебному долгу сотрудника уголовно-исполнительной системы, формирование правового сознания и правовой культуры сотрудников, выработка у них навыков соблюдения законности и правопорядка;

создание стройной системы, направленной на формирование и повышение уровня психолого-педагогической компетентности руководителей структурных подразделений академии;

повышение эффективности профессионального психологического отбора на службу в академию, а также психологического сопровождения работы с личным составом;

обеспечение личной ответственности каждого сотрудника образовательной организации ФСИН России за исполнение своих должностных обязанностей, требований служебной дисциплины и законности, норм профессионально-служебной этики.

Целевые индикаторы программы предлагается разбить на три блока:

уровень соблюдения служебной дисциплины сотрудниками;

оценка состояния служебной дисциплины и профилактики чрезвычайных происшествий в структурных подразделениях;

состояние работы структурных подразделений по поддержанию служебной дисциплины и законности.

При этом следует минимизировать возможность злоупотреблений отчитывающихся. В настоящее время такая система в ее полном смысле еще не выстроена, и в большей мере это относится именно к правоохранительной службе. В результате сотрудники находят различные лазейки, искусственно набирая желаемый показатель [4].

Система целевых индикаторов должна служить ориентирами в профилактической работе. На каждый период необходимо установить пороговые и последовательно уменьшаемые (увеличиваемые) значения целевых индикаторов. При таком подходе и у руководителя, и у подчиненных появится осмысленное желание сообща достигать эти целевые индикаторы.

Для получения объективной картины, стимулирования руководителей и справедливого распределения их ответственности за профилактический сектор необходимо отойти от изжившей себя практики, когда состояние законности оценивается только путем сравнения количественных показателей в абсолютных цифрах (между отчетными периодами).

Основой системы целевых индикаторов должно стать определение удельного веса по каждой позиции рисков и негативных факторов, который подсчитывается исходя от их общего количества к численности подразделения.

Учитывая постоянную переменность численности личного состава, удельный вес по каждой позиции системы целевых индикаторов предлагается определять ежемесячно. Это позволит определять средний показатель удельного веса за любой период на протяжении года (квартал, полугодие, учебный или календарный год) путем деления суммы ежемесячных показателей на число анализируемых месяцев.

К целевым индикаторам, на наш взгляд, следует отнести:

- общий уровень правонарушений;
- уровень травматизма, в том числе в результате неуставных взаимоотношений; отсутствия безопасных условий на рабочем месте;
- удельный вес правонарушений (на 1000 чел.);
- количество сотрудников, прошедших нарко- и психотестирование;
- удельный вес коррупционных правонарушений;
- количество административных правонарушений, совершенных личным составом в связи со службой и вне ее;

- количество совершенных дисциплинарных проступков и их повторность;
- количество дорожно-транспортных происшествий с участием личного состава на личном или служебном транспорте, в том числе повлекших за собой: причинение вреда здоровью людей или их гибель; причинение значительного ущерба образовательной организации;
- оценку состояния служебной дисциплины и профилактики чрезвычайных происшествий;
- состояние работы по поддержанию служебной дисциплины и законности;
- количество воспитательных мероприятий с личным составом;
- оценку личным составом уровня профилактической работы в образовательной организации;
- уровень правовой грамотности личного состава;
- уровень нормативно-правового обеспечения профилактической работы в образовательной организации;
- уровень взаимодействия образовательной организации с правоохранительными органами, органами власти и местного самоуправления, общественными организациями в сфере укрепления служебной дисциплины и законности и др.

Список литературы

1. Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2012. № 4.
2. Сафронов А. Д. Преступность в России и криминальная безопасность органов внутренних дел. М., 2003. 415 с.
3. Павленко К. А. Служебная дисциплина в системе правоохранительной службы Российской Федерации : монография. Воронеж, 2012. 174 с.
4. Лысенко – жертва? Эксклюзивное признание оперативника УБЭП. URL: <http://riasar.ru/investigation> (дата обращения: 20.03.2015).

В заключение отметим, что в настоящее время идет масштабная модернизация системы воспитательной работы с личным составом в органах и учреждениях ФСИН России. В образовательных организациях ФСИН России эта работа в первую очередь направлена:

- на выработку у сотрудников уголовно-исполнительной системы комплекса гражданских, духовно-нравственных и иных профессионально значимых качеств для выполнения оперативно-служебных задач;
- подготовку сотрудников новой формации, способных решать задачи по охране правопорядка в современных условиях развития гражданского общества, а также готовых соблюдать конституционные права человека и гражданина и на практике осуществлять их эффективную защиту;
- формирование у сотрудников уголовно-исполнительной системы высокой антикоррупционной устойчивости, а также надежного иммунитета к профессионально-нравственной деформации личности в условиях выполнения поставленных оперативно-служебных задач.

ALEXANDER IGOREVICH MACHKASOV,

phd in law,
deputy head of the science department, head of the research department,
e-mail: academynio@yandex.ru;

DMITRY ALEXANDROVICH PANARIN,

phd in law, associate professor,
deputy chief of the academy in extra-curricular activity,
e-mail: panarin.1979@mail.ru;

ALEXANDER VLADIMIROVICH PARSHKOV,

phd in law,
senior researcher of the research department of the science department
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: panarin.1979@mail.ru

© Machkasov A. I., Panarin D. A., Parshkov A. V., 2015

SOME ASPECTS OF IMPROVEMENT OF EDUCATION IN THE SPHERE OF CRIME PREVENTION AND DISCIPLINE PROMOTION AMONG STAFF OF THE EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE FPS OF RUSSIA

Annotation: in contemporary conditions of development and forming of civil society institutions, democratic state, modern legal system, strict observance of human and civil rights and freedoms one of the principle priori-

ties of FSIN is forming of highly professional staff able to solve objectives set by the society and state for bodies and institutions of penal system quickly and effectively.

All this is directly related to the forming of high professional and moral qualities of the staff, improvement of morale, discipline promotion and legality in units, and ultimately dictates the need to improve educational work with the staff, set new priorities in this work, improve the organizational structure of the structural units engaged in educational work with staff, and provide for their optimal funding.

The article uncovers certain aspects of discipline promotion and rule-of-law system in educational institutions of the FPS of Russia in contemporary conditions.

Key words: territorial bodies of the FPS; penal system; education in penal system; educational institutions of the FPS of Russia; subject of education in the sphere of crime prevention and discipline promotion among staff.

References

1. Vedomosti ugovovno-ispolnitel'noj sistemy – Sheets of criminal and executive system, 2012, no. 4.
2. Safronov A. D. Prestupnost' v Rossii i kriminal'naja bezopasnost' organov vnutrennih del [Crime in Russia and criminal safety of law-enforcement bodies]. Moscow, 2003. 415 p.
3. Pavlenko K. A. Sluzhebnaia disciplina v sisteme pravoohranitel'noj sluzhby Rossijskoj Federacii [Office discipline in system of law-enforcement service of the Russian Federation]. Voronezh, 2012. 174 p.
4. Lysenko – zhertva? Jekskljuzivnoe priznanie operativnika UBJeP [Lysenko – the victim? Exclusive recognition of the field investigator of management on fight against economic crimes]. Available at: <http://riasar.ru/investigation> (Accessed 20 March 2015).

**ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ
В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ «ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»**

1. Общие положения

1.1. Настоящие требования разработаны с учетом критериев Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России для включения научных изданий в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, индексируемых систем цитирования Scopus, Российский индекс научного цитирования и являются обязательными к исполнению всеми авторами без исключения.

1.2. Каждый автор, подавший статью для опубликования в редакцию научного журнала «Человек: преступление и наказание» (далее – редакция, журнал соответственно), тем самым выражает свое согласие на указание в открытом свободном доступе на любых интернет-ресурсах, выбираемых по усмотрению редакции, на русском и английском языках его фамилии, имени, отчества, ученых звания и степени, должности, места работы и контактной информации (e-mail), названия, реферата, ключевых слов статьи и ссылок на использованные источники. При этом он несет ответственность за точность и достоверность предоставленных персональных данных, корректность их перевода на английский язык.

1.3. Все поступающие в редакцию статьи проходят обязательное рецензирование (экспертизу), авторам не возвращаются. Авторское вознаграждение не выплачивается. В случае принятия решения о невозможности публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

1.4. Редакция поддерживает связь с авторами только по указанной ими электронной почте (e-mail). При этом редакция не несет ответственности за недостоверность предоставленного ей адреса электронной почты и мер к поиску иных способов связи с авторами не предпринимает. В случае если автор не отвечает в течение более чем 1 месяца на запросы редакции, его статья снимается с публикации.

1.5. Плата за публикацию статей в журнале не взимается.

1.6. Статьи, представленные в редакцию с нарушением настоящих требований, к опубликованию не принимаются и возвращаются авторам на доработку.

2. Порядок представления статей

2.1. Статьи принимаются по адресу: 390036, г. Рязань, ул. Сенная, 1, редакционно-издательский отдел Академии ФСИН России, тел.: (4912) 93-46-40 (факс), 93-82-42 – в распечатанном и электронном виде (по электронной почте (e-mail): editor62@yandex.ru).

2.2. Представляемый в редакцию электронный файл статьи должен быть назван по фамилии автора (авторов), например: «Петров.doc», «Петров, Иванов.doc»; графические файлы, прилагаемые к статье, – по фамилии автора (авторов) с указанием номера рисунка, например: «Петров. Рисунок 1.jpg», «Петров, Иванов. Рисунок 1.jpg».

2.3. Статьи адъюнктов, аспирантов, соискателей должны быть согласованы с научным руководителем автора. Такое согласование может быть выражено в виде положительной рецензии научного руководителя (представляется в распечатанном либо электронном виде) или его подписи в конце статьи с пометкой «Согласовано».

3. Требования к набору текста статьи

3.1. Текст статьи набирается в программе «Microsoft Word» в форматах «.doc», «.docx», на листе бумаги формата А4, шрифтом «Times New Roman (Cyr)», 14-м кеглем, абзацный отступ – 1,25 см, через 1,5 интервала с полями: верхнее и нижнее – 2 см, левое – 3 см; правое – 1,5 см.

3.2. Объем статьи без учета фамилии, имени, отчества, ученых звания и степени, должности, места работы и контактной информации (e-mail) автора, названия, реферата, ключевых слов, ссылок на использованные источники, в том числе переведенных на английский язык, не должен превышать 10 страниц.

3.3. Графики, схемы, фотографии, рисунки, диаграммы, таблицы и другие графические материалы должны быть размещены по тексту статьи и представлены отдельными файлами в формате «.jpg» с разрешением не менее 300 dpi.

3.4. Текст статьи должен быть пронумерован. Колонцифры необходимо располагать по центру сверху. На первой странице статьи колонцифра не ставится.

3.5. В тексте статьи необходимо ставить пробел между фамилией и инициалами; использовать кавычки типа «елочка»; запрещается ставить принудительные (ручные) переносы.

3.6. Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «Пробел». Абзацный отступ следует устанавливать в меню «Формат → Абзац → Первая строка (Отступ – 1,25 мм)», выключку – «По ширине».

4. Требования к структуре статьи

4.1. Структура статьи должна состоять из следующих блоков:

4.1.1. Блок 1 на русском языке:

название статьи;
фамилия, имя, отчество автора (авторов);
ученые звание и степень автора (авторов), если имеются;
должность автора (авторов);
место работы автора (авторов);
контактная информация (e-mail) автора (авторов);
реферат статьи;
ключевые слова к статье.

4.1.2. Блок 2 на русском языке – полный текст статьи.

4.1.3. Блок 3 на русском языке – ссылки на литературные источники.

4.1.4. Блок 4 на английском языке:

название статьи;
фамилия, инициалы автора (авторов);
ученые звание и степень автора (авторов), если имеются;
должность автора (авторов);
место работы автора (авторов);
контактная информация (e-mail) автора (авторов);
реферат статьи;
ключевые слова к статье.

4.1.5. Блок 5 на английском языке – ссылки на литературные источники.

5. Требования к блоку 1 структуры статьи

5.1. Информация блока 1 представляется на русском языке.

5.2. Название статьи должно быть информативным.

5.3. В названии статьи не допускается использование каких-либо сокращений, в том числе общепринятых.

5.4. Фамилия, имя, отчество, ученые звание и степень, должность автора указываются полностью, без использования каких-либо сокращений, в том числе общепринятых.

5.5. Должность автора указывается по месту его основной работы.

5.6. Место работы автора приводится в соответствии с тем профилем организации, который имеется в индексируемой системе цитирования Российский индекс научного цитирования. В случае отсутствия такого профиля по усмотрению автора приводится официальное полное либо сокращенное наименование в соответствии с уставными документами той организации, где он работает.

5.7. Приводимая контактная информация (e-mail) должна обеспечивать связь любого желающего с автором.

5.8. При наличии у статьи нескольких авторов по их усмотрению указывается либо один e-mail для всех авторов, либо e-mail каждого автора.

5.9. При подготовке реферата к статье необходимо руководствоваться ГОСТ 7.9–95 «Реферат и аннотация. Общие требования».

5.10. Реферат должен выполнять следующие функции:

информировать об основном содержании статьи и определять ее релевантность таким образом, чтобы читатель мог решить, следует ли обращаться к полному тексту статьи;

устранять необходимость чтения полного текста статьи в случае, если она представляет для читателя второстепенный интерес.

5.11. Реферат должен представлять собой краткое и точное изложение содержания статьи, включающее основные фактические сведения и выводы описываемой работы.

5.12. Текст реферата должен быть лаконичным и емким, свободным от второстепенной информации, отличаться убедительностью формулировок.

5.13. Объем реферата должен включать не меньше 250 слов. Объем реферата определяется содержанием статьи (объемом сведений, их научной ценностью и практическим значением).

5.14. Реферат включает в себя следующие аспекты содержания статьи:

предмет, тему, цель работы (указываются в том случае, если они не ясны из названия статьи);

метод или методологию проведения работы (целесообразно описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют интерес с точки зрения данной работы; в рефератах статей, описывающих экспериментальные работы, указывают источники данных и характер их обработки);

результаты работы (излагаются предельно точно и информативно; приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности; при этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение);

область применения результатов;

выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, раскрываемыми в статье).

5.15. В реферате допускается изменять последовательность изложения содержания статьи и начинать с изложения результатов работы и выводов.

5.16. Сведения, содержащиеся в названии статьи, не должны повторяться в тексте реферата. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание статьи, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в реферате не приводятся.

5.17. В тексте реферата:

следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций (не применяемых в научном английском языке);

сокращения и условные обозначения, кроме общеупотребительных, применяют в исключительных случаях или дают их определения при первом употреблении;

единицы физических величин следует приводить в международной системе СИ; допускается приводить в круглых скобках рядом с величиной в системе СИ значение величины в системе единиц, использованной в статье;

таблицы, формулы, чертежи, рисунки, схемы, диаграммы включаются только в случае необходимости, если они раскрывают основное содержание статьи и позволяют сократить объем реферата;

формулы, приводимые неоднократно, могут иметь порядковую нумерацию, причем нумерация формул в реферате может не совпадать с нумерацией формул в оригинале.

не допускаются ссылки на номер публикации в списке ссылок на литературные источники к статье.

5.18. Количество ключевых слов к статье должно составлять не менее 10. При этом они должны быть информативными и обеспечивать эффективный поиск этой статьи в любой базе данных.

6. Требования к блоку 2 структуры статьи

6.1. Информация блока 2 представляется на русском языке.

6.2. Автор должен логически последовательно излагать текст статьи в соответствии с содержанием темы, учитывая достижения современной науки и практики, опираясь на результаты собственных исследований и привлекая данные из других источников с целью более глубокого анализа рассматриваемых вопросов.

6.3. Автор несет ответственность за достоверность используемых им материалов, точность цитат, правильность ссылок на них.

6.4. В журнале используется затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Рекомендуемое количество ссылок – не более 10.

6.5. Ссылки на литературные источники в тексте статьи приводятся в квадратных скобках с указанием номера источника из пристатейного списка, приведенного в конце статьи: первая цифра – номер источника, вторая – номер страницы (при необходимости) например: [1, с. 21]. Если источник является многотомным или состоит из нескольких частей, указывается том или часть, например: [4, т. 1, с. 5], [12, ч. 2, с. 75].

7. Требования к блоку 3 структуры статьи

7.1. Информация блока 3 (ссылки на литературные источники) представляется на русском языке.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

7.2. Ссылки на литературные источники приводятся в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

7.3. Название списка ссылок на литературные источники должно быть указано как «Список литературы».

7.4. Примеры ссылок на литературные источники:

Книги одного, двух и трех авторов

Фролов И. Т. Перспективы человека. Опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1983. 349 с.

Волович Л. А., Тимофеев А. Н. Лекционная пропаганда: Методика, опыт, мнения. Казань, 1984. 14 с.

Морозов Б. М., Фадеев В. Е., Шинкаренко В. В. Планирование идеологической, политико-воспитательной работы. М., 1984. 271 с.

2 книги одного автора

Лихачев Д. С. Образ города // Историческое краеведение в СССР: вопр. теории и практики : сб. науч. ст. Киев, 1991. С. 183–188; Его же. Окно в Европу – врата в Россию // Всемир. слово. 1992. № 2. С. 22–23.

Книги четырех и более авторов

Проблемы развития материально-технической базы социализма / В. Г. Сыч [и др.] ; под ред. С. П. Павлова. М., 1977. 231 с.

Монографии, учебники, учебные пособия

Чичерова Л. Е. Ответственность в семейном праве: вопросы теории и практики : монография / под науч. ред. В. А. Рыбакова. Рязань, 2005. 196 с.

Переводные издания

Гроссе Э., Григер Х. Химия для любознательных : пер. с нем. М., 1980. 392 с.

Гроссе Э., Григер Х. Химия для любознательных / пер. с нем. В. И. Петрова. М., 1980. 392 с.

Диссертации

Тальшинский Р. Р. Документализм в публицистике : дис. ... канд. филол. наук. М., 1983. 203 с.

Авторефераты диссертаций

Стурова М. П. Воспитательная система исправительно-трудовых учреждений : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1991. 40 с.

Архивы

ЦГА г. Москвы. Ф. 31. Оп. 5. Д. 405. Л. 19 об., 20, 21. Д. 408. Л. 21 об. Д. 413. Л. 26.

Аналитические обзоры

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья : аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. академия наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. М., 2007. 39 с.

Сборники научных трудов

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы : межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т ; под ред. С. Ф. Мартыновича. Саратов, 1999. 199 с.

Словари

Библиотечное дело : терминолог. слов. / сост. И. М. Сулова, Л. Н. Уланова. 2-е изд. М., 1986. 224 с.

Статья из собраний сочинений

Маркс К., Энгельс Ф. Первый международный обзор // Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 224.

Статья из книги

Ковтун В. П. Теоретические аспекты воспитательного воздействия // Влияние организационно-структурных изменений в системе ИТУ на состояние и эффективность воспитательной работы. Домодедово, 1991. 124 с.

Статья из журнала, газеты, информационных периодических изданий

Поникаров В. А. Классификационная характеристика гарантий законности в административной деятельности сотрудников ФСИН России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2010. № 8. С. 38–40.

Статья из трудов, ученых записок

Морозова Т. Г. Организация и методика информационной работы // Тр. ин-та / Всесоюз. заоч. фин.-экон. ин-т. 1978. Вып. 19. С. 56–69.

Статья из материалов конференций, семинаров

Пшуков А. Ю. О нормировании рабочего дня // Научно-технический прогресс : тез. докл. Всерос. науч. конф. (Владимир, 21–22 сент. 1987 г.). М., 2000. С. 282–283.

Издание в целом

Книга о книгах : библиогр. пособие : в 3 т. М., 1969.

Есенин С. А. Собрание сочинений : в 5 т. М., 1966–1968. Т. 1–5.

Отдельный том

Пивинский Ю. Е. Неформованные огнеупоры: в 2 т. М., 2003. Т. 1. Кн. 2: Общие вопросы.

Стандарты

ГОСТ 7.9–77. Реферат и аннотация. М., 1981. 6 с.

Патентные документы

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Коршев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент Рос. Федерации № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

Депонированные научные работы

Размустова Т. О. Историко-краеведческие исследования музеев Центрально-Черноземного региона (1917–1940 гг.). М., 1987. 53 с. Деп. в ИНИОН АН СССР 01.12.87. № 31909.

Федеральные законы

О борьбе с терроризмом : федер. закон от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31. Ст. 3808.

О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : федер. закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ // Сб. законов Рос. Федерации. М., 1999. С. 412.

Законы

Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы : закон Рос. Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Рос. Федерации и Верховного Совета Рос. Федерации. 1993. № 33. Ст. 1316, 1317.

Указы

О передаче уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации в ведение Министерства юстиции Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 28 июля 1998 г. № 904 // Рос. газ. 1998. 29 июля.

Постановления

Об утверждении Положения о Межведомственной антитеррористической комиссии Российской Федерации : постановление Правительства Рос. Федерации от 6 января 1997 г. № 45 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 4. Ст. 547.

Приказы

О совершенствовании организации деятельности отрядов специального назначения Главного управления исполнения наказаний Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ Министерства внутренних дел Рос. Федерации от 12 апреля 1994 г. № 114.

Положения

Положение о Министерстве внутренних дел Российской Федерации // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 30. Ст. 3605. П. 9.

Интернет-документы

Официальные периодические издания : электрон. путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005–2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007). (Если в тексте данная публикация уже названа, возможна ссылка в виде его электронного адреса <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html>.)

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Логинова Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире : междунар. науч. пед. Интернет-журн. 21.10.03. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?nomers=366> (дата обращения: 17.04.07).

О жилищных правах научных работников [Электронный ресурс] : постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20 авг. 1933 г. (с изм. и доп., внесенными постановлениями ВЦИК, СНК РСФСР от 1 нояб. 1934 г., от 24 июня 1938 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Требования к блоку 4 структуры статьи

8.1. Информация блока 4 представляет собой перевод на английский язык сведений блока 1 по правилам, установленным в пунктах 8.2–8.7 настоящих требований.

8.2. Фамилия и инициалы автора (авторов) приводятся согласно одной из принятых систем международной транслитерации. Наиболее распространенные системы транслитерации приведены в таблице:

Простая система		Система Библиотеки Конгресса США (LC)		Система Board of Geographic Names (BGN)		Система Госдепартамента США	
Буква	Транслитерация	Буква	Транслитерация	Буква	Транслитерация	Буква	Транслитерация
А	A	А	A	А	A	А, а	A
Б	B	Б	B	Б	B	Б, б	B
В	V	В	V	В	V	В, в	V
Г	G	Г	G	Г	G	Г, г	G
Д	D	Д	D	Д	D	Д, д	D
Е	E	Е	E	Е	E, YE	Е, е	E, YE
Ё	E	Ё	E	Ё	E, YE	Ё, е	E, YE
Ж	ZH	Ж	ZH	Ж	ZH	Ж, ж	ZH
З	Z	З	Z	З	Z	З, з	Z
И	I	И	I	И	I	И, и	I
Й	Y	Й	I	Й	Y	Й, й	Y
К	K	К	K	К	K	К, к	K
Л	L	Л	L	Л	L	Л, л	L
М	M	М	M	М	M	М, м	M
Н	N	Н	N	Н	N	Н, н	N
О	O	О	O	О	O	О, о	O
П	P	П	P	П	P	П, п	P
Р	R	Р	R	Р	R	Р, р	R
С	S	С	S	С	S	С, с	S
Т	T	Т	T	Т	T	Т, т	T
У	U	У	U	У	U	У, у	U
Ф	F	Ф	F	Ф	F	Ф, ф	F
Х	KH	Х	KH	Х	KH	Х, х	KH
Ц	TS	Ц	TS	Ц	TS	Ц, ц	
Ч	CH	Ч	CH	Ч	CH	Ч, ч	CH
Ш	SH	Ш	SH	Ш	SH	Ш, ш	SH
Щ	SCH	Щ	SHCH	Щ	SHCH	Щ, щ	SHCH
Ъ	Опускается	Ъ	"	Ъ	"	Ъ	Опускается
Ы	Y	Ы	Y	Ы	Y	Ы	Y
Ь	Опускается	Ь	'	Ь	'	Ь	Опускается
Э	E	Э	E	Э	E	Э, э	E
Ю	YU	Ю	IU	Ю	YU	Ю, ю	YU
Я	YA	Я	IA	Я	YA	Я, я	YA

8.3. Допускается пользоваться различными программами транслитерации русского текста в латиницу, использующими описанные в пункте 8.2 настоящих требований системы, например на сайте <http://www.translit.ru/>.

8.4. Авторам следует придерживаться указания одного способа транслитерации своих фамилии, инициалов и одного места работы, поскольку данные о принадлежности организации (аффилировании) являются одним из основных определяющих признаков для идентификации автора.

8.5. Место работы автора приводится в соответствии с тем профилем организации, который имеется в индексируемой системе цитирования Scopus. В случае отсутствия такого профиля указывается официальное англоязычное наименование в соответствии с уставными документами той организации, где работает автор статьи.

8.6. При переводе на английский язык ученого звания, степени, должности, названия, реферата, ключевых слов статьи следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов. Необходимо избегать употребления сокращений, кроме общеупотребительных (в том числе в англоязычных специальных текстах), терминов, являющихся прямой калькой русскоязычных терминов, непереводаемого сленга, известного только русскоговорящим специалистам.

8.7. В переводе на английский язык ученого звания, степени, должности, названия, реферата, ключевых слов статьи не должно быть никаких транслитераций с русского языка, кроме непереводаемых названий собственных имен, приборов и других объектов, имеющих собственные названия.

9. Требования к блоку 5 структуры статьи

9.1. Информация блока 5 представляет собой перевод на английский язык сведений блока 3 (ссылок на литературные источники) по правилам, установленным в пунктах 9.2–9.6 настоящих требований.

9.2. Название списка ссылок на литературные источники должно быть указано как «References».

9.3. Структуру библиографической ссылки следует оформлять следующим образом: авторы (транслитерация), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника (транслитерация) [перевод названия источника на английский язык – парафраз], выходные данные с обозначениями на английском языке.

9.4. При переводе библиографических ссылок на английский язык предпочтение следует отдавать системе транслитерации Библиотеки Конгресса США (LC).

9.5. При составлении библиографических ссылок на английском языке необходимо учитывать следующее:

представление в References только транслитерированного (без перевода) описания недопустимо;

при описании изданий, подготовленных коллективом авторов (сборников, монографий и пр.) допускается указывать одного, максимум двух авторов издания;

для неопубликованных документов можно делать самое короткое название с указанием в скобках (Unpublished), если оно имеет авторство (для учета ссылок автора), либо «Unpublished Source» или «Unpublished Report», если авторство в документе отсутствует;

поскольку русскоязычные источники трудно идентифицируются зарубежными специалистами, рекомендуется в описаниях оригинальное название источника выделять курсивом, как в большинстве зарубежных стандартов;

нежелательно в ссылках делать произвольные сокращения названий источников;

все основные выходные издательские сведения (в описаниях журнала: обозначение тома, номера, страниц; в описаниях книг: место издания – город, обозначение издательства, кроме собственного непереводаемого имени издательства – оно транслитерируется) должны быть представлены на английском языке;

в описаниях русскоязычных учебников, учебных пособий не нужно указывать вид изданий. Эта информация в ссылках в данном случае является избыточной;

в выходных данных публикаций в ссылках (статей, книг) необходимо указывать количество страниц публикации: диапазон страниц в издании – «pp.» перед страницами; количество страниц в полном издании – «р.» после указания количества страниц;

перевод заглавия статьи или источника берется в квадратные скобки;

если книга в списке ссылок на литературные источники (в любом варианте – основном или в References) описывается полностью, тогда в библиографическом описании должен быть указан полный объем издания, независимо от того, какие страницы этого издания были процитированы в тексте. Исключение составляют случаи, когда используются отдельные главы из книги; в этом варианте в списке литературы дается описание главы с указанием страниц.

9.6. Примеры перевода на английский язык ссылок на литературные источники:

Статья из журнала

Абакумова И. В., Ермаков П. Н. О становлении толерантности личности в поликультурном образовании // Вопросы психологии. 2003. № 3. С. 72–82.

Abakumova I. V., Ermakov P. N. O stanovlenii tolerantnosti lichnosti v polikul'turnom obrazovanii [On the issue of the person's tolerance formation in polycultural education]. Voprosy Psychologii – Approaches to Psychology, 2003, no. 3, pp. 78–82.

Статья из электронного журнала

Яхьяев М. Я. Религиозно-политический экстермизм на Северном Кавказе: проблемы предупреждения. URL: <http://mirkavkazu.sfedu.ru> (дата обращения: 16.03.2013).

Yakhyayev M. Ya. Religious and political extremism in the North Caucasus: prevention problems. Available at: <http://mirkavkazu.sfedu.ru> (Accessed 16 March 2013).

Материалы конференций

Горбатюк В. Ф. Хаос, эмерджентность и феномены самоорганизации-самообучения // Состояние и перспективы развития высшего образования в современном мире : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Сочи, 12–13 сент. 2012 г.) / под ред. Г. А. Берулавы. Сочи, 2012. С. 156–160.

Gorbatyuk V. F. Haos, jemerdzhentnost' i fenomeny samoorganizacii-samoobuchenija [Chaos, emergence and the phenomena of self-organization and self-education]. Materialy dokladov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii "Sostojanie i perspektivy razvitija vysshego obrazovanija v sovremennom mire" [Proc. the International Scientific Conference "The state and prospects of higher education in the modern world"]. Sochi, 12–13 September, 2012, pp. 156–160.

Книга (монография, сборник)

Михайлова О. Ю., Целиковский С. Б. Сексуальная агрессия: норма и социальная патология. М., 2008. 200 с.

Mikhaylova O. Yu., Tselikovskiy S. B. Seksual'naija agressiia: norma i sotsial'naija patologiiia [Sexual aggression: norm and social pathology]. Moscow, 2008. 200 p.

Абакумова И. В. Смыслодидактика: учебник. М., 2008. 386 с.

Abakumova I. V. Smyslodidaktika [Sense didactics]. Moscow, 2008. 386 p.

Асмолов А. Г. Толерантность: от утопии к реальности // На пути к толерантному сознанию. М., 2000. С. 4–7.

Asmolov A. G. Tolerantnost': ot utopii k real'nosti. Na puti k tolerantnomu soznaniyu [Tolerance: from utopia to reality. On a way to tolerant consciousness]. Moscow, 2000, pp. 4–7.

Мясищев В. Н. Структура личности и отношения человека к действительности // Психология личности. Тексты / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузыря. М., 1982. С. 35–38.

Myasishchev V. N. Struktura lichnosti i otnosheniye cheloveka k deystvitel'nosti [The personality structure and the person's attitude to reality]. Moscow, 1982, pp. 35–38.

Диссертация, автореферат диссертации

Абакумова И. В. Личностный смысл как педагогический фактор и его использование в учебном процессе : дис. ... канд. пед. наук. Ростов-н/Д, 1989. 250 с.

Abakumova I. V. Lichnostnyy smysl kak pedagogicheskiy faktor i yego ispol'zovaniye v uchebnom protsesse. Diss. dokt. ped. nauk [Personal sense as a pedagogical factor and its using in the educational process. Dr. ped. sci. diss]. Rostov-on-Don, 1989. 250 p.

Нормативные документы

Об уголовной ответственности за государственные преступления : закон СССР от 25 декабря 1958 г. URL : <http://bestpravo.ru/ussr> (дата обращения: 03.04.2013).

Zakon SSSR «Ob ugovovnoi otvetstvennosti za gosudarstvennyye prestupleniia» ot 25.12.1958 [The law of USSR "On criminal responsibility for state crimes" from 25 December, 1958]. Available at : <http://bestpravo.ru/ussr> (Accessed 3 April 2013).

О следственном комитете Российской Федерации : федер. закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ // Закон и порядок. 2012. № 2. С. 5–7.

Federal'nyi zakon ot 28 dekabria 2010 g. № 403-F3 «O sledstvennom komitete Rossiiskoi federatsii» [The federal law from December, 28th, 2010, № 403-FL "On the committee of inquiry of the Russian Federation". Zakon i poriadok – Law and Order, 2012, no. 2, pp. 5–7.